

СВЕТЛАНА БОРИСОВА

Вампирские сказки о любви

ЛЖИВАЯ ПТИЦА
СЧАСТЬЯ - 1

Продолжение саги "Колыбельная для вампиров". В ней говорится о новой расе людей, за которыми закрепилось шутовское самоназвание "вампиры". Они продолжают строить своё общество и уже подумывают о выходе из подполья, но тут вмешались обстоятельства неодолимой силы, которые заставили их обратить свой взор к далёким звёздам.

Часть I РУБИН

Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Добрался Иван-царевич до Кощеева царства смердящего, чтобы спасти Василису Премудрую — уж очень ему деваглянулась. Подъехал он ближе и видит, что сама бежит к нему раскрасавица и строгим-престрогим голосом спрашивает:

— Ты зачем, ирод, пожаловал?

— Тебя спасти, красу ненаглядную, от злобного чудища!

— Может, не надо, а? Добром прошу! Шел бы ты отсюда, добрый молодец, пока цел.

— Нет, я спасу тебя и не уговаривай! Герой я али червь земной?

Раздухарившийся Иван-царевич сорвал шапочку с головы и оземь кинул. Посмурилась Василиса Премудрая и с расстройства даже топнула ножкой.

— Ах ты, дубина стоеросовая! Герои чёртовы! Шляетесь тут, продыху от вас нету!

— Ну, чего ты? Куда другие, туда и я... — засмурился Иван-царевич.

— Ладно, спокойствие, только спокойствие! — красавица недобро прищурилась. — Знаешь ли ты, друг бессердечный, где Кощей свою смерть хранит?

Добрый молодец посветлел лицом.

— Всё знаю, Василисушка! Мне зверушки лесные рассказали. На дубу в яйце с колечком.

— Всё правильно, — сказала Василиса Премудрая и пригорюнилась. — Вань, а Вань. Может, хоть ты не будешь дураком и всё-таки передумаешь? — не дождавшись ответа, она тяжело вздохнула. — Что ж, чему бывать, того не миновать. Ступай себе с богом, болезный! Пусть земля тебе будет пухом.

То же поганое царство и костлявый злодей шипит раскрасавице:

— Василиса, поганка ты эдакая! Что ж ты делаешь? У меня в ларце запас гранат не бесконечный.

— Ничего! Я ещё что-нибудь придумаю, но с тобой, Кощейюшка, ни за что не расстанусь!

Антология вампирских детских сказок

ГЛАВА 1. Божественный пантеон. В начале пути обретения божественного статуса

Риза уцелела лишь чудом. Поначалу она сопротивлялась, как могла, но силы были не равны, и вскоре разошедшиеся демонессы играли с ней как кошки с мышью. При том никто из них не покусился на подарок лорда Ваатора. В умелых руках жезл с божественной силой был бы более чем опасным оружием, но для Ризы, которая впервые такое видела, он был бесполезен. Тем не менее она несколько раз порывалась взять витой жезл, горящий нестерпимо ярким белым светом, и каждый раз демонессы, будто угадывая её мысль (а может, так оно и было), отбрасывали её прочь от него.

На своё счастье, она была в сознании, когда открылся чёрный зев портала. Оттуда ударил ревуший вал огня и из него вышла ещё одна Дева Ада, за плечами которой развевался длинный плащ, переливающийся всполохами живого пламени. Это была высокая угрюмая демонесса атлетического телосложения. Несмотря на бугрящиеся мускулы, покрытые синей чешуёй, её фигуру отличали изящество и уверенность движений.

Дева Ада размеренной поступью шла по проходу казармы, который по своим размерам

не уступал крупным транспортным развязкам на Земле. Когда она приблизилась, демонессы затеяли игру в своеобразный волейбол, где Риза исполняла роль мяча. Проходя мимо, синекожая демонесса бросила безразличный взгляд на развлекающихся товарок и направилась дальше — к отсеку, где находилось жильё, предназначенное для командного состава. Она уже отошла на приличное расстояние, как вдруг краснокожая демонесса с острыми витыми рогами с такой силой швырнула Ризу, что та со скоростью пули вылетела за пределы круга игроков. Возможно, это вышло случайно, но она чуть было не угодила во вновь прибывшую Деву Ада. Коротко рыкнув, та мгновенно развернулась и парировала удар. Риза врезалась в невидимую упругую преграду и, отлетев, благополучно рухнула на пол. Если бы не это, она разбилась бы насмерть.

Невольная спасительница подошла к ней и пнула носком сапога.

— Вы, суки! Осторожнее швыряйтесь своими бя... игрушками! — процедила она, а затем со спокойным презрением заметила: — Убожества! И зачем вам женщины за неимением ипостаси мужиков?

Несмотря на острую боль от удара тяжёлым сапогом, Риза встрепенулась и попыталась открыть опухшие глаза. Она ни на минуту не теряла надежды на избавление, и появление нового действующего лица вызвало у неё прилив сил.

Тем временем уродливая физиономия краснокожей демонессы исказилась совсем уж жуткой гримасой.

— Уж кто сука из сук так это ты, Шиамита! Воображала хренова! Выбилась в тысячницы и теперь считаешь, что можешь задирать нос? — прорычала она и громоподобно захохотала. — Посмотрим, что ты запоёшь, когда разом утеряешь обе свои ипостаси и станешь бесполой!

Выхватив кинжал, краснокожая демонесса бросилась к ненавистой сопернице. Тысячница не выказала ни малейшего беспокойства и с ленивым выражением ожидала, когда она приблизится. Но когда нападающая была уже совсем близко, она исчезла, и навстречу краснокожей демонессе метнулся невидимый вихрь; кинжал вместе с кистью руки отлетел в сторону, и она распростёрлась на полу. Тысячница материализовалась прямо на её спине и, схватив за рога, с такой силой потянула их на себя, что противница, застигнутая врасплох, выгнулась дугой и захрипела от невыносимой боли.

— Смирись, Румтай. Ты уже проиграла мне в борьбе за звание тысячницы, — сказала Дева Ада ровным тоном.

В ответ рогатая демонесса грязно выругалась и попыталась освободиться; её гибкий шипастый хвост неуловимо быстрым движением взвился в воздух и в следующее мгновение как удавка захлестнул сапоги тысячницы, но она была настороже и ответила ей тем же. Отравленное жало её собственного хвоста ударило краснокожую демонессу в основание шеи, и та сразу же притихла, стараясь избавиться от парализующего яда. Тем временем пальцы на правой руке тысячницы преобразились в клешню, и она порезала свои путы на мелкие кусочки.

— Я сильней, Румтай. Прими моё главенство, — проговорила тысячница с прежним терпением.

«Хрен тебе, а не главенство! Думаешь, заручилась расположением мальчишки-наследника, так тебе и море по колено?» — мысленно прошипела краснокожая демонесса. Из-за яда ей отказал речевой аппарат.

«Румтай, чего ты злишься? Ведь прекрасно знаешь, что сложишься иначе, я бы уже

командовала армией», — примирительно проговорила тысячница. При этом она была начеку и не теряла из виду разрубленный хвост противницы, чьи куски пришли в движение, стремясь стать единым целым. Когда хвосту это удалось и он, извиваясь как змея, подполз к хозяйке, тысячница ударом сапога отшвырнула его прочь.

«*Что б ты сдохла, Шиамита!*» Хвост рогатой демонессы сам по себе метнулся к тысячнице, и попытался сорвать с неё плащ, но символ командирской власти тоже умел постоять за себя. Стоило только коснуться его и горгульи, выполняющие роль погон, сразу ожили и с жутким воплем дохнули огнём. Попавший под сдвоенный удар адских огнёмётов хвост краснокожей демонессы скукожился и почернел, а затем с палочным стуком упал на пол.

На мгновение змеиные глаза тысячницы полыхнули синим пламенем, но тут же превратились в бельма, затянутые внутренним веком. Она была не настолько спокойна, какой казалась внешне. Плащ тысячницы лишь недавно появился на её плечах. Но дело было даже не в этом. Удержать в подчинении буйных Дев Ада всегда было непростой задачей.

При помощи внутреннего зрения Шиамита оглядела лица подчинённых. Стоя поодаль, демонессы с интересом наблюдали за схваткой, и при этом бросали внимательные взгляды на нового командира.

Интуиция подсказывала тысячнице, что пора заканчивать затянувшийся аттракцион, но она вновь потянула на себя рога поверженной противницы.

Поскольку телосложением Румтай походила на огромную гориллу и была не слишком гибкой, она не выдержала такой гимнастики и захрипела от боли. Вены на её короткой шее страшно вздулись, а карие глаза налились кровью. Несмотря на это, краснокожая демонесса не хотела просить пощады, а тысячница не хотела отчитываться перед лордом Ваатором за бездарную потерю одного из лучших бойцов. Она сделала ещё одну попытку выйти из положения и при этом не потерять лица.

— Румтай, даю тебе последний шанс. Трижды целуй мои сапоги и умоляй о пощаде. Тогда я оставлю тебя в живых. Если не подчинишься, я сломаю тебе спину, а тело сожгу в Адской Бездне, и тогда ты не сможешь воскреснуть.

— Да пошла ты... — прохрипела непокорная Дева Ада.

— Неверный ответ! — прорычала Шиамита и в наступившей тишине громко хрустнули кости сломанного позвоночника.

— Сбросьте падаль в Бездну, — приказала она, ни на кого конкретно не глядя. Впрочем, этого и не требовалось.

Демонессы, желая заслужить благосклонность новой тысячницы, бросились выполнять её распоряжение. Тем временем по массивному телу Румтай прошла сильная судорога. Но юркая шестирукая демонесса, успевшая добраться первой к месту схватки, не стала ждать, когда она полностью оживёт и, ухватив за ногу, поволокла прочь из казармы. Остальные Девы Ада с радостным гомоном двинулись следом за ней. Ведь сожжение коллеги в Адской Бездне было редким зрелищем.

Пока остальные демонессы наблюдали за казнью, Шиамита и Риза остались наедине. Тысячница схватила женщину за волосы и вздёрнула на ноги. На её лице промелькнула гримаса разочарования.

— Жаль. Девки здорово подпортили товар. Вот поэтому я люблю быть первой.

— Госпожа, я отдам вам жезл силы, — прошептала Риза, с трудом разлепив заплывшие глаза.

Демонесса усмехнулась.

— Что я слышу! Жалкая тварь пытается меня подкупить. А что ещё ты можешь предложить? — забавляясь, спросила она.

— Только себя, — ответила Риза, с трудом шевеля разбитыми губами.

Пальцы демонессы разжались, и она рухнула около её ног.

— Не пользуюсь чужими объедками. Ну? Что ещё ты можешь предложить?

Несмотря на издёвку в голосе собеседницы, Риза собралась с духом и мысленно проговорила: «Своё покровительство!»

Не подавая виду, что втайне ведёт переговоры, она с униженным выражением поцеловала сапог демонессы.

— Спасите меня, милостивая госпожа! — взмолилась она вслух.

— Милостивая? — расхохоталась демонесса, и сильно пнула её в живот. — Забудь такое слово при дворе его божественности! Здесь никто не проявит к тебе жалости.

Свернувшись в позу эмбриона, Риза переждала приступ невыносимой боли, и когда к ней вернулась способность связанно мыслить, снова разлепила глаза.

«Ну как, госпожа, вы согласны сотрудничать?» — мысленно спросила она.

«Пададь! О каком покровительстве ты лепечешь?»

Они не успели договорить, как в казарму гурьбой ввалились Девы Ада.

По воцарившейся тишине в телепатическом диапазоне Риза догадалась, что демонесса возвела вокруг них непроницаемый мыслещит. Это был обнадеживающий знак, и она продолжила переговоры.

«Помогите, госпожа. Клянусь, вы не пожалеете. Я сделаю так, что лорд Ваатор женится на мне, — из-под опухших век на демонессу осколками синего неба сверкнули её глаза, и она проговорила с осторожной иронией: — Или вы, моя госпожа, из породы трусливых? Хотите и дальше ползти вверх с самого низа? Тогда вы ещё не скоро добьётесь влияния при Сияющем дворе. Сколько вы ещё собираетесь сидеть в убогой казарме, прежде чем представится подходящий случай? Да и доживёте вы до него? Ведь соперницы только и ждут, чтобы сожрать вас вместе с потрохами».

— Если вы позволите, милостивая госпожа, я покажу вам настоящее высокое искусство любви, — вкрадчиво проговорила Риза вслух и снова припала к сапогам демонессы. Не желая упустить свой шанс, она пустила в ход оставшийся запас сил. Теперь регенерация была полностью на нуле, зато в её движениях проскользнуло былое изящество.

Дева Ада бросила на неё изучающий взгляд.

«Сбрендила, сука? — лениво проговорила она. — Лорд Ваатор даже не посмотрит в твою сторону. Знаешь, сколько невест уже перебивало у его светлости? Имя им легион, и ты им даже в подмётки не годишься. Между прочим, ты первая из невест, которая не имеет божественного статуса, а обыкновенная Истинная кровь [2] ».

«Клянусь! Он падёт к моим ногам или я его растопчу!»

В мысленном голосе истерзанной женщины прозвучало столько непоколебимой уверенности, что это вызвало даже некоторое уважение у демонессы. «Чокнутая! Достаточно кому-нибудь прочесть твои мысли, и ты секунды не проживёшь», — заметила она.

Воспрянувшая духом Риза заглянула в лицо собеседницы: «Но сейчас же нас никто не слышит. Верно, госпожа? Надеюсь, мы и дальше поладим».

«Вижу, тебе не занимать изворотливости и упорства, ничтожная тварь, —

демонесса усмехнулась. — Хорошо. Я дам тебе шанс. Но упаси Создатель, если ты не оправдаешь мои ожидания, тогда я живьём сдеру с тебя кожу».

Горжествующая Риза согласно опустила ресницы: «Я согласна, госпожа».

Договор был заключён. Радость от того, что она сумела не только вырваться из лап неминуемой смерти, но и обзавелась союзницей при Сияющем дворе, была настолько велика, что заставила отступить сводящую с ума боль. Риза не сомневалась, что теперь у неё всё получится, и она будет отомщена. «Ждите, ваша светлость! — её разбитые губы дрогнули от ярости. — Мы обязательно встретимся, лорд Ваатор, и я покажу вам, что такое настоящий ад», — пообещала она.

Тем временем, видя, что её тайная сообщница вот-вот потеряет сознание, Шиамита сделала вид, что раздумывает её над предложением, а затем небрежно проговорила:

— Нужно проверить. Может, тебе и в самом деле известно нечто новое в искусстве любви.

Для скорости перемещения демонесса ухватила Ризу за длинные волосы и поволокла её за собой. Размашисто шагая, она не обращала внимания на то, что тело её сообщницы бьётся о встречные предметы, а развевающиеся складки длинного плаща, пылающего неугасимым огнём, оставляют на её коже пузырящиеся ожоги.

Очнулась Риза уже в покоях демонессы. Она приподнялась на локте и попыталась разодрать слипшиеся ресницы. Опухшие глаза совсем превратились в щёлочки, но она сумела разглядеть, где находится.

Шиамита сидела на широком ложе с бархатным пологом, и не спускала с неё тяжёлого змеиного взгляда. Обнажённое тело с матово поблескивающей синей чешуёй резко выделялось на снежно-белом фоне шелковистого ковра, украшенного золотыми розами.

— Иди ко мне, — приказала демонесса.

Не прекословя, Риза собрала волю в кулак и поднялась на ноги. Гордость не позволяла ей ползти. Оказавшись у ложа, она хотела принять изящную позу, но силы окончательно оставили её, и она свалилась как куль. «Простите!» — пробормотала она, стараясь подавить нарастающее отчаяние. Сейчас ей как никогда была нужна светлая голова, но немощное тело кричало от боли и мысли путались, не давая выбрать правильную линию поведения.

Демонесса соскользнула вниз и, присев, приподняла опущенную голову гостьи. Когтистая ладонь коснулась её изуродованного лица и под влиянием магии с него исчезли следы побоев. «О!.. Теперь понятно, почему эту жалкую тварь предложили в жёны лорду Ваатору. Такая удивительная красота как визитная карточка, по ней можно сразу узнать гены принца Николса, — демонесса усмехнулась. — В последнее время я то и дело натываюсь на его отпрысков. К чему бы это?» — задалась она риторическим вопросом, и перед её внутренним взором возник воздушный павильон — усыпальница Лилит Радужнокрылой богини счастья и мальчик, прячущийся в кустах. А ещё ей вспомнилось, как просияло его личико, когда он понял, что его не выдадут стражникам.

Неожиданно Шиамита ощутила неловкость от своих поступков, продиктованных не только соображениями личной выгоды. «Пора завязывать с этими порывами человечности, — подумала она с досадой, но тут же возразила себе: — С другой стороны, внук лорда Хаоса, это замечательное знакомство. Удачно вышло, что я предложила ему свою помощь и кинжал для связи. Уверена, это Лозан вспомнил обо мне и предложил внести в списки соискателей на звание тысячницы. Жаль, что с тех пор, как его официально объявили наследником лорда Хаоса, он находится вне досягаемости».

И в самом деле, Шиамита помогла сыну принца Николса не только остаться в живых, но и не сойти с ума, когда он по распоряжению своего деда лорда Хаоса угодил в Адскую Бездну. Правда, её участие в его судьбе не прошло незамеченным, и она была страшно рада, что её включили в списки соискателей на звание тысячницы, а не развеяли прахом в Адской Бездне.

Несмотря на подозрение, что по распоряжению лорда Хаоса она находится под неусыпным наблюдением, Дева Ада снова задумалась о подходах к верхушке власти. В силу происхождения у неё были немалые трудности для продвижения по иерархической лестнице и обычные пути здесь не годились. Но она была честолюбива и владела немалыми талантами в военной области, чтобы смириться с существующим положением вещей. И хотя в её глазах гостя значила меньше, чем ничего, она постаралась взглянуть на неё как на будущую коллегу и оценить перспективы на будущее. «А вдруг? Это же генетическая линия принца Николса. Может, это ничтожество унаследовало таланты своего могущественного предка? Тогда она полна сюрпризов», — подумала она с весёлой яростью.

Дева Ада пришла в хорошее настроение. Тем не менее, прежде чем ввязываться в рискованный проект, она решила глянуть, что представляет собой её гостя и погрузилась в прошлое Ризы.

Мир живых, представший внутреннему взору демонессы, оказался необычайно ярким и самобытным. Она сразу же уловила, что эрейцы обликом и нравами кое в чём похожи на обитателей Сияющего двора — конечно, насколько это возможно для живых созданий, не владеющих магией, — и преисполнилась уважения к принцу Николсу. «Что ж, такой Истинной крови имеет смысл помочь», — подумала она с осторожным оптимизмом. И всё же, по мере того как перед демонессой разворачивались картины жизни Ризы, её всё больше брало сомнение. Благодаря генетике и сложному детству, у той оказался непростой характер. Самое неприятное заключалось в том, что надлом произошёл в раннем возрасте, когда закладываются основы личности, и что-либо исправить было уже не просто.

[1] В редакции от 25.05.2023

[2] Истинная кровь — смертные, что имеют шанс на бессмертную жизнь. Лучшие из лучших пополняют ряды богов Равновесия.

В эрейском обществе действовали не менее суровые законы, чем при Сияющем дворе. В богатых семействах вёлся жёсткий отбор по генетическим линиям, и чтобы пробиться наверх, одного ума было недостаточно. Можно было даже не мечтать, что богатый наследник женится на какой-нибудь безвестной авантюристке. Потому у честолюбивых умных женщин из народа оставался только один путь наверх — это стать так называемой официальной любовницей. Что тоже было очень непросто. Ведь временами их сыновья становились наследниками знатных родов, которые были бесплодны по прямой линии. Поэтому со временем в эрейском обществе сложилась не менее привилегированная каста куртизанок, услугами которых из поколения в поколение пользовались только сливки эрейского общества.

Красавица Ваурёя, которой совсем недавно исполнилось пятнадцать лет, была умна и честолюбива. Подбирая себе покровителя, она отказала всем остальным претендентам и выбрала не кого-нибудь, а рая Таятана Реазí Вистáнио — правящего короля Дома Лета, который властвовал над четвертью самого большого материка планеты. Благодаря этой связи юная куртизанка была богата до неприличия и могла позволить себе любую прихоть — вплоть до собственных рабов, которые были исключительным знаком отличия только самых богатейших семейств.

Выбор оказался удачным во всех отношениях, Ваурёя забеременела с самой первой ночи. Если бы у неё родился мальчик, его бы воспитывали как отпрыска знатного семейства, но Риза родилась девочкой, поэтому её путь был предопределён. Тем не менее, когда дочь подросла, Ваурёя наняла ей самых лучших учителей. Ко всем прочим достоинствам она была предусмотрительна. В результате несчастного случая она слишком рано лишилась матери и хотела на всякий случай подстраховаться и дать дочери необходимое образование.

День девочки был расписан буквально по минутам. Учителя этикета сменял учитель боевых танцев; учителя макияжа сменял учитель математики. В общем, она учила всё то, что могло понадобиться куртизанке королевских кровей. Вот только дочь, как потом выяснилось, не рвалась идти по стопам матери и мечтала совсем об иной жизни.

Когда Ризе исполнилось шесть лет, мать сдалась на её уговоры и в качестве подарка разрешила им с нянькой пойти в город. Причём пойти именно пешком, как обычные горожане, а не полететь на авиетке в сопровождении телохранителей, как это обычно происходило.

И вот, обряженная в неброскую одежду, девочка оказалась за воротами родного поместья — впервые за всю свою сознательную жизнь. Шагая по улице привилегированного района, в котором они жили, она с радостным волнением оглядывалась по сторонам, стараясь рассмотреть причудливые особняки, прячущиеся в пышной зелени.

Прохожие, заметив высокую грациозную девочку, провожали её восхищёнными взглядами, а молодые люди жадно вглядывались в нежное личико, сияющее неземной красотой. Серьёзный умный взгляд и умение держать себя с королевским достоинством вводили их в заблуждение. Она выглядела значительно старше своего истинного возраста, и по внешнему виду никто не дал бы ей шесть лет. Но как только юноши пытались замедлить шаг, с явным желанием познакомиться с юной красавицей, её сопровождающая с

многозначительным видом клала руку на бластер, и они неохотно отводили глаза, заметив значок знаменитейшего агентства, которое охраняло элиту из элит. Связываться с властью предрержащими всегда и везде себе дороже.

Риза ничего этого не замечала. Она с завистью наблюдала за сверстниками, которые бегали как сумасшедшие и при этом весело смеялись. Девочку страшно удивляло, что никто из взрослых не делает им замечания, что так вести себя неприлично. Соблазн был велик и она, невзирая на протесты няньки, направилась к ближайшей группе детей, играющей в свои непонятные игры. Легко взобравшись на ближайшее дерево, она вгляделась в любопытные лица, уставившиеся на неё, и подошла к весёлому подростку — явному заводиле в компании.

— Разрешите представиться, меня зовут Риза, — сказала девочка с церемонным поклоном.

— Привет! А я Литеран, — с готовностью отозвался мальчик. — Хочешь поиграть в салки? — спросил он, с восхищением глядя на чудесное создание, которое, как он считал, явилось к ним прямым из сказки.

— Салки? — на прекрасном личике появилось недоумённое выражение. — А что это такое?

Окружившие их плотной толпой дети, начали наперебой объяснять, что такое салки. Испуганная непривычным шумом девочка спряталась за Литерана и, обняв его за талию, осторожно выглянула из-за его спины.

— Всем молчать! — властно выкрикнул он, что выдавало привычку повелевать, а когда шум затих, он добавил: — Видите, она не знает, что такое салки. Да и откуда ей знать, ведь в их мире наверняка играют в другие игры.

Мальчик ласково улыбнулся новой подружке.

— Не бойся, выходи!.. Клянусь, я не дам тебя в обиду.

Ответив улыбкой на улыбку, девочка вышла из-за спины своего новоявленного защитника и встала рядом с ним — дерево, на котором они находились, было гигантом из гигантов и позволяло проделывать такие фокусы. Литеран глянул в доверчиво распахнутые синие глазищи и крепко сжал в ладони тоненькие пальчики сказочного создания — так, на всякий случай, чтобы быть уверенным, что оно не исчезнет.

Телохранительница, которая по совместительству была нянькой, не вмешивалась в игры детей. Она только радовалась, видя, каким восторгом сияет личико обычно замкнутой чопорной девочки. Правда, когда ватага полезла на самую верхушку дерева, собираясь водворить на место выпавшего из гнезда птенца огненного дувара, она взлетела наверх и сделала это сама. Попутно она вытерла чумазое личико воспитанницы и, спустившись вниз, снова улеглась под деревом.

Это был самый чудеснейший день в её жизни; Риза запомнила его до мельчайших подробностей. Да и как она могла его забыть, если повстречала того единственного, любовь к которому никогда не угасала в её сердце? Когда пришла пора прощаться, девочка крепилась изо всех сил, стараясь не расплакаться. Ведь это было бы нарушением этикета, а ей очень не хотелось, чтобы Литеран подумал, что она плохо воспитана. Мальчик тоже не решался расстаться с подружкой, которая с лёгкостью завоевала его сердце. Он тянул до последнего, пока из авиетки, зависшей поблизости, не выглянул мужчина, очень похожий на него, и нетерпеливо окликнул его. Литеран бросился к отцу, но тут же вернулся к девочке и, опустившись на колени, в лучших рыцарских традициях признался ей в любви. Это было более чем серьёзно, ведь в свидетельницы своей клятвы он призвал богиню Лóти и вдобавок

был услышан. Когда он пообещал, что они обязательно встретятся, над его головой просиял радужный[1] веночек.

Поначалу новая подружка ничего не ответила на его горячее признание, и огорчённый мальчик побежал к ожидающему его отцу. Тогда Риза не выдержала и бросилась следом за ним. Девочка с ходу влетела в его распахнутые объятия и, отпрянув, велела ему наклониться. Когда Литеран послушался, она обхватила его лицо ладошками и поцеловала прямо в губы. Поцеловала не по-детски — страстно и нежно. Затем она заглянула в ошеломлённое лицо мальчика и с серьёзным видом пообещала, что будет его ждать и тогда над её головой тоже вспыхнул радужный веночек. При виде этого знака, видимого только им, и который по легенде означал вечную любовь, Литеран просиял и бросился к ожидающей его авиетке.

Сентано Маурей с изумлением посмотрел на сына и спросил, знает ли он, сколько лет даме его сердца. Мальчик, которому исполнилось тринадцать лет, пожал плечами и сказал, что не знает, но наверняка она его ровесница. Сентано Маурей хмыкнул, но не стал огорошивать сына сообщением об истинном возрасте девочки, и кто она по своему социальному положению. Будучи старейшиной, он считал всю эту информацию прямо из головы Ризы, хотя это оказалась не так легко, как он ожидал. Несмотря на нежный возраст, у неё оказался мощнейший и, главное, уже тренированный ментальный щит. У девочки были редкие способности, говорящие о хорошей породе, и сентано Маурей пожалел, что её мать куртизанка, и она не сможет стать его невесткой.

Тем не менее Литеран сдержал своё слово. Правда, случилось это не так скоро, как ему хотелось. Они встретились спустя десять лет, но узнали друг друга с первого взгляда. Любовь между ними вспыхнула сразу же и вскоре запылала с такой неистовой силой, что они наплевали на условности и начали встречаться тайком. Трагедия молодых людей заключалась в их разном социальном статусе. Если поначалу Риза была неровней Литерану — наследнику обедневшего, но знатного рода, то затем уже рай Таятан не хотел ничего слышать о таком зяте для любимой дочери и, главное, его наследницы по женской линии. Молодым людям было нечего ему противопоставить — отец девушки был слишком умён и могущественен, чтобы они могли противиться его воле.

Но все это случится ещё не скоро, а в тот день счастливая Риза, напрочь позабывшая о хороших манерах, весело подпрыгивала, держась за руку няньки, которая посматривала на неё со снисходительным добродушием. Девочка с упоением вертела головой по сторонам, удивляясь незнакомому ей миру, как вдруг увидела отца в компании красивой смуглой девушки. Они сидели за столиком открытого кафе и чему-то весело смеялись.

Риза встала как вкопанная. Таким она ещё не видела отца: его поведение с незнакомкой разительно отличалось от того, как он вёл себя с её матерью.

Показав глазами на парочку, она дёрнула няньку за руку — сначала раз, затем другой, но та упорно молчала. Тогда девочка повелительно свела брови, и нянька неохотно сказала, что рай Таятан находится в компании своей невесты сентаны Ниды.

Риза во все глаза уставилась на невесту отца — весёлая и порывистая она была полной противоположностью её чопорной матери, которая ни на минуту не забывала о строгом этикете. Нимало не смущаясь, сентана Нида то и дело перебивала рая Таятана и он, нет чтобы одним лишь взглядом стереть нахалку в порошок, по-идиотски улыбался. Мало того, держа её за руку, он глядел на невесту такими влюблёнными глазами, что девочка ощутила укол ревности.

Когда сентана Нида сорвала шляпку с головы и, тряхнув гривой иссиня-чёрных волос, с

чувством стукнула кулачком по столу, Риза даже вздрогнула от такого явного нарушения этикета. Правда, девушка тоже сконфузилась — одна из чашек опрокинулась, и её содержимое оказалось на камзоле у отца. Даже не думая сердиться, он засмеялся и позвонил в колокольчик, подзывая к себе обслугу. Случись такой конфуз с Вауреей, она бы уже стояла на коленях, умоляя его не гневаться. С любовницей рай Таятан не церемонился. Он запросто мог унизить её перед своими друзьями, причём не только словами, но и залепить пощёчину.

С растущим чувством обиды девочка наблюдала за отцом. Она попробовала представить мать на месте его темноволосой и темноглазой невесты, но её воображение спасовало. Она не помнила, чтобы у них дома отец вообще улыбался. Нянька потянула её за собой, но Риза не хотела уходить. Наконец, та уговорила девочку, сказав, что почтенная Ваурея ждёт их дома, чтобы отпраздновать её день рождения. Вспомнив о подарках, ожидающих её, она не стала больше упрямиться. Когда они уже подходили к воротам поместья, Риза спросила у няньки что такое любовь и чем она отличается от чувств, которые отец испытывает к её матери. Не зная, что ответить, та напустила такого туману, что девочка ничего не поняла и бросилась к матери, которая ждала их у ворот поместья. Прижавшись к своей молодой родительнице, она заглянула в её строгое лицо и огорошила вопросом:

— Мамочка, скажи, что такое любовь?

— Любовь? — Ваурея удивлённо приподняла брови. — Солнышко, с чего вдруг такой интерес к столь взрослым материям?

— Один мальчик сказал, что будет любить меня вечно! — радостно выпалила девочка и, немного подумав, добавила: — А ещё я видела папу с невестой.

— Вот оно что!

Ваурея грустно улыбнулась и, взяв дочь за руку, повела её к дому. После недолгого молчания она проговорила:

— Моё дорогое дитя, хорошо, что ты сама заговорила об этом. Я хочу, чтобы ты знала, выбирая себе покровителя, куртизанка ни в коем случае не должна руководствоваться любовью.

— Но почему? Ведь нас зовут жрицами любви, — возразила девочка.

Ваурея покачала головой.

— Нет, солнышко, это разные вещи. Куртизанка предназначена не для любви, а для развлечения. Если отбросить внешнюю мишуру, именно за это нам и платят. Чтобы заставить мужчину раскошелиться, нужно иметь светлую голову, не затуманенную никакими посторонними чувствами. Поверь, если ты влюбишься в своего покровителя, он быстро потеряет к тебе интерес. Тогда уже он будет помыкать тобой, а не ты им. Вдобавок потеря власти обернётся материальными потерями, а это уже более чем серьёзно.

Девочка вспомнила сияющие глаза Литерана и счастливые лица отца и его невесты.

— К крейду! Я не вещь! — она сердито топнула ножкой. — Мамочка, а что будет, если я захочу настоящей любви?

— Это будет катастрофа, — мягко проговорила Ваурея и, остановившись, присела на корточки перед дочерью. — Детка, послушай меня внимательно. Если ты будешь упрямиться и мечтать о несбыточном, очень скоро наступит момент, когда твоё имущество продадут за долги. И если его не хватит, кредиторы продадут тебя, чтобы покрыть свои убытки.

Ваурея заглянула в нежное личико дочери, уже сейчас обещающей стать необычайной красавицей.

— Скажи, милая, неужели ты хочешь стать бесправной рабыней? Хочешь, чтобы тебя

хлестали критой за малейшую провинность? Хочешь, чтобы тебя всем скопом насильовали гости хозяина?.. Нет? Вот и умница! — успокоилась она. — А теперь беги к учителю танцев. Он уже заждался, когда ты придёшь. Ближе к вечеру, когда придёт рай Тайятан, мы отпразднуем твой день рождения.

Но долгожданный гость в тот день так и не появился, и они сели за стол без него. Ваурея изо всех сил старалась развеселить приунывшую девочку. Несмотря на его невнимание к ней, она всегда тянулась к отцу, который умел быть обаятельным, когда брал на себя этот труд. В конце концов, девочка уснула прямо за столом, утомлённая бурным днём, до предела насыщенным разнообразными впечатлениями.

В сопровождении верной няньки, неотступно следующей за ней, Ваурея добралась до детской и, положив дочь на кровать, сама присела у резного деревянного изголовья. Вглядываясь в нежное личико спящей девочки, она старалась не тревожиться, думая о её будущем, но ей это плохо удавалось. Она радовалась, что у неё такая сказочно красивая дочь, но жалела, что характером она пошла в отца. Как и положено властителю огромного государства, правящий король Дома Лета был властен и жесток. При всём при этом Ваурея ни разу не пожалела о своём выборе. Вопреки собственным словам, сказанным дочери, она любила её отца и, что самое печальное, тот об этом знал и временами забавлялся, проверяя до какой степени унижения она готова пойти.

Рай Тайятан появился на следующий день. Узнав о его визите от няньки, девочка еле дождалась окончания урока. Как только учитель боевых танцев отпустил её, она бросилась на поиски отца. Она без разрешения влетела в спальню Вауреи, и натолкнулась на крайне неприглядную картину. С выражением холодной ярости на лице рай Тайятан методично хлестал её мать, а она, стоя на коленях, вымаливала у него прощение.

«Не тронь мою маму! Она тебе не рабыня!» — разъярённая девочка подлетела к отцу и набросилась на него с кулаками. Вместо того, чтобы рассердиться, он вдруг рассмеялся и, подхватив на руки, попытался успокоить дочь. Но она закатила такую истерику, что он поспешил передать её прибежавшей няньке.

После этого Ваурея пришла к дочери и строгим голосом сказала, что впредь запрещает ей врываться в свои покои.

Дрожа от гнева, девочка сжала кулачки.

— Мамочка, пусть он больше не приходит! Если он ещё хоть раз тебя ударит, я его убью!

Полная сочувствия Риза бросилась к матери, но та неожиданно оттолкнула её от себя.

— Ах ты, неблагодарная девчонка! Да как ты смеешь осуждать того, кто подарил тебе жизнь?! — проговорила рассерженная Ваурея и впервые приказала няньке выпороть дочь.

Не ожидавшая такого поворота событий девочка настолько растерялась, что покорно вынесла экзекуцию. А ближе к вечеру разобиженная на всех и вся она не придумала ничего лучше, чем убежать в горы, кишацие диким зверьём.

Эрейцы очень трепетно относились к своему немногочисленному потомству. Узнав о пропаже дочери, рай Тайятан поднял на ноги всех и вся. Сушу прочёсывали егеря, а элитные части военно-воздушных сил днём и ночью барражировали в воздухе, разыскивая девочку по тепловизору. В ноосфере её не было, что говорило о том, что она либо погибла, либо находится без сознания.

К счастью, Ризу нашли, но чуть живую. Убегая от рокáро — свирепого хищника, которого уже считали вымершим, девочка сорвалась с кручи и попала под осыпь.

Совершенно случайно её обнаружил охотник, точнее его поисковый пёс. Он почуял девочку под скальным выступом, козырёк которого её спас, и многометровой осypью, которая чуть не послужила ей могильным курганом. Позже обоих спасителей Ризы наградили. Помимо огромной суммы денег охотнику дали дворянское звание, а псу выдали медаль, украшенную бриллиантами, и хозяева холили и лелеяли его до самой смерти.

[1] Помним, что радуга первична, а ЛГБТ вторично, при всём уважении к последователям Фиванской когорты любовников. В данном случае радуга символизирует собой многообразие окружающего мира без какого-либо сексуального подтекста.

Рай Тайятан всю дорогу пока они летели в клинику правящего Дома Лета, держал на руках хрупкое изломанное тельце дочери и, полностью уйдя в себя, поддерживал слабый огонёк её жизни своим эмпатическим теплом. Благодаря этому она выжила до подхода квалифицированной помощи. Король, неожиданно осознавший, насколько дорога ему дочь, забросил все дела и не отходил от её кровати ни днём ни ночью. Когда кризис миновал, и стало ясно, что с ней всё будет хорошо, он не выдержал и заплакал. Именно в этот момент Риза очнулась, но не подала виду, что заметила слабость отца и снова закрыла глаза. Правда, это не обмануло его, и он коснулся её потускневших остриженных волос.

— Ну как ты, малышка? — спросил он тихим уставшим голосом.

— Не беспокойся, папочка, я хорошо себя чувствую, — солгала девочка и попыталась улыбнуться, глядя в прозрачные зелёные глаза отца, испещрённые золотисто-коричневыми крапинками.

— Котёнок, ты настоящая Реази Вистанио, — рай Тайятан сглотнул комок, подступивший к горлу, и сделал вид, что закашлялся. — Будь добра, больше так не делай. Хорошо? Ведь папа очень тебя любит и беспокоится за тебя.

— Спасибо, папочка. Я тоже тебя люблю и постараюсь ничем не огорчать...

Девочка закрыла глаза и снова провалилась в беспамятство.

Сильный организм взял своё и, окружённая самыми лучшими врачами, она быстро пошла на поправку. И всё же самым лучшим лекарством для неё оставался отец, которому она с детским великодушием простила прежние обиды. Заваленный по горло делами, основательно запущенными во время пребывания в больнице, тем не менее он всё равно умудрялся выкроить время и навестить дочь, которая с нетерпением ждала его прихода. И хотя Ризе было достаточно его улыбки и ладони на лбу, он всегда привозил ей дорогие игрушки и различные диковинки.

Вручив подарки, рай Таятан садился рядом и обстоятельно рассказывал, чем занимался, пока отсутствовал. Риза внимательно его слушала и, что самое удивительное, вставляла очень дельные замечания, говорящие о том, что она понимает, о чём он говорит.

Гордый умом дочери, король всё чаще задумывался о её дальнейшем будущем. Однажды он спросил, кем она хочет стать. Девочка пожалала плечиками и сказала, что станет куртизанкой, как её мать — мол, поскольку никто из дворянских родов не рискнёт взять такую невестку, то это всё же лучше, чем выйти замуж за кого-нибудь из простонародья и потерять хорошую породу. Король и сам это знал, но слова дочери были для него острым ножом по сердцу.

Несмотря на мольбы Вауреи, король не пустил её в больницу, где лежала их дочь. Он винил её в несчастье, приключившемся с Ризой, и все её попытки воззвать к его великодушию не увенчались успехом. Тогда Ваурея прислала ему письмо, в котором сообщала, что разрывает контракт на услуги. Отношения между ними обострились, и рассерженный рай Таятан сделал всё, чтобы девочка забыла о существовании матери.

И всё же король был не равнодушен к любовнице. Ваурея побледнела от ярости, когда получила уведомление, что финансирование на её содержание прекращено до тех пор, пока она не одумается. Поверх официального бланка была собственноручная приписка рая Таятана, сообщавшая, что в противном случае, она рискует будущим дочери, которая в

первую очередь пойдёт с молотка, поскольку является самым ценным имуществом в её доме.

Конечно, рай Таятан не собирался выполнять угрозу и превращать собственную дочь в бесправную рабыню. Но Ваурея, памятуя его прежнее прохладное отношение к девочке, испугалась ни на шутку и отозвала из суда заявление на официальный разрыв отношений. Но когда могущественный покровитель появился в её доме, Ваурея впервые проявила характер и дрожащим голосом заявила, что отныне он может забыть дорогу в её спальню. Рай Таятан долго пилил её взглядом и, когда она окончательно занервничала, молча поднялся и направился к выходу. Ведь он знал, что любовь — могущественная союзница, которая играет на его стороне.

Расчёт оказался верным. Строптивница не выдержала давления и со слезами бросилась следом за ним. Соскучившийся король был необычайно нежен с Вауреей и, глядя в её прекрасное лицо, сияющее восторгом, впервые подумал, что будь у неё иное социальное положение, у них всё могло бы сложиться совсем иначе. Ведь вначале он был покорён храбростью юной красавицы, которая первой предложила ему заключить с ней контракт на услуги любовницы. Это было настолько свежо и необычно, а присланное голографическое изображение настолько льстило его хозяйке, что он сразу же примчался, чтобы увидеть воочию, что представляет собой юная куртизанка.

Вот только очарование новизны недолговечно и, как правило, на смену ему приходит разочарование — особенно когда слишком много ожидаешь. К удивлению короля, Ваурея оказалась порядочной девушкой, что было большим минусом в её профессии. В качестве жены она была бы идеальна, но в качестве любовницы оказалась слишком предсказуема и, значит, скучна. Поначалу дочь казалась ему копией матери, но после того, как она дала волю чувствам и набросилась на него с кулаками, он заинтересовался малышкой. Несчастный случай лишь ускорил их сближение.

Чтобы Ваурея не просила его о свидании с дочерью, рай Таятан ушёл ещё до того, как она проснулась. Он твёрдо решил, что его дочь не будет куртизанкой и, следовательно, ей незачем больше видеться с матерью. Летя к своей резиденции, он пришёл к выводу, что единственным способом ввести девочку в высшее общество будет объявление её наследницей по женской линии, только при таком условии её примут как равную.

Тем не менее рай Таятан не спешил с официальным признанием дочери, — его останавливала любовь к жене. Он боялся, что ребёнок любовницы, живущий вместе с ними, вызовет у райты Ниды отрицательную реакцию и это осложнит их семейную жизнь. К тому же у них могла родиться своя дочь, что сразу же сделает Ризу изгоем и ей придётся вернуться к матери.

Как бы то ни было, король Лета решил отсрочить принятие решения об официальном признании внебрачной дочери. Дело затянулось, тем не менее в течение пяти лет девочка купалась в королевской роскоши и любви отца.

Скандал разразился внезапно. Кто-то донёс райте Ниде, что король поселил дочь любовницы отдельно от матери и воспитывает её как девушку знатного семейства. Она сразу же сообразила, что это значит и закатила ему бурную истерику, с требованием вернуть девчонку туда, где ей самое место. Уговоры не помогали, и король уже не впервые пожалел, что женат не на спокойной выдержанной Ваурее, а на взбалмошной Ниде, которой гораздо больше подходила роль куртизанки, чем матери Ризы. Но сердцу не прикажешь, он по-прежнему любил жену.

Хмурый рай Таятан прилетел к дочери и, видя её беспокойство, рассказал всё как есть.

Риза согласилась вернуться к матери, но при этом всей душой возненавидела райту Ниду, ведь она отняла у неё всё: и отца, которого она боготворила, и завидное будущее, которое её ожидало. И хотя король обещал сделать всё возможное, чтобы жена переменила решение и приняла её как дочь, Риза не верила, что такое возможно.

Девочка сильно вытянулась и повзрослела, и была настолько красива, что захватывало дух, но Ваурея недолго радовалась возвращению дочери. За пять лет жизни вдали от матери она изменилась не только внешне.

В повадках дочери Ваурея всё больше узнавала её отца. Внешне спокойная, тем не менее она не терпела ни малейшего непослушания и была настоящим домашним тираном. Особенно доставалось рабам; стоило им допустить малейшую оплошность, и девочка без колебаний пускала в ход критику, причём била так, что впредь ни у кого из них не возникало желания противиться её воле.

Как-то Ваурея попыталась заступиться за рабов — мол, есть другие методы убеждения, чем порка. В ответ на это дочь холодно посмотрела на неё и сказала, что в доме должен быть порядок и она заставит распутившуюся челядь работать как положено.

Особенно доставалось любимой рабыне Вауреи, которая прислуживала в её личных покоях. Девочка была немного старше, чем Риза, и пока её не было дома, сумела завоевать любовь хозяйки, по сути, заменив ей дочь.

Само собой, избалованные рабы затаили зло на Ризу и, как только им представился случай, жестоко ей отомстили.

Спустя две недели после возвращения дочери Ваурея устроила небольшую вечеринку, на которую позвала немногочисленных друзей, а через три дня Риза бесследно пропала. Виной тому был раб, которому была не безразлична личная служанка Вауреи. Он заметил, что наёмный боец, пришедший вместе с одним из гостей, не сводит взгляда с хозяйской дочери. Тогда он подкараулил его в уединённом месте и предложил свою помощь в её похищении. Парень смерил его внимательным взглядом и согласился.

Пока Ваурея в отчаянии ломала руки, не зная, как сообщить раю Таятану об очередной пропаже дочери, Риза вернулась сама, причём не одна, а в сопровождении отцовской стражи. По её приказу в поместье перекрыли все ходы и выходы, а затем собрали слуг в помещении кухни, и она приступила к судилищу.

Матери девочка ничего не сообщила, и та узнала о её возвращении от слуг.

Вбежав в кухню, Ваурея с радостным возгласом бросилась к дочери, но волны ярости, исходящие от неё, заставили её остановиться. Мало того, у девочки было такое выражение лица, что ей стало не по себе.

Не обращая внимания на мать, будто её здесь и не было, Риза приказала подвести к ней личную служанку Вауреи и её дружка.

— Скажите, какое наказание заслуживают те, кто предаёт свою госпожу? — спросила она, впившись глазами в надменно выпрямившегося раба.

Видя, что он молчит, Риза обратилась к служанке матери.

— Ну а ты, что скажешь в своё оправдание?

Ваурея бросилась к плачущей девушке и та, ища спасения, упала ей в ноги.

— Госпожа, спасите! Это исчадие ада убьёт нас! — истерически выкрикнула рабыня, испуганно косясь на неумолимое лицо юной хозяйки.

— Итак, вы оба признаёте свою вину. Тогда вы знаете, что вас ожидает.

Привычным жестом Риза положила ладонь на рукоять криты; несмотря на лохмотья, в

которые превратилась её одежда, каким-то чудом плоть сохранилась и по-прежнему находилась в специальном приспособлении на поясе. Она вплотную подошла к матери, за которой спряталась рабыня, и приказала ей отойти. Когда Ваурея попыталась её урезонить, лицо девочки исказилось неистовым гневом.

— Выходит, эта предательница тебе дороже, чем я? — выкрикнула она и её глаза вспыхнули фосфорическим огнём. — Если бы я не знала, что ты слабачка, заподозрила бы, что ты тоже участвуешь в заговоре рабов и стремишься избавиться от меня!

— Что?! Нет!.. Солнышко, это же глупость! Сама подумай, разве я тебе враг? — пролепетала Ваурея.

Свистнула крита, развернувшись во всю свою длину, и она отшатнулась, пасуя перед десятилетней дочерью.

— Отойди, пока я не забыла, что ты моя мать! — прорычала девочка и, размахнувшись, сорвала скаल्प с рабыни.

Когда появился рай Таятан, было уже всё кончено. В воздухе витал запах железа, в ментале — отголосок ужаса. Бледные до синевы слуги ползали на коленях, убирая залитый кровью узорчатый мраморный пол.

Король бросил беглый взгляд на Ваурею — потрясённая до глубины души она не сводила глаз с дочери. Риза тем временем смотрела на два обезображенных тела, лежащих у её ног, и на её возбуждённом лице можно было прочесть всё что угодно, кроме раскаяния.

Рай Таятан подошёл к девочке и осторожно вынул криту из её руки.

— Как ты, детка? — спросил он и она, радостно вскрикнув, бросилась ему на шею.

— Папочка!.. Ты не сердись, что я не дождалась тебя?

— Всё в порядке, детка. Лишь смертью они могли искупить свою вину. Конечно, нужно было подождать меня, чтобы я мог их допросить, но что сделано, то сделано.

Сочувствие отца привело к тому, что личико девочки скривилось и она, заливаясь слезами, стала рассказывать, что ей пришлось перенести, пока она не сумела вырваться и убежать от своего похитителя.

Рай Таятан прижал дочь к себе и успокаивающим жестом погладил её по вздрагивающей спине.

Он снова глянул на Ваурею и не увидел в ней сочувствия к дочери. Мало того, потрясение на её лице уступило место другому не менее выразительному чувству — она смотрела на них так, будто перед ней пара самых настоящих чудовищ. Короля это задело, и он внутренне поморщился. «Вот рогатый! Я же не виноват, что в нашем роду до сих пор дают о себе знать гены рая Реотана, непревзойдённого убийцы и садиста. Зато он был прекрасным правителем», — с досадой подумал он, но тут же забыл о любовнице. Одеяние дочери, состоящее из лохмотьев, сползло с её плеч, и он потемнел от гнева, заметив глубокие раны на её теле.

Наёмник сразу убил бы девочку, если бы не её красота; король был уверен, что лишь чудом ей удалось вырваться из западни. Он гнал от себя назойливые мысли о том, кто стоит за похищением дочери, но даже спешно проведённое расследование показало, что наёмник не просто так явился в дом его любовницы. Сразу же выяснилось, что никто из гостей не знал, кто он такой и считал, что он пришёл с кем-то другим. Но самое худшее заключалось в том, что преступника не успели даже допросить. Кто-то успел его убить прямо в помещении дворца, напичканном следящими системами и кучей стражи. Такое мог сделать только профессионал, обладающий нужными навыками и... высочайшим разрешением, если он

пошёл против самого короля. И хотя он не хотел этому верить, в его душе зародилось подозрение, что здесь не обошлось без вмешательства его жены райты Ниды.

«Итак, чтобы обезопасить дочь, теперь я вынужден объявить её своей наследницей по женской линии, — рай Таятан холодно улыбнулся. — Поздравляю, дорогая, своей глупой выходкой ты добилась обратного результата».

Накинув плащ на плечи дочери, льнущей к нему, король пригладил её растрёпанные кудри и ободряюще улыбнулся.

— Ну что, котёнок, пожалуй, пришла пора представить тебя моим подданным. Ты как, согласна?

Риза вскинула на отца удивлённые глаза.

— Прямо сейчас?.. Что-то изменилось?

— Да, детка, изменилось.

«В частности, мои намерения», — подумал рай Таятан и тяжело вздохнул. На личике девочки промелькнуло понимающее выражение.

— Хорошо, едем. Не беспокойся, папочка, я не буду её упрекать.

— Надеюсь, — король помедлил. — Малышка, дай слово не злиться на райту. Просто она тебя не знает, иначе полюбила бы тебя не меньше моего.

— Папочка, я уверена, мы поладим с райтой Нидой.

Беседуя о предстоящих делах, отец и дочь направились к выходу.

— Пойдите! — окликнула их Ваурея. — Рай Таятан, прежде чем вы уйдёте, забрав выпестованное вами чудовище, я хочу, чтобы вы заплатили цену крови погибшим слугам и подписали отказ от моих услуг.

Развернувшись, Риза не верящим взглядом уставилась в застывшее лицо той, что всегда её любила и прощала любые шалости. Но сейчас синие глаза матери смотрели на неё с ледяным равнодушием — более того, они отрицали их родство. Сердце девочки тоскливо сжалось — до неё только сейчас дошло, что она натворила что-то непоправимое. Она попробовала коснуться ментальной сферы матери и вскрикнула от страшной боли, когда та намеренно вышвырнула её прочь.

— Не прикасайся ко мне! — прошипела Ваурея и словно плюнула: — Ты мне больше не дочь!

— Мамочка! — перепуганная Риза рванулась к матери, но король её удержал.

— Нет, детка! — резко проговорил он, глядя на любовницу тяжёлым взглядом. — Это ещё раз доказывает, что тебе пора переезжать во дворец. Иначе ты повторишь судьбу своей матери и не сможешь адаптироваться. Не переживай, малышка! — он тепло улыбнулся дочери. — Просто у знати свои обычаи, непонятные простому люду.

С презрительным выражением на лице король швырнул любовнице платежную карту.

— Держи. Здесь хватит на всё: и на положенный выкуп за дочь, и на выплату родным погибших рабов...

— Сначала контракт, — перебила его Ваурея; её голос был бесцветен, как оставшиеся в наследство древние фотографии.

— И даже не надейся! От меня тебе не избавиться, — ответил король и, обняв дочь, шагнул вместе с ней за порог.

Шиамида бегло просмотрела картины последующей жизни эрейской принцессы. Подспудная ненависть райты Ниды заставила Ризу быть крайне осторожной и осмотрительной в поступках. Используя своё положение, обе женщины дрались не на жизнь, а на смерть. Вот только Ризе приходилось куда трудней, чем её сопернице — и не только в силу возраста, слишком уж шатким было её положение при дворе отца.

Окружённая враждебной средой юная принцесса всё время была настороже, что не лучшим образом сказалось на её психике. Чтобы сбросить постоянное напряжение, она то и дело вымещала на рабах свой страх и неуверенность в будущем, а когда заметила, что их мучения доставляют ей наслаждение, было уже поздно. Издевательство над рабами уже вошло у неё в привычку, избавиться от которой было невозможно — во всяком случае без посторонней помощи.

Конечно, рай Таятан знал, что дочь безжалостна в обращении с рабами, но не видел в этом причины для беспокойства. Эрейская знать довольно часто грешила садистскими забавами, — ведь жестокость долгое время была неотъемлемой частью их культуры.

ГЛАВА 2. Начало искупления и тяжкий путь обретения божественного статуса

Завершив экскурс в прошлое гостыи, Шиамита задумалась. «Да, тяжёлый случай. В наличии изворотливость гадюки и ярко выраженные садистские наклонности. Оно не диво, когда в роду бессчётное количество жриц любви высочайшего полёта, а по мужской линии сплошные сливки общества, своевольные и жестокие... И всё же это было чудесное дитя, которое умело любить и знало, что такое сострадание».

С непроницаемым выражением на лице демонесса долго вглядывалась в изуродованную душу эрейской принцессы. «Ну, не знаю. Пожалуй, стоит обратиться к мужской интуиции. Если Шиам сочтёт её бесполезной и прикончит во время забав, значит, так тому и быть».

Затянувшееся молчание и давящий немигающий взгляд странного существа, башней возвышающегося над ней, заставлял Ризу нервничать. На задворках её сознания зародилась паническая мысль: не угодила ли она из огня да в полымя? Привычная осторожность диктовала не спешить и выждать подходящий момент, но общее состояние организма оставляло желать лучшего. Хотя лицо перестало болеть, остальное тело по-прежнему находилось в плачевном состоянии. Хуже всего было то, что в голове у неё по-прежнему мутилось от боли.

— Госпожа, что вы собираетесь делать со мной? — не выдержала она.

Наказание последовало незамедлительно. От увесистой пощёчины в голове Ризы зазвенело не хуже, чем на колокольнях Московии во время первопрестольных праздников.

— Знай своё место, рабыня! Ад остынет, когда я начну отчитываться перед тобой. Или ты настолько самоуверенна, что вообразила себе, будто мы равноправные партнёры? — донёлся до неё рычащий голос демонессы.

— Простите, госпожа, это больше не повторится, — сказала Риза и почувствовала, что к глазам подступили слёзы. Напряжение и нескончаемая боль подточили даже её несокрушимую волю. Но она справилась с собой.

— Скажите, госпожа, что я должна сделать, чтобы заслужить ваше расположение?

Демонесса оскалилась в страшноватой улыбке.

— Тебе ли не знать? Рабы должны исполнять хозяйские прихоти. Скажу, отрежь себе голову и подай её на блюде, значит, сделай как приказано.

— Да, госпожа, — будто издалека услышала Риза свой голос, на удивление спокойный.

На какое-то мгновение её охватило безразличие к дальнейшей судьбе, но ненависть оказалась хорошим стимулом к жизни. «Держись! Ведь ты райдиэль правящего дома Лето, — Риза стиснула зубы, собирая волю в кулак. — Реази Вестанио никому не спускают оскорблений. Сначала отомсти, умереть всегда успеешь».

— Это верно! — когда отгремел жуткий смех, от которого закладывало уши, демонесса неожиданно добавила: — Если хочешь, чтобы я сохранила тебе жизнь, верни себе человечность.

Прозвучавшее требование показалось Ризе странным и неисполнимым. Первым её порывом было солгать, но это не имело смысла. Ведь её читали как открытую книгу.

— Человечность и я? — произнесла она с тоскливыми нотками в голосе. — Не думаю, что у меня получится. Я не помню, что такое сострадание, зато хорошо помню, сколько крови на моих руках.

— Если ищешь лёгких путей, только скажи, и я отправлю тебя в небытие! — рыкнула демонесса и, помолчав, добавила: — Стопроцентной гарантии нет, но при желании и доле везения всегда есть шанс на успех. Мизерный, но есть. Не понимаешь, зачем это нужно? Уясни раз и навсегда, Сияющий двор далеко не рай, но также не обитель зла. Это Эквilibриум — место обитания лорда Хаоса, хранителя существующего мироздания, а мы, боги Равновесия, его верные слуги.

«Всё равно не понимаю кому-то здесь нужно моё покаяние», — подумала Риза, но не осмелилась высказать вслух свои сомнения. От демонессы исходили такие эманации, что она быстро смирилась с ролью покорной рабыни. Интуиция подсказывала ей, что это единственный способ выжить и добиться её расположения.

Шиамида усмехнулась, тем не менее сочла нужным ответить на её невысказанные мысли:

— Никому ничего не нужно, кроме тебя самой. Чтобы перейти на более высокий уровень бытия, ты должна найти свой внутренний баланс между добром и злом. Иногда Дева Ада называют бандой сумасшедших убийц, но это не так. Никто из богов Равновесия не несёт в себе абсолютного зла, впрочем, и добра тоже, — демонесса властно протянула руку. — Дай мне жезл силы. Это твоя плата за спасение.

Удивившись, что подарок лорда Ваатора всё ещё при ней, Риза протянула ей жезл силы, который неизвестно откуда снова появился в её руке. У неё создалось впечатление, что насильно отобрать его нельзя, и она задалась вопросом, нужно ли за это поблагодарить ненавистного ей повелителя Адской Бездны или это свойство всех вещей в этом мире.

Дева Ада повертела в руках небольшой витой стержень, изукрашенный вязью неизвестных письмен, и на её лице появилось одобрение.

— Последняя разработка принца Николса. В таком жезле помещается двойная доза магической энергии.

У Ризы промелькнула мысль, а не стоит ли немного поторговаться и попросить о лечении, но она тут же отказалась от своей затеи.

— Правильно. Торговаться со мной не имеет смысла, — подтвердила демонесса и острым концом приложила жезл силы к груди, в том месте, где у людей располагается сердце. Она с силой нажала на стержень, и тот полностью ушёл внутрь её тела. — Но лечение ты получишь, — пообещала она и смачно облизнулась, — а то окровавленный кусок мяса вызывает у меня только гастрономические устремления.

Демонесса снова захохотала, когда гостя отпрянула и попыталась натянуть на себя оставшиеся лохмотья.

— Не суетись, я не голодна.

С жутких когтей сорвались голубые молнии и сплели вокруг Ризы сияющую сферу, которая опалила её сухим жаром. Невыносимая боль в истерзанном теле сразу же отпустила и это было такое райское блаженство, что она была готова заплакать от счастья, но усилием воли подавила приступ слезливости и бегло оглядела себя. Следы издевательств демонесс бесследно пропали, а лохмотья превратились в роскошный наряд. Это было национальное эрейское платье, достойное самой королевы. Переливающаяся синяя туника с разрезами по бокам мягкими складками падала до самого пола. Платье дополняли положенные ему украшения, но Риза впервые видела такие огромные и чистые драгоценные камни, которые основательно оттягивали ей шею и запястья рук.

— Нравится? — поинтересовалась демонесса, с любопытством наблюдая за гостьей.

— О да! — радостно пропела синеглазая красавица и, обретя прежнюю уверенность, склонилась в низком поклоне. — Благодарю вас, милостивая госпожа!

— Мне не нужны слова, покажи на деле своё хвалёное искусство любви. Учти, если солгала, то пощады не жди. Не сходя с места, я живьём сдеру с тебя шкуру, — демонесса усмехнулась и добавила с мягкой угрозой в голосе: — Помнишь, как ты любила это проделывать со своими рабами?

По телу Ризы, только что избавившемуся от боли, пробежала дрожь, но она не потеряла самообладания.

— Слушаю и повинуюсь, моя госпожа, — сказала она певучим голосом и с недоумением приумолкла, видя, что облик демонессы затуманился. Когда он вновь обрёл чёткие очертания, перед ней сидел мускулистый мужчина с резкими, но не лишёнными приятности чертами лица. Чешуя на его теле исчезла, остался только её рисунок на голубоватой коже. Риза заглянула в глаза демона, и поспешно опустила ресницы. Самоуверенности в ней заметно поубавилось. В мужской ипостаси Дева Ада смотрелась гораздо опасней, и она почувствовала себя неразумным ребёнком, который вздумал поиграть с матёрым тигром-людоедом.

Но отступить было некуда. Собравшись с духом, Риза призвала на выручку наставления матери — несмотря на прошедшие годы, они до сих пор не выветрились у неё из головы — и заставила себя любезно улыбнуться.

— Мой господин, видимо, вы из тех, кого называют... — она задумалась, подыскивая нужный термин, — вы инкуб?

— Инкуб?.. Суккуб?.. Понятно! Местный фольклор, — губы демона презрительно скривились. — Хочешь сказать, что я похож на этих придурков, что гоняются за любовью смертных и даже скотины?

Непривычного разреза удлинённые глаза загорелись зловещим тёмно-синим пламенем, который не предвещал ничего хорошего, и Риза без промедления распростёрлась ниц.

— Господин, не сердитесь! Я всего лишь хотела сказать, что вы умеете принимать обличье и мужчины, и женщины.

— Менять обличья легко. Но это маски, не меняющие суть. Другое дело — полное перевоплощение. Такое умение присуще далеко не всем.

Демон успокоился и, переместившись, развалился на ложе. Видя, что синеглазая красавица насторожённо глядит на него и совершенно не жаждет пускать в ход свои умения, он поманил её к себе. Риза послушалась и, подойдя ближе, опустилась на колени. Демон провёл когтём по ложбинке между небольших упругих грудей. По телу Ризы прошла невольная дрожь. Затем пальцы демона, оснащённые острыми когтями, конвульсивно дернулись и пропороли нежную кожу; боль была терпимой, но у неё вырвался стон. Тогда демон с наслаждением слизнул кровь, не спуская горящих глаз с самонадеянной эрейской принцессы.

— Не подскажешь почему маньяки-садисты настолько трусливы? — спросил он и подцепил когтём ожерелье на её шее.

Охваченная недобрым предчувствием, Риза бледно улыбнулась.

— В отличие от наших жертв, мы знаем, что нас ожидает, когда попадаем в руки таких же, как мы, — ответила она и внутренне содрогнулась, глядя на то, как скачут по полу рассыпавшиеся драгоценные камни.

— Правильно делаешь, что боишься. Страсть демона может выдержать только демон.

Смертному она не под силу.

Не давая синеглазой красавице времени на раздумье, демон подмял её под себя и его клыки впились в вену на её шее. В следующее мгновение Риза оказалась в мрачном тёмном лесу. Переполненная необъяснимым ужасом, она оглянулась по сторонам. Место было ей знакомо. Неподалёку от неё темнел покосившийся эрейский крест и она, ведомая непонятной силой, направилась к могильному холму. Земля под её ногами зашевелилась, и она провалилась вниз. В ноздри ей ударил жуткий смрад, в следующее мгновение мертвец навалился на неё и распахнул невидящие глаза. «Любимая, наконец-то я тебя дождался», — прошамкали полусгнившие губы, и Риза зашлась в безумном крике, ощутив скользкие пальцы, шарящие по её телу. По медальону на шее она узнала в мертвце замученного ею раба. Мальчик был влюблён в неё и она, чтобы наказать его за неуместное чувство, оскорбляющее достоинство эрейской принцессы, заманила его в лес и жестоко убила.

Демон не солгал. Секс с ним оказался настолько противоестественным и при его возможностях настолько переполнен ужасом, что обычному человеку было бы не выдержать. Искусно играя на страхах и чувстве вины Ризы, он подвёл её к грани безумия и тогда, чтобы спасти рассудок, она постаралась отключиться от оживших кошмаров и представила себе, что находится в объятиях Литерана. Она так цеплялась за его образ, что даже не удивилась, когда он воочию появился перед ней.

Приподнявшись на руках, Литеран озабоченно посмотрел на неё.

— Что случилось, моя радость? Ты такая бледная и этот страх в глазах... — черты его лица ужесточились. — Кто посмел тебя обидеть? Назови мне имя этого негодяя, и я его убью!

— Литеран!

Плача и смеясь, Риза не спускала глаз с единственного мужчины, которого любила в своей долгой жизни. Прижимаясь к нему, она словно заклинание всё повторяла и повторяла его имя.

— Тсс, моя девочка! — с нежной грустью во взоре Литеран прижал палец к её губам. — Успокойся, любимая, я с тобой.

Не задаваясь вопросом, откуда он взялся, Риза выпустила клыки и впилась в его шею. Литеран застонал, и до хруста в костях сжал её в объятиях. Но она отстранилась и умоляюще заглянула в его лицо.

— Люби меня, Литеран! Люби так, чтобы я снова почувствовала себя человеком!

Пойманный врасплох демон пришёл в себя и на коже вновь проступил чешуйчатый рисунок. Превращение, вызванное силой чувств смертной любовницы, ему не понравилось, но любовь, живущая в её исковерканной душе, была подобна бриллианту чистейшей воды и это обнадёжило его относительно правильности сделанного выбора. Зловещие огоньки, загоревшиеся было в его глазах, погасли, и перед Ризой снова возник Литеран. «Любимый! — она без тени сомнения обняла его и её прекрасное лицо исказилось мучкой. — Если не хочешь, чтобы я умерла, молю всем святым, больше не покидай меня!»

Самое трудное для демона было вовремя остановиться и силой своей страсти не убить любовь к Литерану, живущую в душе Ризы. Когда его смертная любовница, вымотанная физически и морально, уснула беспробудным сном, он провёл когтём по овалу её точёного лица.

— Такая красивая... Интересно, как ты будешь выглядеть, когда станешь богиней? —

задумчиво проговорил он и его облик затуманился, возвращаясь к привычной личине.

«Хорошая работа, Шиам. Вижу, девочка пришлась тебе по душе, если ты пустил в ход эмоциональную привязку», — мысленно проговорила Дева Ада.

«Не забывайся, Шиамита. В конце концов, ты всего лишь часть моей личности», — предостерег её демон.

«Не горячись. Я понимаю, что тебе не нравится находиться в загоне, но другого выхода нет. Представляешь, что будет, когда лорд Ваатор обнаружит, что за личиной Девы Ада скрывается атримен, его заклятый враг?»

«Представляю. Именно поэтому я оставляю тебе поле действия, рискуя заработать себе стойкую шизофрению».

«К счастью, ты не тэрий, — демонесса усмехнулась. — В любой момент ты можешь стереть меня, без ущерба для себя».

«Только это и радует», — проворчал Шиам и снова ушёл в подполье, пряча от окружающих свою истинную мощь.

Дева Ада тряхнула подопечную за плечо.

— Хватит дрыхнуть! Чтобы ты попала в списки участвующих в состязании, я должна отвести тебя в бараки Истинной крови.

Выпутавшись из шёлковых покрывал, Риза села. В её голове царил хаос, да и чувствовала она себя отвратительно — совершенно разбитой телесно и что ещё хуже разбитой морально.

— Идём! — приказала демонесса, не обращая внимания на вялое состояние гостьи.

Они не пошли через казармы Дев Ада, как того опасалась Риза. Прямо в комнате Шиамита открыла портал, и она без колебаний шагнула в его пылающий огнём зев. Ощущения были крайне неприятными, но длились они недолго.

Выйдя наружу, они оказались у комплекса зданий. Ризе они живо напомнили лагеря смерти в фашистской Германии. В своё время она побывала там, и они произвели на неё неизгладимое впечатление. Уж на что она была привычной к убийствам, но и ей было не по себе от острого чувства отчаяния людей, живущих в постоянном ужасе. Проходя между стройными рядами барачков, Риза встретила взглядом с пятилетним мальчиком-евреем, очень похожим на её темноглазого и темноволосого брата. Ночью она пробралась в лагерь, но было уже поздно — малыша сожгли в крематории. Расстроенная, она убила несколько охранников, но это дела не меняло. За исключением одной легендарной личности, смерть одних не воскрешает других.

Дева Ада подошла к гудящей силовой завесе и открыла в ней проход. Немного помедлив, Риза шагнула внутрь и направилась к ближайшему зданию. По пути она старалась не приближаться к группкам людей, которые бродили по территории заградного концлагеря, — не имело смысла знакомиться с теми, кого ей предстояло убить.

Когда она проходила мимо рыжеволосого парня, сидящего на плацу, тот поднял голову и смерил её внимательным взглядом. "Куда спешишь, красотка? Хочешь я почитаю тебе стихи?" — предложил он. Риза не ответила, но это его не остановило и вслед ей понеслись строки Константина Бальмонта:

Высоко на парижской Notre Dame

Красуются жестокие химеры.

Они умно уселись по местам.

В беспутстве соблюдая чувство меры,

И гнусность доведя до красоты,
Они могли бы нам являть примеры.
Лазурный фон небесной пустоты
Обогащен красою их несходства,
Господством в каждой — собственной черты.
Святых легко смешаешь, а уродство
Всегда фигурно, личность в нем видна,
В нем явное пороков превосходство.
Но общность между ними есть одна:
Как крючья вопросительного знака,
У всех химер изогнута спина.

Риза прибавила шаг и последние строки он выкрикнул уже во весь голос, а затем рассмеялся — погано так рассмеялся, и она постаралась подавить тревогу, вызванную неприятной встречей.

Многочисленные представители Истинной крови жили в жуткой тесноте, но в стерильно-чистых бараках. Спать приходилось на голом полу; из удобств были только общий душ и общие туалеты. За чистотой и порядком в бараках следили надсмотрщики, которые видели всё и наказывали за малейшую провинность. Световое жало их плетей оставляло на теле долгие незаживающие раны, поэтому пользоваться туалетом и душем обитателям барачков приходилось в скоростном режиме, особенно по утрам. Конечно, если не они не хотели получить тумаков от своих же товарищей по несчастью. То же самое происходило во время кормёжки.

Будто для контраста по соседству с ними располагался жилой комплекс богов. От барачков Истинной крови их отделял прозрачный, но абсолютно непреодолимый энергетический забор. Роскошный комплекс богов имел четыре обособленных сектора, в каждом из которых жила своя раса. Об этом Риза узнала от Шиамиты, которая почти ежедневно приходила и забирала её с собой. Однажды, будучи в хорошем настроении она немного рассказала о тех, кто населяет Сияющий двор лорда Хаоса.

Самой многочисленной группой были Странники, ведущие своё происхождение от млекопитающих. Немногим им уступали Разрушители, которые происходили от рептилий. Зато Сеятелей, предки которых были насекомыми, отличало такое видовое разнообразие, какого не было ни у кого из богов. Самой малочисленной группой были Созидающие. Очень странные существа — даже по меркам богов. Они вели своё происхождение от хищных растений.

Несмотря на разных предков, все четыре группы богов имели гуманоидный вид. Как схожи между собой киты-убийцы и акулы, хотя одни относятся к млекопитающим, а другие — к рыбам. Ведь Странники были доминирующим видом, и все остальные разумные формы жизни стремились им подражать. Правда, гуманоидная форма была не обязательной и у всех рас богов встречались исключения, даже среди Странников. Например, среди них находились те, чьей Истинной формой были животные или духи, созданные коллективным воображением смертных или теми же богами. Они приходили к Сияющему двору своими путями, минуя отборочные соревнования. Лорд Хаос не слишком жаловал такие сущности, считая их низшей формой божеств. Поэтому в числе его приближённых таких созданий было не много, и они отличались выдающимися способностями. Например, как тот же Океан — дух водной стихии, который сумел стать воспитателем принца Николса.

В отличие от носителей Истинной крови, которых призывали насильно и которые при Сияющем дворе находились на положении рабов, боги жили вольными птицами. Каждому из них предоставляли хоть и скромные, но отдельные апартаменты в огромном комплексе зданий с чудесными парками. Но самое главное, что в их распоряжении были прекрасно оснащённые спортивные комплексы с опытными наставниками, чего в помине не было у Истинной крови. Оно и понятно, — ведь боги прибывали для соискания свободных вакансий при Сияющем дворе лорда Хаоса и это были серьёзные игры достойных противников.

Истинная кровь, то есть воскрешённые люди, служили своеобразной массовой перерывах между выступлениями богов, и лорд Ваатёр не солгал Ризе, сказав, что победители соревнований мало что выиграют. Чтобы выжить, начинающим богам

приходилось наниматься на службу. Они находились в полном подчинении у хозяев, которые, как правило, поручали им самую тяжёлую и опасную работу. Многие из новичков жили впроголодь; правда, это был не обычный голод, а энергетический. Проходило немало времени, прежде чем молодые боги набирали магическую силу и вырывались на свободу. Вот только немногие из них доживали до этого счастливого момента. Главной напастью для молодых богов были происки их могущественных собратьев, по чьей жалобе они запросто могли угодить под развоплощение.

Услышав эту информацию, Риза тяжело вздохнула. Если так обращались с юными богами, то что уж говорить о смертных существах, которые только начинали свой путь к обретению божественного статуса. Они вообще ничего не стоили в глазах обитателей Сияющего двора.

Скучающие приближённые лорда Хаоса воспринимали Истинную кровь как бесплатные игрушки, предназначенные для их развлечения. С помпой, соответствующей их статусу, боги появлялись в бараках Истинной крови и уводили с собой тех, кто им приглянулся. Кроме Ризы никто из них обратно не вернулся. И хотя она никому не говорила, что творится за пределами их мирка, люди быстро заподозрили недоброе и старались не попадаться на глаза посетителям, которые вызывали у них дрожь одним только своим видом. Но боги всё равно находили, что им было нужно, и уходили с добычей.

Ризе пока везло: никто из божественных стервятников не положил на неё глаз, как будто на ней стоял невидимый знак, говорящий о её принадлежности Деве Ада, а может, так оно и было. Тогда это объясняло, почему её обходили вниманием, несмотря на выдающуюся красоту. Обитатели Сияющего двора старались не связываться с буйными демонессами лорда Ваатора, которые прославились тем, что никогда не прощали нанесённых им обид. К тому же Девы Ада были не только мстительны, они были необычайно изобретательны по части различных каверз.

Кроме богов-хищников обитателями барачков никто не интересовался, и они были предоставлены сами себе. Скучающие люди искали себе занятие, но в их распоряжении было не так уж много возможностей. Поэтому основная масса сидела в бараках и, разбившись на кучки, болтала о всякой всячине. Поначалу люди до хрипоты спорили о том, зачем их здесь держат. Когда все гипотезы, даже самые фантастические и безумные, были исчерпаны, народ разбился на группки и повёл задушевные беседы, — как правило, делились воспоминаниями о прошлой жизни.

Непоседы болтались по унылому плацу, примыкающему к баракам, и с завистью наблюдали за поединками божественных соседей. Чтобы отвлечься от неизвестности, они горячо обсуждали достоинства того или иного бойца и заключали ставки, кто из них победит в поединке. Правда, ставить на кон было нечего. Сколько они ни хвастались своими богатствами, которыми владели при жизни, сейчас всё их имущество заключалось в свободной светлой рубашке и тёмных шароварах из лёгкого шелковистого материала.

Кое-кто из жучил поначалу пытался припрятать еду, но быстро понял, что это бесполезное занятие. Стоило прозвучать гонгу, возвещающему окончание застолья, и тогда исчезала не только посуда, но и не съеденная пища. С предметами личной гигиены происходило то же самое — излишки растворялись в воздухе.

Лишь одна Риза знала, что ждёт их впереди, но она ни с кем не делилась своим знанием.

Время шло и у людей, не понимающих, что происходит, постепенно начали сдавать

нервы.

Суровые молчаливые надсмотрщики никогда не вмешивались в стихийно возникающие побоища. Они приходили лишь затем, чтобы убрать трупы, тяжелораненых и в последнюю очередь зачинщиков драки. Направленный жезл, лёгкая радужная вспышка, и человек бесследно исчезал, не оставив после себя ничего, даже горстки пепла. Просить о милосердии было бесполезно.

Во время таких зачисток обитатели бараков держались подальше от надсмотрщиков. Под горячую руку они могли ликвидировать любого: и тех, кто нечаянно оказался на их пути, и тех, кто недостаточно быстро бросился отмывать залитые кровью белые стены и полы. Могли убить просто за недовольное выражение лица. Такое тоже случалось. Поэтому драки быстро прекратились. Подавленные люди сбились в группки и при этом почти перестали общаться.

Тягостная атмосфера, воцарившаяся в казармах, подействовала даже на Ризу, хотя она всегда держалась особняком и ни с кем не разговаривала.

Но всё когда-нибудь кончается. Утром должен был начаться первый этап отборочных состязаний. Конечно, Истинной крови никто ничего не сказал, Риза узнала об этом из своего персонального источника. Чтобы быть в наилучшей форме, она выбрала место у стены и легла пораньше. Как назло, среди ночи её разбудили. Она схватилась за припрятанное оружие, но интуиция подсказала ей, что опасности нет — это соседка, резко повернувшись на бок, пихнула её острым локтем.

Победа в состязаниях слишком много значила для неё, но выброс адреналина прогнал сон, и Риза некоторое время раздумывала, не стоит ли прирезать виновницу своего неурочного пробуждения. Оттолкнув соседку, подкатившуюся слишком близко, она перевернулась на спину и, подложив руки под голову, уставилась в невидимый потолок. В ожидании пока уляжется возбуждение, она старалась ни о чём не думать, тем не менее не могла полностью отрешиться от мыслей. Стоило ей вспомнить о лорде Вааторе, и сердце гордой эрейской принцессы преисполнялось чёрной ненавистью. Но мечты о мести были не главной причиной её бессонницы. Дева Ада в своей мужской ипостаси задела её чувства, и она не хотела упасть в её глазах, проиграв состязания.

Секс с демоном, называющим себя Шиамом, по-прежнему сопровождался мысленными пытками, в каждой из которых она узнавала издевательства и унижения, которым подвергала своих рабов и тех, кто в прошлом имел несчастье перейти ей дорогу. Он в полной мере заставил испытать их ощущения и, хотя у Ризы мутилось в голове от боли и ужаса, с её уст не слетело ни единого слова жалобы.

Шиам был безжалостен и всё же в их отношениях что-то изменилось. Заметив, что в глазах смертной наложницы поселилась неизбывная тоска, он как бы невзначай заметил что это делается для её же блага — мол, таким образом с неё снимается часть наказания, которое ждёт её в Адской Бездне. Конечно, если она пройдёт отборочные соревнования.

Покорность и долготерпение Ризы были вознаграждены. Через месяц началась подготовка к соревнованиям, и тогда выяснилось, что Дева Ада — непревзойденный мастер в боевых искусствах, в общем-то, как и положено элитному бойцу, состоящему на службе у самого лорда Ваатора и вдобавок занимающему немалую командную должность.

К тому же Дева Ада со всей серьёзностью подошла к подготовке сообщницы. Причём настолько, что у них не оставалось времени ни на что другое, кроме тренировок. Теперь Риза

видела Шиама только во время сражений на мечах. В битве демон был не менее жесток, чем в сексе, и без всякой жалости кромсал её буквально до смерти. Но когда ей не хватало своих сил на регенерацию, он пускал в ход восстановительную магию. Правда, при этом он не забывал напоминать, что в их мире ничего не даётся даром и однажды всё, что потрачено на неё, она возместит ему в тройном размере.

На свой манер Дева Ада верила в неё, и Риза успокоилась. Закрыв глаза, она провалилась в пучину сна без сновидений. Утром она вскочила ещё засветло и одной из первых успела посетить туалет и душевую. Вскоре в бараке появились надсмотрщики, которые построили их и, безжалостно хлеща световыми плётками, отвели к Арене.

Трибуны для зрителей были почти пусты. Истинную кровь выстроили в очередь, которая извивалась нескончаемой змеёй — Риза даже не подозревала, что ей придётся убить так много народу. Затем в раздевалку при Арене запустили первую партию, состоящую из пятисот человек, и она оказалась в их числе. Войдя внутрь, она сразу же направилась к многочисленным стойкам и, пока остальные растеряно оглядывались по сторонам, получила необходимое обмундирование и без промедления облачилась в голубую форму. Крохотная наручная планшетка сообщила ей, что она участвует в командном сражении, и её противники одеты в зелёную форму.

Первым делом Риза тщательно проверила полученное оружие — как огнестрельное, так и холодное, а затем бросила взгляд по сторонам, вычлняя из толпы людей в зелёной и голубой форме. Она прикинула возможности тех и других, и на её лице промелькнуло презрение. В ожидании вызова на Арену она прислонилась к стене и закрыла глаза.

Собравшиеся вместе участники в голубой форме в недоумении поглядывали на синеглазую красавицу, которая не спешила присоединиться к своей команде.

Видя, что один из «голубых» направляется к ней, Риза ускользнула в толпу — она решила, что обойдётся собственными силами и помощники ей не нужны. Тут раздался певучий сигнал и она, прежде чем остальные сообразили что к чему, выскользнула в открывшийся портал и полной грудью вдохнула палящий воздух пустыни. Затем она избавилась от кричащей формы и, пробежав по солнцу, тщательно извалялась в песке. Спустя час она в полном одиночестве появилась у входного портала и бросила на песок отрезанные головы командиров — своего отряда и противника. За это ей засчитали двойное количество очков. В последующем поединке на мечах она на первой же минуте сняла с плеч голову противника.

Неизвестно каким образом остальные участники сражений узнали о её расправе над своим отрядом, и с той поры Ризу дико ненавидели. При командных сражениях свои и чужие первым делом организовывали совместное выступление против неё, но никто ещё не смог захватить её врасплох. Из любых схваток она выходила победителем.

Когда пошли слухи, хуже всего Ризе пришлось в бараках, которые захлестнула ненависть к серийной убийце. Несколько раз она едва уносила ноги. Спасала её Дева Ада, которая очень вовремя появлялась и забирала её к себе. В ходе возобновившихся сексуальных игр, ей сильно доставалось от Шиама, но всё-таки это было не так смертельно опасно, как жизнь в бараках для Истинной крови. Правда, со временем они сильно опустели. В ходе состязаний полегло немало народу. Как и битвы гладиаторов в Риме, они заканчивались только со смертью противника.

И вот, наконец наступил день, когда должен был определиться победитель.

Выживших участников состязаний выстроили на Арене, представляющей собой гигантский многомерный стадион, и Риза, уверенная в своих силах, бросила презрительный взгляд на группу, состоящую из пятидесяти человек. Внезапно её взгляд задержался на высокой темноволосой девушке, и она почувствовала, что проваливается в бездну отчаяния. Незнакомка, как две капли воды похожая на её дочь, стояла напротив и не сводила с неё испуганных глаз.

«О, боги! Что же делать?.. Я не смогу убить эту девочку! — борясь с материнским инстинктом, Риза поспешно отвела глаза... и натолкнулась на смеющийся взгляд лорда Ваатора. — Подлая тварь! Ты не убедишь меня, что это Мариэль!.. Даже если это так, я не отдам тебе победу!» Собрав волю в кулак, она загнала боль глубоко в сердце и с яростью посмотрела на орудия трибуны, которые на этот раз были переполнены народом. «Ненавижу!.. Клянусь, если я выживу, то вдребезги разнесу этот подлый мир!»

Из состязания Риза вышла победительницей. Все пятьдесят голов она положила на стол перед судьями. Никто кроме Шиамиты не заметил, как она напоследок коснулась растрёпанных, коротко стриженных волос убитой ею девочки, и закрыла её распахнутые глаза. Затем, залитая кровью с головы до ног, она стояла на высоком постаменте и, гордо выпрямившись, мёртвыми глазами взидала на рукоплещущие трибуны. Уйдя в себя, Риза почти не слышала оглушающего рёва, которым приветствовали рождение новой богини — её душа корчилась от боли. Перед её мысленным взором неотступно стояло лицо дочери, а в ушах набатом звучал испуганный голос: «Мамочка, не убивай меня!» Внезапно подступившие рыдания перехватили горло, и ей стоило большого труда удержаться от слёз. «Ненавижу!.. ненавижу себя! Ведь я монстр! Таких, как я, нужно не божественной силой награждать, а развеять прахом, чтобы даже память о них сгинула в веках, — горько подумала она и твёрдо сжала губы. — Тем не менее я сделаю всё, чтобы добиться высокого положения при Сияющем дворе. Если для этого потребуется пролить реки крови, я их пролью. И не важно, что сейчас моя душа разрывается на куски. Я выживу, невзирая ни на что!»

Сидящий в роскошной ложе, парящей над стадионом, лорд Хаос насмешливо глянул на мрачного лорда Ваатора, который не спускал глаз с новой богини.

— Я все понимаю, мой недалёковидный друг, только один момент не доходит до меня. Почему такой великолепной женщиной пользуется другой, а не ты? Если она тебе не нужна ни в качестве жены, ни в качестве любовницы, тогда я заберу её себе.

— Простите мою дерзость, ваша божественность, но именно сегодня я собирался сделать Ризе официальное предложение.

— Тогда поспеши, Ваатор. Ты же знаешь, после смерти миледи Баастет у меня пусто место фаворитки, а я люблю волевых женщин.

Лорд Хаос внимательней пригляделся к синеглазой красавице. Увенчанная золотым венком победительницы она с триумфальной улыбкой взидала на трибуны, и в то же время от неё волнами исходила осязаемая тёмная злоба.

— Потрясающая женщина, а сколько в ней экспрессии! Внутри она просто пылает от ненависти к нашему миру! — воскликнул восхищённый лорд Хаос. — А вот ты дурак, Ваатор! Если эта начинающая богиня смерти не подходит тебе, тогда я не знаю, кто тебе нужен. Ведь никакая другая женщина не сможет тебя принять и уж тем более не сможет понять.

— Да, ваша божественность, я тоже так считаю, — грустно проговорил лорд Ваатор, и пристально глянул на суверена, оценивая его настроение. — Но если малышка нравится вам,

то я с радостью откажусь от неё. Ведь ваше желание для меня закон, — склонив голову, он тяжело вздохнул и с деланным огорчением добавил: — Хотя я уже привязался к маленькой злюке, она на самом деле пришлась мне по душе. Простите меня, ваша божественность, я действительно беспросветный дурак, если до сих пор не понимал идеальности вашего выбора.

— Ах ты, огненный лис! — усмехнулся лорд Хаос. — Ладно, забирай её себе, у меня достаточно кандидатов на место Баастет.

— Премного благодарен, ваша божественность, ваша щедрость подобна вашему величию, она столь же безгранична.

Когда празднество закончилось, прямо в комнате Шиамиты открылся огненный портал и из него шагнул лорд Ваатор.

— Ваша светлость! — воскликнула Дева Ада и рухнула ниц перед своим повелителем.

— Брось, Шиамита! Я не в претензии, что ты попользовалась моим добром. В конце концов, это же с моего соизволения, — небрежно произнёс лорд Ваатор и насмешливо посмотрел на невозмутимо молчащую Ризу. — Как я вижу, кое-кто здесь неплохо устроился и сумел взять в оборот даже тебя.

Повинуясь выражению его лица Шиамита исчезла в открывшемся портале и он, подойдя к ложу, по-хозяйски разлёгся на нём.

Риза, которая сидела у трюмо и через зеркало следила за заклятым врагом, опустила ресницы, пряча заблестевшие глаза. С ленивой грацией она отбросила волосы на спину и придирчиво оглядела флаконы с духами. Наконец она выбрала один из них и, открыв, коснулась хрустальной пробкой шеи и запястий.

В комнате запахло жаркими ароматами лета, слегка отдающими тлением, и адский палач усмехнулся. Синеглазая красавица использовала его любимые духи, что говорило о том, что она узнала его вкусы и тщательно подготовилась к битве.

Когда она взялась за щётку для волос, показывая этим, что не собирается первой начинать разговор, лорд Ваатор пошёл напролом.

— Ну, в чём проблема, дорогая невеста? Я тоже хочу ознакомиться с твоим хвалёным искусством любви, — сказал он и на его губах заиграла скверная улыбка. — Или ты даёшь только моим девкам?

Риза замерла на мгновение, а затем повернула голову и смерила его оценивающим взглядом.

— Думаю, нам не стоит торопиться, ваша светлость, — прохладным голосом сказала она и снова взялась причёсывать волосы.

— Это ещё почему? — не выдержал лорд Ваатор, понявший, что ему не пробиться через её мыслешит.

— Вдруг лорд Хаос, в отличие от вас, не любит делить фавориток с другими?

Осведомлённость Ризы в последних событиях Сияющего двора пришлась не по вкусу лорду Ваатору и в его глазах язычками пламени запылал гнев.

— С чего вдруг такое ничтожество, как ты, вообразило, что может заинтересовать Повелителя Всего Сущего? — спросил он трескучим голосом.

— Вы же здесь, ваша светлость. Думаю, только интерес их божественности мог принудить вас появиться у меня и наверняка с официальным предложением руки и сердца, — спокойно ответила Риза.

— А ты не дура, — отозвался лорд Ваатор. — Ну, и что ты ответишь?

— А у меня есть выбор? — насмешливо поинтересовалась Риза, с трудом сдерживая клокочущий гнев и в то же время радость, что настало время мести.

— Нет, тем не менее было бы неплохо заручиться формальным согласием невесты.

— Что ж, оно у вас есть, — поразмыслив, ответила Риза.

— Эй-эй! А как же твои слова, что скорее ад остынет, чем ты согласишься принять моё

предложение? — поддел её лорд Ваатор.

— Не стоит обращать внимания на слова женщины, сказанные ею в минуту отчаяния.

Подойдя, Риза опустилась на колени у ложа и положила ладонь на грудь жениха — туда, где ровными толчками билось его сердце.

— Ну что, ваша светлость, познакомимся поближе? Конечно, если у вас ещё не пропало желание испробовать моё искусство любви, — вкрадчиво сказала она и по её губам скользнула ледяная улыбка. — Кстати, когда вернётесь к себе, не забудьте проверить ад. А вдруг?

— Я дам тебе возможность самой проверить его температуру.

Под кожей Ваатора заплясали языки пламени, и Риза поспешно отёрнула обожжённые пальцы. С улыбкой на лице она подула на них, а затем её рука посинела и беспрепятственно проникла внутрь его тела. Когда её пальцы, обзаведясь четырёхдюймовыми алмазными когтями, вонзились в его сердце и рванули его наружу, лорд Ваатор застонал от удовольствия.

— Нравится, ваша светлость? — ласково пропела Риза и, проглотив его сердце, облизала окровавленные пальцы. — Вижу, что нравится... что ж, тогда продолжим наше знакомство.

На этот раз обе руки Ризы вонзились ему в живот, но тот вдруг раздулся и полностью её поглотил.

— Моя сладкая девочка, как тебе там? — спросил лорд Ваатор, поглаживая себя по громадному животу.

— Терпимо, только твои кишки сильно воняют, — раздался приглушённый голос.

Адский палач задушено икнул и из его рта выскользнула синяя змейка. Почувствовав неладное, он глянул на своё опавшее мужское достоинство и печально вздохнул.

— Проклятье! Ты же повредила мне член.

Приняв человеческий облик, Риза встряхнула волосами и нежно улыбнулась жениху.

— Простите, ваша светлость! Кажется, я была не осторожна.

— Ладно, тогда оставим знакомство на потом, — решил лорд Ваатор, неприятно удивлённый возможностями новой богини.

— Как скажете, ваша светлость, — смиренно проговорила Риза и, поклонившись ему, щёлкнула пальцами. Раздался гром и над её головой повисли тучи.

Она стояла под дождём до тех пор, пока не появился Шиам. Демон немного помедлил, а затем встал рядом с ней и привлёк её к себе. «Выходит, я не ошибся в тебе», — прорычал он и Риза, подняв на него глаза, оскалила зубы в такой же свирепой улыбке. «О да! Я стала твоим выигрышным билетом, а это значит, что отныне мы будем играть по моим правилам», — по-змеиному прошипела она и, превратившись в демонессу, стиснула его в объятиях.

ГЛАВА 3. Мари. Беда не приходит одна

После исчезновения Рени в нашем доме воцарилась тоскливая тишина. Господи, как же в нём стало пусто! Каждый из нас теперь жил своей жизнью, почти не соприкасаясь с остальными. Я страшно тосковала по маме, которая, как оказалось, была центром нашей маленькой вселенной. Без неё больше не было наших уютных женских посиделок на кухне с болтовней ни о чём. Больше никто не устраивал сердитых перепалок с выяснением, чья очередь убирать на этой неделе. Больше некому было сердиться, что второй месяц на окнах болтаются одни и те же нестиранные шторы, а в пепельницах высятся целые горы окурков. Больше не было весёлых субботников, когда мы приводили в порядок запущенное хозяйство.

Ох уж, эти незабвенные субботники! Рени не любила, когда в доме хозяйничали посторонние и потому без лишних экивоков привлекала домашних к уборке. Причём она подгадывала так, чтобы и Мика не мог отвертеться от участия в ней.

Стараниями мамы ему неизменно доставались такие интеллектуальные занятия как мытьё окон и перестановка мебели.

Конечно, их величество недовольно ворчал, мол, это сущий идиотизм тратить столько времени на тупую работу, когда можно вызвать клининговую службу. Но отец неизменно сдавался под тяжестью таких весомых аргументов как: ласковые взгляды, сопровождаемые поцелуями, и беспочвенные утверждения, что дом — это святое и что совместный труд на благо всей семьи объединяет и облагораживает.

«К тому же уборка и перестановка мебели требуют вдумчивого отношения и никому чужому её поручить нельзя», — неизменно заявляла Рени в конце своей пропагандисткой тирады. Как правило, к тому времени желающих спорить с ней уже не находилось. Когда Аннабель была дома, она во всём шла на поводу у матушки. Ник, поселившись у нас, тоже с ней не спорил. Так что оборону держали только мы с отцом. Правда, из меня была никудышная линия сопротивления. Зная мою слабость к сладкому, Рени пускала в ход подкуп и заранее заказывала торт.

Временами отец взбрыкивал. Исключительно из вредности он вставал в позу и начинал выяснять, почему именно он из раза в раз должен заниматься мойкой окон. Это занятие виделось ему исключительно женской работой. Тогда Рени брала его под руку и с терпеливым выражением на лице заявляла, что он ошибается и что это чисто мужская работа. «Милый, когда ты как Тарзан висишь под потолком, отмывая панорамные окна, то выглядишь очень мужественно, а у женщин в такой позе крайне неэстетичный вид. Вдобавок у них портится маникюр от долгого нахождения в резиновых перчатках», — добивала она его традиционно неопровержимым доводом.

После недолгих препирательств Мика с тяжелыми вздохами подвязывал волосы банданой и, вооружившись ветошью и средством для мытья стекол, по-пиратски зависал на оконной верхотуре. К порученному делу он всегда относился очень ответственно и окна после его мытья сияли алмазным блеском, без малейшего развода на стеклах. Затем, держа на весу какой-нибудь вычурный комод, он бросал яростные взгляды на весёлую Рени, легко порхающую по комнате и с задумчивым видом присматривающую новое место для увесистого антиквариата. Стараясь добиться максимальной степени уюта, она по несколько раз заставляла его переставлять тяжелую мебель. Забавно, что, совершив ритуальный

круговорот, та почти всегда возвращалось на прежнее место.

В общем, во время субботника в нашем доме с раннего утра начинался невообразимый кавардак и когда он, перевёрнутый вверх дном, к вечеру блестел чистотой и снова воцарялся привычный порядок, то все облегчённо вздыхали и с чувством выполненного долга шли отдыхать.

Уставшие до чёртиков мы тащились в сауну и бултыхались в артезианском бассейне, а затем с удовольствием ужинали при свечах. И обычный вечер превращался в уютный семейный праздник, с игрой в преферанс напоследок. Правда, Мика явно поддавался нам, чтобы продлить игру, — ведь у него фотографическая память и интеллект не чета нам, сирым. Но всё равно, несмотря на поддавки, он всегда выигрывал, причём с разгромным счётом. Затем он с мстительным удовольствием обнулял наши карточки, говоря, что это возможно на некоторое время прекратит приток в дом кучи бесполезного барахла, которое ему приходится таскать с места на место.

Конечно, я могла бы с ним побороться, но не хотелось обижать Рени, оставляя её одну в проигрыше. Правда, с появлением Ника шансы уравнились, и преферанс приобрел свою истинную напряжённость. Зачастую мы сражались всю ночь напролёт. Точнее играли я и мужчины, а Рени, которая теперь играла только в паре с Ником, заходила с его подсказки. Когда я обижалась на Мика, что он не помогает мне, тот спокойно заявлял, что не поощряет протекционизм в любых его формах. Чёртов любитель равных возможностей и здоровой конкуренции! Вдвоём они обдирали меня как липку, даже Рени, благодаря Нику, меньше проигрывала. Короче, мужчины всегда выигрывали, но утешало одно, что игра теперь шла без дураков. Никаких поддавок больше не было, и когда я проигрывала по минимуму, то страшно гордилась собой.

Даже небольшие суммы Рени все равно не любила проигрывать и по окончании игры, когда подводили итоги, она обиженно вопила, что они оба жулики и читают наши мысли. Мужчины каждый раз клятвенно заверяли её, что отключают менталку и битва идёт на равных. При этом Мика ехидно добавлял, мол, если бы некоторые во время игры меньше болтали по телефону и занимались маникюром, то на пару сотен евро проиграли бы меньше. На что Рени высокомерно отвечала, что не собирается тащиться на работу с облупленным лаком, а все звонки сделаны ею исключительно по делу. «Ведь должна же я уточнить график деловых встреч на следующую неделю?» Мика тут же иронично осведомлялся: «Это бабские сплетни на вечеринках, ты называешь деловыми встречами?»

Вот тут и начиналось маленькое семейное представление! Рени начинала шутливую перепалку, а Мика с довольной физиономией по мере сил подливал масла в огонь. Когда же мама начинала злиться всерьёз, тогда уже отец подлизывался к ней и в качестве пальмовой ветви мира прощал ей карточный долг, после чего довольная парочка, обнявшись, линяла в свою спальню. Даже невооружённым взглядом было видно, что они любят друг друга.

Да, правильно говорят, что имеешь, то не ценишь.

Осиротев, поначалу я болталась дома практически одна. Мужчины зачастую целыми сутками пропадали где-то на стороне. Ник, если и ночевал дома, то я его почти не видела. Он не то чтобы специально избегал меня, просто не горел желанием общаться — буркнет: «Bon matin ou le soir», в зависимости от времени суток, и тут же смывается в свою комнату.

Изредка заглядывал Мика. Такое ощущение, что он проверял в каком мы состоянии и не разбежались ли все из дома окончательно. Где он находился в остальное время, никто не знал, включая членов Совета старейшин, которые на первых порах обрывали наш домашний

телефон.

Несколько раз поздно вечером к нам заглядывал Томас Штейн. Если верить его словам, он пытался отловить Мика для каких-то страшно важных переговоров о государственных делах, но увы! Визиты отца были кратковременными, и шеф СБ ни разу не застал его дома.

Иногда Ник и Штейн приходили вместе и часами о чём-то спорили, но я не интересовалась сутью их разговоров. Даже моя любимая математика больше не занимала меня.

Может быть, со стороны оно выглядит по-детски наивным и легкомысленным, но в душе я не верила, что Рени умерла. Ведь никто из нас не видел её мертвой, а значит, всегда есть надежда, что однажды она вернётся. Наверное, эта вера в чудо впоследствии смягчила боль утраты. Конечно, я совершенно точно знала, что мамы нет в живых. Как и отец, я почувствовала миг её смерти, но...

С упорством достойным лучшего применения, я часами сидела и ждала, когда хлопнет входная дверь и раздадутся знакомые шаги. И так каждый день. С утра и до глубокой ночи.

Однажды, услышав перестук каблучков в прихожей, я так рванула вниз по лестнице, что чуть не сбила с ног неожиданно вернувшегося Мика, который явно опешил при виде моего радостного лица. Но внизу я увидела Эльзу Тероян, подругу Рени, и радость сменилась печалью. Эльза с участием посмотрела на меня и, поцеловав нас с Миком, пошла с нами в кухню. Без Рени мы больше не сидели в гостиной — это она любила с помпой принимать гостей.

Эльза просидела с нами весь вечер. Болтая о всякой всячине, она честно пыталась отвлечь нас от горестных мыслей. Нужно отдать ей должное, она — хорошая рассказчица и я с удовольствием слушала её истории. Как правило, это были забавные случаи из жизни и анекдоты из казармы безопасников. Одна беда, временами я ловила себя на том, что отвлеклась и, потеряв нить разговора, начинаю ржать невпопад. Мика во время нашей трепотни угрюмо отмалчивался и курил одну сигарету за другой. Причём невероятное количество никотиновой отравы он запивал лошадиными дозами кофе — и это форменное безобразие происходило на ночь глядя! Я обеспокоенно косилась на него, по-моему, такое издевательство над собой никакой вампирский организм долго не выдержит, но сделать замечание не решалась. Иногда от совершенно безобидной фразы, сказанной мной, он вспыхивал как порох.

В общем, к концу вечера наша бедная гостья окончательно выдохлась. Я её понимаю, трудно поддерживать разговор, когда получаешь в ответ односложные реплики и вежливо-горестные гримасы. Наконец, не выдержав, Эльза поднялась и, извинившись, сказала, что её ждут дома. Она позвонила мужу и тот вскоре приехал, причём не один, а вместе с Ником.

Войдя, Штейн озабоченно посмотрел на бесстрастное лицо отца, но не стал приставать к нему с разговорами. Чуткий типчик! Поздоровавшись, он сказал, что забирает жену, чтобы она больше не надоедала нам своей трепотнёй. Как показала практика, у эсбэшников только две разновидности шуток: дурацкие и кровожадные. Короче, Штейн забрал жену и тут же уехал. Когда Эльза прощалась с нами, то на её лице промелькнуло облегчение, но я не виню её за это. Другим всегда неуютно в компании тех, кто недавно потерял близких.

Ко всем прочим бедам на нас свалилось несчастье грандиозного масштаба, точнее на всю планету Земля. Правда, ожидаемая катастрофа разразится не завтра, так что время ещё есть; надеюсь, мы успеем к ней подготовиться. Думаю, Совет старейшин и Академия найдут решение проблемы, и мы избавимся от грозящей нам беды.

В общем, правильно люди говорят: пришла беда, отворяй ворота.

Тем не менее у всего есть положительные стороны. Угроза катастрофы отвлекает Мика от горя и это хорошо. В последнее время, занятый делами, он заметно оживился и теперь всё чаще появляется дома. У меня тоже чувство потери не то, чтобы притупилось, а как-то угнездились в глубине души и уже не причиняет такой острой боли. Как-то вечером, сидя в кухне, я поглядела на люстру и вспомнила, как после долгого отсутствия мы вернулись домой, и тут Рени увидела тараканов. О боже! что тут началось! С оглушительным визгом она одним махом взлетела под потолок и повисла на хрустальном шедевре чёрт знает какого там века. Несмотря на все наши уговоры, она ни за что не хотела спускаться вниз и тарасила сверху глаза, как напуганная кошка. Пришлось срочно разыскивать баллон с отравой, чтобы вывести настырных насекомых, — ментал на этих закаленных тварей не действовал. Потом мы долго изводили Рени насмешками, особенно старался отец. Когда она приставала к нему с дурацкими, по его мнению, вопросами, стоило только ему заикнуться: «Милая, кажется, где-то там пробежал таракан...», как она неизменно удирала наверх, и зазвать её в этот вечер на первый этаж квартиры было просто невозможно.

Вот и сегодня, вспомнив тараканью эпопею, я не выдержала и захихикала. А когда Мика и Ник подняли головы от своих тарелок и с подозрением посмотрели на меня, я не выдержала и расхохоталась уже в голос. Когда они многозначительно переглянулись, я замахала руками:

— Но-но, давайте без глупостей! Нет у меня никаких сдвигов по фазе. Честное слово! Просто я вспомнила, как Рени уморительно прыгала по столу и люстре в кухне, спасаясь от тараканов.

— Верю на слово, что это было смешно, — буркнул Ник и снова взялся за еду.

Кстати, как и мы с отцом, он очень переживал исчезновение Рени, хотя старался не показывать виду. Исподлобья посмотрев на меня, Мика тоже поначалу нахмурился, но затем на его лице появилось задумчивое выражение. Неожиданно он тепло и ясно улыбнулся. «Yes! Yes! Yes! Сработало!» — страшно обрадовалась я. Кажется, это была его первая улыбка за время, прошедшее с момента исчезновения Рени.

«Ах вы, мои дорогие паршивцы! Я не я буду, если не наведу привычный распорядок в доме. Видите, какие вы у меня умнички! Ведь можете, если захотите. Вот и сегодня никто из вас даже не опоздал к ужину», — с торжеством подумала я и бросила довольный взгляд на домашних. Правда, добиться такой пунктуальности от мужчин мне удалось далеко не сразу. Но пара-тройка скандалов по фирменному рецепту Рени, то бишь с битьем посуды, оказали своё неизменное чудодейственное воздействие. По вечерам мы начали регулярно собираться за столом. Разорванный семейный круг понемногу восстанавливался, и родственные связи крепили.

Всё складывалось замечательно, но меня со страшной силой напрягали хозяйственные неурядицы, — ведь наш дом по-прежнему находился на самообслуживании, — ни у кого не поднималась рука поменять заведённый Рени распорядок. Угадайте с трёх раз, на кого свалилась большая часть домашних работ?

Поспешно допивая своё молоко, я с ужасом глянула на гору невымытой посуды. «Так! Ужин подходит к концу, пора делать ноги, а то домашние подарки живо пристроят меня разгребать растущий Монблан в раковине!» Сытая уже по горло свалившимися на меня домашними делами, я выскользнула из-за стола, собираясь потихоньку смыться, но не тут-то было. Несмотря на стремительное бегство, Ник изловил меня и, невзирая на активный

протест по поводу возмутительного насилия, учинённого над свободной личностью, поволок обратно в кухню.

— Не так быстро, золотце!.. Мари, имей совесть. Я неделю мыл посуду, теперь твоя очередь.

— Это нечестно! До этого я мыла её почти месяц и... к тому же я заказываю еду в ресторане!

Я отпихнула от себя весёленький фартучек Аннабель, который Ник попытался на меня нацепить.

— Велика важность — заказать обед в ресторане.

— Между прочим, я ещё и квартиру убираю, а ты вообще не подходишь к пылесосу[1]!

— Уборка и готовка — это святая обязанность женщины.

— Наглая ложь, придуманная мужчинами! Я такая же трудящаяся женщина, как и вы! Между прочим, я тоже торчу на работе с восьми утра и до пяти вечера.

— Вот именно! Торчать-то ты торчишь, да только ничего не делаешь. Мне Штейн жаловался, а ему руководитель отдела аналитики, что ты целый день пялишься в потолок и сводки за тебя вынуждены делать другие. Не далее как вчера, он потребовал на совещании убрать тебя из подведомственного ему отдела. Гордись собой, Мари! Какого ранга руководители решают проблему твоего трудоустройства. Конечно, им больше делать нечего, кроме как ломать голову над тем, куда девать сопливую стажерку, которой лень работать. Помолчи, не перебивай меня, я ещё не всё сказал. Твой непосредственный начальник, вообще, как услышит твою фамилию, так сразу рвёт и мечет. Он требует не только уволить тебя, но для острастки засадить в карцер, минимум на месяц.

[1] Примечание автора: на момент написания романа пылесосы-автоматы были ещё не в ходу.

— Какое сказочное свинство! — возмущённо закричала я и с расстройства топнула ногой. — Это всё неправда! На самом деле я только пару раз опоздала со сдачей отчётов. И то только потому, что у меня возникла мысль, как сопрягать пространство в нескольких континуумах и я, чтобы не упустить её, зарисовывала формулы по горячим следам прямо на сводке. Я же не виновата, что под рукой не оказалось другой бумаги, вот я и писала, на чём придётся.

У ненормальных безопасников так сильно развита паранойя, что они сдают свои отчёты только на бумаге. Пришлось их заново перепечатывать: не сдавать же сводки, изрисованные моими каракулями. Представляю, какой бы ор опять поднялся!

— У тебя что-то получилось в результате? — Ник подался ко мне. — Что ты нащупала? Сможем мы реально приблизиться к скорости света?

— Видишь ли, вырисовывается кое-что иное ... — я нерешительно помялась, а затем не удержалась и брякнула: — Тебя не очень огорчит, если я скажу, что нащупала принцип движения в космосе со скоростью, превышающей скорость света в несколько раз?

— А у тебя всё в порядке с головой? — недоверчиво спросил Ник, но, вопреки словам, в его глазах вспыхнул неподдельный интерес. — Прости, я хотел спросить, насколько ты уверена в своих выводах.

— Ну, не знаю... — я снова заколебалась, даже не обидевшись на хамский намёк о шизе. — К сожалению, расчеты носят приблизительный характер. Надо бы их тщательно проверить. Если где-то вкралась ошибка, тогда это полная лажа.

Разволновавшись, я дёрнула себя за прядь многострадальных волос и, болезненно поморщившись, в отчаянии воскликнула:

— Знаешь, чувствую, что решение лежит где-то рядом, но никак не даётся. Хоть убей! Времени просто катастрофически не хватает на всё. Эх, как пить дать вытурят меня из отдела аналитики, причём с позором. Хорошо, если в карцер не запишут, — тут мою голову посетила светлая мысль. — Слушайте, а это выход! Точно! Засадите меня туда на месяц, я хоть без помех займусь расчётами, — я с насмешкой покосилась на бывшего старшего по патрулю. — Да всё нормально! Благодаря нашим совместным дежурствам, я чувствую себя в карцере как дома.

Пока мои подарки молча переглядывались, я потащилась мыть накопившуюся посуду. Уродливая горка «черепков», в зависимости от ракурса, вызывала у меня ассоциации то с Монбланом, то с Пизанской башней. И хотя не было ни малейшего желания штурмовать ни то ни другое, я не захотела связываться с посудомоечной машиной — выигрыша никакого, только замучаешься отскребать многодневные остатки перед загрузкой.

Стиснув зубы, я яростно скребла стенки кастрюли с намертво присохшими залежами еды неизвестного происхождения: «Merde! Давно уже пора перейти на одноразовые тарелки и не заниматься ерундой, только время улетает в трубу!» Когда сверху горки упала чашка и, ударившись о металлическое дно раковины, разбилась на три части, я с яростью швырнула её в ведро: «Ну, всё! Хватит с меня домашнего рабства! С завтрашнего дня ставлю наш дом на обслуживание! Прости, Рени, но больше нет никаких моих сил!»

— Ладно, Мари, иди отдыхать. Остальное я помою, — вдруг сказал Ник и отбирал у меня мочалку.

Точно, в ближайшем лесу что-то сдохло, причём очень крупное! Пока я, опешив от такой щедрости, глазела на него, он невозмутимо добавил:

— И можешь с завтрашнего дня не ходить на работу. Сиди дома и вплотную занимайся расчётами. В помощь я подключу тебе тиаран, с выходом на центральный процессор. Вдвоём вы наверняка справитесь гораздо быстрее. Но если и этого окажется мало, только скажи и все аналитические службы СБ будут приданы тебе в помощь. Можем также подключить теоретиков из Академии, но лучше не торопиться. Пусть они независимо от тебя поработают. Вдруг нащупают иное решение, — помолчав, он смерил меня долгим взглядом. — Знай, если ты сможешь приблизиться к пятидесяти процентам скорости света, это уже несомненный успех. В общем, не гонись за журавлём в небе, нам нужна реальная синица. Хорошо?

Судя по словам Ника, он возлагал на меня большие надежды — даже слишком большие. От внезапно навалившейся ответственности мне как-то разом поплохело, и я бурно запротестовала:

— Ты с ума сошёл? Я не могу бросить работу! — уцепилась я за первый подвернувшийся предлог. — На меня и так коллеги косятся! Ну, чего вы на меня уставились? Да-да! В своём отделе я белая ворона, а вы не знали? Между прочим, это по вашей милости меня внесли в разряд блатных и сторонятся как чумы. Оно и понятно. Все нормальные стажёры после Академии начинают работать в региональных службах, лишь меня запихали в службу Объединённых кланов. Нормально, да? — распалилась я, но взяла себя в руки. — Короче, только через мой труп. Никакого фриланса! Если я буду работать на дому, коллеги со мной не то что разговаривать, здороваться перестанут.

Припомнив первоначальный игнор в отделе, я бросила недобрый взгляд на Ника. Нужно быть полным идиотом, чтобы не догадаться, кто из домашних подарков удружил мне с подлым распределением. Конечно, Мика тоже мог провернуть такое, но без веской на то причины он бы не пошёл против собственных убеждений. Да и вряд ли он оставил бы меня в неведении относительно своего намерения. Так что это стопроцентно работа Ника. Одного не пойму, зачем я ему в отделе СБ. Спасибо хоть к аналитикам определил, а не в спецназ, как я уже опасалась. Представляю, как бы надо мной поиздевались господа шпионы. В отличие от аналитиков, мне им нечего противопоставить.

Несмотря на выстраданный крик души, подарки даже ухом не повели. Ник как ни в чём ни бывало продолжал мыть посуду (вот ведь бесчувственный Буратино!), поэтому я перевела взгляд на отца — в надежде, что он примет мою сторону.

— Глупости! Сиди дома и занимайся делом, — заявил этот предатель.

Вот так, да? Двое на одного? А вот фиг вам!

— Ни за что! — встала я в позу и Ник, чьё внимание мне всё же удалось привлечь, приласкал меня сумрачным взглядом.

— Вряд ли коллеги оценят твой политес, который грозит им смертью. Ты учти, кроме разработки теоретической части, масса времени уйдёт на технику, которую, между прочим, ещё нужно изобрести. Затем желательно довести её до ума, чтобы в пути чего-нибудь не отвалилось.

— Мари, не упрямясь! Ник дело говорит, — поддержал его отец.

Да что б вас всех! Неужели так трудно понять, что я боюсь? Вдруг я не справлюсь с порученным делом и тогда все погибнут? Господи! Расстроенная, я вскочила со стула и забегала по кухне.

— Нечему будет отваливаться! Вот увидите, моя теория с треском провалится, — озвучила я пессимистичную мысль, что не покидала меня ни на минуту.

Мика со снисходительной улыбкой наблюдал за моими метаниями.

— Успокойся, детка! Если Ник решил, что ты справишься, значит, ты справишься.

— Вы хоть представляете, что вы от меня требуете? А то заявили: пойди туда не знаю куда и сделай то не знаю что, и умыли ручки!

— Всё будет хорошо. Я в тебя верю.

— Ну, конечно! Тебя бы в мою шкуру, — проворчала я, тем не менее слова отца несколько меня успокоили. — Ладно, чёрт с вами! Так и быть, буду работать дома, но ничего сверхъестественного от меня не ждите. Хорошо?

— Хорошо, — согласился Ник. — Никто не ждёт от тебя чудес. Просто делай свою работу и помни, как много от неё зависит.

Я повернулась к отцу.

— *Рара*, можно я его убью?

— Нельзя, — последовал ответ. — Иначе мы останемся без звездолётов.

К сожалению, это правда. Без Ника нам вряд ли светит межзвёздный круиз, — ведь он у нас гений по части инженерных решений. Так что придётся смириться с его существованием вообще и в нашем доме в частности.

Кстати, вся эта суэта с межпланетным переселением тоже началась из-за Ника. Где-то с месяц назад он ошарашил нас неприятной новостью. Совсем близко, по космическим масштабам, произошёл взрыв сверхновой, и её излучение компактной волной идёт в нашем направлении, грозя уничтожить всё живое на Земле. На то, чтобы убраться с обречённой планеты у нас на всё про всё оставалось от тридцати до пятидесяти лет. Причём полтинник это в лучшем случае; Ник настаивал на том, чтобы мы уложились в тридцатник.

Ну а когда встал вопрос, куда именно податься бедным странникам, выяснились интересные вещи.

Раса эреев, на наше счастье, оказалась не настолько беспечной, как могло показаться на первый взгляд. Да, они прозевали своего космического убийцу, но так сложились обстоятельства. Есть у меня ощущение, что это было как идеальный шторм, то есть в том, что случилось, нет вины эреев. Думаю, они изначально были обречены. Правда, это лишь мои догадки.

Если ближе к делу, то эрейцы были очень даже предусмотрительными и ничего не пускали на самотёк. В своё время их космическая разведка обнаружила планету, которая находилась недалеко от Солнечной системы и была пригодна для заселения. Именно для заселения, а не для жизни.

Все параметры обнаруженной планеты, вращающейся вокруг такой же звезды второго поколения класса «G», как и наше Солнце, соответствовали параметрам нашей Земли, с совсем небольшими отклонениями, но она оказалась совсем ещё молодой. Растительности на ней не было, но согласно данным спектрального анализа, там уже плескались первичные океаны.

Это был задел на будущее. Первые звездолёты ещё ползли в безбрежном космосе с черепашной скоростью, и всё же Коалиционный Совет государств Ареи решил отправить флотилию звездолётов-автоматов к перспективной планете. В их первостепенную задачу входило терраформирование и посев земных культур в созданную почву. А со временем, когда под влиянием растительности изменится состав воздуха, пришельцы с Ареи

собирались воспроизвести животный мир, естественно по тем же земным образцам.

И вот теперь все наши надежды возлагались на эту почти мифическую планету, которая, по расчётам Ника, находилась в стороне от основного выброса сверхновой.

После его сообщения сразу же возникло несколько закономерных вопросов, а именно: существует ли ещё сама планетка и добрались ли до неё звездолёты эреев? Если да, то удался ли эксперимент по её терраформированию?

Тем не менее старейшины поверили Нику, что с планетой всё в порядке. После ожесточённых всенародных дебатов, в которых не принимал участие лишь ленивый, практически единогласно было решено, что мы отправляемся в рискованное космическое плавание.

С принятием эпохального меморандума на нас свалилась целая куча забот, связанных с переселением. Естественно, основной задачей стали пассажирские звездолёты, способные вместить приличное количество народа на своём борту. Но это было ещё далеко не всё. Чтобы добраться в целостности и сохранности до спасительной гавани, нам были нужны звездолёты, оснащённые оружием. Кто знает, что ждёт нас в космосе. Ко всему прочему, Ник сказал, что нам не помешают компактные исследовательские звездолёты-разведчики, рассчитанные на трёх человек. В общем, как он со всем этим справится, ума не приложу.

Да и ещё одно, очень важное во всей этой эпопее. На экстренном заседании Совета старейшин постановили заложить на стапелях промышленных комплексов столько звездолётов, чтобы вся вампирская раса улетела с Земли. Правда, есть небольшая мелочь, их ещё нужно изобрести, чем, собственно, я и занимаюсь, во всяком случае, теоретической частью. Но также старейшины приняли иное решение. Если мы не успеем с постройкой звездолётов или будет готова только половина, то не улетит никто. Мы разделим участь остальных землян. Причём приняли это решение *единогласно*. Может, в чьих-то глазах оно отдаёт идиотизмом, но лично у меня вызывает гордость.

После ожесточённых дебатов Совет пришёл к выводу, что разделение нанесёт нашему народу, тесно связанному ментально, непоправимый моральный вред. И я понимаю старейшин — будет невозможно глядеть без чувства вины в глаза тех, чьи близкие вынужденно останутся на Земле, и уж совсем невыносимо будет видеть горечь в глазах тех, кого за ненужностью бросят на гибнущей планете. Ведь современное вампирское общество построено так, что каждый из нас уверен — сородичи всегда защитят и никогда не бросят на произвол судьбы.

Также постановили, если речь пойдёт о нехватке не слишком большого количества мест, то останутся только добровольцы — без какого-либо отбора по степени полезности. И почему-то я уверена, что в желающих остаться недостатка не будет.

Мы — жестокий, но храбрый народ. Раса вампиров — гордая раса, и честь для нас — превыше всего. Я очень надеюсь, что в будущем в этом отношении ничего не изменится.

Правда, Ник что-то говорил об откате в ноосфере и о том, что гибель большого числа сородичей может свести с ума тех, кто будет на звездолётах. Но это уже мелочи, которые не имеют особого значения — во всяком случае, для меня.

ГЛАВА 4. Век живи — век учись. Как бы ни был секс хорош, он всего лишь приправа к основному блюду

Бесшумно войдя в кабинет Штейн обнаружил в нём посетительницу, которая увлечённо читала какой-то документ у него на столе. Остановившись у входа, он с любопытством посмотрел на жену, но она по-прежнему не обращала на него внимания.

— Эй, mein Liebstes[1]! — окликнул он увлечённую Эльзу. — Чего-то я не припоминаю, чтобы разрешал тебе лазить по моим бумагам. Кстати, если нашла что-то интересное, то давай, делись добытой информацией.

— Извини, дорогой! Я стала поправлять папки на твоём столе... — повернув к нему голову, Эльза мягко улыбнулась, — ну и не удержалась, открыла одну из них.

— Я заметил, — сказал Штейн нейтральным голосом, не спуская с неё испытующего взгляда, и добавил, лениво растягивая слова: — Что же настолько привлекло твоё внимание, что ты даже не заметила моего прихода?

— Ты преувеличиваешь, — на лице Эльзы появилось укоризненное выражение. — Ладно-ладно! Если у тебя обострение паранойи, то вызывай расстрельную команду и все дела.

— Наглеешь, Эль! Или возомнила, что стала моей женой и отныне тебе всё позволено?

— С чего вдруг? — усмехнулась Эльза. — Или ты считаешь, что женился на дурочке?

Заложив руки за спину, Штейн по-прежнему стоял у двери и, судя по лицу и позе, был совершенно спокоен.

— Смотри, meine Beste[2], а то доиграешься, — наконец сказал он.

В его холодном голосе прозвучали рычащие нотки и у Эльзы промелькнула мысль, которая показалась ей забавной. Она подумала, что так гремучая змея трещоткой на хвосте предупреждает, что она раздражена и вот-вот нападёт.

Видя, что муж злится, она, больше не мешкая, выскользнула из кресла, но прежде перемешала папки на его столе.

В глазах Штейна вспыхнули было гневные серебряные огоньки, выдавая, что Эльза подошла к опасному пределу, но тут же погасли и больше он ничем не выдал своего раздражения. Наоборот, он с видимым удовольствием смотрел на жену, которая, покачивая бедрами, не спеша приближалась к нему. Эльза редко изменяла излюбленному фасону и цвету платьев, вот и на этот раз на ней было нечто обтягивающее и травянисто-зелёное, что великолепно оттеняло её гладкую золотую кожу.

Оценивающий взгляд Штейна прошёлся по длинноногой изящной фигуре жены и задержался на тяжёлых густых волосах цвета меди. Они уже сильно отросли и волнистым каскадом ниспадали почти до пояса. Он самодовольно усмехнулся. Длинные волосы страшно злили Эльзу, но он не разрешал их остричь. «Повезло мне с женой, роскошная женщина. За такое приобретение не мешало бы немного побороться, — лениво подумал он. — Но кто же откажется от дармовщинки, тем более такой соблазнительной? Может, оно и к лучшему, что она мне ничего не стоила? Легко пришло, легко ушло. В случае чего не жаль будет расстаться с ней». Последняя мысль отчего-то ему не понравилась, и он хмуро глянул на подошедшую жену.

— Лисичка, ты же знаешь наши порядки, тогда почему нарушаешь служебную

инструкцию? Неужели я должен напоминать тебе, что в нашем деле любопытство наказуемо? — сказал он куда мягче, чем собирался.

Эльза встала вплотную к мужу и с нежной улыбкой заглянула в его серые глаза, опущенные длинными чёрными ресницами. Как всегда, при виде его удивительной красоты у неё предательски защемило сердце. Несмотря на внутреннее сопротивление в её взгляде поневоле вспыхнуло восхищение, и она тяжело вздохнула, снова проиграв битву самой себе. «Чёрт побери! Томас красив до невозможности. Находясь так близко от него, не хочешь, а влюбишься».

— Дорогой, не злись! Я же без всякого умысла, — сказала она и, обняв мужа, всем телом прижалась к нему. — Ну, заглянула я в документы. И что такого? Ты же не думаешь, что я побегу кому-то продавать твои секреты?

— Если бы они были мои, то и спрос был бы другой, но ведь ты лезешь в файлы СБ, — проворчал Штейн.

— Пожалуйста, не делай из ерунды вселенскую трагедию, — приподнявшись на цыпочки, Эльза поцеловала его и на её лице появилось озабоченное выражение. — Вообще-то, я зашла к тебе, чтобы обговорить одно семейное дельце, а не вызвать приступ шпиономании.

— Очень на то надеюсь, — Штейн приподнял бровь. — Семейное дельце, говоришь? И какое?

Он не ответил на её поцелуй и Эльза, решив, что пришла не вовремя, шагнула было назад, но он удержал её на месте.

— Не удирай, Лисичка! Так что ты хотела?

— Как ты смотришь на то, чтобы пригласить к нам Палевских? Нужно отвлечь их, а то они совсем скисли после пропажи Ри. У Архангела такой вид, что он скоро видимой коркой льда покроется, а глядя на Мари у меня самой сердце разрывается. Девочка от горя сама не своя. Хотя она старается не показывать виду, но у неё это плохо получается.

— Ника ты тоже позовёшь?

— Естественно! Ведь он тоже член их семьи, — Эльза заглянула в лицо мужа. — Вообще-то, это не я их приглашаю, а мы. Или ты не согласен?

— Нет, я не против, — рассеяно ответил Штейн, размышляя при этом, стоит ли поднимать бучу из-за нарушения ею служебной инструкции. — Только давай отложим мероприятие на неделю. Раньше всё равно не получится.

— Уезжаешь или здесь намечается неотложное дело? — прохладно поинтересовалась Эльза, которой чем-то не нравился его настрой.

— Здесь, — последовал короткий ответ.

— Тогда не буду тебе мешать... — попыталась она улизнуть, но не тут-то было.

— Подожди!.. Я по тебе соскучился, Лисичка, — ласково проговорил Штейн и его ладони заскользили по её бедрам.

При виде огня желания, вспыхнувшего в его глазах, на душе у Эльзы заскребли кошки. С некоторых пор их отношения наладились, и она надеялась, что те времена, когда он беззастенчиво таскал её к себе в кабинет, безвозвратно ушли. Правда, раздражал её не столько сам секс, сколько привычка Томаса рвать в клочья её одежду, отчего ей каждый раз приходилось унижаться перед Мартой, выпрашивая что-нибудь из её нарядов.

— Дорогой, давай не будем торопиться и подождём до вечера. Я приготовлю ужин, исключительно твои любимые блюда... Томас, перестань! Будет всё, как ты любишь:

романтическая обстановка при свечах, и я в розовом кружевном белье. Кстати, я тут по случаю купила замечательные старинные подсвечники, заодно посмотрим, как они будут смотреться на столе... Что б тебя черти взяли! Это же моё любимое платье!

— Ничего, купишь себе новое... Эль, я верю, ты постарайся угодить мне по максимуму, но следующий раз будет ещё не скоро, — пробормотал Штейн, пьянея от близости той, что, к его удивлению, не вызывала у него привычного пресыщения, какое он вскоре испытывал к женщинам, с которыми у него были интрижки.

Эльза, удивившаяся его словам, хотела было спросить, что это означает, но Штейн заткнул ей рот поцелуем, а затем уже ей было не до расспросов. Вопреки обыкновению, он был необычайно нежен с ней. Никаких садистских штучек, только ласковые прикосновения и поцелуи. Это так не походило на их обычный секс, что у неё сжалось сердце от странного предчувствия, в которое она боялась поверить. Тем не менее за это обещание любви она простила мужу напоминание о прежних временах.

С задумчивой улыбкой Эльза открыла дверь, ведущую в душевую.

«Чёрт побери, что это было?.. Грустно и смешно, но сегодняшняя перетраха в кабинете у Томаса аж навеял ностальгию. Забавно было вспомнить, что в прошлом такие походы бесили меня до потери пульсации, — подумала она и, глянув на зелёный лоскуток, прилепившийся к руке, вздохнула. — Жаль, красивое было платье. М-да! Не везёт моим зелёным нарядам. Отчего-то они действуют на Томаса, как красная тряпка на быка. Ладно, завтра куплю себе что-нибудь новенькое. Будем считать, что платье — это своеобразная плата за информацию».

Убрав волосы в пучок, она до отказа подняла ручку крана и шагнула под душ. Идущая под большим напором вода стегала не хуже плети, кожа покраснела и загорелась огнём, но она, растревоженная необычным поведением мужа, ничего не замечала.

«Как странно! Почему он изменил своему обыкновению? Что скрывается за этой переменной? Логично предположить, что мне заготовлен неприятный сюрприз и Томас всего лишь постарался подсластить пилюлю, и всё же... Вдруг я ошибаюсь? В самом деле, зачем ему играть со мной? Мы женаты. Рано или поздно, но правда выплывет, так что нет смысла лгать о своих чувствах. В конце концов, Томас не из тех, кто любит выставлять себя на посмешище. К тому же он прекрасно знает, что обман выйдет ему боком... — Эльза помрачнела, но затем выражение её лица смягчилось. — С другой стороны, семья предполагает доверие. Если Томас стремится упрочить отношения, а я своими подозрениями не даю ему шанса, то мне же хуже. Любовь — птичка пугливая, улетит, не поймаешь... Боже, что-то я совсем расквасилась! Эй, Тероян, приди в себя! Хватит витать в облаках! И всё же, на миг — только на миг, не больше! — мне показалось, что Томас действительно любит меня, — опомнившись, она тряхнула головой и насмешливо улыбнулась. — Вот дура! Какие романтические бредни всё ещё живут в моей душе. И тем не менее за сегодняшний день я готова многое простить Ледяному Тигру. Честное слово!»

Волосы намокли, выбившись из пучка и закрыв глаза, Эльза подняла лицо навстречу рукотворному дождю. Размышляя о будущем, она не замечала, что на её губах блуждает счастливая улыбка. «Может, Рени права и любовь действительно приходит не сразу? Если мы постараемся, может, наши отношения с Томасом со временем перерастут в нечто большее, чем просто секс?.. Ой, нет! Снова я нарываюсь на очередные неприятности, — она задумчиво улыбнулась. — Неприятности... Ну и подумаешь! Чёрт с ними, с неприятностями! Иногда до безумия хочется капельку счастья. Счастье — оно как радуга среди туч. Вместо

серых будней солнечные праздники на двоих. Вот что такое счастье... Тероян, прекрати! Ничему-то жизнь тебя не учит, и ты раз за разом наступаешь на те же самые грабли». Вопреки сомнениям в её душе вспыхнула робкая надежда, и ничем её, паршивку, было не придушить.

Выйдя из душа, сияющая Эльза подошла к Штейну и нежно поцеловала его в щеку.

— Ну, я пошла?

— До встречи, дорогая, — рассеяно ответил он и, поцеловав её на прощание, снова с головой ушел в работу.

Эльза не расстроилась его невниманием и лёгким, каким-то танцующим шагом направилась к выходу. Штейн посмотрел ей вслед, и на его лице отразилось мучительное сомнение. Он потянулся было к кнопке на селекторе, собираясь отменить недавно отданное распоряжение, но передумал и оставил всё как есть.

Взявшись за ручку двери, Эльза обнаружила на полу мокрую дорожку, тянущуюся следом за ней.

— Кстати, у тебя там нет ни запасной одежды, ни даже полотенце, так что я увела последнее, что там было, — сказала она. — Извини, что насвинячила. Волосы длинные, хоть отжимай, хоть нет, а с них всё равно течёт.

— Ничего страшного! В последнюю субботу месяца у Марты генеральная уборка. Видимо, мы помешали ей принести замену.

— Ну ладно. А я хотела было прислать из дома.

— Это лишнее. У меня всё есть.

Выйдя в стерильно чистую приемную, Эльза придирчиво глянула на секретаршу Штейна и её кольнуло неприятное чувство: ей показалось, что она по всем статьям проигрывает любовнице мужа. Одетая по последней моде, вдобавок причёсанная волосок к волоску девушка действительно выглядела так, что хоть сейчас на обложку модного журнала.

Марта скользнула по ней рассеянным взглядом и на её лице проступила вежливо-презрительная мина. Сделав вид, что не замечает посетительницу, она перевела взгляд на монитор.

В душе Эльзы всколыхнулась привычная неприязнь, но она весело произнесла:

— Простите, Марта, не одолжите мне что-нибудь из своих вещей? Так сказать, по старой памяти.

С выжидательной улыбкой на лице Эльза смотрела на склонённую белокурую головку с идеально ровным пробором. «Прилизанная сука!» — кипела она внутренне, видя, что девушка не спешит откликнуться на её просьбу. Ожидание затянулось и её охватили недобрые предчувствия.

Когда Марта соизволила оторвать взгляд от стола и подняла голову, у Эльзы упало сердце: «Чёрт побери! Неужели откажет?.. Ладно, не беда! Попрошу Томаса, уж ему она не посмеет отказать».

— Герр Штейн велел передать, что сажает вас под арест на пять суток за провинность, о которой вы сами знаете, — неожиданно сказала девушка. — Это не я, это герр Штейн так выразился, — сочла нужным она пояснить.

— Что? — не поняла Эльза. — Какие пять суток?

— Не нужно так смотреть на меня, я здесь ни при чём. Так распорядился герр Штейн, — сказала Марта всё тем же вежливо-безучастным тоном и с плохо скрываемым торжеством добавила: — Вы должны дождаться сержанта, который отведёт вас в казармы.

Извините, фрау, но при таком раскладе я не могу рисковать своими вещами.

И хотя в глазах девушки по-прежнему сияло ликование, на её фарфорово-белой коже проступили красные пятна. Она нервничала и излишне суетилась, перекладывая папки на столе.

«Не верю!» — Эльза рванулась к кабинету мужа и с размаху ударилась о закрытую дверь. Оскорблённая в лучших чувствах в течение несколько секунд она хватала ртом воздух. В ней бушевала такая ярость, что было нечем дышать. «Открой, Штейн! Открой, подонок! Убить тебя мало за такие штучки! Трус! Что ж ты в глаза не сказал мне об аресте?» — выкрикнула она, преисполненная отчаяния. Тяжелая дубовая дверь глухо загудела от её ударов, но ответом ей по-прежнему служило гробовое молчание.

Спустя некоторое время, осознав бесплодность попыток прорваться к мужу, Эльза отшвырнула мешающее ей полотенце и голой фурией заметалась по приёмной. Она хватала всё, что ей попадались под руку, и швыряла в дверь кабинета. Испуганная Марта попыталась спасти свою безупречно расставленную канцелярию, но не тут-то было. Разошедшаяся Эльза подлетела к её столу и разом смела со столешницы всё, что там находилось.

Погром длился до тех пор, пока в приёмной не распахнулась дверь и не появилась Роза Мориску, облачённая в чёрную форму СБ. Эльза сразу же угомонилась и насторожённо наблюдала за тем, как сержант вальяжной походкой приближается к ней. Её давняя головная боль была высокой темноволосой женщиной с резкими почти мужскими чертами лица и необычайно красивыми фиалковыми глазами.

Подойдя ближе, сержант с усмешкой посмотрела на подчинённую, которая заметно поникла при её виде.

— Ты! — обречённо уронила Эльза, воспринимающая приход той, что домогалась её уже не первый год, как ещё одно сознательное унижение со стороны Штейна.

— Что я слышу! Неужели ты мне не рада? Обижаешь, дорогуша! А я так спешила к тебе, — издевательски протянула Мориску.

Обойдя вокруг замершей арестантки, она одобрительно хмыкнула.

— Надо же, какое приятное зрелище! Милочка, ты просто неподражаема. Руки! — приказала сержант и Эльза беспрекословно подчинилась.

При виде такого необычного послушания у Мориску дрогнули уголки губ. Защёлкивая наручники, она склонилась к уху Эльзы.

— Дорогая, прекрасно смотришься, в костюме Евы, да и покорность тебе к лицу, — проговорила она чувственным шепотом и в её фиалковых глазах вспыхнул тёмный огонь.

— Иди к чёрту! — огрызнулась Эльза.

— Полегче, Тероян! Ведь знаешь, что хамить старшим по званию, значит, нарываться на неприятности.

Мориску с укоризненным видом покачала головой и с любопытством огляделась по сторонам. Вид разгромленной приемной поднял ей настроение. «Кажется, голубки не ладят, а Лисичка не из тех, кто любит скандалы. Значит, дело времени, когда они расстанутся. Что ж, выходит, для меня ещё не всё потеряно», — с торжеством подумала она.

[1] Mein Liebstes — голубушка (нем. язык)

[2] Meine Beste — моя дорогая (нем. язык)

Заметив злорадно улыбающуюся секретаршу, сержант нахмурилась.

— Эй ты, подстилка! Дай моей девочке какую-нибудь одежду, ей нужно прикрыться. Не вести же её в таком виде по штабу...

Марта задохнулась от негодования.

— Солдафонка несчастная! Да как вы смее! — выпалила она, но тут же взяла себя в руки и надменно выпрямилась. — Ничего я вам не дам. Пусть идет голая, ей не привыкать, — проговорила она ледяным тоном.

Мелькнула смазанная в движении гибкая фигура и Мориску, возникшая рядом с секретаршей, схватила её за горло. Дико сверкнув глазами, она угрожающе прошипела:

— Сука! Ты плохо меня слышишь? Так я быстро прочищу тебе уши!

Последовал удар ребром по горлу, и бедная Марта замерла, не имея возможности позвать на помощь. От натуги у неё полезли глаза на лоб, когда Мориску выхватила нож и со злобещей улыбкой схватила её за ухо.

Видя, что дело плохо, Эльза подсечкой сбила сержанта на пол, но та моментально взвилась на ноги и вновь ринулась к перепуганной девушке. Поняв, что Мориску на полном серьёзе вознамерилась отрезать уши секретарше Штейна, она заслонила её собой.

— Уймись, Мориску! — рыкнула она с решительным видом. — Совсем с ума сошла?! Вон там валяется полотенце, заверни меня в него и пойдём от греха подальше. Томас тебе самой уши отрежет, когда узнает о творящемся здесь безобразии.

Мориску засмеялась и, вернув Марте возможность дышать, разыскала полотенце. Она завернула в него Эльзу и, скрепив махровое полотнище острой длинной шпилькой, извлечённой из кармана кителя, отступила на шаг и полюбовалась своей работой.

— Эх, такую красу под тряпку упрятала! Но что делать? Служба превыше всего. Двигай конечностями, Тероян, тебя заждалась гауптвахта. Ты куда, поганка?! — завопила сержант, когда арестантка рванула от неё в направлении стола секретарши.

Всё же Эльза успела подскочить к селектору на столе Марты и, нажав кнопку, отчаянно выкрикнула:

— Штейн! Такую подлость я никогда тебе не прощу! Всё кончено! Слышишь, ублюдок?

Она занесла скованные руки, собираясь напоследок разнести ни в чём неповинный селектор, но бесшумно подошедшая Мориску схватила её за локоть и потащила прочь.

— Хватит буйствовать, Тероян, ты уже достаточно порезвилась. Идём, подруга. Нам пора.

— Да пошла ты!..

Глаза Эльзы горели недобрым блеском. Резким движением она высвободилась из сержантского захвата и почти бегом бросилась к выходу.

— Куда ты понеслась?.. Стой, дура! Будешь так бежать, на ноги тоже надену браслеты! — выкрикнула сержант, но догнала её уже за дверью.

В пустынном коридоре, когда они остались одни, Мориску посмотрела на понурую спину арестантки и вздохнула.

— Хватит реветь, дурочка, — негромко сказала она, и Эльза призвала на помощь всю свою шпионскую выучку, чтобы действительно не расплакаться.

— Не выдумывай, Мориску, тебе показалось.

— Ну, конечно, мне показалось! Как бы не так! Спорим, что ты и сейчас втихую распускаешь нюни? — сказала сержант и в её голосе зазвучали нежные нотки: — Эль, ведь ты по опыту знаешь, какие мужики козлы. Ну, на кой чёрт они тебе сдались?.. Моё сердце, я готова сколько угодно тебя ждать. Если надумаешь, я всегда приму тебя.

Догнав Эльзу, сержант дотронулась до её плеча.

— Эль, вот чего ты трусишь? Давай попробуем, может у нас получится...

— Чёрт побери! — раздражённая Эльза резко повернулась и оказалась носом к носу с сержантом, которая несколько опешила от неожиданности. — Мориску, хоть ты не начинай! Я очень тебя прошу! Хватит с меня любовью! Я уже наелась ими по самое не могу, ясно тебе? — процедила она сквозь зубы.

— Ну а вдруг? Не попробуешь, не узнаешь. Вдруг тебе придётся по вкусу новое блюдо? — вкрадчиво проговорила сержант и в её глазах запылал фиолетовый огонь. — Эль! — пробормотала она, теряя голову от близости той, что любила.

— Да что б тебя! — Эльза шарахнулась от неё и с яростью прошипела: — Мориску, держи себя в руках! Хватит преследовать меня и, вообще, на мой взгляд, этот лесбийский фарс чересчур уж затянулся. Пойми уже, как луне не встретиться с солнцем, так и нам не быть вместе. Поверь и успокойся!.. Ну, найди ты себе другой объект для страсти! Есть же масса желающих. Взять ту же Лаки. Девчонка который год таскается за тобой, и как собачонка заглядывает в глаза. Только помани, и она с радостью запрыгнет к тебе в кровать.

— Знаю, но сердцу не прикажешь, — с грустью сказала Мориску.

— Верно! А ты просто дура, если сама не можешь понять эту простую истину.

— Понять могу, а вот принять... — отступив на шаг, сержант смерила Эльзу долгим взглядом. — Ладно, Тероян, побазарили и хватит. Кругом и шагом марш! — приказала она и подтолкнула её в спину. — Быстрее, Тероян! Что ты тащишься, как дохлая лошадь?

— Оттого, что уже заездили, — буркнула Эльза.

— Не ври, лично я ни разу на тебе не прокатилась. Так что вперед и с песнями. Пой, Тероян! Дура я, дура я, дура бестолковая у него четыре дуры, а я дура пятая... Ну чего молчим? Добавить ещё недельку?

Эльза опасливо посмотрела по сторонам. Народу в коридоре явно прибавилось, и встречные со смешками провожали их взглядами.

— С ума сошла? Не буду я петь эту пошлость.

— Пой! Считаю до трёх!..

— Дура я, дура я, дура бестолковая у него четыре дуры, а я дура пятая, — начала проговаривать Эльза с тоскливым выражением на лице.

По сторонам она старалась не смотреть.

— Тероян, я сказала петь, а не шептать. Громче!

«Да что б ты сдохла!» — пожелала Эльза сержанту и гаркнула во весь голос:

— Дура я, дура я, дура бестолковая у него четыре дуры, а я дура пятая... — она обернулась. — А дальше что? Я не знаю. Это ж вроде как присказка, а не песня.

— Начинай заново! Пой, пока не придём!

«Совсем сбрендила!» — вздохнула Эльза, но послушалась приказа.

Выкрикивая раз за разом, что она дура пятая, она, наконец, оценила комичность ситуации и, не выдержав, расхохоталась. «Тероян, совсем мозгами повредила?» — осведомилась сержант и, убедившись, что с арестанткой всё в порядке, велела ей заткнуться. Эльза не послушалась и продолжала горланить до тех пор, пока они не прибыли на

гауптвахту и Мориску не сдала её дежурному офицеру.

Минут через десять, после того как Эльзу увели, дверь кабинета распахнулась.

— Hol's der Teufel[1]! — вырвалось у Штейна при виде секретарской. «Мощно! Такое впечатление, что здесь бушевал настоящий тайфун, а не любимая жёнушка. Похоже, Лисичка разозлилась не на шутку», — кисло подумал он и постарался отогнать мысль, что дело вряд ли ограничится домашним скандалом и Эльза, скорей всего, потребует развод.

— Почему ты до сих пор не вызвала уборщика? — рявкнул он на Марту, и та подскочила на месте.

— Простите, герр Штейн, сейчас сделаю! — воскликнула девушка и, склонившись к селектору, дрожащим голосом вызвала службу АХР.

Заподозрив неладное, Штейн взгляделся в её пылающее лицо. «Определённо нашкодила и теперь трясётся, как заячий хвост», — пришёл он к выводу. Перед его глазами возникла Эльза, завернутая в полотенце.

— Так! А где моё коричневое полотенце? — спросил он ледяным тоном, уже догадываясь об ответе.

С лица Марты схлынул румянец, и её кожа приобрела мертвенно-синюшный оттенок.

— Простите, герр Штейн, но в нём ушла фрау Эльза. Я не успела дать ей другую одежду, — чуть слышно пролепетала она.

— Ясно.

Штейн смерил испуганную девушку долгим тяжёлым взглядом.

— Свари мне кофе, да покрепче, и принеси что-нибудь поесть, — сказал он перед возвратом в кабинет.

Марта рухнула на стул, всё ещё не веря, что легко отделалась. Тем не менее она нисколько не жалела о своём поступке. Она припомнила, в каком виде выставила соперницу на люди, и торжествующе улыбнулась.

[1] hol's der Teufel! — черт побери! (нем)

ГЛАВА 5. Развод по-вампирки, или Попытка сердечного аборта

Услышав звонок, Мари побежала открывать входную дверь.

— Наконец-то, пропащая душа! Я уж думала, что у тебя приключилось нечто экстраординарное. Больше недели от слуху ни духу, — обрадованно выпалила она и, оглядев гостью, удивлённо приподняла брови. — По какому случаю траур?.. Ой, прости!

«Вечно я что-нибудь ляпну, не подумавши! Вдруг у Эль погиб товарищ?» — расстроилась девушка.

— Да нет, все живы и здоровы, никто не умер, — успокоила её Эльза и Мари, обняв, чмокнула её в щеку.

— Слава богу! — она отступила и, оглядев наряд гостьи, подняла большой палец. — Во! Тебе очень идёт. Эдакая женщина-вамп.

И в самом деле, гостья смотрелась очень стильно. На ней была узкая чёрная юбка, необычная покроя чёрная блузка, поверх которой был надет короткий кожаный жилет тёмно-зелёного цвета. Дополняли наряд такого же цвета высокие сапоги на шпильке.

От чая Эльза отказалась, сказав, что спешит и заглянула буквально на минуту. Порывшись в сумочке, она протянула Мари листок, вырванный из блокнота.

— Держи, это то, что ты просила. Данные удалось прочесть только за прошлый месяц, так что не гарантирую, что всё осталось в неизменности, — сказала она и испытующе посмотрела на девушку. — Ты не передумала? Может, откажешься от своей идиотской затеи? Гражданским нечего делать в зоне боевых действий. Как пить дать, Аннабель ты не найдешь, только сама угодишь переделку.

— Нет, — ответила Мари. — И не надейся, я не передумаю. Эль, не смотри на меня так, я не самоубийца. Ты же знаешь, это мой долг перед Рени.

— Знаю, глупышка, можешь не распинаться, я понимаю. Извини, но мне пора, я действительно спешу.

— Постой, Эль! У тебя точно всё в порядке?

— В полном.

— Моя просьба не очень обременила тебя?

— Нет.

— Тогда почему ты такая смурная? — не отставала Мари от гостьи.

— Вот ведь надоедливая девчонка! Со мной всё в порядке! — с досадой воскликнула Эльза и только тут заметила, что у её протеже крайне утомлённый вид.

— Отощала и синяки под глазами, — констатировала она, озабоченно глядя на девушку. — Что случилось? Живо говори!

— Господи, вылитая татап, — расплылась в улыбке Мари. — Да ничего не случилось. Это всё долбанные расчёты. Ник боится не успеть с постройкой звездолётов, и постоянно подгоняет меня — мол, давай быстрее, чего возишься. Если он вгонит меня в гроб, организуйте похороны за его счёт... Эль, не грузись! Я пошутила, Ник здесь ни при чём. Честное слово, всё в порядке. Просто нужно выспаться и поесть, и я снова буду как огурчик, клянусь!

— Ну, смотри, — Эльза поцеловала её на прощание. — Береги себя, а я побежала, хорошо?

Гостья ушла, а Мари, мучимая раскаянием, по-прежнему стояла в холле. Она подспудно чувствовала, что каким-то образом всё же подставила Эльзу и у неё, что бы та ни говорила, теперь неприятности с мужем. Немного зная Штейна, она вполне могла себе представить, как он может обойтись даже с женой, если застукал её за кражей конфиденциальной информации. «Merde! Надеюсь, оно хотя бы того стоило», — расстроено подумала девушка и глянула на листок, зажатый в руке.

Лифт спустился в подземный гараж, и Эльза направилась к своему «форду». Впрочем, как у многих из вампиров, это была лишь видимость стандартной марки. Увидев, кто сидит за рулём машины, на мгновение её захлестнул гнев — тяжёлый и душный как грозовая туча в жаркую пору, но она тут же взяла себя в руки. Ведь она была не просто шпионкой, она была профессионалом высокого класса. Отринув эмоции, Эльза спокойно подошла к машине и открыла дверцу со стороны водительского сиденья.

— Выходи, я спешу, — сказала она ровным тоном.

Штейн пытливо глянул на неё и достал сигареты. Раскурив одну из них, он, в свою очередь, открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья.

— Садись, я поведу.

— Что ж, в таком случае я поеду на такси.

Эльза выпрямилась и направилась к выходу их гаража, но далеко она не ушла. Поравнявшись с ней, Штейн притормозил и, схватив за локоть, рывком втащил её в салон машины. Плюхнувшись на сиденье, она скрипнула зубами, но промолчала.

Устроившись поудобнее, Эльза поправила сбившуюся юбку и, стараясь не смотреть на мужа, тоже достала сигареты и чиркнула зажигалкой. Увы, сигарета не доставила ей никакого удовольствия. Она сделала пару затяжек и с гримасой отвращения затушила её в пепельнице. Штейн чуть заметно усмехнулся, что не прошло мимо её внимания.

Тёмно-красный «форд» Эльзы с языками желто-оранжевого пламени на корпусе исправно пожирал километр за километром. Вскоре городские многоэтажки закончились и вдоль дороги замелькали пригородные коттеджи. Штейн вёз её домой. «Ясно! Он знает, что я потребую развод и знает, что уговаривать бесполезно, я не отступлюсь. Поскольку он ещё не принял решение, то тянет время. Видимо, хочет взвесить все «за» и «против», прежде чем послать меня к чёрту», — тоскливо подумала она.

Мобильники, радио и плеер молчали, только мягко урчал псевдомотор, навевающий дрему. Отвернувшись к окну, Эльза закрыла глаза. Она поставила точку в их отношениях и считала какие-либо разговоры излишними. Штейн так не считал, но тоже предпочитал отмалчиваться. Минут через двадцать они подъехали к небольшому уютному особняку, который окружал сплошной бетонный забор, снаружи замаскированный слоем красного кирпича. При приближении «форда» серые бронированные ворота открылись, и они въехали на приусадебную территорию.

Выйдя из машины, Штейн подошёл со стороны Эльзы и распахнул дверцу.

— Не упрямясь, Эль! Всё равно тебе не отвертеться от разговора.

— У меня нет времени. В двенадцать начинается моё дежурство. Дай ключи! — сказала она и протянула к нему руку.

Пальцы Штейна стиснули её запястье. Он знал, что ею движет упрямство, и старался особо не злиться.

— Прощу, не спорь. Сегодня тебя подменят на службе. Идём в дом.

— Зачем? — Эльза подняла на него глаза.

— Давай поговорим, почему ты бегаешь от меня, — сказал Штейн и прищурился. — Или ты трусишь, Лисичка, и по своему обыкновению собираешься дать дёру?

— Томас, ты не купишь меня на эту детскую подначку. Дай ключи! Мне нечего тебе сказать.

Глаза Штейна приобрели серебряный отблеск, что служило признаком растущего раздражения.

— А мне вот есть! Не ломайся Эль! Хочешь ты того или нет, но разговор состоится.

Он выдернул её из машины и, крепко держа за руку, потащил ко входу в особняк, не замечая при этом, что Эльза на своих высоких шпильках с трудом поспевает за его размашистым шагом.

Дома он наконец отпустил её руку, и она подключила ускоренную регенерацию. Заметив это, Штейн в знак извинения буркнул что-то неразборчивое и направился к гостиной на первом этаже, выдержанной в бело-голубых тонах. Эльза поморщилась. Она не любила эту комнату — своим интерьером и стерильной чистотой она напоминала ей Марту.

Войдя в гостиную, она села напротив Штейна, разместившегося за небольшим круглым столом. Предстоящий разговор заставлял её нервничать, и она по привычке потянулась было за сигаретами и поняла, что отвращение никуда не делось. На этот раз Эльзу затошнило от одного лишь запаха сигарет, и она отправила пачку в мусорную корзину. «Вот скотина! Всё же поставил ментальный блок. Неужели думает, что я останусь с ним после того, что он мне устроил?»

— Твоя работа? — она глянула на непроницаемое лицо Штейна. — Уверена, что твоя. Ведь тебе всегда не нравилось, что я курю.

— Думай, что хочешь, — ответил он и, встряхнув головой, с досадой отбросил распущенные волосы за спину. — Отстричь что ли? А то уже до чёртиков надоело возиться с этой бабской гривой.

— Не стоит. Палевский не поймёт.

Плавным движением Эльза выскользнула из-за стола и, зайдя со спины, привычными движениями заплела его длинные шелковистые волосы в аккуратную косу.

— Ну вот, готово.

— Спасибо.

По окончании их маленького семейного ритуала она хотела вернуться на место, но Штейн поднёс её ладонь к губам и нежно поцеловал.

На мгновение Эльза замерла, а затем с грустной улыбкой высвободила руку.

— Томас, давай не будем.

Штейн поднял голову, оценивая её настроение, но красивое смуглое личико было уже по-индейски непроницаемо спокойным, лишь едва заметно дрогнули губы, но тут же сложились в ничего не значащую улыбку.

Вернувшись на место, Эльза села и, сложив перед собой руки, приготовилась к предстоящему сражению.

— Ты хотел поговорить, так давай, начинай, — ринулась она в бой.

Штейн откинулся на спинку стула.

— Отдаю ход тебе. Начинай ты, я слушаю.

— Хорошо, — вздохнула Эльза. — Ты прав, я не из тех, кто лезет в бутылку и по возможности предпочитаю уходить от проблем. До определённого момента.

Она подалась к Штейну и её глаза сверкнули призрачным зелёным светом.

— Томас, зачем ты женился на мне? Нет, я понимаю, даже любовнице нужно оказывать какое-то внимание, а с женой можно не церемониться, она всё стерпит, особенно такая, как я, не так ли? Ведь, по сути, я осталась твой подчинённой и лишь во вторую очередь жена. Стоит мне взбрыкнуть и тебе ничего не стоит меня наказать. Что с наглядностью показал недавний случай.

— Не говори ерунды! Я наказал тебя за дело, и ты сама это знаешь, — раздражённо проговорил Штейн.

— Верно, знаю. Как и то, что будь я хоть чуточку тебе дорога, ты никогда бы так не поступил со мной. А знаешь, что самое обидное? Ты не поступил бы так даже с этой сукой Мартой.

Эльза горько улыбнулась.

— Знаешь, Томас, с твоей стороны было бы гораздо честней сказать мне, что ты устал от навязчивых любовниц, мечтающих захомутать тебя, и ты хочешь прикрыться фиктивным браком.

— У нас не фиктивный брак! — рявкнул Штейн.

— Я заметила, — парировала Эльза. — Я говорю это к тому, что будь ты честен со мной, я бы знала своё место и многого не ждала. Несмотря на постель, мы оставались бы просто друзьями и не больше, но ты перешёл черту. Ты повёл себя так, будто действительно видишь во мне жену, то есть женщину, к которой ты не равнодушен.

— Ты действительно мне жена!

— Нет, Томас, с жёнами себя так не ведут, — сказала Эльза и будто погасла изнутри. — Так ведут себя с теми, от кого хотят избавиться. И не нужно отрицать очевидное. Ты прекрасно знал, к чему приведёт мой арест и намеренно подвёл черту под нашими отношениями. Что тому причиной, пусть останется на твоей совести... Ну, что ты молчишь? Твой ход, Ледяной Тигр.

— Дура ты, Эль! Несёшь какой-то бред, — буркнул Штейн и сердито добавил: — Учти, развод я тебе не дам, даже не надейся.

— Понятно, — обескураженная Эльза немного помолчала. — Томас, мы же взрослые люди. Поигрались и хватит. Секс был восхитительный, я не претензии, хотя на мой вкус несколько жестковато. В общем, пора признать, что наш брак — ошибка.

— Думай, что тебе угодно, но я так не считаю.

Эльза тяжело вздохнула.

— Знаешь, мне всегда было наплевать на мою репутацию. Да, я чудачка и люблю эпатаж, но всему есть свой предел. Томас, ты так меня ославил, что я теперь не знаю, как смотреть людям в глаза, — она беспокойно зашевелилась и на её заострившемся нежном личике вновь проступило выражение печали. — Я же вижу, что я тебе не нужна. Тогда какой смысл и дальше топтать мою гордость? Отпусти меня, я хочу уйти.

От её искренних слов Штейну стало неудобно. «Teufel auch![1] И эта туда же! — он раздражённо посмотрел на Эльзу, настроенную более чем серьёзно. — Ведь нормально жили, так нет, вечно бабы всё испортят своей любовью! И какого дьявола они за ней гоняются? Будто она что-то меняет в жизни. Ведь всё же останется по-старому, хоть с любовью, хоть без. Секс и быт — они и в Африке секс и быт. Идиотизм какой-то, ей богу! Может, действительно послать её к чёрту? Не нравится, пусть убирается на все четыре стороны!»

Штейн помрачнел. Он понимал, что игры закончились и нужно принимать решение — быть или не быть Эльзе в его жизни. Слишком долго живя один, он ценил свободу. Если бы не Палевская, подтолкнувшая его, он вряд ли бы женился, хотя Эльза очень нравилась ему, причём не в последнюю очередь своим умением приспособливаться и уходить от конфликтов.

Женившись, он самонадеянно решил, что всё останется по-прежнему.

Поначалу так оно и было. К его удовольствию, Эльза не давила ему на психику и умело обходила острые углы. Он не учёл одного, что в их семейную идиллию вмешается чувство, от которого он бежал как чёрт от ладана. Не сказать, что он не учитывал такой вариант, но, зная о сердечной катастрофе Эльзы, счёл её достаточной прививкой от любви, во всяком случае, к нему. До женитьбы они довольно много времени проводили вместе, и он ничего подобного за ней не замечал. Флирт с её стороны был не в счёт, он знал, чем тот вызван.

Любовь Эльзы вызвала у него возмущение; на первых порах Штейн чувствовал себя так, будто она его обманула. Затем, под влиянием её нежности и желания угодить, его раздражение улеглось. Такая Эльза нравилась ему даже больше и он, видя, что она ждёт от него ответного чувства, завалил её дорогими подарками. Это привело к тому, что она утвердилась в мысли, что она для него не более чем удобная содержанка. По большому счёту так оно и было. Когда приятели спрашивали Штейна почему именно Эльза Тероян, он пожимал плечами и отвечал, что она всем его устраивает и это было правдой. Она и сейчас всем его устраивала, кроме её жажды любви.

«Ну так скажи, что ты её любишь и она уймётся», — Штейн с досадой посмотрел на рыжеволосую красавицу, с надеждой взирающую на него, и промолчал, хотя знал, что она поверит его лживому признанию.

Моё сердце ты не получишь, и даже не мечтай, — так расшифровала Эльза его взгляд, что, в общем-то, соответствовало действительности и, собравшись с духом, поставила точку в их непростых взаимоотношениях. «Если рвать, то прямо сейчас, незачем длить агонию и рвать себе душу», — решительно подумала она.

— Томас, не упрямясь! Может, тебе всё равно, а мне — нет. Давай расстанемся сейчас, когда ещё не так больно рвать наши узы, — приступила она к делу, хотя безумно боялась, что может сорваться и начать кричать, что он обманул её сердце, поманив несбыточной мечтой, мало того, безжалостно растоптал первые ростки её любви.

Видя, что жена настроена на разрыв и уговаривать её бесполезно, Штейн швырнул ключи от машины.

— Пошла вон! Я тебя не держу! — рявкнул он.

Схватив ключи, Эльза с такой скоростью вылетела за двери, что в его зрительной памяти осталась лишь взметнувшаяся грива её медных волос.

«Вот и сбежала моя Лисичка, причём умчалась так, будто вырвалась из капкана. Может, она обманула меня и вся её любовь не более чем притворство? — меланхолично подумал Штейн. Подойдя к барной стойке, он взял стакан и бутылку «Столичной». — Ну и что теперь делать? Оставить всё как есть или отловить и засадить под замок?.. Можно. Только вряд ли поможет. Рано или поздно, всё равно сбежит, раз уж вбила себе в голову, что мы должны расстаться».

Поморщившись от едкого запаха водки — он несколько отвык от неё за время супружеской жизни, он поднёс стакан к губам и залпом выпил. «Как не вовремя вся эта катавасия! И так дел выше крыши, а теперь ещё Эльза. Впрочем, сам виноват. Ведь

чувствовал, что не надо горячиться, но уж очень она меня разозлила. Могла бы обойтись без своих шпионских штучек и прямо спросить, где болтается эта чёртова девчонка. Скорей всего я не отказал бы ей в просьбе...»

«Ну вот, никто тебя не держал, а ты боялась!» — не ожидавшая, что Штейн так легко её отпустит, Эльза совсем загрустила. Пройдя половину пути к воротам, она остановилась и бросила прощальный взгляд на дом, который успел стать ей родным. Цветник, предмет её особой заботы, был уже пуст, большинство цветов садовник уже убрал и клумбы чернели аккуратно разровненной землёй, но её любимые стрелчатые астры и розы, несмотря на первые заморозки, всё ещё цвели.

Щурясь от яркого не по-осеннему солнца, Эльза подняла руку и по-военному отсалютовала дому. «Прощай, друг, и прости! Надеюсь, новая хозяйка будет лучше заботиться о тебе и твоём хозяине». Чувствуя, что вот-вот расплачется, она хлопнула себя ладонью по лбу. Как правило, это помогало ей вернуть самообладание, помогло и в этот раз. «Вот и славно! Держись, девочка! В своих бедах тебе некого винить кроме себя самой. Ведь ты клялась именем Хикару, что больше никого не полюбишь. Ты не сдержала слова и вот тебе заслуженное наказание. Как блудливую кошку муж выкинул тебя из дома и правильно сделал. Ведь Томас сразу предупредил, что ему нужна жена и только. И вообще, Тероян, пора уже перестать наступать на одни и те же грабли. Смирись, любовь — это не про тебя...» Перед мысленным взором Эльзы возник туманный облик из прошлого, и в её душе проснулся отголосок прежнего чувства, которое когда-то заставляло её сходить с ума. «Прости, Хикару, я ни о чём не жалею, но, случись мне вернуться в прошлое, я бы с корнем вырвала любовь к тебе, — подумала она и печально усмехнулась. — В конце концов, разлука очень действенное средство; как говорится, с глаз долой, из сердца вон».

— Нас выбирают, мы выбираем, как это часто не совпадает, — напевая, Эльза села в машину и резко рванула с места. Проезжая мимо охранника, она подмигнула ему и тот долго глядел ей вслед, позабыв закрыть ворота.

Штейн, наблюдавший за её блужданиями по дорожкам, догадался, что она прощается с домом и, когда донёсся звук отъехавшей машины, схватил декоративную тарелку и запустил ею в стену. «Так, значит, Meine Beste! Сделала мне ручкой и решила, что на этом всё кончено? А вот ничего подобного!» Он налил ещё один стакан водки и, подойдя к столу, на который домашняя обслуга успела поставить закуску, немного помедлил, выбирая между чёрной икрой и солёными огурцами. Победа осталась за огурцами. Штейн воткнул вилку в огурец, который приглянулся ему порыжевшим хвостиком, и с хрустом его сжевал.

После приговорённой литровой бутылки его осоловевший взгляд вперился в сумочку Эльзы, забытую ею на столе. «Mein Liebchen, плевать мне на твои чувства. Я тебя выбрал, значит, тебе придётся смириться», — сказал он и уронил голову на опустевшую тарелку с огурцами. «Дура-баба! — вскинулся он минуту спустя и стукнул кулаком по столу. — Тероян, стоять! Смирна! Я тебе покажу кузькину мать! Вздумаешь снова качать права, и неделя на гауптвахте покажется тебе курортом!» Швырнув стакан, который не долетел до многострадальной стены и разлетелся осколками на полу, глава СБ вновь прилёг на тарелку, только на этот раз с икрой. «Непорядок... Марта, неси ещё бутылку, а то закусь есть, а нажраться нечем», — пробормотал Штейн и, сладко причмокнув, захрапел.

[1] Teufel auch! — а, черт! (нем)

ГЛАВА 6. Мари. Знакомство со Старой базой и бытом эреев

Я спала в обнимку с подарком Ника, видимо, поэтому мне приснилась фантастическая белиберда. Будто я нахожусь в открытом космосе, причём без намёка на скафандр, и смотрю на нашу Вселенную... а может, и не нашу, но всё равно красотища неопишущая! Вроде бы всё как положено: ледяной вакуум с редкими молекулами водорода, а в нём ракушки отдельных галактик и пылевые туманности, запакованные в тёмную материю, но...

Вот в этом «но» и заключалась загвоздка. Для начала я стояла на том, что было похоже на стеклянную гибкую ленту, и вокруг меня колыхались точно такие же прозрачные гигантские водоросли. Ну а дальше всё страньше и страньше, как говаривала кэрролловская Алиса. В общем, у меня осталось ощущение, что я попала в космические Саргассы, к тому же обитаемые. По лентам, как по дорожкам, ползли явно живые твари и их было довольно много. Например, совсем близко от меня паслось стадо многоцветных эллипсоидов. С философским спокойствием обычных бурёнок, они объедали прозрачные водоросли, а затем явились какие-то недоумки в доспехах и начали пулять в них молниями. Эллипсоидам это пришлось не по вкусу и они, слившись в единую сферу, образовали «Звезду смерти» и перешли в наступление. Они открыли такой плотный ответный огонь, что пришельцы позорно бежали.

Правда, эллипсоиды недолго праздновали победу; спустя некоторое время явилась банда натуральных демониц, и они в два счёта расколотили созданную ими «Звезду смерти». Затем воинственные девки вооружились огненными сетями и начали отлавливать бедных эллипсоидов поодиночке, невзирая на их протестующий многомерный рёв.

Проснувшись я оттого, что их рогатая и чешуйчатая предводительница, синяя как индийская Кали, вдруг заметила моё присутствие и уставилась на меня жуткими змеиными глазами. Брр! До сих пор, как вспомню её взгляд, так вздрогну. Приснится же такое!

Стоило открыть глаза, и я с ходу взялась за вычисления; уж очень хотелось довести до конца расчёты и посмотреть, что получится из моей очередной бредовой идеи. Естественно, я увлеклась и потеряла счёт времени.

«Если поменять дифференциал в уравнении, может, я получу желаемое? — утомлённо подумала я и, резко подняв голову, чуть не взвыла от боли. — Mince! Если сейчас же я не спущусь в кухню и не поем чего-нибудь, то на мне можно будет ставить крест».

— Какой-какой! Да, простенький такой, с поперечной перекладиной наискосок, — пробормотала я вслух.

Ну всё, полная шиза! Уже разговариваю сама с собой. Правда, при здравом размышлении решила, что всё же лучше поговорить с собой любимой, чем молчать сутки напролёт. А что делать? Поговорить-то не с кем. Ладожские свалили в длительную командировку, а Мика и Ник снова завели моду подолгу ошиваться вне дома. Остальные знакомые тоже носа не кажут. Короче, бросили меня на произвол судьбы.

В желудке заурчало, но аппетита не было, как и желания куда-либо тащиться. Откинувшись на спинку кресла, я закрыла глаза. «Эх! Может и дальше ничего не есть? В моём сегодняшнем состоянии многого не надо. Глядишь, через недельку другую загнусь от полного истощения организма. Действительно, нафиг мучиться? Всё равно никто не заметит моего отсутствия в мире живых», — уныло подумала я, а затем с преогромнейшим

удовольствием представила, как близкие будут убиваться после моей смерти. «Буду лежать в гробу вся в белом, как невеста. Красивая, просто жуть, — размечталась я. — Yes! Хоть за гранью примерить вожделенный наряд. Нужно будет не забыть и напоследок выпустить клыки... Класс! Думаю, из меня получится настоящая киношная вампирка. Ой, хочу веночек из роз как у Люси! Или у неё были не розы, а какие-то другие цветы?.. Плевать! Лично я хочу красные розы, значит будет веночек из роз». Разойдясь, я представила себе, что будет дальше. Вот, значит, лежу я лежу. Лет сто, не меньше, а кругом мрак и тлен. М-да, что-то не очень! Представив себе эту картинку, я зябко передёрнула плечами и, сократив пребывание в гробельнике до одного дня, перешла к оптимистическому финалу. Пусть какой-нибудь чудак раскопает мой гроб, и я восстану из мёртвых. Не будь дура, я вопьюсь ему в горло и высосу всю кровь до капельки и снова оживу. «Yes!» — обрадовалась я.

Кстати, не понимаю, зачем вампиру обязательно впиваться в горло жертвы? Кровеносная система располагается по всему телу. К тому же на нём есть гораздо более обширные места, мимо которых при всём желании не промахнёшься. Меня разобрал ржак, когда я представила физиономию героического Ван Хелсинга, укушенного вампиром за задницу. Правда, за свою фривольную фантазию я поплатилась приступом сильнейшей головной боли. «Чёрт, ну почему никогда никого нет дома? Почему никто не скажет мне, что пора обедать или ужинать?» — пожаловалась я стенам и с ностальгией вспомнила, какими восхитительными блюдами меня потчевала Аннабель.

Кстати, о мышонке. У меня всё на мази. Координаты есть, вещи в сборе. Послезавтра выступаю в поход, потому голодная смерть отменяется. Я закрыла панель локального доступа к тирану (оказывается, именно так называется загадочная книженция-трансформер), и взяла мобильник. В доме хоть шаром покати, нужно что-нибудь заказать в ресторане.

Спустя полчаса, когда я сытая и довольная сидела за столом и с наслаждением пила кофе, в кухню вошёл Ник. Я взяла кофейник и, спрятав его за спину, с удивлением воззрилась на него.

— Ты кто? Что-то я запомнювала.

Ник фыркнул и одарил меня своим любимым презрительным взглядом. После этого меня посетило озарение.

— А-а! Привет! Видимо, ты тот тип, что периодически ошивается в нашей квартире.

«Не хаами! По крайней мере, это невежливо», — рассердился Ник, и я удивлённо подняла брови.

«Между прочим, кто-то забыл поздороваться. Вот это действительно невежливо».

«Разве мы сегодня не виделись?»

«К твоему сведению, мы уже три дня не виделись».

— Тогда здравствуй, — проговорил Ник вслух и бесцеремонно отобрал у меня последний рогалик. Вот гад! Ему он на один зуб, а мне для полного насыщения именно этого рогалика и не хватило.

В поисках съестного Ник заглянул в холодильник. При виде пустых полок он с сердитым видом обернулся ко мне:

— Крейд! Ну, как так можно? Опустошила холодильник, но ничего не заказала взамен.

— Почему ты так решил? Полчаса назад я заказала кучу еды и даже успела её съесть, — ответила я и с довольным видом погладила себя по животу. — Сейчас допью кофе, и в плане еды в доме снова будет голяк, — охотно сообщила я ему.

— Обжора!

Я возмутилась.

— Это кто здесь обжора? Ну-ка возьми свои слова обратно! Радоваться нужно, что я ещё жива. Обжора! Надо же сказать такое! К твоему сведению, я ем раз в сутки и это в лучшем случае! Бросили меня тут одну, а у меня нет времени таскаться в ресторан, и заказать еду на дом я тоже забываю. Вот и подмела все до крошки. Обжора! У меня уже ребра торчат как у киношного вампира, который столетия провалялся в гробу! — с возмущением воскликнула я и, чтобы наглядно продемонстрировать степень собственного исхудания, задрала майку на животе.

— Видал? Ну, разве можно меня обозвать обжорой?

— Ясно, дошла до точки. Собирайся, я покажу тебе кое-что интересное.

— К чертям, у меня нет времени. Кажется, я нащупала выход из расчётного тупика. Сейчас поднажму ещё немного, и может всё сойдётся.

— Я сказал, собирайся! — заявил Ник приказным тоном и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. — О тебе же забочусь, а то выглядишь как оголодавшая помойная кошка. К тому же мозги набекрень, того и гляди, окончательно сбрендишь, — попутно заметил он.

— *Merci pour le compliment!* — выкрикнула я ему вслед.

— *Toujours s'il vous plait,* — последовал ответ.

Вскоре Ник вернулся. В руках он держал мои записи, сделанные на сенсоре тиарана. Увидев, на что он покусился, я взвыла дурным голосом. Для меня эти записи были дороже родных детей, конечно, если они когда-нибудь появятся у меня.

— Изверг! Отдай немедленно, а то прокляну до седьмого колена!

Подскочив к Нику, я попыталась вырвать планшет, в который преобразился его троянский подарочек, но он спрятал его за спину.

— Спокойно! Не ори! — он критически осмотрел меня. — Ладно, и так сойдёт. За редким исключением ты всегда уродливо одета.

Ухватив за руку, он поволок меня за собой.

— Эй, мы куда? — поинтересовалась я, но ответа не получила.

Ну и ладно. В принципе, мне было всё равно, куда мы направляемся.

После сытной еды меня разморило и потянуло в сон. Не особо упираясь и страшно зевая, я тащила следом за Ником и больше не проявляла излишнего любопытства. Скорей бы вернуться домой и лечь спать. При этом хорошо бы уснуть эдак лет на сто, как в сказке о Спящей красавице... Я призадумалась. Может, выбрать сказку о Спящей царевне и семи богатырях? Ну, не знаю! Конечно, семь сказочных мужиков на обслуге — крайне соблазнительно, но все-таки сто лет лучше проспать в сказке о Спящей красавице. По крайней мере, эта девица дрыхла на кровати, а бедная царевна лежала в хрустальном гробу. Конечно, он долговечнее, но очень жёстко и лишний раз не повернуться. Кстати, за столетие такие пролежни появятся, что мама не горюй!.. Интересно, как этих сонь потом мужики целовали, если они сто лет зубы не чистили? Ну, точно! За девками давали огромное приданое, а принцы наверняка были голодранцами и страшны как смертный грех, иначе зачем им эти вонючие залежалые мумии ...»

Ник сдавленно хрюкнул, и я вытаращила на него сонные глаза.

— Мари, прекрати издеваться над сказками, — состроил он серьёзную мину, но меня уже понесло.

— Слушай, ведь ты у нас тоже из сказки о спящем принце. Как обстояли дела с твоими зубами, когда ты проснулся?

— Как в телевизионной рекламе, они были чистые и пушистые.

— Потряс! Хочу пушистые зубы!

— Смотри, а то допросишься.

— Шуток не понимаешь? — пошла я на попятный. — А что, ты можешь и такое? — решила я прощупать почву. Так, на всякий случай.

— Могу, — покосился Ник на меня.

Врёт! Не бывает шерстяных зубов.

— Тогда хочу зубы с начесом, — потребовала я.

— Мари, хватит болтать всякую ерунду. И вообще, смотри куда идёшь.

Несмотря на предупреждение, удар застал меня врасплох. В нокдаун меня отправил бетонный столб в подземном гараже. Merde! Я коснулась пострадавшего лба и с подозрением глянула на Ника, и он соорудил оскорблённую мину.

— Нечего придумывать, я здесь ни при чём.

Ну-ну! А неодолимый приступ сонливости, от которого у меня на ходу закрывались глаза, значит, возник сам по себе?

— Вот именно! — ответил Ник на мои мысленные подозрения и наставительно добавил: — Впредь будь осторожней, а то из твоей гениальной головы все формулы повыскакивают.

— Вот-вот! Только о формулах и печётесь, а на меня вам наплевать, — обиделась я, причём чуть ли не до слёз.

— Не ной, как только прибудем на место, обещаю позаботиться о тебе по полной программе.

— Звучит как угроза, но поверю тебе на слово. Да, не будь жмотиной и закажи побольше мясных блюд.

Почему-то мне казалось, что мы идём в ресторан. Ну а что? Я бы не отказалась ещё разочек поесть. Интересно, сейчас что: утро или вечер? Впрочем, нет, не интересно.

Когда Ник впихнул меня в приметную бархатисто-чёрную авиетку, одну из новейших вампирских разработок, я тут же закрыла глаза. Спать хотелось невероятно. Похоже, это реакция организма, доведённого до истощения, и он действительно ни при чём. Выходит, я возвела на Ника напраслину. Ничего переживёт!

Авиетка плавно выплыла из гаража, а затем резко рванулась вверх. К горлу подкатил горький комок, и я едва сдержала рвотный позыв.

— Нельзя осторожней? Ещё немного и я бы потеряла свой обед. — Ник не отреагировал на мои слова и я, глядя на его невозмутимый профиль, раздражённо добавила: — Зря сдерживалась, нужно было наблевать тебе в салоне.

Сфинкс в пилотском кресле ожил и, повернув голову, смерил меня любимым тяжёлым взглядом.

— Угадай, кто бы занимался уборкой? Есть смелые предположения?

Видимо, после долгих бдений за расчётами я совсем не в форме. Мало того, что не нашлась с ответом, вдобавок отвела глаза. Merde! Казалось, за совместно проведённое время, могла бы уже привыкнуть к фирменным взглядам этого паршивца, но нет, противоядие не вырабатывается. Лично для меня такой сволочной особенностью обладают только двое — Ник и Штейн. И оба этих гада умеют пронять аж до печёнок. Стоит только им на меня

уставиться, и я не знаю куда деваться, хотя до сих пор горжусь, что при распределении выдержала дуэль на взглядах с самим шефом СБ. Мика тоже качественно прибывает взглядом, но он отец, потому не в счёт и, вообще, нет дураков с ним соревноваться. Когда он злится, лучше его не провоцировать, а то он такое устроит, что мало не покажется. Лучшая тактика в его отношении — это виноватая мина и глазки долу, глядишь, грозу и пронесёт; во всяком случае, у меня всегда прокатывало.

Спустя некоторое время я почувствовала, что Ник больше не смотрит на меня и облегчённо перевела дух. Судя по усмешке, он всё же заметил моё смущение, что крайне огорчительно. Вот бы придушить паршивца, чтобы не отравлял мне существование и желательно сделать это медленно-прямедленно, чтобы сполна насладиться моментом.

И я размечталась, как мы сидим в древнем аэроплане, причём я за рулём, тьфу, за штурвалом, а Ник на месте пассажира. Я поднимаюсь всё выше и выше, а затем ухожу в крутое пике и — бац! — обнаруживаю, что пассажир выпал. Ой! Как нехорошо получилось. Но что с возу упало, то пропало. *Au revoir, mon ami!*

Конечно, это были ничем не подкреплённые фантазии, но на душе сразу полегчало, особенно когда я представила себе, как Ник с воплями падает вниз и при этом слёзно умоляет сбросить ему парашют.

Увлечшись мысленной картинкой, я не сразу въехала, что уже вижу не лицо Ника, а своё собственное, причём в карикатурном изображении и не в человеческой форме. Истошно визжа и нелепо дрыгая лапами, в бездонную пустоту падала чёрная тощая кошка и соответственно я вместе с ней. Это было ужасно! При моей фобии к высоте, сердце тут же ухнуло в пятки, а затем подкатилось к горлу. Нет, мозгами я понимала, что по-прежнему сижу в кресле и ничего плохого со мной не случилось, да только чувства говорили обратное. И когда мы с несчастной мурлыкой, глядящей на мир моими испуганными глазами, попрощались со всеми девятью жизнями, наваждение исчезло.

Вырвавшись из кошмарного видения, я вжалась в сиденье и для верности вцепилась в него обеими руками. От пережитого ужаса меня колотило мелкой дрожью, а в ушах всё ещё звенел мой собственный отчаянный крик, точней, кошачий визг.

Наверно у меня был такой жалкий вид, что Ник извинился, но тут же добавил, что я сама виновата — мол, нечего доставать его дикими фантазиями. В общем, то ещё извинение.

Немного придя в себя, я отодвинулась от него как можно дальше и всю дорогу просидела, напряжённо глядя перед собой. Глупо, но я боялась закрыть глаза даже на минуту.

Когда полёт закончился и авиетка, зависшая на месте, мягко опустилась на землю, Ник сразу же выпрыгнул из машины и исчез, ничего мне не сказав. Вот поросёнок!

Ремни безопасности отстегнулись, и я тоже выбралась наружу.

Вау! Не знаю, где мы, но вид обалденный.

Авиетка стояла на скальном плато высоченной горы. Позади неё, до самого горизонта, тянулись горные хребты, перемежаемые зелёными долинами, отчего они казались доисторическими животными, пасущимися на лужайке. Прямо передо мной синело целое море воды и тоже до самого горизонта — значит, это действительно море, а может, и целый океан.

М-да. Кажется, ресторан мне не светит, если только пикник с прогулкой на природе. Правда, гулять здесь отважится только самоубийца — горные склоны такие, что сорваться как нефиг делать, и альпинистское снаряжение не особо спасёт. Да и смотреть практически

не на что. Сплошной каменный монолит и живности никакой; разве что в сырых местах встречаются пятна лишайников, да и те жалко выглядят.

Тренькнул интуитивный колокольчик, и я присмотрелась к окружающему миру. Определённо с ним что-то не так. Слишком уж высоки пики гор; и вообще такое чувство, что над ними ещё не поработали дожди и ветряная коррозия. Слишком уж многочисленны и полноводны реки, берущие начало в девственно-белых шапках ледников. Слишком уж шумны и велики водопады, прыгающие по чёрным склонам гор; их многоголосый грозный рёв пробирает аж до костей. Да и солнечный свет! Он какой-то не такой; слишком яркий и резкий, к тому же в нём мало тёплых жёлтых красок. И небо! Оно тоже не такое! Солнце высоко, а оно такое, будто уже наступил вечер; слишком уж насыщенная синева для этого времени суток.

Уверена, нигде на Земле нет такого места. Этот мир, переполненный первобытной мощью, слишком юн, по сравнению с той Землёй, что я знаю... Воздух тоже не такой! Кошмар! По-моему, я уже задыхаюсь от недостатка кислорода... Кошмар! Не хочу к динозаврам!

— Ник! Ты где? — выкрикнула я, перепуганная до смерти. С него станется отволочь меня в прошлое и там бросить.

— Здесь, — последовал лаконичный ответ и меня сразу же отпустило, тем не менее я сразу же бросилась на его голос.

Тропинка, ведущая вниз, вывела меня на плато размером с футбольное поле, причём такое ровное, будто часть горы срезали гигантским ножом. А может, так оно и было.

Спустившись с выступа, я оказалась прямо перед Ником.

— Струсил? — поинтересовался он.

— А то! — не стала я отпираться. — Учти на будущее, я страшно боюсь динозавров, особенно головастых и зубастых.

— Можешь не нервничать, прошлое тебе не грозит, хронокапсула способна двигаться только в будущее. В основном, ты видишь голографию. Лучше посмотри туда.

Ник взял меня за плечи и развернул в нужном направлении.

— Ну, как тебе? — спросил он, склонившись к моему уху.

Ощутив его ладони на плечах и тёплое дыхание на шее, я внутренне поёжилась. Он впервые так близко стоял ко мне, во всяком случае, по своей инициативе. Первым моим желанием было отстраниться от него, но я сдержалась. Как-то неудобно, всё же мы одна семья. Справившись с собой, я наконец-то посмотрела туда, куда указывал Ник, и замерла, не смея поверить увиденному. У другого края плато, на высоком скальном основании стоял сказочно красивый дворец. Стремительные, рвущиеся к небу линии и белые как снег стены роднили его с замками кельтской волшебницы Фата Морганы. Я вскрикнула, переполненная восторгом, а затем подумала, что дворец слишком красив, чтобы быть реальным, и у меня заныло сердце.

— Это тоже голограмма? — спросила я упавшим голосом, и Ник улыбнулся.

— Нет, он настоящий, — ответил он и внутри меня будто распустился цветок счастья. Молитвенно сложив руки, я подняла глаза к небу.

— Спасибо тебе, Господи, что в мире существует такая красота! — с чувством проговорила я и мой взгляд устремился к гряде белых облаков на горизонте, а затем ко дворцу на скале. Прости, Фата Моргана, но твоё волшебство ничто на фоне этого рукотворного чуда.

От пронзительной синевы неба у меня закружилась голова. Спустившись на грешную землю, я пошатнулась, и Ник галантно придержал меня за локоть. Надо же, что творится!

— Ну что, Мари, как тебе здесь? — спросил он и я, глядя ему в лицо, вдруг почувствовала, что он волнуется, ожидая моего ответа.

— Как в сказке! — совершенно искренне сказала я и, подумав, добавила: — Будь моя воля, я бы никуда отсюда не уезжала.

И это чистая правда, мне здесь нравилось всё, даже Ник. Когда он не злится, то он просто лапочка.

— Э-ге-гей! Здравствуй отчий дом! Я вернулась! Встречай меня! — выкрикнула я и, раскинув руки, закружилась.

В ответ на мою детскую выходку Ник невесело улыбнулся и мне вдруг стало страшно жаль его. Бедняга! В пятнадцать лет лишиться всего, что дорого... Не знаю, выдержала бы я

на его месте. Скорей всего, что нет. Остаться без родителей и друзей и даже без мира, в котором родился? Чур, меня! Преисполненная сочувствия, я в душевном порыве вознамерилась обнять Ника и даже протянула к нему руки, но фокус не удался. Состроив злобную мину, этот поганец отпрянул от меня, а затем на всех парах умчался прочь. Вот дурак! Нет, я всё понимаю, не хочешь обниматься, не обнимайся, но шарахаться от меня как от прокажённой это уже свинство.

— Эй, ты куда?.. Пстой, я с тобой! — выкрикнула я, но Ник даже не обернулся.

Ну и ладно, обойдусь без него, тем более и так ясно, что он бежит к дворцу.

Поначалу я шла пешком, а затем тоже побежала. Обида обидой, но без провожатого лучше здесь не бродить — так мне подсказывало внутреннее чувство. И в самом деле, кто знает, какие сюрпризы поджидают здесь непрошенных гостей? Судя по фильмам, это могут быть падающие на голову каменюки, самострелы или люки, уходящие из-под ног. А может, всё вместе: первое, второе и третье. Я живо представила, как на меня падает многотонный каменный блок или я проваливаюсь в бездонную яму, кишашую жуткими насекомыми, и меня передёрнуло от страха. Ну нет, только не это! «Ник, пстой!» — выкрикнула я, но его уже не было на плато. Вот гад! Снова бросил меня одну.

«Ямы, камни и самострелы? Не смей меня. Риоголиз это тебе не средневековый замок. Он под охраной более надёжных устройств», — сказал мысленный голос Ника. «Ну, слава богу! Быть разрезанной лазерной пушкой, конечно же, гораздо прогрессивней, чем быть раздавленной как таракан или переломать себе все кости», — фыркнула я в ответ. «Не бойся, тебе ничего не грозит», — успокоил меня Ник, и я замедлила бег, а затем и вовсе перешла на шаг. «Действительно, чего спешить? Чему бывать, того не миновать. К тому же у моего организма осталось не так уж много калорий, чтобы тратить их на всякую ерунду», — подумала я с соответствующим случаем фатализмом.

После того, как я пересекла плато и поднялась по широкой нарядной лестнице, дворец предстал передо мной во всём своём великолепии. Что-то сподобило меня обернуться и посмотреть на лестницу, по которой я только что поднялась, и тут меня посетил странный глюк.

Это было видение той же самой лестницы, только с низкой позиции, будто я превратилась в карлика. А ещё меня трясло от возбуждения, так мне хотелось спуститься вниз, но я знала, что этого делать нельзя. И в самом деле, стоило шагнуть на лестницу, как раздался строгий окрик. Спеша удрать, я оступилась и покатила вниз. Каким-то чудом Ник сумел поймать меня в самом начале падения и я, сидя у него на руках, громко ревела, причём не столько от боли в подвёрнутой лодыжке, сколько с перепугу...

Прогоняя наваждение, я тряхнула головой. Нет, не может быть. Я впервые в его логове. Думаю, это воспоминание из детства, которое каким-то образом наложилось на сегодняшние впечатления. Живо представив, как я, взрослая дылда, канючу — мол, хочу к тебе на ручки, и Ник исполняет мою просьбу, я не выдержала и засмеялась. Даже при его немалом росте это будет крайне комичная картина.

Тем не менее по дороге к дворцу я никак не могла отделаться от дежавю — ощущения, что мне здесь всё знакомо.

— Это родовая память, — сказал Ник, присоединившийся ко мне. — Ты видишь человека, и он кажется тебе знакомым, хотя уверен, что никогда его не встречал. То же самое с неодушевлёнными предметами.

— Хочешь сказать, что это память предков?

— А у тебя есть иное объяснение?

— Будь оно, я бы озвучила, — ответила я и мне показалось, что он расслабился.

Перед глазами вновь промелькнула картинка, как я сижу у него на руках, и я поспешила её отогнать. Не дай бог он пасётся в моих мыслях и решит, что меня одолевают нездоровые фантазии.

— Почему же нездоровые? — хмыкнул Ник. — Вполне себе здоровые. Вот если бы ты ничего такого не чувствовала, то это было бы уже ненормально.

— Заткнись, а? — посоветовала я, не особо смутившись.

В конце концов, если он действительно что-то ко мне испытывает, то мне это до лампочки. Впрочем, уверена, что все его прежние ухаживания — натуральная липа. Жаль, что я напилась в тот знаменательный вечер и знаю о его откровениях только в пересказе Рени.

Мы подошли к дворцу не с парадной части, а к его левому крылу. Кончиками пальцев я коснулась гладкой как лёд каменной стены, которая на ощупь оказалась тёплой. На уровне глаз шёл барельеф, где изображения животных и растений перемежались надписями, видимо, это были поучения эрейских философов.

Пока я рассматривала фантастические скульптуры животных, гадая, настоящие ли они или выдумка, Ник терпеливо ждал. В расслабленной позе он стоял у стены и с улыбкой наблюдал за мной, причём с хорошей такой улыбкой. Надо же! Это точно он? Та зараза, которую я знаю, обычно не улыбается, а мечет злобные взгляды. Правда, стоило мне навестриться в парк, как он тут же оказался рядом и ухватил меня за руку.

— Экскурсия закончена, — заявил Ник и потащил меня за собой, не взирая на бурные протесты и ссылки на любовь к окультуренным пейзажам. Кстати, это правда и на сегодняшний день мой самый любимый садово-парковый ансамбль — это Петергоф, о чём я тоже не преминула сообщить Нику и где-то минут пять расписывала достоинства этой части Северной Венеции.

— Мари, хватит болтать и упираться! — не выдержал он моей трепотни. — Я обещал из драной кошки сделать человека, и я сдержу слово.

А вот этого ему не стоило говорить! Полёт несчастной мурлыки живо предстал моими глазами и желудок, как скоростной лифт, рухнул вниз, а затем без остановки его содержимое рвануло вверх. Согнувшись в три погибели, я скорчилась от рвотных спазм.

— Крейд! Да ты совсем рассыпаешься!

Крепко ухватив меня за локоть, Ник снова поволок меня за собой и тут я банальнейшим образом брякнулась в обморок, а когда очнулась, то обнаружила, что лежу в довольно тесной скользкой посудине, наполненной чем-то похожим на густой кисель.

Ну вот, стоило отключиться и на тебе! Моё сознание попыталось забиться в панике, но я взяла себя в руки. Нижнюю половину лица что-то закрывало, давая возможность дышать, и я успокоилась: не похоже, что Ник собирается меня прикончить. Конечно, спасибо ему за это, но что за фигня? Сначала выбросил из авиетки, и не важно, что понарошку, ведь мы с мурлыкой этого не знали! А теперь ещё и притопил в какой-то гадости. Конечно, спасибо ему, что ещё не препарировал, но кто знает. Вдруг он сторонник египетских обрядов и мои внутренности скоро будут бултыхаться в отдельных посудинах?

Самообладания хватило ненадолго. Живое воображение — мой бич. Стоило лишь подумать, что будет, если маска соскользнёт и склизкая дрянь затопит мне рот и нос, как оно, воображение, тут же выдало наглядную картинку и я, придя в ужас, затрепыхалась в

тесной коробке. Похоже, я не в ладу не только с открытыми пространствами, но и с тесными тоже. Караул! Я же задохнусь в этом подлючем киселе! Кто-нибудь! Спасите меня! Я жить хочу!

Из моего горла вырвался сдавленный вопль и тут, к моему великому облегчению, крышка воспарила вверх и вдобавок вспыхнул яркий свет.

Я села и зябко поёжилась от стекающей по телу жидкой дряни. Слава богу, жива!

— Ну, что ты так орёшь, как ненормальная? — услышала я сердитый голос Ника.

— Страшно мне было, а ты что подумал? — поинтересовалась я.

— Крейд! Что такого страшного в восстановительной капсуле?

— Страхи, которые всегда со мной, — охотно сообщила я.

— Покоя от тебя нет ни днём, ни ночью, ведь только уснул, — проворчал Ник и, судя по звуку, сочно зевнул.

Разлепив склеившиеся ресницы, я наконец-то его разглядела.

О, это было всем зрелищам зрелище! Встрёпанный, с заспанной физиономией гроза вампирской расы был в симпатичной ночной рубашке до пят, вышитой цветочками, и в домашних тапочках с помпонами. Умилительно, аж до соплей! Для полного антуража не хватало только ночного колпака и круглых очков.

Я прижала ладонь ко рту. Ой, не могу! Сейчас заржу и он меня точно прибьёт!

— Что? — насторожился Ник.

— Да так, ничего! — давась смехом, ответила я и расхохоталась.

— Ладно, золотце, посмейся, я подожду, — Ник смерил меня выразительным взглядом. — Помнишь пословицу, что хорошо смеётся тот, кто смеётся последним? Учти на мне хоть что-то есть, в отличие от тебя...

Ха! Глаз алмаз и реакция не подвела! И всё же Ник уклонился от комка скользкой дряни, брошенной моей меткой рукой. Жаль! Кое-кому не помешало бы опробовать собственного киселька, но я не особо расстроилась. Это не я мазила, а мишень слишком увёртливая.

— Где у тебя душ или ванна? Короче, мне нужна вода.

Не особо стесняясь, я встала во весь рост. Ну да, в костюме Евы и что? Визжать и прикрываться руками? Смешно! К тому же скромницами проверено, что это пустяшное занятие: стратегически важных мест три, а рук только две. Конечно, есть ещё ступни, но до гибкости змеи мне ещё далеко.

Ник, естественно, своего не упустил. Он окинул меня оценивающим взглядом и почему-то нахмурился. «Подумаешь! Не модель и что? Не такое уж я страшилище», — фыркнула я, обиженная его недовольным видом.

— И не мечтай! К тому же столь тощие девицы исключительно на любителя, — сказал он.

«Чего?» — я с удивлением воззрилась на него. В моих мыслях не было даже намёка на вопрос, нравлюсь ли я ему. «Может, телепатическая связь барахлит или на Старой базе что-нибудь вызывает её перебои? Здорово! Вот бы она совсем ему отказала», — преисполнилась я надеждой.

— Понятно, анорексички не в твоём вкусе, — сказала я и, видя, что Ник чего-то подвис, щёлкнула пальцами. — Эй! Я всё ещё тут.

— Я заметил, — буркнул он и как-то странно глянул на меня.

— Ну? Долго будем глазеть? — не утерпела я. — С тощими всё ясно, ты не любитель,

но, может быть, тебя возбуждают голые женщины в киселе?

Конечно, это я зря, судя по злорадному выражению чьей-то физиономии, но жалеть было уже поздно.

— Воды тебе, говоришь? Тогда иди за мной, — сказал Ник, и я бросилась его догонять.

На первых порах ноги то и дело скользили на полу, выложенному полированной плиткой, поэтому приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы сохранить равновесие. В общем, я сильно отстала и, повернув в очередной коридор, не увидела своего провожатого.

— Какого крейда ты еле тащишься? — поинтересовался Ник, как привидение возникший рядом со мной, и я добросовестно перечислила причины:

— Устала, замёрзла, ноги скользят, плюс незнание местности, а ещё ты запретил включать боевой режим, — я выразительно посмотрела на него, — причём никак не мотивируя своё дурацкое требование.

Не знаю, что на него нашло, но Ник сказал, почему на территории Старой базы нельзя применять боевой режим. В общем-то, я нечто такое и предполагала. Если я буду шастать одна, то сработает автоматическая система безопасности, которая влепит в меня заряд из станнера и я, обездвиженная, проваляюсь целые сутки, прежде чем смогу пошевелить хоть пальцем.

— То есть я без тебя никуда, даже в туалет? — осведомилась я, готовая возмутиться.

— У тебя гостевой режим. Пятнадцать минут ты в безопасности.

— Спасибо хоть на этом. Слушай, а как долго мы пробудем здесь? — решила я уточнить.

— Идём! Хватит болтать. С твоей черепашьей скоростью мы никогда не доберёмся до места, — проворчал Ник и, взяв меня за руку, потащил за собой.

Так! С чего вдруг он уклонился от ответа на мой вопрос? Надеюсь, он не собирается замуровать меня здесь, под видом создания комфортной обстановки для работы?

— Я подумаю над этим, — сказал он, чем несказанно огорчил меня; я уж начала надеяться, что он действительно перестал слышать мои мысли.

Ник посмотрел на меня, но промолчал.

Распахнулась очередная дверь и мы оказались под открытым небом. Уже спустились сумерки, но было тепло; как минимум градусов двадцать. Вон даже цикады стрекочут, вызывая умиротворение на душе, и ветерок несёт запах трав, за день разогретых на солнце. В Петербурге уже вовсю бушевало холодное ненастье и попасть из осени в лето было здорово.

— Климатические установки, — пояснил Ник.

— Что-то типа тех, что под куполом Гефеста?

— Там попроще. Здесь стоят установки, собранные ещё дома, на Арее. Поскольку нет нужного промышленного потенциала, то при работе над куполом полностью их повторить не удалось, но по техническим параметрам получилось довольно близко.

— Ты молодец, — похвалила я нашего гениального Старейшего, между прочим, совершенно искренне, и пошла вдоль стены, всё ещё хранящей солнечное тепло.

В окружающем мире было нечто такое, что вызвало у меня прежде неведомое чувство. Ностальгия?.. Не совсем. Думаю, это то чувство, которое люди испытывают, вернувшись в дом своего детства. В общем-то, так оно и есть. Ведь я тоже эрейка и мир Ника, хоть я его не знаю, для меня родной, видимо, ощущаю его на подкорковом уровне.

Всё бы ничего, но воздух родины с самого выхода на улицу продуцировал какой-то подозрительный шум. Так! Понятно, что за душ мне будет предложен. Вот свинтус!

И верно, стоило завернуть за угол стены и меня окатило мельчайшей водяной пылью. Я критически глянула на водопад и образованное им озерцо. Итак, быть или не быть?

Да пофиг! Я отважно ринулась к водопаду. Ух ты! Водичка ледяная, а лупит будто раскалёнными иглками. Ощущения непередаваемые! Разве что матом. Правда, у меня получилось только визгом, зато каким! Если в озере водились русалки, то с этой поры они глухие.

Спустя пять минут я промёрзла настолько, что уже не чувствовала боли, хоть ступни резали острые грани камней и наверняка они кровоточат. Анестезия по полной программе. Конечно, порезы можно заживить, но пока не имеет смысла. Я закрыла глаза и подставила лицо зеленоватому потоку, падающему с высоты. Красотища! В салонах такой массаж ни за какие деньги не получишь, а тут, считай, задаром.

— Эй! Ты там жива? — поинтересовался Ник, не видимый из-за водяной завесы.

— И не надейся!

— Вылезай!

— Ни за что! Назло тебе замёрзну насмерть! — пригрозила я, кляцая зубами.

Тогда нечто серебристое и плоское выскочило из воды и, невзирая на моё активное сопротивление, спеленало меня по рукам и ногам, а затем выдернуло из-под водопада и перенесло на сушу. Вопреки опасениям, это оказалась очередная игрушка Ника, а не живая тварь. Причём очень даже полезная игрушка. Искусственная шкура растёрла меня, а затем обдала потоком горячего сухого воздуха. Чистый кайф! Переносная финская баня, да и только! Вдобавок шкура послужила мне одеждой. После водопада было неловко разгуливать перед Ником в чём мать родила, вдруг ещё подумает, что я действительно хочу его соблазнить.

— Не переживай! Тебе этот подвиг не под силу, — тут же среагировал он.

— Кто бы ещё переживал и рвался к этому подвигу, — не осталась я в долгу.

Как бы то ни было, когда мы вернулись в замок Синей Бороды, его хозяин выдал мне бесформенный чёрный комбинезон (не иначе как с барского плеча) и отвёл в столовую, чем заслужил мою безмерную благодарность — я была голодна настолько, что съела бы целого кита... нет, лучше быка. Говорят, у китов страшно невкусное мясо.

Не знаю, кто там готовит у Ника, но еда у него выше всяких похвал; впрочем, как гласит расхожая истина, нет лучше приправы, чем голод.

Когда приступ голода поутих, во мне проснулся интерес к окружающему. В конце концов, я нахожусь в таинственном логове Старейшего, известного остальному вампирскому миру как Старая база. Правда, сам он именуется это место Риоголизом.

Чтобы не нарваться на нелестные комментарии, я огляделась по сторонам, стараясь не слишком вертеть головой. Ну... довольно необычно, но ничего особо фантастического в интерьере нет. Правда, впоследствии выяснилось, что современное оборудование спрятано за настенными панелями, а на виду лишь благородная старина в эрейском стиле. Я поблагодарила Ника за ужин и, поскольку он не возражал, устроила себе экскурсию по его дворцу, с целью ознакомления с бытом предков.

Судя по всему, они были сами не свои до всего натурального, даже не в натуральном виде, типа того же стеклянного камина и стеклянных рам, украшенных цветочными орнаментами. Может, это и не стекло, но такой резьбой в пору гордиться самому Даниле-мастеру из Бажовских сказок. Она настолько искусная, что цветы и листья кажутся живыми.

Впрочем, это так, финтифлюшки. Явно любимый материал эрейцев — это дерево. Оно повсюду: в интерьере и в отделке. На стенах и потолке светлые панели. На полу узорчатый паркет, отблескивающий медовым лаком. Вдоль стен тёмная мебель — чудная по форме, но совершенная в своей красоте. Всё это инкрустировано растительным орнаментом, причём каждую деталь можно разглядывать бесконечно и каждый раз будешь поражаться ранее не замеченным красотам. В центре сводчатого потолка висела каскадная люстра, которая казалась вырезанной из прозрачного льда, — как и камин, внутри которого горело пламя и его блики, преломлённые многочисленными гранями, плясали на полу и стенах, создавая ощущение уюта и покоя.

Я подошла к окну и выглянула наружу. Созвездия имели непривычные очертания; значит, над нами не настоящее небо, а голографическое изображение. Небо родины Ника и моей... Так странно! Никак не могу привыкнуть к мысли, что я тоже коренная эрейка.

Обернувшись, я увидела, что Ник смотрит на меня.

— У тебя здесь мило, — вежливо сказала я.

Не знаю, чего он ждал, но, судя по физиономии, не то, что услышал. Увы, ничем не могу помочь. Когда мы шли к дворцу, то да, на меня что-то накатило, но это было мимолётное ощущение, в самом дворце оно пропало. Прости, Ник, твой мир для меня чужой, и я ничего не могу с этим поделать. В ответ на это он фыркнул и вновь уткнулся в планшет или что там у него из эрейских гаджетов. Я немного покружила по трапезной и вновь подошла к чудному стеклянному камину. На этот раз меня заинтересовал не он сам, а щит, висящий над ним.

Свидетельство славного прошлого предков практически не отличалось от римского скутума. Эрейский щит тоже имел прямоугольную форму и, судя по размеру, почти полностью закрывал своего хозяина. К тому же он был не прямой, а изогнутый как стенка цилиндра. В отличие от скутумов поверхность эрейского щита была полностью металлической и не имела закруглений по углам, зато там имелась геральдическая символика. Ровное поле было разделено по вертикали на два цвета — чёрное и белое. На его чёрной части красовалось изображение радужного кольца и лотос вместо камня, на белой — тёмно-синий меч с широким лезвием. Вверху и внизу щита были надписи, по виду напоминающие арабскую вязь. Видимо, воинские девизы моих предков.

Кстати, оригинал оружия, изображённого на щите, висел здесь же, над камином, и я с почтением посмотрела на меч. Уверена, это настоящее боевое оружие. Бархатисто-чёрная рукоять меча казалась удобной даже на вид, а грозное изогнутое лезвие было острым как бритва. Необычный металл. Тёмное полотно клинка отливало синеватым узором, и если приглядеться, то можно было заметить крохотные радужные круги. «Туаши», — вдруг всплыло в памяти и сердце сжалось от непонятной тоски. Вслед за тем сознание ринулось в водоворот беспамятства, и лишь паника не дала мне отключиться. Фу-ух! Ещё немного и я снова грохнулась бы в обморок. Нет, пора завязывать с ночными бдениями и переходить на нормальный режим труда и отдыха.

— Эй, что написано на щите? — окликнула я Ника.

Ну, конечно! Фраза на неизвестном языке была именно тем, чего я ждала. Ладно, не хочет говорить и не надо. В конце концов, я тут всего лишь гостья, и он не обязан потакать

моему праздному любопытству.

Меч будто магнитом притягивал мой взгляд, но я не решалась на него смотреть. Туаши́. Именно так называется этот тип мечей. Откуда знаю? Не имею понятия, знаю и всё. Похоже, подкорка действительно хранит древние знания и порой они вылезают наружу. Стоит ослабить контроль, и они тут как тут. Ну-ка, попробуем. Вдруг это был не обморок, а сеанс ясновидения? Я перевела взгляд на туаши и сознание вновь поплыло...

— Что с тобой?

Голос Ника вернул мне ускользящую реальность.

— Да всё нормально, — солгала я.

Тут мой взгляд упал на вазочку с изображением лилии. Медальон! Я провела рукой по груди. Oh mon dieu! У меня упало сердце. Подарок Тьена исчез, а я только сейчас это заметила! «Может, он остался дома?» — мелькнула лихорадочная мысль. Нет, когда мы прилетели на Старую базу, медальон точно был на мне. Я помню, как по привычке сжала его в ладони.

Значит, он где-то здесь! Не обращая внимания на Ника, я тщательно обыскала столовую, а затем бросилась к выходу, но он преградил мне путь.

— Куда ты собралась?

— К водопаду!

— Никуда ты не пойдёшь.

— Ещё как пойду! — я заглянула ему в лицо. Боже мой! Это он! — Ник! Пожалуйста, верни! — взмолилась я.

Он скрипнул зубами.

— Ты смеешь обвинять меня в воровстве?

«Да, обвиняю! Ты его взял! Я это вижу по твоим глазам!» — с отчаянием подумала я, но если прямо обвинить его в краже, то он никогда не вернёт мой медальон.

— Нет! Я ни в чём тебе не обвиняю! Но вдруг? Ник, если ты решил подшутить над мной, то это плохая шутка. Пойми, медальон слишком много значит для меня. Пожалуйста, верни!

Ник встал вплотную ко мне, но я не отступила.

— Почему он так важен для тебя? — требовательно спросил он и, не дождавсь ответа, рявкнул: — Отвечай!

— Не знаю! Важен и всё! — выкрикнула я и вдруг осознала, что в моей привязанности к медальону лежит нечто большее, чем просто память о Тьене. Если я его потеряю, то вместе с ним потеряю что-то важное в жизни.

Казалось, Ник целую вечность смотрел на меня, но я стойко выдержала его взгляд, и он первым отвёл глаза.

— Ничего я у тебя не брал, — сказал он и с усталым видом потёр виски. — Давай поищем твою цацку завтра, когда будет светло. И да, не забывай про пятнадцать минут. Радиус не важен, только время, если пропадёшь из моего поля зрения больше хоть на секунду, то заряд станнера будет лучшим, что может с тобой приключиться.

— Вдруг ты сам обо мне забудешь и пропустишь эти пятнадцать минут? — заметила я, при этом нисколько не усомнившись в его словах. Мне сразу показалось, что Ник чего-то недоговаривает. Вряд ли оборона Старой базы построена лишь на обездвиживании предполагаемого противника.

— Не бойся, не забуду. Мы с тиараном на пару присматриваем за тобой.

Тогда ладно, хотя было бы проще перенастроить систему, но Нику видней.

— Вот именно! — сказал он в ответ на мои мысли и, взяв за руку, потянул за собой. — Идём спать. И даже не начинай! Уже ночь, если ты не заметила. И вообще, я тебе не нянька. Возись тут с тобой, как с маленькой: то вымой, то накорми. Знал бы, что будет столько хлопот, не поддался бы на уговоры Эльзы.

Что?! Я встала как вкопанная. Эль, предательница! Как ты могла? Я же поклялась Рени, что присмотрю за сестрой! А вдруг, пока я болтаюсь у Ника, Аннабель погибнет? Как потом мне с этим жить? Нет, нужно срочно отсюда убираться и чём быстрее, тем лучше!

Я попыталась вырваться из хватки Ника.

— Слушай, я же буду тебе мешать, а у тебя дел невпроворот. Давай так: ты отвозишь меня домой и забываешь о моём существовании. ОК? Честное слово, я сумею позаботиться о себе. Ну, пожалуйста! Прошу тебя!

Увы мне! Ник зевнул и втокнул меня в соседнюю со столовой дверь.

— Ты не против совместной ночёвки? — поинтересовался он.

Само собой я была против, но кто бы меня слушал!

— Ничего, потерпишь, — последовал ответ, и он направился к кровати, между прочим, единственному спальному месту в комнате.

Да чтоб тебя! Ник без всякого стеснения сбросил с себя одежду (перед походом в столовую он успел сменить ночную рубашку на футболку и джинсы, а жаль) и я, чувствуя, как полыхают щёки, поспешно отвернулась. «Прежде чем устраивать стриптиз, мог бы предупредить!» — возмутилась я, правда, почему-то мысленно. «Зачем? Я у себя дома и хожу в чём хочу и, вообще, ты здесь единственная, кто думает о сексе», — последовал насмешливый ответ. «Ну конечно! Давай вали всё на меня!» — фыркнула я и, обойдя комнату по периметру, убедилась, что других спальных мест действительно нет.

— Ну и где я буду спать? — поинтересовалась я вслух.

— Либо со мной, либо на полу. Выбирай.

Вот гад, хоть бы прикрылся! Какой уж здесь выбор!

— Может, уступишь даме кровать? — спросила я без особой надежды.

— Ты криа, а не дама. Твоё место там, где укажет хозяин.

Понятно, из джентльменов здесь только я. Ладно, в таком случае посплю в коридоре. Я подошла к двери. Увы, она даже не шелохнулась. Я толкнула её изо всех сил, но с тем же успехом. Так, да? Ну погоди у меня! Собравшись с духом, я развернулась и подошла к кровати.

— Подвинься! А то разлётся как барин.

Не спуская с Ника глаз, я с придыханием приспустила с плеча комбинезон — сначала с одного, затем с другого. «Медленно-прямедленно обнажаем почти до сосков... вот они, родные вишенки, такие спелые и сладкие», — приговаривала я про себя, зная, что он слышит мои мысли. М-да, критический предел. Конечно, Ник всё уже видел, но это не повод баловать его. Я заглянула в вырез комбинезона, затем с негодованием воззрилась на него. Надо же, какой стойкий гад! Лежит и хоть бы хны, даже ни один мускул на лице не дрогнул. Ладно, тогда живи. Я натянула комбинезон на плечи и улеглась на полу. Ага, попался! Ник выдохнул совсем тихо, но от вампирских ушей ничего не скроешь. «Так-то! Не такой уж ты непробиваемый, зараза!» — возликовала я и, свернувшись калачиком, почти сразу уснула.

Проснулась я от возгласа Ника и перед глазами промелькнула его ступня. Каким-то чудом ему удалось не наступить на меня, и моя черепушка, как и прочие жизненно важные

органы, остались в целостности и сохранности. Пострадало лишь чувство собственного достоинства, густо обложенное, как я подозреваю, эрейскими ругательствами. Видимо, по части сквернословия предки не уступали русским, а может, это Ник такой талантливый.

Вот чего орать, когда сам виноват? Вообще не понимаю, как можно забыть о том, что под ногами валяются гости.

— Давай короче! — потребовала я, ощутив настоятельный зов организма, и со стоном перетекла из лежачей позы в сидячую. — Ну, чего тарацишься? Веди меня к ближайшему унитазу, если не хочешь лужу на полу. Или у тебя здесь исключительно ночные вазы? Тогда я претендую на одну из них.

Судя по негодованию на физиономии Ника, своими словами я нарушила все мыслимые и немыслимые эрейские нормы приличий и окончательно упала в его глазах.

— Иди за мной, щен. Так и быть, выгуляю тебя до ближайшего куста, — соизволил он сказать и направился к двери. Слава богу!

Назло мне Ник тащился медленно, хотя обычно носится с такой скоростью, что бегом не догонишь. «Между прочим, мог бы поторопиться, видя моё нетерпение!» — отчётливо подумала я, чуть ли не наступая ему на пятки, так он умудрился совсем замедлить шаг. Наконец он вывел меня в коридор — длиной примерно с Невский проспект, и его указующий перст ткнул куда-то в даль дальнюю.

— Видишь дверь в самом конце? — спросил Ник, и я обрадованно закивала.

— Матово-стеклянная? Справа? — уточнила я на всякий случай.

— Да, тебе туда, — ухмыльнулся он и злорадно добавил: — Палевская, чего стоим? Время пошло. Не забывай, в твоём распоряжении пятнадцать минут и ни секундой больше.

— Никуда не уходи! Вернись и лично придушу тебя! — выкрикнула я на бегу.

Фу-ух! Еле успела! А то пришлось бы позориться, выпрашивая у Ника другой комбинезон.

Вот ведь гад! Впоследствии выяснилось, что огромная ванна со всеми мыслимыми удобствами находилась прямо за стеной спальни, в которой мы ночевали. Просто она скрывалась за резными панелями — как и несколько других гостевых спален. Впрочем, в тот же день Ник поселил меня в отдельные апартаменты, да и сам он постоянно жил в другом месте, а не у столовой; причём наши комнаты находились довольно далеко друг от друга, чему я была только рада.

Медальон я так и не нашла, хотя с самого утра облазила все кусты, растущие по дороге к водопаду, и обшарила каждый дюйм образованного им озерца. Как и обещал, Ник присутствовал при моих поисках, но это была вся его помощь, поэтому он по-прежнему у меня на подозрении. Действительно, какой смысл суетиться, если знаешь, что искомой вещи там нет и никогда не было. Когда я мокрая с головы до пят и замёрзшая как цуцик вопросительно посмотрела на него, он пожал плечами и развернулся к дому. Вот зараза! Чует моя душа, что теперь он из принципа не отдаст мой медальон.

КОРАЛЛ

О великий и грустный мудрец Абу-л-Фатх Омар ибн-Ибрахим ал-Хайями из Нишапура да будет Аллах милосерден к тебе! Пусть по заслугам воздастся твоей великой душе в мусульманском раю. Я верю, что ты нашел в горних высях свою несбыточную мечту, по которой так тосковал и которую так долго искал на брэнной земле. Иначе за каким чёртом нужен рай? Женщин, вина и сокровищ предостаточно и в мире смертных.

Антология вампирских философских притчей

ГЛАВА 7. Восточная песня

— Тероян, живо ко мне в кабинет! — рявкнула сержант Мориску, когда проходила мимо группы оперативников, тренирующихся на плацу.

— Есть, мэм! — последовал ответ.

Эльза дала знак напарнику, что выходит из схватки, и тут же получила молниеносный удар ножом. Тусклый росчерк стали и на руке, среди распавшейся мышечной ткани, забелела кость. Спустя мгновение из раны хлынула кровь и вслед за ней пришла боль, настолько дикая, что она едва удержалась от крика. Напарник сокрушённо развёл руками, мол, извини, так уж вышло, не успел отреагировать. Поскольку при спарринге случалось всякое, в том числе довольно тяжёлые ранения, Эльза выдавила из себя улыбку и, переведя дыхание, подключила ускоренный режим регенерации. Чтобы не терять времени, она зажала рану ладонью и бросилась догонять сержанта.

В спешке она так быстро влетела в небольшой кабинет, что ткнулась в спину Мориску, когда та неожиданно остановилась.

— Торопишь события, Тероян.

Сержант выглянула в коридор и плотно притворила двери.

— Ну что, дорогая, пляши, — процедила Мориску и, подойдя к столу, вальяжно развалилась на стуле. — Я достала то, что ты просила. Только ничто не дается даром. Надеюсь, ты догадываешься, о какой плате идёт речь, — добавила она, пожирая взглядом вожденную рыжеволосую красотку.

И хотя Эльза запаниковала, она не собиралась сдаваться без боя.

— Иди к чёрту, Роза! — отчеканила она, бестрепетно глядя в победно сияющие фиалковые глаза. — Когда я просила тебя об услуге, ты не ставила мне условий. Так что поумерь свои аппетиты.

— Что?!

Не веря своим ушам, Мориску в ярости уставилась на неё, но Эльза не дрогнула. Победа осталась за ней, и та первой отвела взгляд.

Устало сгорбившись, Мариску тряхнула головой, будто отгоняя навязчивое видение.

— Признаю, моя ошибка. Что ж, в следующий раз плату буду запрашивать вперёд или в письменной форме, а теперь возьми это чёртово назначение и убирайся!

К Эльзе порхнул приказ о переводе. Она хотела было спросить, когда ей убывать, но не успела.

— Пошла вон, Тероян! — рявкнула Мориску. — Убирайся к чёртовой матери, пока не получила трое суток ареста!

— Есть, мэм!

Боясь переполнить чашу терпения сержанта, Эльза вылетела за дверь и, захлопнув её за собой, облегчённо перевела дух. «Слава богу, обошлось!» — порадовалась она, стараясь не обращать внимания на угрызения совести. Ведь Мориску имела полное право злиться. Зная, что она не равнодушна к ней, Эльза, по сути, её обманула. Свою просьбу о переводе она предварила рассказом о предстоящем разводе с мужем и сопровождала его столь многообещающим взглядом, что Роза восприняла это как аванс с её стороны. В общем, раздражение Мориску не застало её врасплох. Единственно, что после встречи в кабинете на душе у неё остался препоганый осадок.

Идти в город на поиски развлечений ей не хотелось, и Эльза направилась к казарме. В комнате, рассчитанной на четверых, было пусто и она, бухнувшись на кровать, устала в потолок. Некоторое время она просто рассматривала трещинки на побелке, а затем взялась подсчитывать их, но на третьей сотне сбилась со счета. Виной тому были невесёлые думы об очередной неудаче в семейной жизни.

«Черт побери! Чего же на этот раз не хватило для счастья? Почему я влюбляюсь на полную катушку, а мне не хотят платить взаимностью?.. Может, дело во мне? Почему ко мне тянутся такие извращенки, как Мориску, а нормальные мужики не питают ко мне глубоких чувств?.. Честное слово, не знаю. Скорей всего, я просто неудачница. Вот и с первым мужем у нас не сложилось, хоть ради него я была готова на всё, даже умереть. Вот дура! Вот уж кому я была совершенно не нужна, так это ему!» — ожесточённо подумала Эльза и потёрла занывшие виски.

И всё же, стоило ей подумать о первом муже и перед её мысленным взором возникли тёмные глаза, с нежностью глядящие на неё, а в ушах зазвучал низкий страстный голос, поющий о любви. По привычке она попыталась подавить воспоминания о Хикару, но, поймав себя на этом, разозлилась. «Чёрт побери! Хватит уже изображать из себя страуса!.. А может, дело в том, что до сих пор действует психоблок, установленный господами психиатрами? С них станется поставить долгоиграющую защиту. Исключительно для моего же блага, как любят они выражаться, когда хотят навязать свою волю... Хикару, Хикару, Хикару! — мысленно прокричала Эльза и прислушалась к себе. — Нет, всё чисто. Раньше я билась в истерике от одного лишь звука его имени, — на её лице появилось упрямое выражение. — Значит, хватит праздновать труса. Пришла пора встретиться со своей паранойей лицом к лицу. И вообще, столько лет уже прошло с той поры, как Хикару не стало».

Несмотря на решимость, Эльза с некоторой опаской погрузилась в прошлое, боясь разрушить хрупкое душевное равновесие, некогда пришедшее на смену безумному отчаянию.

С первым мужем она встретилась на базе, находящейся в окрестностях Будапешта. Он был в группе спецназовцев из клана Дракона, прибывших по обмену. И поначалу ничто не предвещало, что эта встреча выльется в историю её трагической любви.

Познакомились они во время совместной тренировки.

Темноглазый красавец под два метра ростом сразу же бросался в глаза среди своих низкорослых товарищей. Вдобавок его отличали несвойственные вампирскому спецназу длинные волосы — чёрные до синева, густые как лошадиная грива, и в тоже время мягкие как шёлк, но каковы они на ощупь, Эльза выяснила несколько позже.

На плацу красавец-дракон творил настоящие чудеса. Мало кто мог сравниться с ним в ловкости и быстроте. В искусстве боя на мечах ему вообще не было равных. Во всяком случае, среди присутствующих.

Поскольку тренировка проходила в смешанном составе, множество заинтересованных женских глаз исподтишка наблюдало за экзотическим красавцем, и Эльза не была исключением. Очарованная, она старалась не выпускать его из поля зрения и за свою рассеянность поплатилась несколькими ранениями.

Как бы то ни было, но первый шаг к знакомству сделал дракон. В перерыве между тренировками он подошёл к ней и поинтересовался, как она себя чувствует. Мол, он может помочь прекрасной леди, если ей не хватает собственных сил для регенерации. Польщённая его вниманием, Эльза с готовностью кивнула. Ещё бы! На её месте только дурочка отказалась бы от такого помощника.

Парень действительно обладал умением лечить. Стоило ему провести ладонью по её порезам, и они тут же затянулись. Эльза горячо поблагодарила своего врача, но только она собралась назвать своё имя, как его окликнула девушка из клана Дракона. Одарив её чудесной улыбкой, он без промедления устремился на зов — к великому огорчению Эльзы. Тем не менее, в тот день уже ничто не могло испортить её прекрасного настроения. Даже из рук вон плохо проведённая тренировка и жуткий нагоняй от сержанта.

Дракона звали Тэдзуки Хикару. Это вскоре знали все, кто был на плацу. Прежде чем вступить в схватку он по японской традиции называл противнику своё имя.

Во время совместной официальной вечеринки, устроенной для закрепления дружеских взаимоотношений между кланами, они продолжили прерванное знакомство.

Правда, Хикару появился гораздо позже своих товарищей, когда Эльза уже потеряла надежду его увидеть. С первого взгляда она поняла, что настроение у него ниже среднего. Стоя в дверях, он окинул шумную вечеринку сумрачным взглядом и шагнул было назад, но увидел Эльзу и направился к ней. Обрадованная она протянула ему руку для рукопожатия, но он заключил её пальцы в свои ладони, а затем поднёс к губам и поцеловал.

Опешившая от такой галантности Эльза глянула на его затылок с двумя макушками. «Значит, быть дракону двоеженцем, если верить народной молве», — подумала она с прохладцей. Перед её глазами возникла картинка его бегства на плацу, но Хикару не дал ей времени на размышления.

— Потанцуем, Элли? — спросил он и лукаво добавил: — Конечно, если ты не забыла надеть свои серебряные башмачки.

— Не сомневайся, Гудвин-сан, они всегда при мне, — ответила она и шагнула в его объятия.

Хикару не отпускал её от себя весь вечер. Выяснилось, что ко всем прочим достоинствам он ещё заводила и певец — короче, душа любой компании. И как только спецназовки из других кланов узнали о его вокальном таланте, его атаковали просьбами что-нибудь спеть. Дракон не стал особо долго ломаться. Взяв гитару в руки, Хикару сел на стул в центре комнаты и, подстроив инструмент под себя, запел.

И как запел! Сразу же стихли все разговоры, и в установившейся благоговейной тишине звучал только голос певца, низкий и чувственный, проникновенно поющий о неразделённой любви и о невыносимых муках, что она приносит.

Баллады следовали одна за другой, и очарованная девушка не заметила, как растолкала всех и оказалась рядом с Хикару. Встретившись с ним взглядом, она поняла, что влюбилась, полностью и безоглядно.

Отзвучал последний рвущий душу аккорд, затихла финальная дрожь струн, и тишина взорвалась восторженными криками и аплодисментами. Окружённый поклонницами,

поначалу Хикару с вежливой улыбкой выслушал похвалы, а затем отдал гитару хозяину. Встав со стула, он обнял Эльзу за плечи и пытливо заглянул в её лицо. Видя, что она пребывает в каком-то смутном состоянии духа, он спросил, понравилось ли ей его песни, мол, он ни на что особо не претендует, поскольку сочинил их сам.

— Мой бог, Хикару! Твои песни божественно прекрасны! Если бы такие стихи кто-нибудь сочинял для меня, я бы пошла за ним на край света!

Не слишком-то завуалированное признание смутило дракона, и он попытался перевести его в шутку.

— Рыжик, а ты хорошо подумала? Это всего лишь стихи и немного музыки. Разве можно доверять жизнь тому, кого ты совсем не знаешь?

— О да! За тобой хоть в ад, хоть в рай! — не задумываясь, ответила Эльза.

С лица Хикару пропала улыбка, и отражением душевной бури в тёмных как ночь глазах полыхнул золотой огонь.

— Господа, такая преданность заслуживает особой награды! — заявил он во всеуслышание и склонился к губам Эльзы.

Поцелуй вышел таким долгим и нежным, что она задохнулась от счастья, и зал снова взорвался одобрительными криками и свистом. Пока им аплодировали, Хикару смотрел на неё так, что она забеспокоилась. «Боже мой! Неужели я снова перепачкалась, как свинья?» — расстроилась Эльза.

— Если у меня грязь на лице или платье не в порядке, ты так и скажи, — не выдержала она. — Не знаю уж почему, но вечно я выгляжу, как замарашка...

— Что? — встрепнулся Хикару и бросил быстрый взгляд поверх её головы.

— Нет, с тобой всё в порядке, — сказал он и в его взгляде, устремлённом на неё, засветилось восхищение. — А я вот, пожалуй, нет. Когда в любви тебе признаётся такая красивая девушка, то устоять крайне сложно.

Эльза смерила его недоумённым взглядом.

— Мы же не дети. Какие могут быть проблемы, если я тебе нравлюсь?

Хикару помедлил:

— В общем-то, никаких.

— Разве только ты женат...

— Нет, я не женат, — перебил он Эльзу и спросил, что она предпочитает, танцы или еду.

— Сначала поедим, потом потанцуем, — решила она.

Конечно же, всё это не понравилось Тиэко. Подружка Хикару, внешне похожая на изящную японскую статуэтку, к тому же благопристойная до невозможности, на деле оказалась редкой стервой. Как потом выяснилось, парень ей нравился, но не настолько, чтобы выйти за него замуж. Но стоило ему переключиться на другую, и она бросилась защищать то, что привыкла считать своим.

Всё бы ничего, но Тиэко была не одинока в своём негодовании. Спецназовки клана Дракона приняли её сторону, ведь для них она была своей, а Эльза наглой чужачкой, покусившейся на их самого красивого парня. Дело дошло до того, что они заловили её в туалете и пригрозили разукрасить физиономию подлой кумихо, если та будет «липнуть» к Хикару.

Не испугавшись угроз, Эльза достала припрятанный стилет и предложила им не медлить и разобраться прямо на месте. Войдя в раж, она так припугнула девчонок, что они

облегчённо перевели дух, когда появилась сержант Рената Иванова и официальным тоном потребовала прекратить безобразие. Вызвав конвой, она с позором выпроводила зачинщиц драки, а Эльзу отвела в сторонку и вполголоса, чтобы не слышали остальные, попросила быть сдержанней и больше не ввязываться в драки с гостями. В ответ на это, разгорячённая схваткой Эльза, послала её к чёрту и Рени смирила её таким взглядом, что она сразу же пожалела о своих словах. Они дружили и вместе прошли через многое, но в последнее время их отношения осложнились. Рени совсем недавно получила звание сержанта и несколько болезненно воспринимала, когда Эльза нарушала субординацию, особенно на людях. Отшвырнув её к стене, она резко сказала, что больше не потерпит её глупостей и если нужно, то пожертвует сержантскими лычками, но прямо сейчас загонит её туда, где из симпатичных самцов водятся только белые медведи. Исключительно, для её же собственного блага.

Рени была настроена более чем серьёзно, и Эльза из-за страха потерять Хикару пошла на попятный. Она так молила не переводить её в другое подразделение, что подруга не выдержала и сменила гнев на милость. Она даже не отправила её на гауптвахту, как грозились, и разрешила остаться на вечеринке.

Обрадованная Эльза сразу же бросилась на поиски Хикару, но он перехватил её по дороге и, повернув к себе, с тревогой оглядел.

— С той всё в порядке? — спросил он уже с более спокойным видом.

— Я-то цела, а вот подружки твоей пассии не совсем, — ответила она и, коснувшись своей щеки, возвела очи горе. — Господи! Опять я перемазалась! Подожди, я умоюсь...

— Держи! Не стоит больше испытывать судьбу.

Хикару вручил ей бутылку воды и салфетку, прихваченные с праздничного стола, а затем потянул её за собой, подальше от шумного веселья. Подогретые алкоголем, спецназовцы стремительно доходили до кондиции, чреватой потасовками.

На улице он обнял её за плечи, и они зашагали по узким улочкам древнего города.

Это была чудесная прогулка и самое счастливое время в жизни Эльзы. Влюбленная, как мартовская кошка, она болтала за двоих, делая вид, что не замечает грусти молчаливого спутника. Когда они проходили мимо Тиэко, та демонстративно отвернулась и громко сказала подружкам, что взбесившаяся лисица — это как раз то, что нужно Хикару. Но в запасе у Эльзы было такое множество баек, что он, заразившись её настроением, тоже рассказал несколько забавных случаев.

Она не помнила, кто первый начал, но вскоре они, распалённые поцелуями, направились к небольшой квартирке, которую она снимала в городе.

Наутро Эльза проснулась первой. Стараясь не потревожить спящего Хикару, она выбралась из кровати и отправилась в кухню. Как всякой нормальной женщине, ей хотелось приготовить завтрак для любимого мужчины.

К бутербродам и омлету она сварила кофе и, разлив его по чашкам, щедро добавила кофе и сливки. При их сумасшедшем обмене веществ диета была излишней.

Учуяв аромат кофе, Хикару сонно улыбнулся и, не открывая глаз, сказал по-японски: «Спасибо, любимая! Ты, как всегда, заботлива, моё ясное солнышко». От его глубокого чувственного голоса у Эльзы пробежали мурашки по коже. До неё не сразу дошло, что он путает её с другой.

От грохота подноса он мгновенно слетел с кровати, и в его руках появилось оружие. Как и следовало ожидать, у дракона оказалась отменная реакция. Поняв, где и с кем находится, Хикару с покаянным видом прижал её к себе. «Прости, малыш!.. Не сердись, Эль, всё будет хорошо. Клянусь, прошлое осталось в прошлом».

Вечером Эльза убила массу времени на макияж и выбор платья, она хотела позвать Хикару в кино. Вместо этого он вручил ей билеты в оперный театр. Поскольку у него только что закончилась тренировка, он попросил её подождать и побежал переодеваться. Дорогой костюм и галстук с рубашкой настолько преобразили его, что Эльза захлопала в ладоши, а затем оглядела свой наряд и приуныла: броское короткое платье и блестящие нарядные босоножки не слишком годились для театра. «Вот даже не знаю, стоит ли идти с тобой или лучше не позориться», — расстроилась она, но взгляд Хикару вернул ей уверенность в себе, и она с достоинством королевы села в подъехавшее такси.

С той поры они жили вместе, и перед отъездом на родину Хикару предложил ей заключить временный брачный контракт, причём на десять лет. Зачем он это сделал и почему на такой длительный срок, Эльза до сих пор терялась в догадках. В общем-то, в предложении, сделанном мимоходом, во время обеда, не было ни капли романтики, да и обручальное кольцо она тоже не получила. Но тогда у неё не было сомнений в его любви, и все эти досадные мелочи, как ей тогда казалось, прошли мимо её внимания.

Не желая расставаться с мужем, Эльза оставила службу и моталась за ним с базы на базу. Когда его отправляли на задание, она жила лишь ожиданием их встречи. Любя, она настолько приросла к нему сердцем, что время останавливалось для неё, когда он находился в отъезде, но стоило ему появиться на пороге их казённой квартирki, и оно начинало свой беспощадный бег.

При каждой встрече Хикару неизменно протягивал ей букет белых хризантем и какой-нибудь маленький подарок. Эти знаки внимания были столь дороги её сердцу, что Эльза каждый раз таяла от счастья.

Несмотря на его частые отлучки, их супружеская жизнь протекала гладко. Встретившись, они чувствовали себя так, будто расстались только вчера. Им было так легко друг с другом, что они могли проболтать всю ночь, прерываясь лишь тогда, когда переходили на язык тела, говорящий о любви без слов.

Эльза не сомневалась, что Хикару любит её так же сильно, как она его, пока однажды не раздался полночный звонок, который разбил её непрочное счастье.

Прежде чем ответить на вызов, Хикару глянул на неё, а затем односложно ответил по-японски. Судя по голосу, доносящемуся из мобильного, ему звонила женщина. Эльза уже кое-что понимала по-японски и он, заметив, что она прислушивается к его разговору, вышел из комнаты. Спустя несколько минут в душе зашумела вода. Хикару вернулся полностью одетый, хотя накануне сказал, что пробудет дома три месяца. Не отвечая на вопросы встревоженной Эльзы, пытающейся выяснить, что же случилось, он сунул в карман документы и, покидав в сумку вещи, исчез за дверью.

Отлучка была не долгой. На третий день Хикару вернулся и с виноватой улыбкой протянул ей букет пышных хризантем и бархатную коробочку. Но Эльза впервые не обрадовалась его подаркам. Видя, что он ждёт, она открыла крышечку. Внутри футляра

лежало кольцо с бриллиантом — долгожданный, но сильно припозднившийся знак любви. Отчего-то именно кольцо утвердило её в мысли, что муж ей изменяет.

— Черт побери! Ответь мне, где ты был, пока я не находила себе места? — злобно выкрикнула она и опешивший Хикару подался назад.

— Летал в Токио, — сознался он и, помедлив, добавил: — У Тиэко возникли проблемы, и она попросила меня о помощи.

— Ой, прости! Раз Тиэко попросила тебя о помощи, то это всё объясняет, — проговорила Эльза издевательским тоном и швырнула в него кольцом. — Убирайся к чёрту! Видеть тебя не хочу. Стоило только этой сучке поманить тебя пальцем, и ты тут же помчался к ней.

— Постой, Эль! — Хикару загородил ей дорогу, не давая уйти. — Сначала выслушай, а потом уж суди! — взмолился он.

— Ладно, выкладывай, — согласилась Эльза, — только давай покороче. Всё равно сочувствия не дождёшься.

— Я и не жду от тебя сочувствия, просто выслушай.

Исповедь далась Хикару нелегко, но он был честен и рассказал всё без утайки: о своём чувстве к Тиэко, больше похожем на болезнь, и какую роль сыграла Эльза в его жизни.

— Пойми, Эль, ты была для меня как глоток свежего воздуха. Лучик солнца в непроглядной тьме, моя надежда на счастье, когда я уже отчаялся...

— Да что б тебя разорвало и подбросило! — взвилась Эльза. — Хочешь сказать, что я для тебя всего лишь спасательный круг?

Хикару вздохнул.

— В какой-то мере, да. Эль, пожалуйста, не заводись! В конце концов, разве мы плохо живём? — попытался он её урезонить, но не тут-то было.

Злая и не выспавшаяся Эльза закатила ему такой скандал, что он не выдержал и сбежал из дома. И всё же ночью они снова были вместе. Муж так раскаивался и молил о прощении, что она сдалась. Ведь предательское сердце хотело ему верить.

Понадеявшись, что это было разовое явление и Тиэко больше не появится в их жизни, Эльза постаралась забыть о неприятном происшествии. Но она ошиблась. Их первая размолвка с Хикару была лишь началом адových мук, через которые ей пришлось пройти.

Вновь зазвонил мобильник и Хикару, который только что перешагнул порог дома после месячной отлучки, жалко улыбнулся. Несмотря на её мольбы и рыдания, он сразу же развернулся и улетел в Японию.

Их супружеский кошмар длился почти год. Измученная ревностью Эльза перепробовала всё: от грандиозных скандалов до униженных просьб с угрозами покончить с собой. Но Хикару слушал только своё сердце, а оно тосковало по Тиэко.

Наконец, она не выдержала, поняв, что своим нежеланием признавать очевидное мучает их обоих.

Когда Тиэко позвонила в очередной раз, Эльза загородила мужу дорогу. «Не бойся, долго я тебя не задержу. Просто хочу сказать, что можешь больше не возвращаться. Кто-то должен тебя отпустить. Если она этого не хочет сделать, значит, это буду я. Не нужно так на меня смотреть, я переживу. Будем считать, что ты умер. В конце концов, при нашей профессии никто из нас не застрахован от гибели, — сухо сказала и распахнула двери. — Уходи! Иначе опоздаешь на самолёт... Да что б тебя! Уйдешь ты, наконец?» — выкрикнула она, видя, что он не двигается с места.

«Эль!» — Хикару жжал её в объятиях, не давая вырваться, и его плечи затряслись в беззвучном плаче. Перепуганная Эльза была уже готова сдаться, но тут он заговорил и много раз слышанная фраза: «Ты прости, малыш, я люблю тебя, но ничего не могу с собой поделать. Может, оставим всё как есть?» привела её в такое бешенство, что она даже не помнила, что именно ему наговорила.

В чувство её привела пощёчина. Это был первый раз, когда Хикару её ударил. И первый раз, когда он остался дома и не полетел к Тиэко.

Долгожданная победа не принесла Эльзе радости, ей было уже всё равно. Решившись на разрыв, она не собиралась отступать. Тяжёлое молчание, прерываемое лишь по необходимости, измотало их до предела. Потому оба обрадовались, когда Хикару пришёл вызов со службы.

Спустя месяц он вернулся и обнаружил, что беспокойная красавица кумихо всё же сбежала и в их квартире теперь живёт другая семья.

Поиски привели его в пивнушку на окраине городка. Эльза веселилась в компании человеческих юнцов, щекоча им нервы обещанием познакомить с настоящим вампиром. Он взял её за локоть, собираясь вывести из-за стола, но она подняла голову и погрозила ему пальцем: «Ты кто? Мой муж? Прости, красавчик, но с привидениями я не встречаюсь».

И с тех пор даже сумасшедшая доза алкоголя не могла заставить её забыть потемневшее от гнева лицо Хикару и его тихий голос: «Ну, ты и сучка, Эль! Так хочешь, чтобы я умер? Смотри, а то мечты осуществляются!» и свой ответ: «Да! Умри, любимый, и я буду свободна как ветер! Моя любовь к тебе — это кандалы на моём бедном сердце».

Это была их последняя встреча. Через месяц Эльзе сообщили, что Хикару погиб, подорвавшись на mine, и она, не желая больше жить, порезала себе вены, предварительно накачавшись всякой дрянью. После того как её вытащили с того света, за неё взялись психиатры и после долгих трудов всё же вытянули из тьмы отчаяния, граничащего с безумием.

Ожившие воспоминания отозвались такой болью в душе, что Эльза в панике соскочила с кровати и, наскоро ополоснувшись, оделась и выскользнула из дома. Находиться в одиночестве было выше её сил.

Многочисленный город встретил её относительной тишиной и такой же относительной темнотой, хотя на дворе стояла глубокая ночь. Засунув руки в карманы куртки, она медленно побрела по пустынному проспекту — прямо по проезжей части.

Люди спали, заведения, где можно было посидеть, уже закрылись, но она решила, что прогулка в одиночестве это всё же лучше, чем вариться в собственных мыслях. Иногда ей сигналили. Любители ночных приключений притормаживали, но встретившись с ней взглядом, уезжали прочь.

Ходьба её успокоила, и в голове вновь закружились печальные мысли. «Странная штука — память! — думала она. — Сердце болит по-прежнему и чувство вины никуда не делось, а вот лица Хикару я уже не помню. Да, время беспощадно! Я ещё помню его голос, его смех, прикосновения его рук, а вот лицо... нет, не помню. Флер забвения, как пыль на чердаке, чем дольше, тем толще его слой...» Представив себе безликую белую маску, Эльза вздрогнула от внутреннего холода. «Господи, чего я себя мучаю?! Сердце Хикаро принадлежало Тиэко, значит, ей и нести груз общих воспоминаний... Интересно, она ещё помнит о нём или уже и думать забыла? Говорят, она вышла замуж ещё до его гибели. Если

это правда, то бедный Хикару! С другой стороны, может, она тоже устала ждать...»

Автомобильный сигнал и визг тормозов заставили её отскочить на тротуар, и она с подозрением посмотрела на пожилого водителя, опасаясь, что он заметил нечеловеческую скорость, с какой она убралась с его пути. На своё счастье, тот почти уснул за рулём и видел лишь размытый женский силуэт. Тогда она стерла в его памяти воспоминание о происшествии и тот, перестав материться, недоумённо посмотрел на пустую дорогу.

Выпустив облако вонючего дыма, «жигулёнок» умчался на поиски пассажиров, и мысли Эльзы вновь потекли в прежнем направлении. На этот раз она задалась вопросом, как сложилась бы её жизнь, если бы Хикару не погиб. «Ведь он не бросал меня, несмотря ни на что. Интересно, удалось бы мне выдержать характер и настоять на разводе? — она остановилась и с сомнением покачала головой. — Трудно сказать, я слишком его любила. К тому же, судя по последнему разу, у нас могло ещё что-нибудь получиться. Думаю, меня подвело нетерпение сердца, так красочно расписанное Цвейгом. Впрочем, чего гадать? Судьба сделала выбор за нас и, возможно, это к лучшему. Ведь мы оба не просто любили, а были больны любовью, а такие сильные чувства никогда добром не кончаются».

В задумчивости она налетела на машину, припаркованную на тротуаре, и та завопила, что её воруют.

— Да, угомонись ты, зараза! Плюнуть некуда в городе, настолько всё забито автомобилями!

Не удовольствовавшись пинком, от которого бампер новенького красавца джипа смялся, как картонный, Эльза выбила стекло и отключила сигнализацию, причём самым варварским способом, а именно, вырвала её из внутренностей злосчастного «американца».

Довольная наступившей тишиной, она отправилась дальше. Постепенно её мысли свернули в другую колею. «Ладно. В общем-то, я благодарна Хикару, что он, не любя, так долго терпел меня, но этой скотине Штейну чего было нужно? — возмущённо подумала она. — Просто решил поквитаться со мной за розыгрыш? Для этого совсем не обязательно было тащить меня замуж. При его неограниченных возможностях он мог и без этого устроить мне такую жизнь, что небо показалось бы с овчинку...К чёрту Томаса! Снова я рассыпаюсь на части из-за человека, которому нет до меня никакого дела. Всё, больше никакой безответной любви! В конце концов, если судьба не оставила мне выбора, то плевать на условности! Мориску я хотя бы не безразлична. Эх, Роза! Ну почему ты не мужчина?!»

Подойдя к цветочному киоску у метро, Эльза осчастливила продавщицу тем, что купила у неё громадный букет роз. Вдобавок к цветам она подарила горянке сдачу, и та одарила её неохотной улыбкой.

Неожиданно дорогу ей заступила растрёпанная женщина в красном кургузом пальто. В руках у неё была початая бутылка водки. «Хочешь?» — предложила она, пошатываясь на высоченных каблуках. «Ну и дура!» — буркнула она, получив отрицательный ответ, и приложила к горлышку бутылки.

Опустив руку, женщина с подозрением уставилась на Эльзу.

— Слушай, сука, ты что, брезгуешь пить после меня? Так я, к твоему сведению, ничем таким не болею, а вот ты ещё неизвестно, что за цаца, — заявила она с пьяной злобой и её взгляд метнулся к букету роз. — А-а! Вот оно что! Твой ч... одарил тебя букетиком, после того как трахнул, и ты счастлива до у...!

Злоба женщины испарилась так же быстро, как возникла, и она слезливо завздыхала.

— Эх, все мы бабы дуры! Верим мужикам, а они нас поимеют, а после бросят. Вот и мой поначалу был готов целовать мне ноги, а сегодня заявил, что я старуха и место мне в богадельне... — она подалась к Эльзе и заглянула ей в лицо. — Хотя, кому я это говорю! Ведь ты ещё совсем зелёная и ни черта не смыслишь в жизни.

Всхлипнув, она снова поднесла бутылку к губам.

«Это я-то зелёная?» — насмешливо подумала Эльза и в свою очередь пригляделась к случайной собеседнице. По виду женщине было лет сорок, не больше.

— Возраст определяется не внешностью, а состоянием духа, — наставительно проговорила она и после этой философской сентенции отобрала у женщины бутылку. — Тьфу! Не водка, а пойло! — поморщилась она, когда разбавленный спирт обжёг ей горло.

— Вот ведь сучка! Ещё нос воротит! Не хочешь, не пей!

Брошенка в красном вознамерилась отобрать у неё своё добро, но не тут-то было. Держа бутылку над головой, Эльза дразнила её до тех пор, пока в ней не проснулась жажда крови. Тогда она схватила случайную знакомую за волосы и притянула её к себе.

— Стой смирно, человек, и я не причиню тебе вреда, — пообещала она.

— Господи! Никак сумасшедшая или наркоманка! — запричитала женщина.

Не в силах вырваться, она испуганно посмотрела на неё, и Эльза вдруг поняла, кого она ей напоминает. «Ну, надо же! Даже цвет глаз такой же, как у Розы Мориску!» — подумала она и тут её посетила шальная мысль.

«А что? Не очень даже противно», — Эльза стёрла с губ чужую помаду и залпом допила остатки водки. Букет она вручила женщине, которая с пьяной тупостью смотрела на неё, и, бросив пустую бутылку в урну, направилась к недостроенному дому, высящемуся поблизости.

— Во блин! Что ж мне так не везёт сегодня? В довершение ко всему ещё на лесбу напоролась, — пробормотала женщина, глядя ей вслед.

Добравшись до последнего, двадцатого этажа, Эльза подошла к краю ничем не огороженной площадки и глянула вниз. «Эй!.. Будь счастлива!» Женщина её услышала и подняла букет над головой. «Спасибо за цветы, подруга! — выкрикнула она. — Смотри, не свались там!»

Эльза помахала ей в ответ и направилась к другому краю площадки. Северный город с расползшимися окраинами нагонял тоску и она, улегшись прямо на бетон, уставилась в такое же безрадостное ночное небо. Медленный ход туч, подсвеченных багровым светом, оказывал гипнотизирующее действие и она, охваченная оцепенением, смежила ресницы. А затем взошла луна, необычайно большая и яркая для северных широт, и высветила силуэт высокого мужчины. Собранные в хвост длинные чёрные волосы, отливающие синевой, и комбинезон клана Дракона, не оставляли сомнений, кто он такой. Приблизившись, он присел на корточки и протянул ей букет хризантем. «Вот, не хочу нарушать нашу маленькую традицию», — сказал он со знакомой улыбкой.

Хикару был так нереально красив, что у Эльзы защемило сердце, и она подивилась тому, что могла забыть его лицо.

«Помнишь, я говорил тебе, что у меня был друг? — спросил он. — Андрей Бондаренко. Я часто тебе о нём рассказывал... Ну, тот парень, который читал нам стихи везде и всюду и которого мы выгоняли на улицу, когда он не давал нам спать. Жаль, что раньше я не понимал, о чем его стихи. Хочешь, я почитаю тебе его любимое?» Эльза смахнула слёзы. «Почитай», — согласилась она.

*Как больно, милая, как странно, [1]
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями, —
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.*

*Не зарастет на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана —
Прольется пламенной смолой.*

Хикару умолк, и Эльза подхватила с того места, где он закончил:

*— Пока жива, с тобой я буду —
Душа и кровь неразделимы, —
Пока жива, с тобой я буду —
Любовь и смерть всегда вдвоем...*

Он смерил её нежным взглядом:
*— Но если я безвестно кану —
Короткий свет луча дневного, —
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?*

Эльза всхлипнула:

*— Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.*

Склонившись над ней, Хикару отвёл прядку её волос.

— Эль?.. Не молчи! Неужели тебе нечего сказать мне? — спросил он, и Эльза задохнулась от горя.

— Будь ты проклят! Так почему ты не вернулся, когда я так тебя любила? Почему ты не приходил даже во сне? — выкрикнула она.

Хикару похлопал себя по карманам и протянул ей носовой платок.

— Не плачь, милая, — попросил он и его глаза наполнились ответными слезами. — Я тоже скучаю по тебе. Что бы ты ни думала, но я полюбил тебя с нашей первой встречи.

— Я знаю, — Эльза села, и он обнял её за плечи. — Бедный мой Хикару! — она с нежностью провела по его щеке. — Прости, любимый! Нужно было сразу отпустить тебя, чтобы ты не разрывался между нами. Тогда ты был бы жив, а я бы не мучилась чувством вины.

— Не горюй, Эль! В моей смерти нет твоей вины.

Какой-то частью сознания Эльза понимала, что принимает желаемое за действительное, но от слов Хикару у неё будто камень упал с души, и она всем сердцем снова потянулась к нему. Он это понял и мягко отстранился.

— Нет, Эль! Не лги себе, к прошлому возврата нет, — проговорил он и поднялся на ноги. — Вообще-то, я здесь затем, чтобы вернуть тебе это.

Хикару повернулся лицом к луне и его руки задвигались. Со стороны это выглядело так, будто он сматывал нити в клубок. Затем, напевая себе под нос — так всегда бывало когда он что-нибудь мастерил. «Готово!» — наконец сказал он и, обернувшись, протянул ей сияющее сердце, сплетённое из лунного света.

— Вот, возьми, оно мне больше не принадлежит, — сказал он с грустной улыбкой и шагнул назад. — Прощай, Эль! Будь счастлива, любимая, больше я тебя не потревожу.

— Не уходи, Хикару! — как встарь взмолилась Эльза.

И как встарь она снова не могла его удержать. Омываемый ярким лунным светом свободолюбивый дракон уходил всё дальше — пока его силуэт не растворился на фоне ясного звёздного неба.

Проснулась Эльза от того, что зверский холод пробрал её до самых костей.

Хикару не было, звёзд и луны тоже, только серые тучи на таком же сером предрассветном небе.

Она подняла руку, чтобы вытереть заплаканные глаза, и только тогда обнаружила, что сжимает в ладони стебель, увенчанный шапкой тёмно-зелёных резных листьев, из которых выглядывали многочисленные белые звёзды.

Эльза поднесла цветы к лицу и с наслаждением вдохнула их терпкий осенний аромат. «У нашей с Хикару любви всегда был запах хризантем», — подумала она и, встав лицом к востоку, что есть силы швырнула цветы навстречу встающему солнцу. «Гори-гори ясно, чтобы не погасло!» — выкрикнула она. И тогда, будто в ознаменование того, что её жертва принята, из-за тучи вырвался яркий золотой луч и, даря надежду, тёплой ладонью коснулся её лица.

[1] Стихи А. Кочеткова «Баллада о прокуренном вагоне».

ГЛАВА 8. Война — мерзкая вещь: она порождает чудовищ

Бог — кукловод. А куклы — ты и я.

Что боль Ему твоя или моя?

Даст поиграть над пёстрою завесой

И сложит нас в сундук небытия.

Омар Хайям

Со времени своего замужества Эльза почти не участвовала в серьёзных военных операциях, поэтому провозилась со сборами дольше всех. Тем не менее она тщательно проверила выданное снаряжение и, убедившись, что всё в порядке и она помнит, где что лежит, взяла со стола стилет. Увы, набедренный карман нового комбинезона предназначался не для него, и рукоятка старинного оружия основательно торчала наружу. Она выругалась, жалея о старом комбинезоне, в котором помещалось всё, что нужно, и, главное, находилось на привычных ей местах. Тем не менее оставлять стилет ей тоже не хотелось; он уже не раз выручал её в опасных ситуациях, поэтому она воспринимала его как своеобразный талисман.

Заметив, что осталась одна в казарме, Эльза взглянула на часы: «Ах ты!.. Карпов вытряхнет из меня душу за опоздание!» Досадуя на себя, она схватила снаряжение и бросилась бежать.

Посадка уже началась и по плацу разносились сержантские указания, обильно перемежаемые нецензурной бранью. Даже вампирские подразделения это поветрие не миновало, несмотря на строгий запрет на ругань. «Группа «Би-2» пятый круг! Группа «Си-8» тринадцатый круг! «Рей-7» восьмой круг, «Ми-5» третий круг! Быстро! Шевели задницами! Не спать! На том свете выспитесь, мать вашу!..» Эльза последней впрыгнула в свой самолёт; люк тут же закрылся, и он пошёл на взлёт. В салоне помимо оперативников при полном походном обмундировании было полно тюков с крупногабаритным снаряжением, которые заполняли проход; поэтому, ища себе свободное место, она то и дело спотыкалась о ноги товарищей, по какому случаю выслушала массу беззлых матюгов.

Одиссея Эльзы закончилась тем, что кто-то с силой дёрнул её за локоть и она плюхнулась на свободное сиденье. Первым делом она нашла лямки парашюта и, надев его, повернулась к соседу, что помог ей с местом, но стоило ей разглядеть, кто это и слова благодарности застряли у неё в горле.

— Опаздываешь, мать твою, Тероян! Между прочим, из-за тебя наша группа задержалась с вылетом. Давай жетон, отмечу тебе сутки карцера за опоздание.

От знакомого хриповатого голоса у Эльзы упало сердце. «Откуда здесь Мориску? Вот чуяла моя душа, что не к добру я не взяла с собой стилет», — тоскливо подумала она и внутренне содрогнулась, представив на что способна сержант, захоти она ей отомстить. — Да она закопает меня на этом задании и глазом не моргнёт!» Она молча протянула свой жетон и Мориску занесла туда заслуженное ею наказание.

— Боишься? Правильно делаешь, — усмехнулась сержант и склонилась к ней так близко, что её теплое дыхание, вызывая внутреннюю дрожь, шевелило волоски на шее Эльзы. — Что, Эль, гадаешь, почему я, а не Карпов? И не надейся, в моих действиях нет ничего противозаконного. Чистое везение. Карпову поступил срочный вызов в клан, и я всего лишь постаралась попасть на его место, — Мориску понизила голос. — Очень

постаралась. И всё ради тебя, Эль. Неужели и теперь ты мне не рада? Что молчишь?.. Нет, не ценишь ты моей верности, сука ты моя дорогая! — в тусклом свете салона глаза Мориску сверкнули недобрым огнём. — Тогда баш на баш, лживая ты тварь! Ты достаточно попила моей кровушки, пора вернуть должок. И не смей применять регенерацию! — прошипела она и выпустила клыки. Эльза ощутила, что по шее потекли струйки крови, но, как загипнотизированный кролик, не смела даже пошевелиться. Сержант напоследок лизнула ранки, оставленные её клыками, и Эльза, опомнившись, отшатнулась от неё, хотя такое казалось практически невозможным из-за тесноты. К её облегчению, Мориску пересела, поменявшись местами с тюком со снаряжением для госпиталя, и больше не разговаривала с ней.

По прилёту на место спецназовцы с привычной сноровкой выгрузили привезённое оборудование и проворными тенями заскользили в темноте южной ночи. Спецоперация была вызвана необходимостью эвакуации фениксов, неожиданно оказавшихся в зоне спонтанно возникшего военного конфликта. Именно такие, практически непрогнозируемые местечковые войны ставили под угрозу жизнь фениксов, которых из-за кровавого безумия приходилось держать в беспокойных регионах земного шара. Здесь никому не было дела до лишних трупов и ночных страхов жителей.

Оперативники вышли к небольшому селу-ферме, в котором уединённо жили фениксы, замаскированные под местных жителей. Там их уже ждали обеспокоенные наставники. Большая часть фениксов находилась в активной стадии, поэтому, быстро спеленав имеющихся в наличии на ферме, оперативники погрузили их на борт и, взяв скутеры, разъехались в поисках остальных. Эльза достала планшет и проверила список наличия — ни Лиза, ни Аннабель там не значились, и она потянулась за пеленгатором, который позволял засечь сигнал от чипа, вшитого под кожу фениксов.

Сигнал, пойманный радаром, вывел её к склону горы, где она обнаружила дрожащую окровавленную девочку. Обряженная в местные бесформенные тряпки и платок, закрывающий пол-лица, Аннабель, скорчившись, сидела в кустах. При приближении Эльзы она подняла голову и посмотрела на неё громадными от испуга глазами, но не сделала попытки убежать.

— Аннабель? — позвала она девочку.

— Да, тётя Эльза, — чуть слышно откликнулась она.

Убедившись, что Аннабель осознаёт себя — иначе дотрагиваться до неё было бы опасно, Эльза скользнула ближе и, подхватив её под мышки, вытянула из кустов. Как напуганного породистого жеребёнка, девочку била мелкая дрожь и она, поддавшись порыву, прижала её к себе.

— Тихо-тихо, малыш! Не бойся, всё хорошо! Сейчас мы отправимся домой, — сказала она успокаивающим тоном и провела диагностическим прибором вдоль тела девочки. Ран не было, кровь на её одежде была чужой. Тогда она достала ловчую нить и полностью её обездвижила.

— Прости, иначе нельзя. Таковы правила безопасности.

— Да... спасибо! — чуть слышно уронила Аннабель и надрывно всхлипнула: — Тётя Эльза, я не хотела их убивать, я хотела с ними поиграть...

— Тсс, малыш! — Эльза присела на корточки и с ласковым сожалением провела по встрёпанным рыжим кудрям девочки, выбившимся из-под платка.

— Не плачь, Аннабель, такова наша судьба. Ты не виновата, что природа сотворила нас

хищниками.

Эльза продиктовала свои координаты, и вскоре над ними завис чёрный треугольник рукотворного ската. Она передала девочку оперативникам и, достав планшет, с беспокойством обнаружила, что постоянно пополняющийся список фениксов почти полон; собрали всех, за исключением пятерых, в числе которых оказалась её Лиза.

На радаре высветился сигнал чипа ещё одного из фениксов, правда, он был слишком слабым и постоянно пропадал. Наконец, взяв пеленг, она направила скутер к крупному селу, находящемуся довольно далеко от вампирской фермы. Судя по шуму, его занимали вооружённые бандиты.

В сумерках, наполненных предрассветным туманом и страхом притаившихся сельчан, отчётливо слышался грохот подъезжающей военной техники, сухой треск одиночных выстрелов и редкие взрывы гранат. Бандиты запугивали жителей села и на всякий случай расчищали себе путь. Затем утренний прохладный воздух разорвала долгая автоматная очередь и кто-то выкрикнул призыв, обращённый к богу, которому современные фанатики щедро приносили кровавые жертвы[1].

После краткого периода затишья из села донёсся истошный женский визг, детский плач, жалобные вопли, перемежаемые призывами о помощи, гневные вскрики или увещевания, одинаково прерываемые выстрелами. Что там творилось было не сложно догадаться по громким похабным комментариям и подбадривающим возгласам, периодически прерываемым дружным мужским хохотом.

Растревоженные животные вносили посильную лепту в общую картину беды: собаки заливались истошным лаем, куры заполошно кудахтали, прочая скотина заходила в предсмертном рёве и визге.

У дома на окраине Эльза уточнила местонахождение феникса и осторожно выглянула. «Непруха!» — огорчилась она. Нужный ей сарайчик находился на другом конце села, вдобавок около него стояла толпа парней, которые с жадным восторгом глазели на то, как двое бандитов насилуют девочек-подростков. Она пожалела, что у неё обычный комбинезон, а не хамелеон, позволяющий оставаться невидимым, но их по причине заоблачной дороговизны выдавали только на спецзадания, связанные с повышенной секретностью; как правило, это был шпионаж. Конечно, у неё был личный комбинезон-хамелеон, подаренный Штейном, но это была не та вещь, которую можно было надеть на задание в группе.

Эльза прикинула возможность проникнуть в сарайчик с тыла, но тот вплотную примыкал к скале, к тому же миновать без шума добротную сделанную крышу у неё не получилось бы при всем желании. Пока она соображала, что делать, насильники кончили насиловать девчонок, но не уступили очередь другим, а взялись за ножи. Явно на спор они схватили их за волосы и у неё заложило уши от предсмертного визга. Тот, что справился первым, с торжествующим видом поднял вверх отрезанную голову и под одобрительные возгласы что-то гортанно выкрикнул. Второй, совсем юный бандит, замешкался и с досады швырнул свой трофей в стену сарая. Голова несчастной девчонки отлетела ему под ноги, и он пинком отфутболил её товарищу.

«Господи!» — Эльза отвела глаза; она привыкла ко многому, но столь бесчеловечный футбол — это было чересчур даже для неё.

После перекура бандиты нырнули в сарай за новыми жертвами. Они снова вытащили двух девушек, их явно ждало то же самое, что двух первых. Одна из девушек была местной, а вот вторая...

Хрупкая изящная девушка-феникс, шуря тёмные глаза, растерянно озиралась по сторонам, и Эльза с замиранием сердца признала в ней свою Лизу, их со Штейном вампирскую дочь. Она бросила острый взгляд на девушку. Судя по вялым движениям, она совсем недавно выпала из активной стадии. Это подтверждало поведение местной девушки, которая с истошным визгом бросала на Лизу безумные взгляды и больше рвалась прочь от неё, чем от насильников. Увы, теперь Лиза находилась в стадии ремиссии, а это значило, что практически она ничем не отличалась от обычного человека.

Ждать помощь было рискованно, и Эльза в расчёте на неожиданность приготовилась к броску. Она выскочила из-за дома, но тут же повернула скутер назад и беззвучно выругалась. Именно в это время на дороге появилась ещё одна группа вооружённых людей, и этим свела на нет её шансы убрать насильников и спасти Лизу. Судя по бронетехнике и дисциплине, это было серьёзное военизированное подразделение, тем не менее это её не остановило. Как профессионал в своём деле, Эльза была готова к любым неожиданностям. Спрятав скутер, она скользнула во двор дома и сдёрнула с бельевой веревки длинное тёмное платье и платок. Переодевшись, она прихватила ведро и в открытую направилась к сараю.

Идти по дороге, забитой вооружёнными людьми, было опасно, но это был кратчайший путь к цели.

Благодаря предутренний сумрак, не дающий её рассмотреть, Эльза шла, съёжившись и опустив голову. Ей повезло. Она ловила на себе любопытные взгляды, но мужчины в этой группе были старше тех, что у сарая, и никто из них не сделал попытки её остановить.

Когда она достигла нужного места, насильники успели содрать с девушек одежду и, не желая уступать друг другу, ожесточённо заспорили из-за Лизы. Спор грозил перейти в поножовщину, но тут появился бородатый мужчина постарше и, выстрелив в воздух, что-то повелительно выкрикнул. Он сам подошёл к Лизе и расстегнул было ширинку, но его отвлекла рыжеволосая красавица, которая с напуганным видом заметалась в кругу насильников, но при этом ловко уворачивалась от тянущихся к ней рук.

Когда Эльза, не дающая раньше времени сорвать с неё маскировку, приблизилась к нему, бородатый мужчина пылливо глянул на неё, затем на Лизу и, хмурясь, потянулся к оружию, но она с размаху ударила его ведром по голове, а другой рукой воткнула в него десантный нож; «Гули[2]!» — прохрипел он, булькая кровью, и осел на землю.

По-прежнему держа в руке ведро, Эльза развернулась к бандитам, ещё не осознавшим, что роли поменялись, и оскалила зубы в улыбке.

— Ну что, мальчики, повеселимся? — игриво спросила она, заплетая волосы в косу, а затем отхватила её ножом под корень.

Бандиты переглянулись. Для них было не впервой, когда безоружные люди, не помня себя от горя, кидались на них. Один из парней многозначительно покрутил пальцем у виска, а другой сделал похабный жест, мол, одно другому не помеха и свора дружно заржала. Эльза укоризненно покачала головой.

— Ай-я-яй, как грубо! Куда только смотрели ваши родители? Видимо, вас растили такие же подонки, как и вы, — сказала она на наречии бандитов.

— Заткни пасть, грязная сука! — выкрикнул ломкий мальчишеский голос.

Юный бандит достал нож и шагнул к Эльзе. Рванув платье на её груди, он с недоумением уставился на десантный комбинезон и замер, ощутив, как острое лезвие прокололо кожу на шее.

— Чего приуныл, гадёныш? Тебе же было весело, когда ты отрезал голову беззащитной

девчонке, а затем пинал её как мяч! — прошипела Эльза. Она взмахнула ножом и вспышка невыносимой боли стало последним, что ощутил юный головорез, сам оставшийся без головы.

При виде крови в глазах Эльзы засверкала жажда неуёмного убийства и она, не давая бандитам опомниться, закружилась в смертельном танце. Пользуясь паникой, в немалой степени вызванной её гипнозом, она методично резала плотки. Первым делом она выкосила менталистов, которых сразу же вычленила из общей массы; для вампиров они были опасны своей непредсказуемостью, к тому же некоторые из них плохо поддавались гипнозу и могли преподнести неприятные сюрпризы.

Впрочем, неуклюжие люди мало что могли противопоставить зрелому вампиру, вошедшему в режим скоростной атаки; их не спасало даже огнестрельное оружие: они просто не успевали им воспользоваться. К тому же Эльза была одной из лучших даже среди своих. Орудяя одним лишь ножом, она двигалась столь быстро, что никто из бандитов не успел даже вскрикнуть не то что выстрелить. В замедленной съёмке её экономные движения, отточенные до автоматизма, создавали ощущение полёта, вот только было некому снимать полёт той, что в ведомстве Штейна числилась под кодовым именем леди Смерть.

Последним, кого она убила, был темноглазый симпатичный парень лет семнадцати. Держась за распоротый живот, он с ужасом смотрел на приближающуюся безжалостную тигрицу. «Нет-нет! Не надо!» — пролепетал он и на его бледном потном лице появилось по-детски беспомощное выражение. Парень всхлипнул и, заслонившись локтем, попытался отползти, но Эльза схватила его за волосы и полоснула ножом по горлу. Убив подранка, она склонилась и вытерла нож подолом его футболки с изображением команданте Чи Гевары. «Глупые мальчишки! Сидели бы дома и играли в войнушку в интернете. Так нет, им хочется убивать и насиловать в реале. Ну а каковы подвиги, такова и награда», — сказала она и направилась к Лизе.

Рок заглянул в исковерканную душу каждого из убитых Эльзой мальчишек и, не колеблясь, уничтожил их раз и навсегда. Кismet. Смерть безжалостна; мертвецам уже не осознать своих ошибок, и не исправить содеянное зло добрыми делами. [3]

[1] Другое дело, насколько они нужны Всемилостивейшему и Наимогущественнейшему, но его почитателей это никогда не интересовало.

[2] Гули — в арабской мифологии джинны, пособники Иблиса; они крадут детей, пьют кровь, воруют монеты, грабят могилы и поедают трупы. Постоянно меняют форму, превращаются в животных, в особенности в гиен, или в молодых привлекательных женщин.

[3] Сентенция посвящается глупым детям, что чувствуют себя богами с оружием в руках. С легкостью распоряжаясь жизнью и смертью беззащитных людей, они не задумываются о том, что палка о двух концах и что однажды они сами могут оказаться жертвами насаждённого ими беззакония.

ГЛАВА 9. Повторение — мать учения, а именно: война — мерзейшая вещь

Пока Эльза разбиралась с бандитами, местная девчонка успела оклематься и, схватив камень, напала на Лизу. Один из ударов пришёлся в висок, и она медленно осела на землю. Девчонка бросилась бежать и бандиты на дороге, привлечённые её криками о помощи, заметили, что с их товарищами творится что-то неладное.

Видя, что два джипа с вооружёнными людьми развернулись в их сторону, Эльза подхватила находящуюся без сознания Лизу и со всех ног помчалась к домам на окраине поселка — туда, где она оставила свой скутер. Вслед ей затрещали автоматные очереди и не все они прошли мимо. Эльзу с такой силой ударило в спину, что у неё потемнело в глазах, но даже в падении она старалась прикрыть Лизу, совершенно беззащитную в своей наготе. Несмотря на все её старания, девушку всё же задело шальной пулей, и она с огорчением заметила, что по её ноге побежали струйки крови.

«Пока комбинезон спасает, но шлема нет. Если меня долбанёт по голове, нам обеим крышка!» — озабоченно подумала Эльза и, приподнявшись, оглянулась назад. Джипы быстро приближались, и она приготовилась к драке не на жизнь, а на смерть.

На их с Лизой счастье к селу подошла противоборствующая группировка и ударила из миномётов. Джипы сразу же развернулись и покатали обратно, под защиту бронетехники.

Радость оказалась преждевременной. Судя по панике на дороге, подошедший противник оказался более чем серьёзный; о том же свидетельствовал непрекращающийся обстрел из тяжёлых орудий.

«Из огня да в полымя!» — расстроилась Эльза и, заметив, что Лиза пришла в себя, спеленала её ловчей нитью, чтобы та не помешала ей во время бегства. Она подхватила девушку и снова бросилась бежать. Артобстрел не прекращался. Вдобавок снаряды ложились всё ближе и ближе. Виной тому были бандиты на дороге, которые, спасаясь, устремились в ту же сторону, что и Эльза. Подгоняемая нехорошим предчувствием она неслась как ветер и при этом молила бога, чтобы их не накрыло случайным снарядом.

Когда до дома на окраине, куда она стремилась, оставалось метров сто, раздался противный воющий звук. Снаряд ударил в крышу дома по соседству и от грохота близкого взрыва у Эльзы заложило уши. Им снова повезло, стены поглотили бóльшую часть ударной волны, и она принесла лишь кислый запах пороха и свежей крови — как выяснилось, собственной крови Эльзы. «Вот чёрт! Всё же накаркала беду...» — мелькнула у неё мысль и она, стараясь не уронить Лизу, медленно осела на землю. Ранение оказалось не просто тяжёлым, оно было из тех, что не поддавались вампирской регенерации. Тем не менее она собралась с силами и оттащила Лизу подальше от просёлочной дороги, чтобы та не оказалась на пути у отступающих бандитов. Полуразрушенный глинобитный забор был не слишком надёжным укрытием, но это было лучше, чем ничего.

Девушка пришла в себя и беспомощно смотрела на неё, но, связанная по рукам и ногам, она ничем не могла ей помочь, а у Эльзы не хватило сил её развязать. Обессиленная она рухнула на землю и, чувствуя, как сознание затягивает мгла безвременья, приготовилась к худшему. Она не роптала на судьбу, — смерть была неотъемлемой частью её профессии.

Спасение пришло тогда, когда Эльза уже ни на что не надеялась. Ругаясь на чём свет стоит, Мориску первым делом отвезла феникса в безопасное место, а затем вернулась за ней.

«Тероян, умрёшь — лично прибью!» — пригрозила сержант пока наскоро обрабатывала её рану на голове. Она погрузила Эльзу на скутер и направила его к дому, но им было не суждено до него добраться. Земля содрогнулась и встала дыбом.

Ударной волной обеих женщин сбросило со скутера, тем не менее Мориску ухитрилась закрыть Эльзу собой. Вот только снаряд взорвался настолько близко, что под градом осколков не выдержал бы никакой комбинезон.

Несмотря на самоотверженный поступок напарницы, Эльзе тоже досталось, осколками ей посеколо правую руку и бок. Боль привела её в чувство, и она открыла глаза. «Жива?» — прохрипела Мориску и её посеревшие губы шевельнулись; Эльза напрягла слух, но не расслышала слов. Лишь потом она поняла, что это была улыбка. Прощальная улыбка.

И всё же Мориску не сдавалась до последнего. Это было видно по её глазам — тёмным и яростным. Лишь с уходом жизни они обрели свой прежний фиалковый цвет и какую-то кукольную безмятежность. Последнее, что врезалось Эльзе в память, это несвойственное Розе выражение мягкой печали на лице и алая струйка крови на подбородке.

Мориску обмякла, уронив голову, и она, сделав невероятное усилие над собой, обняла её здоровой рукой. «Подожди, сержант, я скоро! Не спеши, уйдём вместе», — сказала она и провалилась во тьму беспомыслия.

По-своему Эльза была не менее упряма чем Мориску. Засыпанная сухой землей и мусором со свалки у дома, практически уже похороненная, она тем не менее продолжала балансировать на грани между жизнью и смертью. Искра надежды, что по-прежнему горела в её сердце, не давала ей перешагнуть роковую черту и уйти в небытие.

И предчувствие её не обмануло.

Над селом завис тёмный треугольный силуэт и вскоре группа оперативников, облачённых в комбинезоны-хамелеоны, погрузила всех троих на борт, и врач, не мешкая, подключил Эльзу и Лизу к системе жизнеобеспечения. Мориску с развороченной до позвоночника спиной помочь было уже нельзя и её останки перенесли в специальный отсек, чтобы в дальнейшем передать родственникам.

Когда врач закончил свои манипуляции, Штейн сел рядом с носилками и посмотрел на жену. Голова была перевязана по всем правилам, но лицо Эльзы по-прежнему скрывала маска из побуревшей крови и грязи. Он оглянулся на врача и, когда тот кивнул, взял бутылку с водой и намочил салфетку. Склонившись, он коснулся лица Эльзы и лишь тогда заметил бурые дорожки на её щеках, проложенные слезами. Бессознательное состояние не давало ему прочесть её мысли, но он и так знал, по кому она плачет и, помедлив, опустил руку. Штейн чувствовал себя виноватым и в то же время преданным. А ещё он ревновал. И не к кому-нибудь, а к мёртвой женщине, что теперь покоилась в соседнем отсеке, упакованная в пластиковый мешок. Память то и дело возвращала его к моменту, когда он нашёл Эльзу. Она обнимала Мориску так, будто та была её любовницей, что заставляло его подозревать жену в неверности, хотя он знал, что это полная ерунда и бред.

«Профессиональная деформация», — вздохнул Штейн и связался с оперативным штабом СБ.

К вечеру от так называемых бандформирований, из-за которых пострадали Эльза и Лиза, не осталась ничего, кроме горы трупов, что значительно оздоровило обстановку в регионе и вызвало недовольство могущественных кукловодов, чьи труды вампирский спецназ пустил коту под хвост.

Палевский тоже был не в восторге. В основном из-за того, что активно зашевелилось

ЦРУ, да и прочие разведки мира тоже не дремали, что обернулось немалыми хлопотами для вампирского сообщества. Вот и сегодня Штейн стойко вынес головомойку патрона и, понадеявшись, что тот всё же не снимет его с должности главы СБ, спустился в гараж и водитель без вопросов повёз его домой, к жене.

Эльза по-прежнему была без сознания, тем не менее, как только светила медицинского мира вампиров заверили его, что она в стабильном состоянии, он сразу же забрал её из института генетики и перевёз домой. Так ему было спокойней, к тому же он очень хотел видеть лицо Эльзы, когда она очнётся.

При его появлении сиделка сразу же вскочила и после бодрого репортажа о состоянии пациентки выскользнула из комнаты и понеслась в кухню, чтобы перекусить и заодно поболтать с кухаркой и горничной.

Видя, что в состоянии Эльзы ничего не изменилось, Штейн вздохнул и сел у кровати. «Ну как ты сегодня, Mein Herz? Мне кажется, выглядишь неплохо. Жаль, что ты снова отрезала волосы, с ними ты смотрелась бы ещё лучше. Нет, Эль, ты не думай, что я какой-то средневековый варвар, который привык таскать женщин за волосы. Просто ты не представляешь, как ты красива в роли леди Годивы. Честное слово, это какое-то волшебство!» Штейн поцеловал Эльзу в губы, но она и в этот раз не ответила ему и он, отстранившись, с грустью посмотрел на неё. «Лисичка, возвращайся скорей! Любви не обещаю, но ты не представляешь, как я по тебе скучаю». Он взял руку Эльзы и прижал её к щеке. «Mein Herz, по твоей милости мне сегодня опять досталось. Палевский рвёт и мечет. Откуда ж мне было знать, что я разворошу такое осиное гнездо? Скажешь, что мне по должности положено? Ну так я не господь бог и не могу учесть всех последствий. Нет, оно ясно, что к чему! Но кто же знал, что помимо тебя туда припрётся группа высокопоставленных штатовских стервятников? Думаешь, что ни делается, всё к лучшему? Верно, Mein Herz! — в голосе Штейна зазвучали довольные нотки. — Если бы мы не прибили штатовцев, то чёрт знает когда бы ещё вскрылся канал утечки информации. И ведь как хитро замаскировались сукины дети, не подкопаешься! Оно не мудрено, ведь «крот» был из наших. Думаю, ты его знаешь, он из твоего поколения...»

Спустя некоторое время сиделка заглянула в комнату; Штейн спал, откинувшись на спинку кресла, и она, высвободив руку Эльзы из его пальцев, накрыла её одеялом.

— Давно я отключился? — поинтересовался Штейн после сочного зевка.

— Минут пятнадцать, не больше, — ответила сиделка и, поколебавшись, добавила: — Там Марта пришла, хочет с вами поговорить.

— Да? — удивился Штейн и поднялся из кресла. — Я скоро, — пообещал он и скрылся за дверью.

Сиделка умирала от любопытства, но не посмела подслушивать. Тем не менее она всё равно узнала, о чём он разговаривал со своей секретаршей. Если верить словам горничной, то их всемогущий босс послал Марту на три буквы, когда она предложила ему свою помощь по дому.

— И правильно сделал, — одобрительно сказала кухарка. — Элечка, добрая душа, никогда не вмешивалась в домашнее хозяйство, а эта везде сунет свой нос, уж я её знаю. «Как? Вы ещё только готовите? Герр Штейну это не понравится! Выбросьте это немедленно, герр Штейн такое не ест!» — передразнила она Марту.

— Сучка, одним словом, — констатировала сиделка, которая была новенькой в доме.

— Есть такое дело, — подтвердила кухарка.

— Думаю, хозяин побоялся, что она что-нибудь сделает его жене, поэтому послал её куда подальше, — усмехнулась горничная. — В конце концов, Марту он может трахнуть и на работе...

— Тсс! — кухарка прижала палец к губам. — По местам, сороки! — шикнула она и девушки бросились к двери. Штейн отступил, давая им дорогу.

— Оль, есть что поесть? — спросил он, войдя в кухню.

— Конечно, есть. Садись, сейчас накрою на стол.

— Ну? Чего глядишь? Понятно! опять перемывали мне косточки. Ещё не надоело? — проворчал Штейн.

Кухарка улыбнулась.

— А ты что хотел? Девки не замужем, естественно они проявляют к тебе интерес.

— Я женат.

— Не помню, чтобы нашу сестру это обстоятельство когда-нибудь останавливало.

— Знаю, можешь не рассказывать. Садись, составишь мне компанию. Оль, давай без глупостей! Мы сначала друзья, а уж потом всё остальное.

— Ну ладно, уговорил, — Ольга села напротив и налила себе чаю.

— Вкуснятина! — воскликнул Штейн и активно заработал ложкой. — Так о чём вы болтали до моего прихода? — спросил он, потянувшись за хлебом.

— А это видел? — Ольга показала ему дулю. — Мы как уговаривались? О прежней работе ни слова.

— Да разве я о работе?! — возмутился Штейн, продолжая наворачивать любимое рагу из овощей и мяса.

— Естественно. Доносительство это и есть работа в нашем деле. И вообще... — Ольга зорко глянула на него. — Давай колись, что ты на самом деле хочешь узнать. Не увиливай, Томас! Я же вижу, что-то не даёт тебе покоя. И готова поспорить, это как-то связано с Эльзой.

— Ты права, — Штейн облизнул ложку и с неохотой положил её на стол. — Пожалуйста, ответь мне честно, между Эль и Мориску что-нибудь было?

Ольга смерила его долгим взглядом.

— Вот оно что! Не мешало бы тебя помучить и сказать, что так оно и есть, да только ты сам знаешь, что между ними ничего не было, — она перекрестилась и на её лицо легла тень печали. — Жаль Розу, царствие ей небесное! Хорошая была баба. Жёсткая, но справедливая. Конечно, гоняла нас в хвост и гриву, так мы потом спасибо ей говорили. Да, она любила Эльзу, это правда. Любила так, как не каждый мужик полюбит... — она прямо посмотрела на Штейна. — Знаешь, если Эльза ответила ей взаимностью, я не стану её осуждать. Мориску заслуживает любви. Так что я на твоём месте не стала бы её корить...

— Да я не корю! — перебил её Штейн и раздражённо добавил: — Как будто мне есть дело до ваших бабских потрапушек. Всё, спасибо! Накормила выше крыши, — он отодвинул от себя тарелку.

— Томас, это не бабские потрапушки, это любовь, — сказала ему Ольга вслед.

— Нахер такую любовь! — рявкнул Штейн и хлопнул дверью.

— Нахер ни нахер, друг ситный, а хрен теперь ты отобьёшь Эльзу у Мориску, если между ними действительно проскочила искра. Любовь к мёртвым, она, знаешь ли, крепче, чем к живым, ведь о них помнится только хорошее, — сказала Ольга, правда, так, чтобы Штейн её не услышал. Место было хорошее и ей, после того как она потеряла кисть руки во

время своей последней операции в спецназе, не хотелось бы его лишиться. К тому же близость к главе СБ создавала у неё иллюзию, что в жизни ничего кардинально не поменялось.

ГЛАВА 10. Мёртвые не умирают, пока живо хоть одно сердце, что их помнит

Я пески бороздил, и холмы огибал при луне.

Но в скитаньях моих не прибилась удача ко мне.

Лишь когда осушил я превратностей горькую чашу,

Вдруг случайная радость блеснула монеткой на дне.

Омар Хайям

Эльза не помнила, почему оказалась в пустыне, к тому же босая и в свадебном платье; тем не менее она знала, что это смерть — если ей не удастся выбраться отсюда. «Знать бы ещё на чём! Пешком всё равно далеко не уйдёшь», — тоскливо подумала она и огляделась по сторонам. Вокруг было только море белого песка, похожего на искристый свежесвыпавший снег, и нереально синее небо, откуда на неё смотрело раскалённое добела беспощадное солнце.

«Эй! Есть кто-нибудь?» — Эльза прислушалась и ощутила чьё-то насторожённое присутствие. «Я здесь!» — обрадовалась она, но тот, кто откликнулся на её зов, вновь оставил её один на один с бескрайней пустотой. «Чёрт тебя побери! Скажи хотя бы, куда мне идти!» — в отчаянии выкрикнула она.

«Господи! Что толку звать на помощь, когда вокруг никого нет и никогда уже не будет», — от этой мысли Эльзе стало так безумно горько и одиноко, что смерть показалась ей куда привлекательней, чем жизнь. И тут вдруг она заметила человека. Судя по уменьшающемуся силуэту, неизвестный уходил от неё, и она бросилась в погоню.

Солнце нещадно пекло ей голову, песок раскалёнными углями жёг босые ноги, но Эльзе даже не приходило в голову, что нужно снизить темп, — ведь от человека впереди зависела её жизнь. И всё же, хотя она бежала так, что выскакивало сердце из груди, она никак не могла приблизиться к желанной цели.

«Подождите меня! Не бросайте меня здесь одну!» — закричала она, но человек, не оборачиваясь, продолжал шагать дальше. Тогда Эльза собрала волю в кулак и, взлетев, устремилась за ним по воздуху. Лишь так она сумела приблизиться к одинокому путнику в приметном спецназовском комбинезоне. Наконец-то она поняла, кто перед ней и впервые в жизни обрадовалась той, от которой раньше удирала как чёрт от ладана. «Сержант!.. Роза, стой!» — выкрикнула она и на этот раз её зов был услышан.

Мориску остановилась и Эльза, вновь оказавшись на земле, бросилась к ней. Когда между ними оставалось несколько шагов, она вдруг заколебалась, не решаясь приблизиться. Это была не та Мориску, которую она знала, — та, что сейчас стояла перед ней, была уже больше, чем человек, и выглядела несколько иначе. Роза при жизни тоже не была уродиной, но та, что смотрела на неё, была прекрасна такой нечеловеческой красотой, что её обуяла робость.

— Ну, чего встала? — знакомо улыбнулась Мориску.

В тот же миг чувство отчуждения пропало и Эльза, влетев в её раскрытые объятия, горько, навзрыд заплакала.

— Но-но! Успокойся! — Мориску успокоительно похлопала её по спине. — Тероян, как тебе не стыдно? Такая матёрая лисица, а распускаешь сопли как девчонка-новобранец.

— Сержант... Роза, хоть ты меня не бросай, хорошо? — взмолилась Эльза и тут же

решительно добавила: — Впрочем, тебе и не удастся! Я иду с тобой, как и обещала.

— Нет, дорогая, так дело не пойдёт, — Мориску отстранила её от себя и, взяв за плечи, заглянула в её заплаканные глаза. — Эль, спасибо тебе за чудесный подарок, но не смей идти за мной, поняла? Этот путь не для тебя.

— Но...

— Молчать! Никаких «но», это приказ!

— Так точно! — буркнула Эльза. — Но ты меня не остановишь. Я тебя не брошу.

Мориску озабочено посмотрела на часы.

— Ладно, твоя взяла. В запасе есть ещё минутка перед вечностью. Давай поговорим. Идём! Там тебе будет лучше, — сказала она и указала на громадную раскидистую яблоню, возникшую поблизости.

Первым делом Эльза сорвала спелое яблоко и, откусив, застонала от удовольствия. Медовое яблоко было необычайно сладким и сочным, а ещё оно так чудесно пахло, что у неё закружилась голова; по ощущениям это выглядело так, будто она выпила бокал шампанского, причём на голодный желудок. Эльза сорвала ещё одно яблоко и вручила его Розе, а затем села в тени дерева и с облегчённым вздохом прислонилась к его шершавому прохладному стволу.

Мориску понюхала яблоко, но есть не стала. Улегшись на земле, она положила голову Эльзе на колени и посмотрела ей в лицо.

— Эль, время не резиновое, давай без твоих обычных увёрток.

— Давай! — согласилась Эльза. — Скажи, ты действительно любила меня?

— Думаю, ты знаешь ответ.

— Ответ прямо! — потребовала Эльза.

— Да, любила. И самолюбие здесь ни при чём.

— Почему мне нельзя с тобой?

— Самой не догадаться? — вздохнула Мориску. — Или моя жизнь по-прежнему ничего для тебя не значит?

— Это неправда! — запротестовала Эльза.

— Тогда будь добра выжить, чтобы я ни о чём не жалела.

Мориску села и вновь посмотрела на часы.

— Поцелуешь хоть на прощание? — осведомилась она деловым тоном.

— Иди сюда! — распахнув объятия, Эльза без колебаний ответила на поцелуй Розы, а затем с сожалением посмотрела на неё. — Эх, сержант, ну почему ты не мужчина? Я бы любила тебя так, как другим и не снилось! Но даже ты меня отталкиваешь и не хочешь, чтобы мы были вместе — если не в жизни, так хотя бы в смерти.

— Не дури, Эль! Живи пока живётся, — Мориску коснулась губами её лба. — Всё ещё будет. Поверь мне! Ведь тебе так идёт подвенечное платье, — она грустно улыбнулась. — Любовь приходит под разными обличьями, и ты уже два раза промахнулась. Будь добра, не оплошай в следующий раз, хорошо? А теперьпусти меня, дорогая.

Мориску встала и озабоченно глянула вдаль.

— Уже уходишь? — потеряно спросила Эльза и поднялась вслед за ней.

— Да, время вышло, мне пора.

Спустя удар сердца Мориску была уже далеко. Размеренной походкой она шагала в направлении закатного солнца, и её чёрный силуэт постепенно плавился в вихре червонного золота. Эльза всем сердцем рванулась следом за ней, но не смогла сдвинуться с места.

— Марш домой! Живо! — донёлся до неё далёкий голос.

— Так точно! — Эльза вытянулась, отдавая честь. — Спи спокойно, сержант! Я тебе не забуду!.. Роза! Клянусь, у меня всё будет хорошо! — выкрикнула она.

Обернувшись, Мориску подняла руку в прощальном жесте, и её силуэт растворился в яростном пламени солнечного круга.

Выходу в мир живых сопутствовали слабость и апатия. Разлепив неподъёмные веки, Эльза сфокусировала взгляд на смутно различимой фигуре. Это был Штейн. Он сидел рядом и, подавшись вперёд, пытливо смотрел на неё.

— Как дела?

Вопрос был задан ради проформы; они оба это знали. Эльзе не хотелось отвечать, тем не менее она услышала свой голос, слабый и тихий:

— Нормально, жить буду.

— Это хорошо, — неопределённо проговорил Штейн и у неё возникло ощущение, что он не рад её возвращению.

Ментальный щит требовал сил, которых у Эльзы не было, поэтому она знала, что её мысли для него не секрет, но ей было всё равно.

Штейн с усталым видом помассировал виски.

— Ты неправильно поняла. Я рад что ты очнулась. Другое дело, чего это стоило мне. Ты так рвалась за грань, что я уж думал, что не удержу тебя.

— Извини, — уронила Эльза, хотя не испытывала ни чувства вины, ни благодарности по отношению к нему; ей хотелось, чтобы он ушёл и дал ей побыть наедине со своими мыслями.

После некоторых размышлений Штейн решил, что ни к чему тянуть и томиться в неизвестности.

— Эль, ты постоянно звала Мориску. Она так дорогá тебе? — осторожно поинтересовался он.

Эльза, находящаяся под впечатлением от мистической встречи с Розой, закрыла глаза и из-под её сомкнутых век покатались слёзы.

— Да, — чуть слышно прошелестела она. — Так дорогá, что я хотела уйти вслед за ней, но тот, кто любит, тот любит даже за гранью.

Покоробленный её признанием, Штейн сверкнул глазами, но сдержал гнев.

— Не знал, что ты склонна к лесбийской любви, — произнёс он ровным тоном, хотя его так и подмывало схватить жену за плечи и хорошенько её тряхнуть, а затем доходчиво объяснить, какая она дура, если не ценит то, что имеет.

Его показное спокойствие не обмануло Эльзу: они слишком хорошо знали друг друга.

— Томас, ты не понимаешь, я говорю о Любви с большой буквы. Впрочем, можешь думать, что тебе угодно, мне плевать.

Волнение отобрало у неё силы, и она снова провалилась во тьму беспомысленности.

Штейн было встревожился, но, ощутив, что это обычный сон, уступил место сиделке. Выйдя из комнаты, он с досады стукнул кулаком по стене, а затем направился к себе, но по дороге передумал и повернул к кухне. Ему было жизненно необходимо выпустить пар, а Ольга, когда он откровенничал, никогда его не перебивала; она внимательно слушала и либо одобрительно кивала, либо хмурилась и этого ему было более чем достаточно.

ГЛАВА 11. Прах к праху, а живое к живым

Жаркий лал в синеве небосклона — любовь,

Бирюзой напоённая корона — любовь.

И не стон соловья над поляной зелёной,

А когда умираешь без стога — любовь.

Омар Хайям

Весна в горах подобна праздничному фейерверку. Возвещая её близкий приход, неумолчно звенят птичьи голоса. Река, наполовину скованная льдом, с радостным рычанием прыгает на перекатах, и периодически бросается на берега, грозя затопить прибрежные деревеньки. Пара солнечных тёплых дней и растительное царство стремительно рвётся на волю. Вроде бы только вчера склоны белели снегом и вот уже они превратились в мирно спящих троллей, с проплешинами камней и легкомысленными цветочками на нежной зелёной шкурке.

Покинув подземную темницу, щедрая богиня Флора торопится принести миру свои плоды, и ревнивая Фауна старается не отставать от сестры. Опьянённые чудесным весенним вином, животные сходят с ума от радости; самцы с новыми силами бросаются на поиски подруг, стремясь продлить нескончаемый круговорот жизни. Даже люди, эти своеобразные морлоки, [1] что сутками напролёт сидят в душных норах, привязанные электронными путами к многочисленным ящичкам, не остаются равнодушными к весеннему колдовству. Томимые непонятным беспокойством, они покидают добровольное заключение и отправляются на поиски приключений. Как правило, это заканчивается поездкой на дачу, а самые оторвы покупают себе путёвки в экзотические страны, где упиваются исключительно собственным видом на фоне местных достопримечательностей.

Люди вообще страшно эгоистичные и самовлюблённые существа, даже лучшие из них.

Как только Эльза, выйдя из комы, пошла на поправку, Штейн привёз её в поместье на Алтае, рассудив, что жизнь на природе куда быстрее поставит её на ноги, чем занятия со специалистами по лечебной физкультуре.

По прилёту их встретило яркое апрельское солнце и волшебная синь небес, оттенённая белоснежными облаками. Когда они вышли из авиетки, к ним подошёл лётчик и Эльза, поняв по смущённому виду парня, что у него какая-то личная просьба к Штейну, не стала его дожидаться. Не заходя в коттедж, она свернула к небольшому бревенчатому сарайчику, у которого высилась аккуратно сложенная поленница дров и, сев на приступочку у стены, сложила руки на коленях. Разогретая на солнце бревенчатая стена остро пахла еловой смолой и она, блаженствуя, закрыла глаза и вдохнула полной грудью чудесный весенний воздух. Своим довольным видом Эльза напоминала нежащуюся в лучах полуденного солнца большую рыжую кошку. «Господи! Какое счастье снова оказаться среди живых и не меньшее счастье оказаться здесь на Алтае. Какое все-таки чудо природа, она успокаивает и выметает из души всё мелкое, — лениво подумала она. — Хотелось бы мне навсегда остаться здесь. Рано поутру я ходила бы за водой на родник и по дороге слушала величественный шум ветра в кронах кедров...»

Из созерцательной мечтательности её вывела еле слышная мягкая поступь.

— Как прогулка? — поинтересовалась она, не открывая глаз.

— Да вот, как дурак цветочки собирал для любимой женушки. Сказать кому, так не поверят.

Приподняв веки, Эльза улыбнулась мужу, присевшему около её ног. На колени ей легли цветы, и теплая большая рука нежно сжала колено. Растрогавшись от этой немой ласки, она протянула руку, и медленно провела ладонью по гладкой твёрдой щеке, а затем заткнула за ухо непослушную прядь растрепавшихся белоснежных волос.

— Где ты нашел такую прелесть?

Штейн пожал плечами.

— Везде понемногу.

Удовлетворившись ответом, Эльза начала перебирать весенние первоцветы — жёлтые и фиолетовые пушистые ветреницы. Собирая их в букет, она слегка поглаживала нежные колокольчики. Прикосновение к ним доставляло ей чувственное удовольствие, которое несколько портил вид шрамов, которых было особенно много на её правой руке.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Штейн, прижавшись щекой к её коленям.

— Замечательно! Хорошо вот так сидеть на солнышке и ни о чём не думать. Есть в этом какая-то неизъяснимая прелесть... — Эльза открыла глаза и её глаза заискрились смехом. — Где ты его взял? Впрочем, тебе идёт ватник, выглядишь как настоящий абориген, только дыр многовато.

— Чёртовы мышцы! Ничего съестного нельзя оставить в карманах, — проворчал Штейн, брезгливо разглядывая прогрызенную полу телогрейки.

— Думаю, нужно завести кота. На пару с кошкой, — Эльза коснулась затылком брёвен, нагретых на солнце, и снова закрыла глаза. — Томас, я люблю тебя.

«Понятно, — погрустнела она, обнаружив, что Штейн бесследно испарился. — Ладно, спешить некуда. Уйти никогда не поздно. В конце концов, это его инициатива с возвращением, я ему не навязывалась». Она усмехнулась, прислушавшись к своим истинным чувствам. Конечно, обида была, но она лежала на поверхности; на самом деле она испытала облегчение от того, что Штейн предпочёл сбежать. В глубине души она не хотела его любви. В данный момент свобода и спокойствие, даруемые безразличием, были для неё куда притягательней, чем вулкан страстей, в котором она обычно пребывала. «Видимо, возраст. Действительно, сколько можно жить чувствами?» — отстранённо подумала она и взяла цветы, которые начали увядать на солнце.

Дорожка, усыпанная прошлогодней хвоей, привела её к дому. Распахнув двери, Эльза встала на пороге. В просторном холле ничего не изменилось и всё же он показался ей чужим. После комы ей всё казалось чужим.

Застоявшийся за зиму воздух отдавал затхлым запахом и она, поморщившись, подошла к окнам и распахнула их настежь. Сумрак холла и загулявший сквозняк заставили её зябко передёрнуть плечами; вдобавок она поймала себя на мысли, что не чувствует себя здесь хозяйкой. «И никогда ею не чувствовала», — тут же заметил внутренний голос.

«Значит, привыкай к этой роли или уходи. Хватит быть содержанкой», — сказала себе Эльза и взяла со стола вазочку. Вытряхнув из неё дохлых мух и мошкару, она налила воду и опустила в неё стебельки цветов. После некоторого раздумья она направилась к спальне и, войдя внутрь, вздохнула. Ощущение, что кругом чужое, по-прежнему не проходило. «В таком случае начнём всё заново. Девочки, знакомьтесь! Эль, это твоя спальня. Спальня, это твоя

хозяйка. — Очень приятно, Эль! — Взаимно, спальня! Ты уж никому не выдавай, что здесь творилось, хорошо? — Как скажешь, хозяйка! — Отлично! Ничего, если я здесь осмотрюсь? — Сделай милость! — ОК! Вот и поговорили!»

Эльза прошла по небольшой комнате, выдержанной в стиле русской деревенской избы. Смотреть, в общем-то, было не на что. На деревянном некрашеном полу лежали пёстрые домотканые половички. Посредине комнаты стояла большая пружинная кровать с вычурными металлическими спинками, рядышком притулились две неказистые самодельные тумбочки, выкрашенные белой краской. «Что ж, довольно мило. Ретро-стиль в духе минимализма. Всё по делу и ничего лишнего. Даже не знаю, почему мне здесь не нравилось», — подумала Эльза, попутно удивившись тяге Штейна ко всему русскому. Она поставила вазочку на прикроватную тумбочку и бережно расправила нежные цветы в букете, а затем повернулась к кровати и озадаченно хмыкнула. «Пожалуй, стоит проверить, как обстоят дела на этом фронте. Может, пора отойти в сторонку, чтобы не мешать Марте». Охлаждение Штейна её не пугало, её начинало пугать собственное равнодушие; Эльзе стало казаться, что вместе с Мориску умерла какая-то часть её души. «Нет! Роза так бы со мной не поступила!» — эта мысль её успокоила, и она сбросила одежду.

Штейн толкнул дверь в спальню. При виде представшей соблазнительной картины у него загорелись глаза. Полностью обнажённая Эльза лежала поверх пёстрого лоскутного одеяла и, подперев голову руками, увлечённо читала. Последнее его несколько покорило, но он решил, что сам виноват, заставив её слишком долго ждать. Увы, поместье, как всякое владение, требовало хозяйского присмотра и после бегства от Эльзы его отловил Карл Иванович, который был у него за сторожа, егеря и управляющего. И хотя старый оперативник вполне справлялся со своими многочисленными обязанностями, но был ряд таких дел, где он не хотел брать на себя ответственность. Например, любопытные мальчишки, сумевшие прорваться на запретную территорию и запертые в сарае. Сам Карл Иванович был не силён по части управления воспоминаниями и опасался, что не сумеет как следует почистить им мозги, а без этого их было нельзя отпускать. Прибегать к крутым мерам он тоже не хотел. Штейн проверил его улов и всем скопом отправил подростков в вампирские семьи. Все четверо оказались перспективными фениксами, так что ему пришлось связаться со штабом, чтобы там организовали благовидный предлог для их исчезновения.

В общем, Штейн действительно сильно припозднился и был доволен, что Эльза не злится. Впрочем, если бы она злилась на него, он был бы только рад.

После выхода из комы она почти не замечала его и в этом не было притворства. Погружённая в свой внутренний мир Эльза не обращала внимания ни на кого; даже Палевский не смог её расшевелить и сказал, что здесь нужно время, мол, лишь оно лечит душевные раны. Поставленный им диагноз расстроил Штейна куда больше, чем он сам ожидал.

Несмотря на требование Эльзы дать ей развод и уход из дома, он не верил, что это всерьёз. Женщины, что были рядом, всегда влюблялись в него, причём насмерть, и по доброй воле никогда его не покидали. Поэтому Штейн считал, что в жене говорит обида, и не спешил с примирением, к тому же разлука была своеобразным наказанием для неё.

Занятый делами, он не сразу узнал, что Эльза на задании, а узнав, был готов убить Марту, которая задержала его приказ о её переводе из оперативного отдела СБ в административную часть штаба Объединённых кланов.

Беду Штейн почувствовал до того, как пришло сообщение о том, что Эльза пропала с экранов радаров, тогда и выяснилось, что она ему далеко не безразлична. Вот только за это время между ними успела встать Мориску и теперь он не знал, как подступиться к жене, чтобы она не взбрыкнула и не ушла от него, причём навсегда.

Признание Эльзы застало его врасплох. Правда, проанализировав её поведение, он пришёл к выводу, что это игра. И всё же он был рад, что она первой сделала шаг к примирению.

Штейн снял одежду и, прежде чем лечь, аккуратно сложил её на стуле. Под его весом старая кровать, немало повидавшая на своём веку, жалобно скрипнула и основательно просела. Эльза поспешно отодвинулась, чтобы не скатиться ему под бок, и снова улеглась на животе и он, глядя на её нежный профиль, обрамлённый ореолом золотисто-рыжих кудрявых волос, с радостью ощутил, что жизнь возвращается в прежнее русло.

Видя, что он бездействует, Эльза вопросительно посмотрела на него.

— Я так понимаю, в бывшем СССР по-прежнему нет секса, — усмехнулась она и снова уткнулась книгу. — Предупреждаю, не жди от меня инициативы. Нет настроения.

— Почему ты не спрашиваешь, люблю ли я тебя? — спросил Штейн с ленцой в голосе.

В глазах Эльзы вспыхнули весёлые смешинки. «Надо же, что творится! Ледяной Тигр заговорил о любви. Срочно нужны скрижали и долото с молотком». Это действительно был необычный поворот в их отношениях, и она отложила томик со стихами.

— А ты меня любишь? — спросила она, заинтересованно глядя на мечту многих вампирских красавиц.

Раздумывая над ответом, Штейн улёгся на спину и уставился в потолок, где жук-короед искал себе укрытие; ни одно из них почему-то его не устраивало, и он настойчиво полз дальше. «Вот и я, как этот жук, всё чего-то ищущу и никак не нахожу», — мелькнула у него мысль.

— Не знаю, Эль. Не хочу тебе лгать.

— В таком случае незачем было спрашивать. Не находишь? — спокойно проговорила Эльза и потянулась за томиком со стихами.

Штейн смерил её недовольным взглядом. «Нет настроения, говоришь? Ну и ладно! У меня тоже его нет. Продолжай мечтать о своей Мориску, а я посплю», — сердито подумал он и закрыл глаза.

Эльза покосилась на него, но промолчала.

В спальне установилась выжидательная тишина, нарушаемая лишь басовитым жужжанием мухи, которая всё никак не могла найти выход и по такому случаю билась об оконное стекло.

Поначалу Штейн делал вид, что спит, а затем и в самом деле задремал, накануне у него была бессонная ночь, но Эльза пихнула его в бок.

— Послушай, какая прелесть! — воскликнула она и с чувством продекламировала:

С весенним птичьим щебетом проснись,

Глотни вина и к лютне прикоснись.

Недолго ты пробудешь в этом мире,

И он не прокричит тебе: «Вернись!»

— Замечательно, — согласился Штейн и повернулся к ней спиной, но Эльза не унялась:

— Не спи, послушай ещё вот это!

Если жизнь твоя — ветром взметённая пыль,

Если пышный цветник превращается в гниль, —

Помни: выдумка всё, что тебя окружает,

А возможно и так: всё, что выдумка, — быль.

Чтобы привлечь его внимание, она стукнула его книгой.

— Правда, здорово сказано?

— Правда, — сонно пробормотал Штейн и попытался натянуть на голову подушку.

— Нет, ты не удирай! Ведь столько лет прошло — да что там лет, столетий! — а стихи до сих пор не устарели. Тот, кто их написал, удивительный человек.

«Издевается что ли?.. Вроде не похоже», — Штейн открыл глаза и, повернувшись к Эльзе, пытливо глянул на её грустное личико.

— Mein Gott! Страдала бы по мужику, я бы ещё понял, а тут не любовь, а одна стыдоба.

— В любви нет ничего постыдного, — сказала Эльза, стараясь не злиться.

— Скажи это кому-нибудь другому, а не мне, — буркнул Штейн, живо припомнивший свои детские страдания. — Спи давай или выметайся из комнаты! — рявкнул он.

— Ты это серьёзно? — Эльза смерила его взглядом.

— Серьёзней не бывает, — последовал ответ, и она пожала плечами.

— Дрыхни! Я тебе не мешаю.

— Ещё как мешаешь! Нет, чтобы сразу сказать: «Трахни меня, чтобы я не сомневалась в своей привлекательности», вместо этого будем читать дурацкие стишки и обижаться.

— Ладно, с тобой всё ясно, — Эльза села в кровати. — Привет Марте, а я пошла.

— Ага, сейчас! — взяв за талию, Штейн прижал её к себе и поцеловал. — Хочешь оседлать моего жеребца или по-прежнему нет настроения? — осведомился он, и на его пальцах показались когти. Заметив их, Эльза с трудом подавила внутреннюю дрожь. С их последнего раза прошло довольно много времени, и она успела отвыкнуть от болезненных ощущений в сексе. Штейн не подал виду, что заметил её реакцию и был предельно нежен, хотя живущий в нём зверь требовал крови и утверждения господства над самкой, вдобавок его усилия не оценили.

— Что с тобой? — осведомилась Эльза, глядя на него.

— А в чём дело? По-моему, всё нормально, — самолюбиво рыкнул Штейн, который чувствовал себя как спортсмен, полностью выложившийся, но не получивший вожделенный приз.

— Я же знаю, ты садюка и любишь жёсткий секс. Роль нежного любовника — это не твоё амплуа. Тсс! Не злись! — Эльза поцеловала его. — Томас, ты не думай, я всё понимаю и ценю твоё внимание, но можешь не переживать, со мной всё в порядке, — она улыбнулась. — А то мне кажется, что тут какой-то подвох и меня всё время тянет поискать свой стилет.

— Уверена? — засомневался Штейн, но его глаза заблестели.

— Абсолютно! Можешь не миндальничать. В конце концов, я же вампирка, а не человек... — не договорив, Эльза вскрикнула и выгнулась дугой. — Полегче! — простонала она, но Штейн её уже не слушал.

И всё же он действовал куда мягче, чем раньше, и несколько царапин и укусов были малой платой за тот чувственный фейерверк, который он ей подарил.

— Жива? — поинтересовался Штейн после завершения постельной скачки.

В ответ на его вопрос Эльза лишь приподняла голову и, застонав, снова уронила её на подушку. «Вот и замечательно! Это не ваши бабские игры, а настоящий секс», —

ухмыльнулся он, крайне довольный собой, и накрыл её одеялом.

— Полежи, а я схожу распоряджусь насчёт обеда.

— Ты же хотел поспать, — невнятно пробормотала Эльза.

— Спасибо тебе и твоим стишкам, перебили весь сон.

Штейн поднял томик стихов, валяющийся на полу. Омар Хайям «Сад истин» прочитал он на обложке и положил книгу на тумбочку.

С обедом возникли сложности. Повариха была из местных и так уж вышло, что именно в этот момент она надумала рожать. Карл Иванович повёз её в больницу и Штейн взялся сам за приготовление обеда. На это у него ушло три часа времени, в основном из-за того, что пришлось ждать авиетку, посланную за недостающими ингредиентами, но он остался доволен результатом. Блюда получились съедобными, во всяком случае, на его вкус.

Когда он вернулся Эльза сладко спала. Собираясь её разбудить, он тронул её за плечо и она, не разобравшись спросонья, напала на него.

Штейн со стоном схватился за лицо.

— С ума сошла?!

— Господи! Глаза целы? — перепугалась Эльза и схватила его за руки. — Дай я посмотрю... Всё нормально, даже веко не задето. Томас, ты идиот! Сколько раз тебе говорить, не трогай меня, пока сплю! Сам знаешь, как трудно контролировать спецназовские рефлексy. В следующий раз точно останешься без глаз, или что-нибудь похуже! — напустилась она на него.

— Не смей скандалить! Забыла наш уговор? Так я живо напомню! — рявкнул Штейн и, взяв ремень, с угрожающим видом шлёпнул им по ладони.

У них действительно был такой уговор, и Эльза со вздохом легла на живот. Порка перешла в секс и на этот раз пощадy не было. Штейн, давший волю инстинктам, устроил Эльзе настоящую экзекуцию. Причём досталось ей не столько из-за того, что она чуть было не покалечила его, сколько из-за банальной ревности. Он никак не мог простить ей Мориску и, отводя душу, задал ей такого перцу, что Эльза, глотая слёзы обиды, вновь начала подумывать о разводе. По натуре она не была мазохисткой и лишь терпела его садистские причуды. Да только Штейн сразу же уловил её настрой и больше не экспериментировал[2].

К тому же секс — это ещё далеко не вся жизнь, а в остальном он был само обаяние и предупреждал её малейшие желания.

Постепенно их совместная жизнь в поместье вошла в привычное русло. Правда, беспокоясь о здоровье жены, Штейн взял на себя все хозяйственные заботы и зорко следил, чтобы она ни в коем случае не переутомлялась; из всех дел на её долю остались лишь прогулки на свежем воздухе. К тому же Эльза заметила, что в его отношении к ней больше нет того снисходительного равнодушия, из-за которого она чувствовала себя не женой, а содержанкой. Тем не менее она не спешила с выводами и не строила иллюзий относительно будущего её брака со Штейном — пока не произошло событие, в корне изменившее её взгляд на него и их будущую семейную жизнь.

В тот знаменательный день Эльза проснулась от холода. В настeжь распахнутые окна, открытые ещё с вечера, ворвался порыв свежего утреннего ветра, и она зябко поёжилась. Простыня была как лёд, и она свернулась в калачик, но поджатые к груди коленки не помогли ей согреться. «Чёрт его побери! Сколько раз просила Томаса — закрывай окна! Так нет! Ад замёрзнет, когда он послушает меня», — проворчала она и свесилась с кровати, ища сползшее на пол одеяло. Завернувшись в него, Эльза вознамерилась ещё поспать, но не тут-

то было.

По комнате поплыли чудесные ароматы свежесваренного кофе и сдобной выпечки. С некоторых пор Штейн баловал её завтраками в кровать, — правда, не сам, а посредством Карла Ивановича, который как призрак появлялся в спальне хозяев и также исчезал. Эльза села и, не открывая глаз, протянула руку. Вместо крышки, которой накрывали завтрак, её пальцы встретили пустоту. Готовность к неприятным сюрпризам было одним из пунктиков главы СБ и вампирскому спецназу часто портили ими жизнь. «Видимо, на этот раз завтракать я буду на потолке или после сеанса разминирования. Короче, сказка кончилась и начались трудовые будни», — вздохнула Эльза и с неохотой открыла глаза.

К её удивлению, сказка не кончилась, да и Карл Иванович не ушёл как обычно. Эльза поспешно натянула одеяло на грудь и он, ответив на её приветствие, подкатил сервировочный столик и поставил поднос на кровать. Помимо завтрака на нём стояла ваза с пунцовой розой, а рядом лежал томик стихов Омара Хайяма в роскошном кожаном переплете.

Всё с тем же церемонным видом истинного дворецкого Карл Иванович откланялся и Эльза, подняв очи горе, облегчённо выдохнула. Она отпустила одеяло, заменившее ей пеньюар, и вынула розу из вазы. На её нежных лепестках и листьях дрожали капельки утренней росы. Судя по запаху и виду, цветок был не из оранжереи. Эльза поставила розу обратно в вазу и взяла в руки книгу. На обложке был нарисован старик, на фоне гурий в райском саду; он с наслаждением прикладывался к бутылки с вином. И обложка, и иллюстрация были ручной работы, по уровню исполнения они сами по себе являлись произведениями искусства.

Гадая, что значат все эти дорогостоящие подношения, Эльза в задумчивости провела пальцем по золотому обрезаю и наконец решила открыть обложку уникального издания. Предчувствие её не обмануло, основной сюрприз крылся именно там. На форзаце красовалась надпись, сделанная размашистым твёрдым почерком:

*Один к фиалке попадает в плен,
Другой — к тюльпану, в жажде перемен,
А мне милей — бутон стыдливой розы,
Что задирает платье до колен.
P. S. Эль, я люблю тебя!*

Эльза не помнила, сколько смотрела на постскрипtum, но, судя по остывшему кофе, довольно долго. Она закрыла книгу и осторожно положила её туда, где она лежала. Аппетит пропал, и она без всякого удовольствия съела свой завтрак.

«Чёрт возьми! И что теперь будет? Влюблённый Штейн — это уже страшно! — обескураженно подумала она. — Впрочем, не исключено, что это всего лишь его месть за Розу».

Вот только Штейн при всех своих вывертах был человеком слова, и она это знала; если он сказал, что любит, значит, так оно и есть. «Вот дура! Раньше нужно было думать! Правильно говорят: смотри не пожелай, а то сбудется!» — обругала она себя. Она больше не знала, любит ли Штейна, зато она знала, что такое впасть у него в немилость.

«Господи, и почему судьба так несправедлива? — Эльза вспомнила свой сон в госпитале и к её глазам подступили слёзы. — «Прости, Роза, теперь я навсегда у тебя в долгу. Мне никогда не отплатить тебе за любовь той же монетой, — ведь ты заплатила за неё высшую цену...»

Подходящие случаю строки сами пришли на ум, и она прошептала:

Та, что сердце моё увела без труда,

Вновь надеждой меня одарила, когда

Жаркий бросила взор, словно камешек в чашу:

Он остыл, но зато закипела вода.

«Лживая сука! — Штейн замер у двери. — Все её слова о любви не стоят ломанного гроша, а ты как последний дурак поверил ей и вот тебе заслуженная награда!» Пряча гнев под маской спокойствия, он подошёл к Эльзе и, взвалив на плечо, отнёс её к бассейну на улице и сбросил в воду. Вынырнув на поверхность, она подплыла к бортику и, смахнув с лица мокрые волосы, не дающие ей рассмотреть Штейна, смерила его изучающим взглядом. С аналитическими способностями у неё всегда было хорошо, и ей не составило особого труда догадаться, что произошло.

— За что ты так со мной? — тем не менее сочла она нужным спросить.

— А то ты не знаешь! — резко отозвался Штейн.

— Не знаю. Сделай милость, скажи.

— *Meine Liebe, du verpasst zu oft Wasserbehandlungen.*[3] Думаю, такая причина ничем не хуже остальных, — последовал язвительный ответ и Штейн развернулся, чтобы уйти.

— Томас! — окликнула его Эльза. — Ревновать к мёртвым глупо. Ни к чему хорошему это не приведёт.

— Скажи это себе, — Штейн повернулся к ней. — *Meine beste Freundin*, тебе не стоило меня приручать, это может плохо кончиться.

Эльза насмешливо приподняла бровь.

— Это угроза?

— Понимай как хочешь.

Она догнала Штейна и, обняв, прижалась щекой к его груди.

— Вот глупый! Разве так обращаются с теми, кого любят? — она подняла голову и требовательно посмотрела на него. — Сейчас же поцелуй меня! Или я такое тебе устрою, что мало не покажется. Ну?.. Ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю.

— Вот и кто здесь кому угрожает? — проворчал Штейн и, сдавшись, привлёк её к себе. — Эль, я не шучу! Если ты солгала мне насчёт любви, то лучше тебе держаться от меня подальше...

— Прости! — перебила его Эльза. — Спроси ты меня раньше, и я бы ответила «да», причём без колебаний...

Она отстранилась и судорожно вздохнула; ей очень не хотелось идти на этот шаг, но иного выхода она не видела.

— Томас, я не знаю, что в настоящий момент испытываю к тебе. Всё, что я могу сделать, это убрать ментальный щит. Так что смотри и решай сам: быть нам вместе или нет.

Штейн недоверчиво посмотрел на неё, но Эльза действительно убрала ментальный щит, давая ему доступ к своим истинным чувствам и эмоциональному фону. Такая открытость была высшей степенью доверия и это впечатлило его. После некоторого колебания он всё же погрузился в её глубинные воспоминания. Мистическая сцена с Мориску и на него произвела впечатление. В задумчивости он подхватил Эльзу на руки и понёс её к дому.

— Ну, что скажешь? — не утерпела она.

— Ты любишь меня, а остальное всего лишь бред воспалённого мозга, — убеждённо проговорил Штейн.

Эльза заглянула ему в глаза — он не кривил душой и она, поверив ему, успокоилась. В конце концов, решающим аргументом послужили её собственные чувства. Несмотря на все свои сомнения, она не хотела расставаться с ним.

[1] Морлоки (англ. Morlocks) — гуманоидные подземные существа-каннибалы. Персонажи фантастического романа Герберта Уэллса «Машина времени».

[2] Для таких развлечений у него была не только Марта; время от времени Штейн посещал определённый круг женщин, для которых униженное состояние и плеть с наручниками были лишь в радость, и подчас это были не просто жестокие игры, а вопрос выживания.

[3] Meine Liebe, du verpasst zu oft Wasserbehandlungen (нем. яз.) — Дорогая моя, ты слишком часто пропускаешь водные процедуры.

ГЛАВА 12. Специфика топорных методов любви

Небольшая стайка ребятни, бегавшая по приторам, неожиданно остановилась и, глядя на реку, возбуждённо загалдела на что-то показывая пальцами. Посмотреть было на что. Посреди бурной реки возникла высокая, скульптурно вылепленная фигура мужчины с длинными белыми волосами. Некоторое время этот Ихтиандр, для полного сходства облачённый в обтягивающий серебристый комбинезон, с искусством акробата балансировал на мокром скользком валуне, а затем без всплеска ушёл в ледяную воду.

«Речной демон!» — с восхищённым ужасом закричали ребяташки. Конечно, никто из них не знал ни об Ихтиандре, — ведь фильмом восхищались ещё их прабабушки, но великие фантазии живут вечно, и они правильно угадали. Дети побежали вдоль берега, высматривая диковинное существо, но того и след простыл.

Штейн ушёл на глубину и, коснувшись дна реки, с любопытством огляделся. Кругом был только чёрный безжизненный камень и он, разочарованный увиденным, посмотрел вверх, но и здесь не увидел ничего достойного внимания, кроме бутылочно-зелёной толщи беснующейся воды, несущейся над его головой. Он зябко поёжился. «Вот дурак! И с чего я решил, что здесь есть что-то интересное? Нужно быстрее выбираться отсюда, а то слишком холодно. Даже регулировка теплообмена не спасает». Он оттолкнулся от дна и, выбравшись на поверхность реки, поплыл по течению, как вдруг его потянуло в водоворот, причём с такой силой, что он, несмотря на все свои старания, не смог вырваться из жадной пасти водяной воронки.

«Ах ты!.. Не хватало ещё речному демону утонуть в своей собственной стихии!» — насмешливо подумал Штейн, хотя ему было не до смеха. Ситуация была опасной, что не замедлило подтвердиться на практике. Водоворот резко вильнул в сторону и со всего маху бросил его на острые камни. «Твою ж мать!..» — задохнулся Штейн от боли. Вода окрасилась кровью, и он без раздумий рванулся вверх. На этот раз ему повезло. Отделавшись сломанными ребрами и распоротым боком, он выбрался из коварной ловушки и поплыл к берегу.

На скальном берегу беснующейся реки было мало мест, пригодных для выхода, но ему снова повезло: пляж был совсем крохотным, и проплыть мимо было проще простого, но он его заметил.

Выбравшись из воды, Штейн рухнул на прибрежную крупную гальку и, отдышавшись, запустил регенерацию.

Вездесущие ребяташки, несущиеся в его сторону, вызвали у него досаду. «Teufel! Посёлок совсем близко. Наверняка вслед за мелочью явятся взрослые, а я не Ник и не Мика. Большому количеству народа мне будет не подкорректировать память». Штейн встал и, ощутив неудобство в боку, поморщился. «Нет, сегодня явно не мой день, а я уж было начал надеяться, что лимит неприятностей, отпущенных на мою долю, на сегодня уже исчерпан, — он прислушался к себе. — Возможно, остаточная боль. Хуже, если рёбра срослись со смещением, тогда придётся снова их ломать. В общем, нужно убираться отсюда и побыстрее», — озабоченно подумал он и быстро глянул в сторону посёлка. Взрослых не было видно, и он решил не церемониться с ребятнёй.

Штейн намеревался стереть память о себе и уйти, но тут ему на глаза попала девочка

лет семи. Смуглая, кареглазая, рыжеволосая она так походила на Эльзу, что ему захотелось с ней познакомиться и узнать, кто она такая, а ещё ему хотелось, чтобы она оказалась фениксом. Лиза была слишком взрослой, и он не испытывал к ней особой привязанности. Как все нормальные женатые мужчины, Штейн мечтал о собственном ребёнке, но был бы рад и кровнику, но сколько он ни искал, он не нашёл даже места, из которого был родом. Вампирская кровь и уродливое детство в банде начисто стёрли ему память о родных местах и породившей его семье. Поэтому девочка, похожая на Эльзу сразу же привлекла его внимание.

Тем временем ребятишки подбежали к нему и оробели, не решаясь подойти ближе, хотя Штейн постарался максимально экранировать излучаемое им ментальное поле, иначе они тут же сбежали бы от него. Дети были чувствительней, чем взрослые, и даже не менталисты сразу же выделяли вампиров среди людей. Он похлопал себя по карманам, но там не было ничего интересного для детей, и он с огорчённым видом развёл руками. Впрочем, это нисколько не подействовало на их отношение к нему.

Мальчишки и девчонки, разинув рты, продолжали восторженно глазеть на высоченного атлетически сложенного красавца, который выглядел так, будто он оживший персонаж рисованной фэнтези-игры. Интернет добрался и до этих захолустных мест.

Самой смелой оказалась девчушка, замеченная Штейном. Выйдя вперёд, она дерзко улыбнулась, чем ещё больше напомнила ему Эльзу.

— Дяденька, а вы тоже из верблюдов или приехали в гости?

Чтобы расположить ребёнка к себе, Штейн присел на корточки.

— Детка, ты каких верблюдов имеешь в виду, одногорбых или двугорбых? — мягко спросил он.

Ребятишки заливисто рассмеялись. Сверкая белозубыми улыбками на загорелых лицах, они наперебой принялась объяснять ему, кто такие верблюды в местном варианте. Настоящих кораблей пустыни, естественно, здесь не водилось, во всяком случае, на свободе. В этих местах так называли туристов, идущих пешим маршрутом к Телецкому озеру.

— Нет, дети, я местный, а не турист, — серьёзно ответил Штейн и ласково посмотрел на рыжеволосую девочку. Он впервые позавидовал людям. Ему до смерти захотелось, чтобы и у них с Эльзой была бы такая же родная малявка: уж очень кроха напоминала её: и внешностью, и весёлым характером. «Обязательно нужно узнать, как дела у Мика, и есть ли надежда получить кровное потомство. Интересно, что я почувствую, когда появится родной ребёнок, как говорится, плоть от плоти?..» — задумался Штейн.

— Дяденька, а где вы живёте? Я вас здесь ни разу не видела, — донёсся до него звонкий голос девочки.

— Что?.. Ах, да! Всё правильно, Лисёнок, ты не могла меня видеть. Я живу довольно далеко от вас, — Штейн неопределенно махнул рукой в сторону лесистого гребня горы, мол, где-то там.

— А откуда вы знаете, что мамка зовёт меня Лисичкой?.. Ой, а я знаю, где вы живёте! Мамка сказала, что за вторым притором живут артисты, красивые аж жуть! Я слышала, как она говорила тёте Гале, что девка так себе, рыжая и тощая, совсем как я, а мужчина просто потрясающей красоты и за ночь с ним полжизни не жалко. Дяденька, а вы артист? Потому у вас такие длинные волосы? Ой, какие мягкие! — воскликнула девочка, коснувшись Штейновских волос, успевших подсохнуть на солнце. — Вы, в каком кино снимаетесь? Скажите! Ну, пожалуйста! Я очень хочу посмотреть кино с вами! Вы такой красивый;

красивее, чем Нео в Матрице! Когда я скажу мамке, что видела вас, она мне не поверит!

Памятуя об аборигенах и своём фантастическом облачении, Штейн снова посмотрел на посёлок. Около магазина уже возникла кучка мужчин и женщин, которые, тыча пальцами в его сторону, оживлённо переговаривались. Судя по настрою мужчин, чья храбрость росла по мере увеличения их количества, он понял, что они вот-вот зайвтся выяснять кто он такой. К его разочарованию, девочка оказалась обычным ребёнком и вообще среди окружающих его ребятшек не было ни одного феникса. Тем не менее он взял исцарапанную ручку девочки и галантно её поцеловал.

— Моя прекрасная леди, знакомство с тобой — большая честь для меня. Прошу тебя, передайте своей почтенной матушке мою сердечную признательность за столь лестный отзыв обо мне. И не забудь сказать, что тебя и мою жену, я считаю очень красивыми, — Штейн сделал вид, что к чему-то прислушивается. — Алиса, по-моему, тебя зовут. Слышишь? Думаю, это твоя мама.

И ребяташки действительно услышали голос Тамары Васильевны, местной учительницы начальных классов.

— Ладно, дети, мне тоже пора, — Штейн улыбнулся девочке и поднялся. — Ну, чего стоим? Тамара Васильевна зовёт всех вас, — строго сказал он и ребяташки бросились на зов учительницы.

Когда Алиса обернулась, у реки уже никого не было. Добежав до поселка, дети удивились, что так и не встретили свою учительницу, хотя всю дорогу слышали её голос.

Девочка вбежала в дом и нашла мать в кухне; она готовила холодный борщ.

— Мамка, ты чего нас звала? Мы за тобой бежали-бежали, но так и не догнали! — выпалила она единым духом.

Тамара Васильевна, невысокая полненькая женщина с миловидным лицом, удивлённо приподняла брови:

— Ребёнок, ты что болтаешь? Когда это я вас звала? Я с самого обеда безвылазно торчу на кухне, овощи в борщ крошу; сама видишь, какую кучу настрогала. Когда, скажи на милость, мне было бегать за тобой?

— Да только что! Правда-правда, я не вру! Вот Нинка и Костик с Серёгой подтвердят. Они тоже слышали, как ты звала нас по именам.

— Ну-ка, ну-ка! Расскажи подробнее! Иди, егоза, сядь ко мне, — ласково сказала женщина, с любовью глядя на дочь.

Забравшись к матери на колени, Алиса обняла её за шею и рассказала об удивительной встрече у Катуня. По уверениям девочки, незнакомец был настоящим речным драконом, принявшим человеческий облик, и только для отвода глаз сказал, что он артист и живёт за вторым притором.

Тамара Васильевна, выслушав сбивчивый рассказ Алисы, снисходительно улыбнулась. Плавать в Катуня в сезон весеннего разлива мог только самоубийца, а уж выбраться из бурной ледяной реки, да ещё без спасательного жилета, было с её точки зрения чистойшей выдумкой. Тем не менее она не слишком удивилась фантазиям дочери; это была далеко не первая небылица, услышанная ею, и все их рассказчики, — как правило, местные жители, клялись и божились, что это чистая правда.

«Да, странная здесь местность, чего только не бывает», — Тамара Васильевна вспомнила, как женщины рассказывали ей, как они работали в поле, и вдруг поднялся огромный горящий крест. А уж баек о голосах, зовущих из печи, и прочих страшилок и вовсе

было не счесть. «Говорят, этому есть научное объяснение, мол, на Алтае большие залежи ртути и она, испаряясь, отравляет воздух. Отсюда берутся всякие чудные видения у местных. Удивительно, что галлюцинации носят массовый характер», — подумала она. Сама Тамара Васильевна была не местной. Она родилась в Туркменистане, но после перестройки там стало твориться такое, что оставалось лишь диву даваться. Прежде приветливые и сердечные туркмены разом перестали улыбаться и при встрече со своими русскими соседями вздыхали и отводили глаза, а старики плевались вслед и бормотали угрозы на своём языке. Вскоре знакомые разъехались кто куда, и родители Тамары, опасаясь обнаглевшего азиатского молодняка, вернулись в Россию. Поездив по огромной полуразваленной стране, их семья в конце концов осела в Томске, где Тамара закончила педвуз, а затем вышла замуж и уехала с мужем на Алтай. Она была поздним ребёнком. Вскоре родители умерли — сначала отец и через полгода мать; психически неустойчивая она после смерти мужа погрузилась в глубокую депрессию и, не желая больше жить, однажды наглоталась снотворного. Поскольку других родственников у Тамары не было, это окончательно привязало её к мужу и горной стране.

Неслышно вздохнув, она погладила дочь по голове и с озабоченным видом положила ладонь на её лоб.

— По-моему, Лисёнок, ты переутомилась, бегая на солнцепёке. Вот тебе и приблизился речной дракон.

— Мама, я же видела его не одна! — запротестовала девочка.

— Тогда это был человек, — назидательно сказала Тамара Васильевна и строго добавила: — Алиса, тебе должно быть стыдно! Большая девочка, а до сих пор веришь в сказки. Наверное, опять была у Васильевых и смотрела по интернету всякую ерунду.

— Это не ерунда! — насупилась девочка и в качестве доказательства, что она ничего не придумала, привела ей слова Штейна.

Услышав, что просил передать «артист с горы», женщина смутилась и густо покраснела.

— Алиса, я же просила не выносить домашние разговоры на улицу! — попеняла она дочери, и с просящим видом заглянула ей в лицо. — Доченька, не говори папе про артиста, хорошо? Ты же знаешь, какой он у нас.

Испуганно посмотрев на мать, девочка отчаянно замотала головой и прижалась к ней.

— Конечно, мамочка! Не бойся, я ничего ему не скажу!

Глава семейства появился, когда на дворе стояла уже глубокая ночь. О его приходе возвестили грохот в сенях и грязная ругань, заслышав которую мать и дочь испуганно сжались. Дрожа всем телом, Алиса поспешно натянула на голову одеяло. Отец был пьян и сильно; трезвый или слегка подвыпивший он никогда не ругался и, приходя поздно вечером, старался не шуметь.

Входная дверь, открытая с пинка, отлетела к стене и вошёл мрачный темноволосый мужчина средних лет. Увидев, что в доме темно и его никто не встречает, он снова разразился отборнейшим матом, а затем направился в кухню и с яростью пнул табурет — тот с грохотом упал на пол и тут же истошно завизжала кошка, ставшая его первой жертвой.

Вопреки надежде, муж не утомился и Тамара Васильевна, заслышав его матерный зов, вскочила с кровати и бестолково засуетилась не в силах попасть в рукава халата. Наконец она кое-как натянула его на себя, но руки тряслись так сильно, что ей было никак не попасть пуговицами в петельки; тогда она запахнула халат и подпоясалась пояском. Прежде чем выйти к мужу она замерла, чувствуя, как сильно колотится сердце, а затем,

собравшись с духом, бросилась в кухню.

— Антон!.. Извини, я не слышала, как ты пришёл, — пробормотала она с жалкой улыбкой на побелевших губах.

Исподлобья глянув на неё, мужчина насупился и злобно бросил:

— Вот именно! Спишь, шалава, и плевать тебе на мужа! Придёшь домой, устанешь как собака, а эта б...ь учёная даже ж...й своей не пошевелит. Нет, чтобы мужа встретить, как порядочные бабы делают. Жрать давай, сука! Чего зенки вылупила? Шевелись, падла, а то живо получишь у меня п...й!

— Да-да, сейчас! — засуетилась Тамара Васильевна.

Зная, что промедление может ей дорого обойтись, она забежала по кухне.

Сжав кулаки, Антон мрачно наблюдал за тем, как жена накрывает на стол.

— Ну! Долго ещё ждать? С голоду подохнешь, пока тебя дождёшься!

— Да, всё уже готово! Антоша, я приготовила твой любимый холодный борщ и даже хлеб свежий. Представляешь, сегодня в магазине был внеплановый завоз продуктов, — Тамара Васильевна поставила перед мужем тарелку с борщом и, путаясь в словах, завела речь о делах в школе, надеясь таким образом утихомирить его.

Алиса слышала заискивающий тихий голос матери и ей безумно хотелось, чтобы она уговорила отца остановиться и не скандалить, но такого не случилось ни разу за всю её коротенькую жизнь.

Раздумывая, к чему бы придраться Антон взял ложку. Лука в борще было с избытком, и он гневно посмотрел на жену.

— Вот сука! Сколько раз говорил: не клади лук, а тебе всё по...й! Ты это назло мне, да?

— Антоша, да что такое ты говоришь?! Ведь ты сам в прошлый раз сказал, что борщ без лука это просто вода, вот я и положила побольше, — пролепетала Тамара Васильевна, хотя понимала, что оправдываться бесполезно. Лук в борще был всего лишь предлогом для дальнейшего скандала.

— Ах ты, б...ь! Перечить мне вздумала? — Антон приподнялся и грохнул кулаком по столу. — Убью! — проревел он, глядя на жену бешеными глазами. — Я подобрал тебя сучку бездомную, оборванку подзаборную, кормлю, пою, а ты мне вот что вытворяешь!

— Да что такого я сделала, что ты орёшь на меня? — не выдержала Тамара Васильевна.

— Давай, давай! Прикидывайся невинной овечкой! — с горечью проговорил Антон и снова сев, обеими руками вцепился в волосы. — Уже весь посёлок знает, о ком ты, сука, думаешь. Судачат все, кому не лень. Твоя баба, говорят, положила глаз на артиста с притора, видать, плохо ты её трахаешь. Не знаю, куда девать глаза от стыда.

— Да кто такое сказал?! — в отчаянии выкрикнула Тамара Васильевна, уже догадываясь, откуда пошли гулять сплетни. Галина была её единственной подругой и, зная нрав Антона, никому не передала бы её слова.

— Скажи спасибо своей ненаглядной доченьке! И сейчас отпираться будешь? Уж Алиска врать не будет. Говоришь, за ночь с артистом полжизни не жалко? А со мной? Жалко или нет? Отвечай, сука подзаборная!

— Антоша, опомнись! Когда я тебе изменяла? Не было такого! — попробовала Тамара Васильевна воззвать к разуму мужа, который был не столько пьян, сколько взбеленился от сплетен, загулявших по посёлку после неосторожных слов дочери. — Пойми, дорогой, Алисочка не так поняла! Мы с Галей обсуждали фильм и это не мои слова, а актрисы, — солгала она.

— Врёшь! По роже вижу, что врёшь! — не поверил ей Антон. — Скажи уж прямо посмешище решили из меня сделать, на пару со своим выблядком! — сказал он и снова грязно выматерился, на этот раз в адрес дочери.

— Не смей! — вскинулась Тамара Васильевна. — Со мной делай что хочешь, а дочь не трожь! Даже словом!

— Закрой своё хайло! Мать правильно говорит, что ещё нужно проверить кем мне доводится эта мелкая м...шка! Б...ь! Небось, нагуляла её с заезжим фраером и посадила мне на шею, а теперь пи...ь, что она моя дочь!

— Знала бы, что ты такая скотина, так бы и сделала, — не выдержала Тамара Васильевна, для которой дочь была единственным светом в опостылевшей семейной жизни.

Глухой удар и вслед за ним сдавленный крик матери сказали Алисе, что началось самое ужасное. Она села и из её глаз хлынули слёзы. «Мама-мамочка!.. Папочка, не надо! Ну пожалуйста, не бей мамочку! Ей же больно!..» — бормотала девочка, прижав к ушам ладони; но сколько она ни старалась, ей было не заглушить мерзкой ругани отца и вскриков избиваемой матери. Несколько раз она вставала с кровати и подходила к двери, но не посмела пойти к родителям. Тамара Васильевна боялась, что спяну Антон может поднять руку на дочь и строго-настрого приказала ей сидеть в комнате, когда он буйствует.

Тем временем вошедший в раж глава семейства совсем озверел, и Тамара Васильевна с криками о помощи выскочила на улицу, да только никто не поспешил ей на помощь — родни у неё здесь не было, потому заступиться было некому. Что касается остальных, то она была далеко не первой и не последней на селе, кого бил муж. Вдобавок она была чужачкой и учительницей, причём держалась отчуждённо на селе, поэтому сочувствия к ней не испытывали даже товарки по несчастью, а лишь тихо радовались, что на этот раз бьют не их, а кого-то другого.

Алиса выглянула в окно и у неё ёкнуло сердечко. Мать больше не кричала: скорчившись, она лежала на земле и лишь стонала после очередного пинка. Девочка была уже достаточно взрослой, чтобы понять, что ревнивый отец когда-нибудь может её убить. Выбравшись на улицу, она бросилась к соседнему дому.

— Дядя Коля, дядя Коля! — забарабанила она по ставням.

— Чего тебе? — выглянул из окна недовольный сосед.

— Дядя Коля, помогите мамке! Папка мамку убивает! — Алиса не спускала глаз с недовольного оплывшего лица, уже понимая, что просить бесполезно.

— А мне какое дело! И не стучи больше, тут тебе не милиция, — проворчал сосед и, почесав грудь, захлопнул ставни.

— Что, Антон снова училку лупит? — донёсся изнутри голос его жены, в сопровождении сочного зевка.

— Сама что ль не слышишь? Тамарка орёт так, что стёкла звенят, так ещё её девчонка колотится, спать не даёт.

— Коль, а ты видел этого артиста?.. Чего мычишь? Если нет, то так и скажи. Эх! Может там действительно такой мужик, что полжизни за него не жалко.

— Ну конечно! Артист всю жизнь мечтал ... таких коров, как ты.

— А что? Может, и мечтал.

— Слышишь, как Антонова баба надрывается? Хочешь составить ей компанию?

— Да я тебя самого так отделаю, что мать родная не узнает.

— А ты попробуй! Вдарь!

— Ишь ты, раздухарился! Лучше не выводи меня. А Тамарке достается за дело. Уж больно она нос задирает. Её послушать, так все мы дуры необразованные и в голове у нас одни суеверия. Книжек начиталась и теперь думает, что она самая умная. Ан нет, голубушка! Может, ты и умная, да только мужик колотит тебя, как простую бабу.

— Сука ты, Манька. Женись Антошка на тебе и теперь не она, а ты отсвечивала бы синяками.

— Ой, больно надо! Да я бы в жизни не пошла за него.

— Ври больше! А то я не знаю, как ты бегала за ним, да только ничего у тебя не вышло. Антошка тобой попользовался, а жениться не захотел.

— Ну так, не зря говорят, что ни делается, всё к лучшему, — зевнула соседка, которую на селе прозвали Толстой Маней, и, судя по страшному скрипу пружин, повернулась в кровати. — Спи, уже! Скоро утро.

Соседи замолчали и Алиса, вернувшись, села под окнами своей комнаты. Возвращаться домой она не хотела, поскольку видела, что отец схватил мать за волосы и потащил её внутрь дома. Она знала, что сейчас начнется самое стыдное. Для сельских детей сексуальные отношения взрослых — не секрет с малых лет. Так что Алисе не нужны были тычинки и пестики, чтобы понять, что происходит. Отец будет насиловать её мать, а та будет сдавленно рыдать и умолять оставить её в покое, а ещё просить не шуметь так сильно, чтобы не разбудить дочь.

«Как будто возможно уснуть под такое!» — ожесточённо подумала девочка; в последнее время она злилась на мать, что та безропотно принимает побои отца. Она видела, что другие женщины сопротивляются, вызывают участкового, идут к фельдшеру за справками, но только не её мать. А у Тамары Васильевны не поворачивался язык сказать дочери, что это гордость не позволяет ей идти жаловаться на мужа. Несколько раз она порывалась поговорить с Алисой и каждый раз стыд замыкал ей уста. Слишком уж её гордость смахивала на обычную трусость, — ведь ей действительно некуда было пойти, и она боялась потерять то, что имеет, особенно дочь, которую Антон грозился отсудить себе.

На улице было холодно, у Алисы слипались глаза. Родительская свара не утихала, хотя отец к этому времени обычно утихомиривался и ложился спать, но сегодня он не переставал материться и, судя по вскрикам, продолжал бить её мать.

Измученная происходящим, девочка всхлипнула и, как щенок, свернулась клубком на земле.

Штейн присел на корточки и ласково коснулся её головы.

— Ну что, Лисёнок, вижу тебе совсем плохо, — с сочувствием сказал он и девочка, вскочив, без колебаний обняла его за шею. Сидя у него на руках, она наконец не выдержала и так горько заплакала, что проняла своими слезами даже главу вампирской СС, разжалобить которого редко кому удавалось, да и то по большей части это была показуха, рассчитанная на зрителей.

— Тихо, малышка! Всё будет хорошо, — пообещал Штейн и при помощи гипноза постарался успокоить несчастного ребёнка.

Каково же было его удивление, когда он заметил в ауре Алисы характерные для фениксов ментальные кольца.

«Ну вот, малышка, а я уж было поставил на тебе крест. Хорошо, что именно ты, а не мальчишки спёрли у меня молекулярную струну», — с удовлетворением подумал Штейн. Первым его порывом было забрать девочку и уйти, но его удержало неясное чувство. При его профессии он был не совестлив, если не сказать больше, но слишком уж много боли излучала несчастная избитая женщина, находящаяся внутри дома, а он был не чужд некоторого рыцарства и сентиментальности.

Чтобы понять, с кем имеет дело, Штейн прошёлся по воспоминаниям Тамары Васильевны. Просмотр был выборочный, тем не менее он пришёл к выводу, что это умная волевая женщина. Причиной её бездействия был внутренний конфликт, который заключался в том, что она выросла в азиатской патриархальной среде и переняла её привычки — в этом

лежали корни её долготерпения к мужу. Противоречие крылось в том, что она не обладала смирением азиатских женщин, привычных к жёсткому патриархату, и этим загнала себя в безвыходную ситуацию, которая рано или поздно должна была плохо кончиться.

После исследования матери Алисы Штейну стало любопытно, что представляет собой её отец. Вопреки его ожиданиям, тот тоже не был тупым мужланом. Вдобавок Антон оказался латентным менталистом и, как многие из них, был склонен к насилию. Умные и жестокие, они, как правило, становились профессиональными военными или убийцами, но в данном случае судьба распорядилась иначе, она сделала из Антона сельчанина, и он отыгрывался на жене, благо, что она позволяла ему это делать. Дай Тамара достойный отпор, когда он первый раз распустил руки, и тогда у них сложилось бы нормальная семейная жизнь. Вот только помимо азиатской среды у неё был пример матери, которую не часто, но всё же поколачивал отец — по причине её исключительно стервозного характера, которая в остальное время разве что не вытирала о мужа ноги. Так что стерпела и Тамара Васильевна, тем более что Антон её любил и, протрезвев, грозился покончить с собой, если она уйдёт от него. В конце концов, ей было только девятнадцать лет, и ей в силу возраста было свойственно надеяться на лучшее. Она не учла только одного, по складу характера муж и её отец были совсем разными людьми.

«Да, Лисёнок! Плохи дела у твоих родителей. Боюсь, им не поможет даже опытный психолог. В общем, им нужно срочно расставаться, пока они не укокошили друг друга», — резюмировал Штейн про себя.

Поставив успокоившуюся девочку на землю, он протянул руку:

— Малышка, верни, что украла.

Алиса не стала отпираться и залезла в карман курточки.

— Вот, — она положила ему на ладонь молекулярную струну, чей корпус походил на затейливую стеклянную улитку, и на её личике появилось виноватое выражение. — Честное слово, я не воровка! Просто знала, что без доказательства нам никто не поверит, что мы видели речного дракона.

«Наш кадр, — усмехнулся Штейн. — Удивительно, как девчонка похожа на Эльзу, причём не только внешне, но и характером».

— Ты не только воровка, ты ещё лгунишка, — он взял Алису за ухо. — Ну-ка, говори правду.

— Ой-ой, больно! — заверещала девочка.

Кроткий взгляд и искренность в её голосе обманули бы кого угодно, но тут нашла коса на камень.

— Опять ложь. Правду, Лисёнок!

— Хорошо, вот вам правда, — сдалась Алиса. — Мы с Серёгой поспорили, что я сумею что-нибудь украсть у вас, и я украла, — с гордостью сообщила она.

— Молодец! — одобрительно сказал Штейн и девочка, ожидавшая чего угодно, но только не похвалы, растеряно захлопала глазами.

— Но знай, если будешь врать мне, то добром это не кончится. Поняла?

Глаза «речного демона» по-кошачьи сверкнули серебром, и Алиса испуганно попятилась. «Мама сказала, что демонов не существует, они всего лишь выдумка!» — храбрилась девочка, готовая сбежать при первой же возможности.

«Совсем как Эльза, — хмыкнул Штейн. — Может, это она и есть, каким-то чудом переместившаяся из прошлого в будущее?» — мелькнула у него забавная мысль. Впрочем, он

знал родителей жены и, в отличие от родителей Алисы, это была счастливая пара.

— Испугалась моих глаз? А ты смотрела фильм про Риддика? — мягко спросил он, прекрасно зная, что смотрела.

— У вас тоже имплантаты вместо глаз? — встрепелась девочка.

— Да, — солгал Штейн. — Когда воевал в Сирии, мой самолёт подбили. Я спасся, но глаза... — он вздохнул. — Хорошо, что уже изобрели протезы для глаз, а то быть бы мне слепым.

В порыве сочувствия Алиса бросилась к нему и обняла.

— А они видят как настоящие? — заинтересованно спросила она, когда Штейн снова подхватил её на руки.

— Абсолютно. Э нет, пальцем нельзя! Приборы тончайшей настройки, испортишь, останусь без глаз. Ну что, малышка, не пора ли тебе домой? Вроде твои предки утомонились.

— Не хочу! — закапризничала девочка. — Возьмите меня с собой! — вдруг попросила она.

Предложение было заманчивое, но Штейн, подумав, решил пока не забирать её из дома.

— А как же мама? — спросил он.

— Маму тоже заберём! — решительно заявила Алиса.

«Ну конечно! Мне только её не хватало! И так баб полон дом», — подумал Штейн и улыбнулся девочке. Когда он толкнул полуоткрытую дверь, ведущую в дом, она уже спала, причём не без его участия. В сенях было темно, тем не менее он ни разу не споткнулся о разбросанные вещи и, войдя внутрь, сразу же направился к кухне. Впрочем, и без телепатии было не сложно догадаться, что хозяйка дома находится именно там: ведь свет горел только в кухне.

При виде позднего гостя и дочери, безмятежно спящей на его руках, Тамара Васильевна растерянно хлопнула глазами. Она попыталась встать, но боль с такой силой резанула ей живот, что она, охнув, упала обратно на табурет.

— Простите! — пробормотала она; ей было невыносимо стыдно, что незнакомый человек, да ещё тот, о ком она думала всё последнее время, застал её в таком неприглядном виде. — Я была уверена, что Алиса спит у себя в комнате. Большое спасибо, что привели её обратно. Вы извините, что потревожили вас. Супруг мой расшумелся, вот я и не заметила, что её нет дома, — выпалила она смущённой скороговоркой и, досадуя на свою немощь, снова попыталась встать.

— Да вы сидите-сидите! Я сам уложу девочку, ведь её комната справа по коридору?

Тамара Васильевна кивнула, удивившись при этом, что гость знает, где комната дочери.

— Вы не подумаете плохого! — тут же откликнулся он. — Мы немного побеседовали с Алисой, и она показала мне, где окна её комнаты.

— Нет, нет! Я ничего такого не думала! Ведь я знаю кто вы такой! — воскликнула смутившаяся Тамара Васильевна и, превозмогая себя, встала.

Подойдя к зеркалу, она посмотрела на своё отражение, взлохмаченное и окривевшее на один глаз, а затем дотронулась до разбитых опухших губ, и у неё навернулись слёзы на глаза. «Боже мой! Стыдно-то как! Выгляжу как самая настоящая уродина! — всполошилась она и схватилась было за расчёску, но тут же горько усмехнулась и опустила руку. — И даже не мечтай! Разве ты женщина? Натуральная сельская баба, к тому же почти старуха. Скажи кому, что мне двадцать семь, никто не поверит, — не желая себя видеть, она закрыла глаза. — Господи! Как же так вышло, что Антон превратил меня в забитую бессловесную

скотину?»

— Вы в порядке? — нарушил её мысли голос гостя.

— Да, — твёрдо сказала Тамара Васильевна и, стараясь не хромать, направилась к плите. — Присаживайтесь, я напою вас чаем. Нет, пожалуйста, не отказывайтесь! Я должна хоть как-то отблагодарить вас за дочь.

Штейн не стал отказываться, и она поставила перед ним чашку с чаем и вазочку с конфетами.

Тамара Васильевна села напротив гостя и, стараясь не морщиться, поднесла к губам кружку.

— Вы живёте за вторым притором, верно? — сказала она утвердительным тоном. — Не так давно мы с подругой и дочерью ходили в поход с ночёвкой, и нечаянно набрали на вашу усадьбу. У вас красивая жена.

— Я слышал обратное, — улыбнулся Штейн. — Алиса сказала, что она не слишком вам понравилась.

— Обычная бабская зависть, — не смутилась Тамара Васильевна. — Конечно же, она очень красивая. Да и как может быть иначе? Ведь они с Алисой так похожи, а для меня нет никого красивей дочери. Я так понимаю, из-за этой похожести вы ей и помогли, — она помолчала. — В последнее время она всё чаще убегает из дома. На этот раз мне повезло, и она вернулась. Спасибо вам.

— Не стоит благодарности, я был рад помочь, — в ответ на вопросительный взгляд Штейн привстал и протянул руку. — Томас Штейн, к вашим услугам.

— Тамара... Тамара Васильевна Шкловская, — представилась Тамара Васильевна.

— Зачем же так официально? Вы же ещё очень молоды, — сказал Штейн, жалея несчастную женщину, и её бледные до того щёки окрасились румянцем.

— Это всё школа. Я уже привыкла, что с двадцати двух лет меня зовут по имени отчеству.

— Не люблю отчества. Не возражаете, если я буду звать вас Тамарой?

— Зовите, как вам удобно.

— Тамара, понимаю, что лезу не в своё дело, но как часто вас бьёт муж?

— В последнее время, как с ума сошёл. Раньше тоже бывало, но не так часто, как сейчас, и зверствовал он куда меньше, — ответила Тамара Васильевна с неожиданной для себя откровенностью. — Когда мы только поженились, всё было просто замечательно, Антон меня буквально на руках носил. Он тогда и грамм в рот не брал. Правда, тогда мы жили в Томске, кстати, там же и познакомились. Потом я закончила учёбу в педвузе и забеременела. Естественно, никто не хотел брать меня на работу; у Антона тоже случилась какая-то неприятность на работе, и он уволился. Жить было не на что, и мы переехали к нему на родину, а деревня, сами знаете, место специфическое, это не город с его свободой. Кажется, что такого — улыбнуться мужчине во время разговора о его детях? Но нет, когда ты молода и, главное, чужачка, это превращается в страшный грех. Сплетни из святой сделают развратницу, что уж говорить обо мне. Чтобы они отстали от меня, я пробовала сдружиться с местными женщинами, вот только они не признали меня за свою. Стоило мне открыть рот, и они тут же умолкали, а затем спешили разойтись по домам. Потом уж я поняла, что нужно было говорить не о новых веяниях в науке и технике, а о мужьях и детях, новых тряпках и кто с кем изменяет. Да вот беда, меня такое не интересовало раньше, и не интересует сейчас. Это так скучно, особенно, когда изо дня в день говорится об одном и том же.

«Тяжёлый случай! Белая ворона и вдобавок синий чулок», — подумал Штейн.

— Что дальше? — требовательно спросил он.

— Дальше? — Тамара Васильевна снова вздохнула. — А дальше, как в сказке: чем темней лес, тем страшней волки. Семейной идиллии в деревне хватило на полгода, пока я не родила Алису. Ну а потом началось! По селу пошли гулять такие мерзопакостные сплетни, что Антон не выдержал и начал пить. Ну а как напьётся... сами видите.

— Ну да, пьянство у мужчин — это самый распространённый способ оправдания рукоприкладства в семье.

— Кто вы? — вдруг последовал вопрос.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Штейн, глядя собеседнице в лицо, с которого на него, в свою очередь, смотрел внимательный карий глаз. Правый глаз к этому времени уже совсем заплыл.

— Вы... У меня такое чувство, что вы не человек, — тихо сказала Тамара Васильевна и сбивчиво добавила: — Не поймите меня превратно! Просто вы не видите себя со стороны: как вы двигаетесь, как реагируете, как выглядите, наконец... — она замолчала, подыскивая слова. — Думаю, вы способны читать мысли, и вы можете заставить рассказать о себе, даже если человек этого не хочет. Не так ли?.. Я ничего не утверждаю, это больше на уровне интуиции, но мне так кажется. Если к этому присовокупить то, что рассказала Алиса. Такие физические данные, как у вас... Не исключено, что у меня сотрясение мозгов и я говорю полную чепуху. Пожалуйста, не сердитесь!

Как ищейка, почуявшая дичь, Штейн подался к женщине, но она преподнесла ему неожиданный сюрприз — на этот раз он ничего не смог прочесть в её памяти. Причём она закрылась таким способом, о котором ему было не известно. Единственно, что он мог сказать, что это не ментальный щит, который использовали вампиры.

«Да, Лисёнок! При такой наследственности, думаю, ты ещё много преподнесёшь мне сюрпризов!» — подумал Штейн, страшно довольный тем, что неожиданно для себя выловил в алтайской глубинке ещё одну золотую рыбку. Другой была Лиза, его первая вампирская дочь, которая тоже была уникалом, поскольку ей было невозможно стереть память. Он догадался, почему прозевал в Алисе феникса. Девочке передалась феноменальная способность матери, которая оказалась законспирированным менталистом.

Для демонстрации добрых намерений глава вампирского СБ положил руки на стол и постарался максимально расслабиться.

— Я не сержусь... — Штейн подумал и пошёл ва-банк, — но это первый случай на моей памяти, когда меня разоблачили столь быстро.

— Отец всегда говорил, что у меня научный склад ума, — осторожно улыбнулась Тамара Васильевна. — Вот только я никак не могла определиться, в какой области лежат мои таланты. Отец считал, что учитель — это хорошая профессия для женщины, вот я и подалась в педвуз.

— Понятно, — задумчиво протянул Штейн. — Тамара, как вам кажется, кто я? Впрочем, можете не отвечать. Уверен, вы принимаете меня за инопланетянина.

— Томас, у вас есть дети? — вдруг спросила Тамара Васильевна.

— Да, дочь Лиза. Правда, она уже большая девочка, ей двадцать пять, — с чистой совестью ответил Штейн, понявший какое направление приняли её мысли.

— Это хорошо, — успокоилась Тамара Васильевна и с улыбкой добавила: — Значит, вы действительно не инопланетянин и можно не бояться похищения.

— Вот здесь можете быть уверены на все сто. Я чистопородный землянин, просто иная раса.

— Иная раса? И кто же вы?

— Вампир, — невозмутимо ответил Штейн.

— Вампир? — Тамара Васильевна скептически посмотрела на него. — На этот раз решили попотчевать меня явными сказками? Лучше придерживайтесь версии, что вы инопланетянин, в наш век это достоверней, — проговорила она, решив, что её разыгрывают, и вскрикнула, когда ночной гость вдруг оказался рядом и его клыки впились ей в шею.

Когда она опомнилась, он снова сидел напротив и спокойно смотрел на неё.

— Не бойтесь, вам не грозит стать вампиром, — ответил Штейн на её невысказанные опасения. — Мой укус всего лишь подстегнёт ваш организм и тот включит на полную мощность регенерационные процессы. Можете сами посмотреть, с какой скоростью идёт заживление.

Действительно вампирские симбионты, проникшие в кровь Тамары Васильевны, незамедлительно взялись за дело. Регенерация шла полным ходом: срослись треснувшие ребра, исчез разрыв селезенки. Отбитые почки и печень пришли в норму, затянулись разрывы влагалища, исчезли раны и ссадины на теле. На голове затянулась рана от вырванной с мясом пряди волос и перестали шататься и болеть зубы.

Униженная морально и физически, женщина почти не отдавала себе отчёт в том, что происходит. А происходило нечто такое, отчего любая другая на её месте уже билась бы в истерике. Вместо этого Тамара Васильевна бочком-бочком подошла к зеркалу, висящему над умывальником, и первым делом посмотрела на шею. Вопреки ожиданиям, там не было отметин от клыков и почему-то это её успокоило. Тем более что гость не солгал и её лицо, будто в ускоренной съёмке, приобретало нормальные очертания.

И всё же хладнокровия ей было не занимать. Тамара Васильевна повернулась к Штейну и, поблагодарив за помощь, предложила ему ещё чаю.

— Нет, спасибо, — отказался он и поднялся из-за стола.

— Уже уходите? — огорчилась она.

Штейн хмыкнул.

— Я пойду, а вы отдыхайте. В вашем состоянии это будет не лишним. Нервное потрясение регенерацией не вылечить.

Стоя у калитки, Тамара Васильевна до тех пор смотрела вслед диковинному гостю, пока его силуэт не растворился в ночной тьме. Тогда она вернулась в дом и легла рядом с дочерью. От волос Алисы слегка пахло изысканным парфюмом гостя, в чьей реальности она уже начала сомневаться, и её глаза наполнились слезами. «Господи! Позови он меня с собой и я, не задумываясь, ушла бы с ним. И будь что будет!» — подумала Тамара Васильевна и, испугавшись собственных мыслей, обняла дочь.

Взбужденное состояние не давало ей заснуть и она, чтобы не беспокоить дочь, встала и вернулась в кухню. Ощущение бьющей через край энергии вновь привело её к зеркалу. «Ничего не понимаю! Помолодела я что ли или просто схожу с ума?» — озадаченно пробормотала она, не находя прежних морщинок на лице. Кожа под ладонями и на ощупь оказалась гладкой. Тут она заметила ещё кое-что и собрала в талии платье, которое стало ей свободным; вместе с болячками уходила излишняя полнота, и она в удивлении покачала головой.

«Волшебник улетел, а чудеса продолжают, — Тамара Васильевна грустно улыбнулась и похорошевшее отражение в зеркале ответило ей тем же. — Не радуйся, дорогуша! Быть тебе принцессой ровно до первой пьянки Антона, а потом он снова низведёт тебя до состояния затюканного ничтожества».

И всё же, хотела она того или нет, а в ней вновь ожила та порывистая девчонка с аналитическим складом ума, которой было интересно всё на свете.

«Вампир. Надо же! Тут не хочешь, а поверишь в чертовщину, — Тамара усмехнулась. — Ну а что? Все признаки налицо. Сногсшибательная красота, гипноз, клыки и укус, дарящий молодость. Остаётся лишь узреть, как господин «артист» превращается в летучую мышь, и всё! Можно смело переселяться в палату ближайшей психушки. Впрочем, Томас никакой не

артист. У тех не бывает такой ярко выраженной харизмы и столь волевых лиц — это невозможно при их гуттаперчевой профессии».

Она закрыла глаза и перед её внутренним взором возник ночной гость. Высокий атлетически сложенный мужчина, одетый во всё белое, вдруг показался ей грозным ангелом, посланным ей Небесами. Вот только Тамара была не из тех, кто легко расстается с привычной картиной мира. «Моя дорогая, не городи чушь! Да, Томас красив, причём так, что захватывает дух, но это ещё не повод заносить его в ряды ангелов, — она иронично улыбнулась и отражение ответило ей тем же. — И нечего лыбиться с таким видом, будто ты знаешь больше моего! Ишь, стоило появиться чему-то необычному и вера в чудеса тут как тут. Того и гляди, что весь твой атеизм лопнет, как мыльный пузырь. Нет, не бывать этому! Лишь легковверные идиоты идут на поводу у своих эмоций...»

Всхрап мужа заставил её вздрогнуть, и она, подойдя к их общей комнате, прислушалась к его пьяному бормотанию. «Тома, не плачь! Клянусь, я больше буду!» — произнёс Антон со слезами в голосе.

Тамару передёрнуло от омерзения и страха. «Врёшь, ублюдок! А то я тебя не знаю! Как бил, так и будешь бить!» Вернувшись в кухню, она взяла колотушку для мяса и взвесила её в руке. «Слишком лёгкая. Херня, а не оружие!» — пришла она к выводу и, подойдя к кухонному столу, оглядела ряд ножей. Выбрав один, она с размаху вонзила его в деревянную столешницу и с сомнением посмотрела на дрожащее лезвие. «Ненадёжно. Может сломаться». И тут её внимание привлёк топор у печи, используемый для колки поленьев на растопку. Она взвесила его в руке. Недавно наточенное лезвие было острым как бритва и столешница под её ударом раскололась как перезрелый арбуз. Тамара с удовлетворением кивнула: «Отлично! Как раз то, что нужно!»

Она увидела своё отражение в зеркале и подошла ближе. «Каково тебе в роли Раскольникова? Не страшно? — спросила она, глядя в лихорадочно блестящие глаза зеркального двойника. — А что делать? Положение безвыходное. Бежать некуда и не к кому. К тому же Антон обязательно нас найдёт. Со злости он может так меня отделать, что дело кончится тем, что меня вынесут вперёд ногами. Так что будь добра, реши проблему раз и навсегда. Если поймают и посадят, то Галина приютит Алису у себя... Да, будет лучше, если она передаст её своей тётке в Барнауле. У той нет детей, думаю, Алиса приживётся у неё, к тому же там никто не будет поминать ей мать-убийцу... В таком случае нужно оставить Галине записку».

Тамара взяла ручку и блокнот, куда записывала кулинарные рецепты. Когда записка была готова, она сунула её в карман фартука, прихватила топор (с ним она чувствовала себя уверенней) и пошла собирать вещи. Она взяла лишь деньги, документы и самое необходимое из вещей.

Прежде чем принять окончательное решение, она села на корточки и, прижавшись спиной к стене, закрыла глаза.

«Всё, сейчас или никогда!» — она встала и, держа в одной руке топор, а в другой собранную сумку, направилась в спальню.

Смазанная накануне дверь не скрипнула; она подошла к мужу, занесла топор... и тут её решимость кончилась. Перепуганная насмерть женщина попятилась и, развернувшись, бросилась бежать.

«Жаль! Довела бы дело до конца, сейчас было бы одной заботой меньше», — с досадой подумал Штейн. «Ладно, тогда пойдём другим путём», — он открыл окно и бесшумно

спрыгнул на пол. Сумку, брошенную Тamarой (топор она унесла с собой), он убрал в шкаф и повернулся к Антону. Самое разумное в его ситуации было бы убить хозяина дома и обставить дело так, чтобы вина за его смерть пала на Тamarу. Глава СБ уже жалел о своей благотворительности. Будь женщина в прежнем состоянии, к утру она умерла бы от внутреннего кровотечения и этим решила бы проблему с усыновлением Алисы. Антона посадили бы за убийство жены и девочка совершенно официально перешла бы под его опеку.

«Тогда уже завтра можно было бы забрать Алису, сказав, что мы её родственники, а теперь вот думай, что делать. Старею что ли? Иначе откуда этот порыв донкихотства? Впрочем, нельзя действовать опрометчиво, мы слишком близко живём. Если пойдут слухи, придётся уезжать, а не хочется: уж больно здесь хорошее место...»

Антон, застонавший во сне, прервал его размышления и Штейн уставился на него немигающими глазами, которые в полутьме комнаты отливали жутковатым серебряным блеском. Чтобы вынести окончательный вердикт, он погрузился в его мысли и чувства. Как выяснилось, Антон действительно любил жену и теперь это был такой клубок вины и раскаяния в содеянном, что Штейн ощутил некоторое сочувствие к нему. Он и сам был далеко не святоша и при своей любви к насилию вполне мог представить ситуацию, в которой оказался бы в схожем положении.

«Gott sei Dank,[1] Эль не держит на меня зла, и всё же пора завязывать с рискованными постельными играми, да и с пьянством тоже. Не дай бог она попадёт мне под горячую руку, тогда беда. Это не Марта, Эль не простит, если я выйду за рамки. Да что там говорить, я сам себя не прощу», — подумал Штейн и поморщился, но прятаться от правды было не в его правилах. Он любил жену и не хотел её терять; одного раза с него было более чем достаточно.

Раздумывая, что предпринять, Штейн побродил по комнате. «Небогато, но для этих мест вполне себе зажиточно», — попутно отметил он. Подметил он и то, что мебель хоть и новая, но недорогая, а вот большой плоский телевизор и ноутбук, лежащий на столе, к дешёвым не относились — на свои игрушки хозяин дома денег не жалел.

А ещё он заметил, что во всём чувствуется заботливая женская рука и укоризненно посмотрел на Антона, который перестал стонать и теперь богатырски храпел. «Неблагодарная ты свинья! Ведь тебе досталась умная женщина, к тому же хорошая мать и хозяйка. Какого ещё чёрта нужно простому мужику? Чешутся кулаки, иди подерись с ровней, а к женщине не лезь, тем более к своей. Начистить бы тебе харю для профилактики, да только шум не хочется поднимать, — с досадой подумал он и смерил спящего оценивающим взглядом. — Ладно уж, если потянуло на благотворительность, то нужно идти до конца. Так и быть, ради Лисёнка дам тебе ещё один шанс. Профукаешь его, пеняй на себя».

На этот раз, коснувшись разума Антона, Штейн снял у него возникшую зависимость от алкоголя и усилил сопротивляемость организма к нему. Теперь чтобы напиться до прежнего состояния ему пришлось бы основательно нагрузиться выпивкой.

После этого он заглянул к Алисе, а затем нашёл Тamarу. Она забилась в привычную для себя кухонную нору и при появлении Штейна посмотрела на него с видом побитой собаки, но дело близилось к утру и ему было не до душещипательных бесед. Поскольку он по-прежнему не мог прочесть её мысли, он взял на вооружение гипноз, который действовал на неё, правда, довольно слабо, как показала практика. Усыпив женщину, Штейн уложил её рядом с мужем и, как до того Алисе, постарался внушить, что ей всё приснилось — плести сеть ложных воспоминаний ему не хотелось, занятие это было кропотливое и в реалиях

деревни не имело смысла. Топор он поставил на место у печки, а вещи из сумки и саму сумку положил туда, где они лежали раньше. Теперь у Тамары Васильевны не было подтверждения происшедшему, даже если она вспомнит его повторный визит.

Прежде чем уйти, Штейн подошёл к кровати и, склонившись, прикоснулся губами ко рту спящей женщины. Это был не поцелуй, а зов. Из рта Тамары выпорхнуло невесомое облачко симбионтов и вернулось к своему хозяину. Штейн совсем недавно освоил этот фокус, но его очень обрадовала открывшаяся способность — теперь его симбионты послушно следовали его воле. Он потрогал бок и удовлетворённо улыбнулся. Недавно сломанные на реке и неправильно сросшиеся ребра, самостоятельно приняли правильное положение, и теперь его ничто не беспокоило.

Когда ночной гость выпрямился и вышел из комнаты, Тамара открыла глаза и с девичьим восторгом дотронулась до горящих губ. Она хотела было встать и уйти — после поцелуя того, кто был для неё притягательней всех принцев на свете, ей было вдвойне противно находиться рядом с мужем, но наложенное сонное заклятье вновь заставило её уснуть.

В то утро Антон проснулся раньше жены и с замиранием сердца повернулся к ней. Не настолько он был пьян, чтобы не помнить, как жестоко избивал её накануне. При этом он нисколько не жалел о содеянном, поскольку считал, что она заслужила каждую его колотушку. Единственно чего он боялся, это того, что он переусердствовал и теперь придётся везти её в больницу, где начнут задавать неудобные вопросы и будут грозиться вызвать полицию, а значит, придётся унижаться перед главврачом и за взятку просить его не делать этого.

Тамара была не его поля ягода, Антон знал это с самого начала их знакомства. Ему льстило, что такая хорошенькая и умная студенточка принимает авансы такого простого парня, как он, и в то же время его раздражало её всезнайство и разговоры на темы, которые были ему совершенно не интересны. Чтобы держать марку, ему приходилось много читать, что для Антона, как человека действия, было дополнительным раздражающим фактором.

И всё же Тамара очень ему нравилась — так нравилась, что он решил на ней жениться.

[1] Gott sei Dank!(нем) — слава богу!

Поскольку девушка не горела желанием выходить за него замуж и, вообще, в последнее время начала поговаривать, что они разные люди, Антон форсировал события. При первой же возможности он напоил её и уложил в постель, а затем поставил ультиматум: либо она выходит за него замуж, либо остаётся с незаконнорожденным ребёнком на руках и едет обратно в свой Туркменистан. Тамара имела глупость рассказать ему, что у их семьи возникли сложности с гражданством в России.

Девушка, выросшая в патриархальных традициях, поддалась на его провокацию и, как оказалось, зря. Забеременела Тамара спустя два года после их женитьбы, но это уже не играло роли. Сразу же после свадьбы Антон взял её в такой оборот, что она и думать не смела о разводе; точнее, думала она о нём постоянно, но боялась сказать вслух. В тот же вечер, когда она впервые заикнулась об этом, он её избил и с той поры уже поколачивал регулярно.

Антон прекрасно знал, что такое тактика запугивания, поэтому бил жену расчётливо, стараясь не оставлять синяков на лице и не повредить жизненно важных органов; бил исключительно для того «чтобы Тамарка не забывала, кто в доме хозяин», как говорил он приятелям. Причём бил отнюдь не по пьяни — Штейн был прав, выпивка для него была лишь благовидным предлогом.

И всё же, несмотря на сплетни, Антон не верил, что жена гуляет на стороне. Он знал, что сельчане от зависти распускают мерзкие слухи о Тамаре, — уж слишком она отличалась от местных баб. «Ишь, зазнайка! вырядилась и идёт, задрав нос», — шипели ей вслед. Мужчин раздражал её поучительный тон и рассуждения о таких вещах, о которых они имели крайне смутное понятие; ну а женщин бесила их постоянная готовность приударить за недоступной гордочкой и её умение одеваться. Действительно, всегда со вкусом одетая и причёсанная — хоть дома, хоть на людях — Тамара выглядела горожанкой на селе. К тому же у женщин был к ней дополнительный счёт. Сама того не желая, приезжая «училка» увела лучшего жениха на селе.

Но всё это было правдой до недавних пор.

Недели две назад в их устоявшейся жизни всё переменялось. А началось с того, что Тамара с дочерью и подругой Галиной пошли в поход — якобы это нужно для школьных дел. Неизвестно, где они бродили, но забрели далеко за второй притор; кроме чабанов, там редко кто бывал. Вернувшись, Галина начала взахлёб рассказывать, какая там богатая усадьба, и что в ней живёт такой красавец, что он наверняка артист. Потом выяснилось, что она сама не видела хозяина усадьбы и говорит со слов подруги, которая на все вопросы любопытных лишь с досадой пожимала плечами.

С той поры Тамара не то чтобы повеселела, но частенько ходила по дому с отрешённым видом и время от времени чему-то улыбалась. И как ещё заметил ревнивый муж, она особо тщательно начала следить за собой и даже отказалась от сладкого и мучного, чтобы похудеть.

К сожалению, это заметил не только он — на селе вообще мало что остаётся незамеченным, и на Тамару обрушился новый вал сплетен.

Нужно отдать ему должное, Антон долго крепился, хотя сельчане как могли подзуживали ревнивца, проча ему скорую замену в постели. Он сам не понимал, что его

удерживает от расправы над женой. Виной тому было внутреннее предостережение, которое не раз спасало его в опасных ситуациях, особенно во время службы в армии, где с его характером ему пришлось не сладко.

Но не зря говорят, что горбатого исправит лишь могила. Последней каплей стал разговор с соседкой. «Смотри, Антошка, как бы твоя баба не принесла тебе подарочек в подоле. Будешь потом чужого выб...ка воспитывать», — ехидно сказала Толстая Маня, его соседка и бывшая пассия, пока он стоял в очереди за водкой.

Как и обещал приятелям, Антон проставился по случаю грядущих выходных. Они выпили по стакану и тут прибежал Серёжка, сын его сослуживца Олега Васильева, и взахлёб начал рассказывать о встрече с речным чудом-юдом и заодно передал слова Алисы. Услышав, что его жена готова полжизни отдать за ночь с артистом из-за притора, Антон потемнел от гнева. Видя это, Олег положил ему руку на плечо и предупредил:

— Бро, ты особо не расходишься. Ещё ненароком убьёшь свою бабу. А оно тебе надо, мотать срок на зоне?

— Не бойсь, кореш! Убить не убью, а вот шкуру как следует выдублю, — угрюмо произнёс Антон и, чтобы отключить внутренний сигнал тревоги, один за другим хлопыстнул два полных стакана водки.

Приподнявшись на локте, Антон с удивлением пробежался глазами по лицу спящей Тамары и скинул с неё одеяло. На её теле не было ни единой отметины после вчерашних побоев. Более того её лицо сияло свежестью и нежной девичьей красотой — такой его жена была лишь в первый год их женитьбы. «До того, как ты начал систематически её избивать», — не преминула заметить совесть, и Антон нахмурился. Тут он заметил, что по лицу Тамары блуждает мечтательная улыбка — ей явно снилось что-то очень хорошее и поскольку это вряд ли могло быть связано с ним, он с такой силой стиснул её плечо, что она вскрикнула от боли.

— Давай жрать! Разлеглась тут, как корова, — мрачно пробурчал он, не сводя глаз с неожиданно похорошевшей жены.

Ничего не понимая, Тамара Васильевна испуганно посмотрела на него — такого ещё не случалось, чтобы Антон причинял ей боль в трезвом виде. Обычно, избив её, на следующий день он клялся, что это в последний раз и на коленях умолял его простить и она, скрепя сердце, выносила устроенный им балаган. Как правило, он заканчивался тем, что муж тащил её в постель, где она как могла старалась его ублажить: из-за опасения, что вечером он снова напьётся, а это было чревато очередными побоями.

— Сейчас, сейчас! — пролепетала Тамара Васильевна и, вскочив с кровати, бросилась в кухню. К своей досаде, она обнаружила что нет ни электричества, ни газа и для готовки нужно растапливать печь.

Когда завтрак был готов, она заглянула к дочери, но та ещё спала, и она тихонечко притворила дверь, не желая её будить. «Пусть Лисёнок ещё немного поспит, а то ей тоже вчера несладко пришлось», — с болью подумала Тамара и направилась было к спальне, но муж её опередил и вышел сам. Антон был уже полностью собран и по-прежнему мрачен как туча.

Завтракали они в полном молчании. Уходя на работу, Антон не сказал ни слова, но напоследок с такой силой хлопнул дверью, что зазвенела посуда на полках. Тамару передёрнуло от неприятного предчувствия; оно говорило ей, что вечером будет продолжение

скандала с побоями. «Господи, только не это!» — прошептала она, борясь с отчаянием, и её взгляд невольно обратился к топору, стоящему у печи. «Сумка!» — спохватилась она. К её удивлению, собранные ею вещи лежали на прежних местах, хотя она не помнила, чтобы возвращала их туда. Тамара снова собрала сумку и, вынеся её во двор, припрятала в укромном месте. Чтобы избавиться от тревоги, она взяла колун и направилась к поленнице. Сыроватые еловые чурбаки кололись легко, кучка дров росла и вместе с ней росла её уверенность. Мысль об убийстве мужа больше её не пугала — в этом она видела единственный путь к свободе.

— Мама! — позвал её встревоженный голос дочери.

Тамара обернулась, и Алиса влетела в её объятия.

— Мама, ты как? — спросила она, не смея посмотреть на мать. Девочка была уверена, что после вчерашнего та вся в синяках.

— Всё в порядке, Лисёнок, — спокойно ответила Тамара и пригладила взлохмаченные волосы дочери.

Алиса вскинула голову и её личико просияло радостью.

— Это он, да? — выпалила девочка и взвизгнула от полноты чувств. — Риддик такой классный! Правда, мам? — запрыгала она вокруг матери.

— Какой ещё Риддик? Его зовут Томас и он совершенно обычный человек, — строго сказала Тамара и, подхватив дочь на руки, усмехнулась. «Конечно, если не считать того, что он представился вампиром, и доказал это не только словом, но и делом».

— Это же он вылечил тебя, да? — девочка заключила лицо матери в ладошки и внимательно его осмотрела. — Здорово! Ты даже помолодела.

— Есть такое дело, — созналась Тамара и предостерегающе прижала палец к губам дочери. — Только, чур! молчок об этом! Хорошо?

Посерьёзневшая девочка согласно кивнула.

— Не бойся, мамочка! Я больше никому ничего не скажу. А сейчас пусти, меня ребята ждут.

— Сначала позавтракай.

— Я уже поела, пока ты колола дрова. Я пойду!

— Лисёнок, не пропадай надолго! Я жду тебя к обеду! — выкрикнула Тамара, озадаченная жёстким выражением на личике дочери.

Как и обещала, к обеду Алиса вернулась — спокойная и довольная, хотя у неё кровоточила губа и зрел синяк на скуле. После устроенного матерью допроса она созналась, что подралась с друзьями.

— Зачем ты это сделала? — Тамара Васильевна укоризненно посмотрела на дочь. — Ведь Нина, Костик и Сергей — твои единственные друзья. Если они отвернутся от тебя, с кем ты останешься?

— Ни с кем! — решительно заявила Алиса. — Предатели! Мне такие друзья не нужны! — добавила она и что-то такое было в голосе дочери, что Тамара Васильевна лишь вздохнула и повела её в дом, чтобы обработать раны и зашить порванное в драке платье.

После обеда она попробовала заняться привычными делами по хозяйству, но у неё всё валилось из рук. Тогда, отрезая себе путь к отступлению, она подвела дочь к поленнице и вручила ей припрятанную сумку.

— Лисёнок, сегодня ты заночуешь у тёти Гали.

— Папка снова напьётся? — вскинулась Алиса.

— Думаю, да.

— А как же ты? — испуганная девочка вцепилась в мать. — Mamочка, давай уйдём к тётке Гале вместе!

— Я приду, но несколько позже. Хорошо? Я должна кое-что сказать твоему отцу, прежде чем мы уйдём от него. Уйдём навсегда. Не бойся, доча, в этот раз он ничего мне не сделает. Я буду не одна, а с Томасом. Он меня защитит.

— Правда? — Алиса всхлипнула, не выпуская руки матери.

— Правда, — сказала Тамара Васильевна как можно уверенней. — Ведь твой Риддик и тех, кто держит своё слово, — добавила она для вящей убедительности.

— Да, он такой! — повеселела девочка.

— Какой ещё Риддик? Это твой артист, что ли? — прервал их противный женский голос.

— Чего тебе? — с неприязнью спросила Тамара Васильевна, обнаружив что соседка подслушивает их разговор — она пряталась за старым тополем, растущим во дворе. Вот только ствол дерева был не настолько массивен, чтобы полностью скрыть её расплывшуюся бочкообразную фигуру.

По-утиному переваливаясь с боку на бок, Толстая Маня приковыляла к ним и без малейшего смущения уставилась на похорошевшую соперницу. В её заплывших голубых глазах читалась жгучая зависть.

Чувствуя, что у неё холодеют конечности — так бывало, когда её доводили до бешенства, Тамара Васильевна стиснула зубы. Это был далеко не первый случай, когда Толстая Маня шастала у неё во дворе, как у себя дома — под тем предлогом, что зашла занять соли или ещё какой-нибудь кухонной мелочи, но чаще одалживала деньги, как правило, триста, пятьсот рублей, иногда тысячу. Деньги были небольшие, но поскольку она ни разу не вернула долг, то это вылилось более чем в солидную сумму, к тайному негодованию Тамары Васильевны. По её прикидкам, она из года в год больше месяца работала исключительно на Толстую Маню и это, не считая постоянного воровства. Каждый раз после посещения соседки она чего-нибудь да недосчитывалась в доме.

— Нагляделась? — взяв колун, Тамара Васильевна выразительно посмотрела на наглую бабу. — Сама уйдёшь или дать обухом по башке? — поинтересовалась она недобрый тоном.

— Проститутка! Шалава подзаборная! — визгливо выкрикнула Толстая Маня и упёрла руки в боки. — От людей ничего не скроешь! Все знают, что до Антошки ты промышляла на трассе. Да-да! За рупь ложилась под любого шоферюгу! И сейчас лишь ленивый тебя не трахал, а этот дурак, твой муженёк, всё жалеет тебя. Ну ничего! Я ему сегодня расскажу, чего вы с хахалем и своей доченькой-воровкой удумали, он на тебе живого места не оставит...

Раздался яростный вопль, и Тамара Васильевна с недоумением посмотрела на оседающую на землю соседку. В следующее мгновение она отбросила колун и, сорвав брезент с поленницы, накрыла им истекающую кровью Толстую Маню, а затем выхватила окровавленный камень из рук дочери, вознамерившейся добить соседку, и прижала девочку к себе.

— Успокойся, Лисёнок! Не нужно злиться! — приговаривала она, всячески стараясь успокоить дочь, но она, как разъярённый котёнок, рвалась из её рук.

— Пусти! Я убью эту гадину!.. Я и его убью, если он снова будет тебя бить! — полузадушено выкрикнула Алиса.

— Тсс! — Тамара Васильевна прижала ладонь ко рту дочери и, глядя в её возбуждённо

блестящие глаза, мягко улыбнулась. — Ах ты, моя маленькая защитница!.. Лисёнок, даю тебе слово, отец больше не посмеет оскорбить нас. Даже словом.

— Ты не сможешь! Он снова изобьёт тебя! — в отчаянии выкрикнула девочка.

— Нет, я больше не позволю ему издеваться над собой, — твёрдо сказала Тамара Васильевна и, оглянувшись на пришедшую в себя соседку, подтолкнула Алису к калитке. — Вот держи сумку и беги к тёте Гале. Ждите меня ближе к ночи.

— Ага! С милицией! — Толстая Маня смерила мать и дочь злобным взглядом. — Паскуды! Так и знайте, я вас обоих упеку в тюрьму! — сказала она с мстительным удовольствием.

Толстуха потеряла сознание с перепугу. У Алисы не хватило силёнок и роста ударить её как следует, камень задел её вскользь, поэтому рана была пустяшной, разве что кровоточила сильно.

Тамара Васильевна посмотрела вслед дочери и быстро оглядела улицу — там было пусто. Тогда она взяла колун и, догнав ненавистную соседку, что есть силы ударила её обухом по голове.

— Нужно говорить обеих, а не обоих, — назидательно проговорила она, прежде чем накрыть труп брезентом, а затем отправилась в баню, чтобы смыть с себя кровь и мозги Толстой Мани.

После этого Тамара Васильевна надела своё самое лучшее платье и, сделав причёску, тщательно накрутилась. В ожидании мужа она весь вечер просидела у кухонного окна. Когда калитка стукнула, возвещая, что он пришёл, она пересела за стол и положила топор на колени.

Несмотря на старания Штейна, в тот же вечер Антон основательно напился. Когда он набросился на жену с кулаками, та без колебаний рубанула его топором.

В какой-то момент к Тамаре Васильевне вернулось ощущение действительности. Она посмотрела на окровавленные останки своего мучителя, а затем с трудом разжала сведённые пальцы. Топор упал, задев её по ноге, но она не почувствовала боли и походкой заводной куклы направилась к двери.

На улице кто-то невидимый схватил её за руку и потянул за собой, а затем впихнул в такую же внешне невидимую машину. Она не закричала и не испугалась: ей было всё равно.

Штейн отключил режим невидимости комбинеzona и вколол Тамаре антидепрессант, а затем укутал её в одеяло. Лишь тогда её немного отпустило, и она беззвучно заплакала.

Женщина всё плакала и плакала, но Штейн не торопился и терпеливо ждал, когда подействует лекарство. Наконец он почувствовал перемену в её состоянии и улыбнулся.

— Ну что, летим за Алисой?

— Летим? — Тамара Васильевна судорожно вздохнула и потянулась за носовым платком. — Зачем это? Галя живёт недалеко, — она ткнула пальцем в соткавшуюся перед ней карту посёлка. — Вот её дом.

Благодаря крошечному чипу, вживлённому под кожу девочки, Штейн и так знал, где она находится, но Тамара была нужна ему живой и здоровой. Палевский заинтересовался способностями необычной менталистки и хотел, чтобы её доставили в институт генетики.

Тамара была ему симпатична и он, зная, что её ждёт в исследовательском отделе, подумывал потихоньку её прикончить, обставив дело как самоубийство, но затем решил не злить главу СС и оставить всё как есть.

Ощувив приближение Штейна, Эльза вышла ему навстречу и с удивлением посмотрела

на его сопровождение. Это была слегка полноватая молодая женщина в забрызганном кровью платье и рыжеволосая девочка. Судя по тому, как они крепко держались за руки, это были мать и дочь.

Исчезновение семьи Шкловских и их соседки Марии Семёновой породило массу диких слухов, которые выплеснулись на просторы интернета, но вампирская СБ сработала оперативно, поэтому областная полиция, привлечённая к этому делу, не нашла явных следов, говорящих о том, что произошло преступление.

Правда, по делу Марии Семёновой некоторое время под подозрением находился её муж Николай Семёнов, но против него не было весомых улик, к тому же участковый ручался за него — мол, по причине редкой трусости мужик абсолютно не способен на убийство. В качестве подтверждения своих слов он провёл следственный эксперимент, то есть полоснул себя ножом по пальцу, и подозреваемый при виде крови тут же грохнулся в обморок. После этого, а также полной бесперспективности дела власти его закрыли.

Поначалу в посёлке судачили много, а затем, как водится, Шкловских забыли. Правда, приятели Антона нет-нет да поминали его, гадая, куда он делся. Версии были самые разные, но большинство склонялось к тому, что он убил свою жену и Толстую Маню, которая стала свидетельницей его преступления, а затем сбежал, прихватив с собой дочь.

Лишь Олег Васильев, сослуживец Антона, знал правду, но помалкивал, чтобы не прослыть сумасшедшим. Обеспокоенный злобным настроением товарища — на этот раз для разборок с женой Антон прихватил с собой трофейную финку, оставшуюся от прадеда, — он решил заглянуть к Шкловским и видел, как Тамара, забрызганная кровью, вышла из дома, а затем, ведомая кем-то невидимым, растаяла в воздухе.

ГЛАВА 13. Вопрос ребром: есть ли действенный способ по предотвращению загулов любимых супругов на сторону? Конечно, кроме радикальных, типа кастрации

Эльза с нетерпением ждала появления Штейна, но он задерживался, хотя обещал вернуться пораньше. Ему поступил срочный вызов из штаб-квартиры и он, приведя Тамару и Алису, сразу же улетел — так что она была в неведении, кто они такие и что с ними приключилось.

Впрочем, это не сильно её интересовало. Успевшая привыкнуть к спокойной расслабляющей обстановке их алтайского поместья Эльза хотела лишь одного, чтобы гости как можно быстрее покинули их дом.

Из вежливости она зашла к ним, но женщина упорно молчала, никак не реагируя на её попытки завести беседу, а девочка дичилась и жалась к матери. Эльза попыталась прочесть их мысли, но из-за сильнейшего потрясения там царил сумбур. Малоинформативные обрывки сменялись как в калейдоскопе, не давая внятной картины происшедшего, что вызвало у неё дополнительный приступ раздражения. К тому же ни мать, ни дочь не были менталистами, поэтому она не видела смысла возиться с ними, хотя заметила, что девочка очень походит на неё.

«Да будь она даже фениксом, это ничего не меняет. Мне одной великовозрастной доченьки за глаза и за уши. Я же не Рени. Это она сходила с ума по детям, а мне они абсолютно до лампочки», — скептически подумала Эльза. Тем не менее, памятуя, что Штейн ничего не делает просто так, она взяла себя в руки и под благовидным предлогом выманила девочку из комнаты.

Домашний зоопарк, состоящий из котёнка мейкуна и маленького толстенького щенка питбуля, сделал своё дело. Совместная игра с четвероногой малышкой позволила Эльзе преодолеть недоверие девочки, и она без особого труда выяснила, что произошло в их семье. Это вызвало у неё некоторое сочувствие к гостье и она, оставив девочку на попечение Карла Ивановича, понесла обед её матери — в надежде уговорить ту хоть что-нибудь поесть.

В комнате было пусто и Эльза, предчувствуя недоброе, отправилась на поиски гостьи. Следы привели её к скалистому обрыву. Женщина стояла на самом краю и её намерения были ясны как божий день.

— Для самоубийства здесь недостаточно крутой склон, только покалечитесь, — негромко сказала она. — Посмотрите, сколько здесь уступов. Вы обязательно упадёте на один из них.

— А если не останавливаться и падать дальше? — обернувшись, женщина посмотрела на неё. — Тогда у меня есть шанс убиться?

Подойдя к краю обрыва, Эльза глянула вниз.

— Не думаю. Разве что кости себе переломаете, — она села и, подняв голову, вопросительно посмотрела на гостью. — Хотите поговорить или просто помолчим?

Поколебавшись, Тамара Васильевна села поодаль от хозяйки поместья, которая теперь, когда порыв отчаяния прошёл, вызывала у неё опасения.

— Лучше помолчим, — сказала она и вежливо добавила: — Извините, что ворвались к вам без приглашения.

— Скажите, что вы думаете о моём муже? — последовал неожиданный вопрос.

Тамара Васильевна насторожённо глянула на рыжеволосую красавицу, которая вдруг показалась ей тигрицей, принявшей человеческий облик.

— Простите, я вас не понимаю, — сдержанно проговорила она.

— Думаю, вы влюблены в него, — Эльза снисходительно улыбнулась. — Не смущайтесь! Я привыкла, что женщины влюбляются в моего мужа. И дело даже не в его красоте; в конце концов, на свете много красивых мужчин. Дело в том, что Томас не просто красив, он из породы королей. Женщины сразу это чувствуют и тянутся к нему. Так велит инстинкт, заложенный в нас природой. Ведь вожак стада это тот, кто с гарантией обеспечит выживание своей самке и её потомству.

— Человечество далеко ушло от времён неолита. В настоящее время мужчина уже далеко не единственный кормилец в семье, как это было в прошлом. Скорей наоборот, роль кормильца перешла к нам, женщинам, о чём свидетельствует большой процент разведёнок, воспитывающих детей без мужа, — возразила Тамара Васильевна.

— У нас всё по-другому.

— Возможно. Думаю, вы во многом отличаетесь от людей, поэтому у вас сложилась иная система общественных взаимоотношений и ценностей.

Эльза с удивлением посмотрела на неожиданного оппонента.

— Вы и это знаете?

— Да, Томас сказал, что вы другая раса и называете себя вампирами... — Тамара Васильевна помедлила. — Позавчера муж очень сильно избил меня, а вчера я его убила. Зарубила топором. А до этого я убила соседку. Обухом колуна, — призналась она.

— Сильно! — одобрительно сказала Эльза. — О! Не обращайтесь внимания! — спохватилась она. — Мы, вампиры, не столь кровожадны, как вам могло показаться. Просто у нас с мужем такая работа. Мы с ним профессиональные вояки, поэтому повидали всякого.

— Тогда вам проще. Я вот убила двух человек и думала, что не смогу с этим жить, — Тамара Васильевна криво усмехнулась, — но порыв прошёл, и я уже не хочу умирать... — она помедлила. — Скажите, я смогу с этим жить?

Решая этот вопрос, Эльза внимательно посмотрела на неё.

— Сможете, — уверенно сказала она. — Насколько я поняла из слов Алисы, соседка постоянно задирала вас, а муж бил по её наущению. Рано или поздно он забил бы вас до смерти. Так какого чёрта вы должны переживать, что опередили их и отправили первыми на тот свет?

— Легко сказать, а вот принять...

— Вам достанет мужества это пережить, не сомневайтесь! А сейчас идёте домой. Иначе Алиса начнёт волноваться и побежит вас искать, а она смышлёная девочка и сразу догадается, что вы задумали, увидев вас здесь.

— Боже мой! Только не это! — заволновалась Тамара Васильевна и, вскочив, бросилась было к дому, но тут же остановилась и виновато посмотрела на Эльзу. — Простите! Что-то я совсем не соображаю, что делаю.

— Ничего страшного! Я тоже после своего первого убитого была сама не своя... Перерезала глотку парнишке, — пояснила Эльза в ответ на вопрошающий взгляд гостьи и, помедлив, добавила: — Вот его совершенно не за что было убивать.

— Солдат знает на что идёт, — сказала Тамара Васильевна, чтобы поддержать беседу.

— Если бы солдат! На вид мальчишке было лет двенадцать. К моему сожалению, ему не вовремя приспичило в туалет, и он своим криком мог разбудить того, кого я не хотела

будить раньше времени, — Эльза вздохнула. — Вопрос стоял ребром: либо я, либо мальчик. Иного выхода не было, как и времени на раздумья. Один из нас должен был умереть. К тому же не преуспей я в этом деле, погибла бы ещё куча народу. Вот такой выбор.

Тамара Васильевна представила дочь на месте несчастного мальчишки и ей стало нехорошо: перед её глазами возникло лицо соседки, залитое кровью. «Господи! Только не это!» — в панике подумала она.

— Что с вами? Вы в порядке? — сразу же отреагировала спутница, и она через силу улыбнулась.

— Да... в полном. Нечистая совесть, только и всего, — пробормотала она и выпрямилась, преодолев головокружение.

— Не давайте чувству вины завладеть вами, иначе окажетесь в такой психологической яме, из которой будет сложно выбраться, — посоветовала Эльза и, когда они вошли в дом, свернула к кухне.

— Вы изнервничались, устали, к тому же больше суток не ели и не спали, тут любому поплохеет. Вам жизненно необходимо что-нибудь поесть, — сказала она безапелляционным тоном.

— Боюсь, меня стошнит. Будет лучше, если я пойду к себе и прилягу, — попробовала отказаться Тамара Васильевна, которую действительно подташнивало при одной лишь мысли о еде.

Несмотря на все возражения, Эльза всё же притащила гостью в кухню, где усадила её за стол и заставила съесть овсянку, а затем поставила перед ней стакан сладкого чая с лимоном. Лишь после этого она перепоручила Тамару дочери. Спустя полчаса Эльза заглянула отведённую им комнату — мать и дочь мирно спали и она, закрыв дверь, оказалась в объятиях Штейна.

— Ну, как они? — поинтересовался он после затяжного поцелуя.

— В порядке, насколько я могу судить... К чёрту всех! Я по тебе соскучилась, — выдохнула Эльза и, глядя на мужа сияющими глазами, потянула его за собой. Благо, их спальня была совсем рядом.

После удовлетворения телесного голода, она посмотрела на глубокие царапины на своём бедре и возвела очи горе.

— Вот зараза! Убью, если останутся шрамы!

— Не переживай, ничего не останется.

От ладони Штейна отделилось едва заметное облачко, которое, подплыв, растворилось у неё на коже и следы его когтей тут же бесследно исчезли.

— Что это было? — осведомилась Эльза.

— Это сия, моя любопытная рыжая криа.

Задетая презрительными интонациями, прозвучавшими в мужнином голосе, она вскинула голову и вздрогнула, натолкнувшись на его кинжально-острый взгляд. Штейн показался ей старше и красивей, чем обычно, вот только необычная голубизна глаз, в которых притаилось сумасшествие, и ледяная полуулыбка, не предвещающая ничего хорошего, превратили его в незнакомца.

Чувство опасности было таким сильным, что Эльза пожалела, что при ней нет оружия.

— Ты чего? — удивился Штейн, когда она отпрянула от него.

— Ничего, — Эльза прижала руку к груди, чувствуя, как колотится сердце, подстёгнутое внезапным выбросом адреналина.

— Что случилось? — забеспокоился Штейн. — Я же вижу, ты меня боишься, только не понимаю почему.

— Да нет, всё нормально, — пробормотала Эльза, не желая признаваться, что действительно боится.

Ища надменного чужака, который смотрел на неё как на последнее ничтожество, она пристально глянула на Штейна, но это снова был тот, кого она знала — очень непростой человек: злопамятный и мстительный, к тому же садист по натуре, но при этом порядочный и по-своему честный. Все знали, что слово главы СБ — это валюта в золоте; если он обещал, то обязательно выполнит своё обещание. Враги его уважали, друзья и женщины любили, подчинённые боялись и в то же время восхищались, молодняк преклонялся и всячески ему подражал. Штейн был многогранен, и именно за это его любила Эльза, любила и по-настоящему никогда не боялась — до сегодняшнего дня.

— Иди ко мне, — Штейн привлёк её к себе и с облегчением почувствовал, что она расслабилась в его объятиях. — Лисичка, поверь! Я никогда не причиню тебе зла. Клянусь своей пропащей душой.

— Я знаю, — напряжённо улыбнулась Эльза и, помедлив, добавила: — Сама не понимаю, что со мной. Почему-то вдруг показалось, что ты это не ты, а кто-то другой и этот другой таков... — она ещё раз посмотрела на него и он ответил ей спокойным взглядом. В серых глазах не было даже намёка на синеву и это обстоятельство окончательно её успокоило.

— Слава богу, это снова ты, а не тот людоед, — сказала она с облегчением.

Страх улетучился также быстро, как накатил. Привычная к опасности Эльза не слишком расстроилась открытию, что в том, кого она любит, живёт настоящий монстр, но впредь решила вести себя осторожней, понимая, что если она пробудит его, когда тот будет в ярости, то он, не задумываясь, свернёт ей шею.

— Так! — отстранил её Штейн. — Даю слово, больше никаких рискованных игр, только старый добрый секс. Исключительно в миссионерской позе, — закончил он с невольным вздохом.

— Даже так? — растроганная Эльза вознаградила его долгим нежным поцелуем, который он стоически вытерпел. — Пожалуй, не стоит заходить так далеко. Думаю, по уикендам мы можем позволить себе... другие позы, — заговорщицки сообщила она и расхохоталась при виде вытянувшейся физиономии мужа, рассчитывавшего совсем на другое. — Ладно-ладно, не злись! Будет тебе радость по выходным.

— Только по выходным, а по праздникам? — проворчал Штейн, довольный уже тем, что она смеётся, а не шарахается от него как от чумного.

— По праздникам, говоришь? — Эльза призадумалась. — Что ж, по праздникам... тоже можно порадовать тебя сменой позы.

— Вот и кто после этого из нас садист? — усмехнулся Штейн и, взяв её лицо в ладони, вернул ей поцелуй: долгий, нежный и страстный.

Удивлённая его минорным настроением, Эльза прохладно улыбнулась. «Выглядит как обещание любви», — подумала она со скепсисом. Она больше не верила, что сможет покорить сердце Ледяного Тигра и смирилась с тем, что муж никогда не будет принадлежать ей одной.

— С тобой определённо творится что-то странное. Ведь ты не любишь целоваться и сразу норовишь задрать юбку, — сказала она с мягкой иронией.

— Одно другому не мешает, — Штейн лёг на спину и посадил её на себя. — Я люблю тебя, — сказал он, не сводя взгляда с её лица.

«Лжёт или принимает желаемое за действительное», — заключила Эльза.

— Я тоже тебя люблю, — невозмутимо сказала она и спряталась за занавесой ресниц, не желая видеть инквизиторский взгляд Штейна.

— Эль, я не шучу, — сказал он с нажимом.

— Я тоже, — ответила она и, собравшись с духом, прямо глянула ему в глаза.

— Извини. Нет настроения для дальнейших скачек, — Штейн ссадил её с себя и сел в кровати. — Да, дела! Не думал, что доживу до того момента, когда женщины будут лгать мне о своей любви. Видимо, возраст; теряю былую привлекательность в глазах фемин. Ладно, я в душ, а ты, если хочешь, можешь поспать.

— Томас, не глупи! — Эльза отправилась следом за ним. Она дёрнула дверь ванной комнаты, но та была заперта. — Дурак! Я люблю тебя!.. Эй! Мне что, снова отправиться на тот свет, чтобы доказать тебе это?

— Вот этого не надо, — дверь отворилась и Штейн прижал её к себе. — И давай договоримся, что в следующий раз, когда я буду признаваться тебе в любви, ты проявишь несколько больше энтузиазма, чем сегодня.

— Хорошо, я подумаю над твоим предложением, — Эльза подняла на него глаза. — Надеюсь, следующий раз будет в этой жизни?

— Не уверен, — самолюбиво фыркнул Штейн. — Теперь тебе придётся основательно потрудиться, чтобы услышать от меня эти три дурацких слова.

Но Эльза была сама покладистость.

— Ну и ладно, мне и сказанных хватит на всю оставшуюся жизнь.

«Чёрт побери! Как-то юродивый подтекст у моих слов», — тут же огорчилась она.

— Неужели? — Штейн склонился к ней и его глаза хищно блеснули. — Тероян, ты дура! Кто же довольствуется малым? От того, кто любит, нужно брать всё: чувства, деньги, власть и даже жизнь. В общем, всё, что он может дать.

— Не слишком ли это меркантильно для любви? — поинтересовалась Эльза.

— Нет! — отрезал Штейн. — И не смотри так! Самопожертвование в любви приносит радость обоим... За что? — удивился он, когда она ткнула его кулаком в живот, а затем, не удовольствовавшись этим, вывернула ему руку и с силой пнула под коленку.

— За всё хорошее, — последовал сердитый ответ. — И одновременно доходчивое объяснение, насколько я не согласна с твоим мнением. Эксплуатация любимого человека — это подло.

Озвучив своё отношение к его заявлению, Эльза вышла, не забыв при этом как следует хлопнуть дверью.

«Вот теперь я узнаю свою девочку», — Штейн встал и, прихрамывая, подошёл к зеркалу. «Интересно, какого чёрта она увидела во мне? — он придирчиво изучил своё отражение. — По-моему, та же рожа, что обычно». И всё же ему было беспокойно. У него тоже возникло ощущение стороннего присутствия. В детстве и юности этот внутренний альтер эго не раз и не два приходил ему на помощь и вытаскивал из, казалось бы, безвыходных ситуаций, но лишь сейчас ему пришло в голову, что это нечто отдельное от него самого. «Покажись!» — потребовал он и вперился в зеркало. Но сколько он ни старался, оно не отразило никаких изменений в его внешности.

— Тогда не лезь туда, куда не просят. Понял? — сказал он и, встав под душ, включил

воду.

«Я-то понял, а вот сам ты, похоже, не понимаешь, что ты всего лишь жалкий мальчишка, который по прихоти судьбы заполучил мою шкуру», — вдруг раздался внутренний голос.

— Заткнись! — буркнул Штейн и, обнаружив, что вылил слишком много шампуня на голову, от души выругался.

«Сквернословие, как крестьянин», — укоризненно заметил его альтер эго.

«Может, я и есть крестьянин», — мысленно фыркнул Штейн.

«Мы можем родиться, где угодно, хоть в хлеву, как современный божок, которому сейчас поклоняются, но от этого ни он, ни мы не перестаём быть теми, кто мы есть», — получил он назидательный ответ.

Штейн ополоснулся и взял полотенце.

— И кто же мы такие? — усмехнулся он, глядя в зеркало.

— Ты не знаю, а я *Рай-ин-Рай вэйт Луэт райтан Реотан Рамсей Кабалета таноэль Валуад эра Мато аде и эд Литосо Зеймо*, — надменно произнёс его внутренний собеседник.

«Твою ж мать! Это что было?» — озадаченный Штейн воззрился на зеркало, которое отражало синеву, несвойственную его глазам. Стоило ему моргнуть, и они снова обрели привычный ему серый цвет. «Чёрт знает что! Конечно, мы с Микой посидели немного, но упиться до белой горячки?.. — он внимательно изучил своё отражение. — Не похоже. Да и что такое бутылка коньяка на двоих, к тому же вампиров? Даже толком не опьянеешь». Он пожал плечами. «Эй!.. Ты ещё здесь?» — обратился он к своему внутреннему собеседнику, но тот не откликнулся и Штейна слегка отпустило: разговоры с самим с собой всё же смахивали на сумасшествие. Единственное, что убеждало его в обратном, это была реакция Эльзы. «Ну и ладно! Дуйся, если хочешь, а у меня дела. Кстати, сия — классная вещь. Спасибо», — сказал он, подозревая, что необычной способностью, появившейся у него, он обязан своему альтер эго. «Можешь звать меня рай Реотан», — сменил тот гнев на милость и Штейн, больше не сомневающийся в его существовании, согласно кивнул. «Вот и славно! А то столько лет знаем друг друга, а всё как чужие». Не спуская глаз с зеркала, он отбросил полотенце и потянулся за халатом. «Рай Реотан, давай договоримся, ты можешь советовать, но не больше. Если ты вновь попробуешь влезть в мои дела, я обращусь к Михаэлю, и он обязательно выковыряет тебя из моей головы». Штейн замер, глядя в зеркало. «Договорились!» — отозвался тот, кто назвался раем Реотаном. Но глава СБ был стрелянным воробьём и одним лишь обещанием не удовольствовался. «Поклянись тем, что тебе дороже жизни! — потребовал он и предупредил: — Учти, если солжёшь, я это почувствую».

На этот раз молчание длилось так долго, что Штейн уже было подумал, что не дожждётся ответа, но нет. «*Ареа дейта Реотан илед Ареа дейта Реотиэль, тава сейм цин!*», — произнёс его альтер эго и перед его внутренним взором возникла удивительная пара — высоченный суровый мужчина и прекрасная женщина в богатых одеждах, щедро отделанных мехом. Снежно-белая кожа и платина волос вкупе с льдисто-белой гаммой, господствующей в их одеяниях и украшениях, роднила их со скульптурами, но они были живыми, несмотря на величественные позы, преисполненные достоинства. Женщина повернула голову к Штейну и её голубые глаза остро блеснули. С явным намёком она дотронулась до ледяного венца на голове и что-то сказала. Слов он не понял, но понял, что это предупреждение.

Наваждение исчезло и Штейн, опомнившись, поспешно натянул на себя халат. Когда он появился в столовой, Эльза возвела очи горе.

— Наконец-то! Я уж думала, ты собрался утопиться в душе.

— С чего вдруг? — рассеяно поинтересовался Штейн, всё ещё находящийся во власти видения, которое, к его удивлению, произвело на него большое впечатление и до сих пор не отпускало.

— Откуда мне знать? — пожалала плечами Эльза. — Может, звёзды так встали.

— Извини, — сказал Штейн, видя, что она сердится, и сел на своё место, находящееся во главе стола. — Приступай, старина, пока она не съела нас обоих, — сказал он Карлу Ивановичу, заменяющему повариху, и тот, кивнув, начал накрывать на стол.

— Так что ты надумала насчёт нашей маленькой гостьи? — спросил он после того, как они пообедали и Карл Иванович подал им кофе.

— Что здесь думать? Она же не феникс, — последовал равнодушный ответ.

— Ты ошибаешься, мать и дочь обе менталистки.

— Тогда решай сам, мне всё равно.

— Что с тобой? — удивился Штейн, видя, что его половина явно не в восторге от предстоящего семейного приобретения.

— Ничего! — Эльза подняла глаза и с вызовом посмотрела на него. — Это такое диво, что я не хочу нянькаться с этой девчонкой?

— Несколько неожиданный поворот. Я думал, что ты обрадуешься, когда её увидишь, — произнёс Штейн и положил ей кусок шоколадного торта на тарелку. — Попробуй, очень вкусно. Кажется, Карл скоро превзойдёт нашу повариху по части готовки. Не хочешь занять её место? — обратился он к жертве собственной добросовестности.

— Nein! — поспешно отказался Карл Иванович, содрогнувшись при мысли, что ко всем прочим обязанностям ему придётся готовить.

— Вполне, — одобрительно сказала Эльза, попробовав торт, но сладкая взятка её не подкупила.

В отличие от Штейна ей категорически не нравились обе гостьи. Это было внутреннее неприятие, на уровне инстинкта. «И вообще, зря я вмешалась и спасла мать девчонки. Пусть бы она покончила с собой», — вдруг мелькнула у неё мысль и, что примечательно, не вызвала у неё ни малейшего раскаяния.

Оттягивая момент объяснения с мужем, Эльза помешала сахар в кофе.

— Томас, я не домохозяйка, мне одной Лизы вполне достаточно, — уклончиво сказала она.

— Кстати, о фениксах. Девчонка упёрла из буфета не только конфеты, но и серебряные ложки, — меланхолично сообщил Карл Иванович.

— Вот! Нам только сороки-воровки в доме не хватало, — ухватилась Эльза за подходящий повод.

— Недоказанное обвинение, — вступился Штейн за Алису.

Несколько удивлённый открытой неприязнью Эльзы к гостям, он пересел к ней и, подвинув стул, обнял её за плечи.

— Может, рискнём, а? Ведь девчонка так похожа на тебя, у вас даже прозвища

Одинаковые.

Уклонившись от его губ, Эльза вздохнула.

— Вот зачем спрашивать, если ты уже всё решил? Только имей в виду, я согласия не давала, поэтому снимаю с себя всякую ответственность за эту воровку.

— Договорились! Поверь, ты не пожалеешь, — заверил её Штейн.

— Ну-ну! Поживём-увидим. Что-то мне подсказывает, что мы ещё хлебнём горя с этой парочкой, — скептически заметила Эльза и добавила: — Особенно с мамашей девчонки.

— Да ладно тебе! Тамара — нормальная баба.

— Ну, знаешь! Думаю, муж и соседка, которых она зарубила, вряд ли согласились бы с тобой.

Услышав приглушённый детский вскрик, Штейн будто нечаянно смахнул на пол серебряное блюдо.

— Не понимаю, почему ты злишься.

— Я не злюсь... — Эльза прислушалась к себе. — Это внутреннее предупреждение.

— Очередное послание из будущего? — осведомился Штейн, знающий о её способности предчувствовать грядущие события. Именно необычайно развитая интуиция позволяла ей вовремя уносить ноги из опасного места. Правда, временами она её подводила, подтверждением чему было её последнее крайне тяжёлое ранение.

— Да, — кивнула Эльза. — Против самой Тамары я ничего не имею, она мне даже симпатична, но... — она снова прислушалась к себе. — Думаю, её нужно уничтожить. Эта женщина опасна для всех нас.

Черты её лица напряглись, будто она силилась что-то рассмотреть сквозь закрытые веки.

— На этот раз даже есть визуальная информация. К сожалению, не могу разобрать что именно. Изображение слишком нечёткое, и кадры быстро сменяются.

Штейн недоверчиво посмотрел на жену, зная, что она ещё тот манипулятор и ей ничего не стоит разыграть его.

— Mein Herz, у тебя разыгралось воображение. В любом случае, не бери в голову. Завтра я отправлю её Мике, а ты знаешь, во что превращаются ментальники после того, как побывают в руках его институтской братии. Хорошо, если Тамара выживет после их опытов.

Поняв, что он не поверил ей, Эльза поднесла к губам чашку и слегка поморщилась, она любила горячий кофе.

— В общем, я тебя предупредила, — сказала она после того, как получила свежую порцию горчайшего напитка.

Лишь поздно вечером Карл Иванович, отвечающий за безопасность поместья, увидел на мониторах, что под окнами столовой крутилась Алиса, после чего обнаружил, что она осталась одна, а её мать исчезла. Он тут же доложил о побеге, но Штейн даже ухом не повёл.

— Сбежала и чёрт с ней. Я не собираюсь гонять ребят из-за какого-то ментальника, — сказал он и Карл Иванович, потоптавшись в дверях хозяйской спальни, попятился прочь.

Эльза, присутствовавшая при их разговоре, лишь вздохнула. Без ведома Штейна Тамара не смогла бы преодолеть охранный периметр.

— Зря ты это сделал, — сказала она.

— Что именно? — усмехнулся он.

— Ты знаешь.

Тогда Штейн, чтобы не было недосказанности в их отношениях, в подробностях

пересказал ей своё знакомство с Тамарой.

— Что ж, умные женщины не менее притягательны, чем красавицы, — заключила Эльза после его рассказа. — Ты из-за этого решил перейти к миссионерской позе? — спросила она и дунула ему в ухо.

Штейн поёжился от удовольствия и привлёк её к себе. В последнее время ему доставляло удовольствие просто держать её в объятиях.

— И это тоже... — он попытался добраться до мысленного ряда жены, но тщетно. — Эль, если я буду зарываться, лучше сразу дай мне по яйцам, но не держи в себе. Договорились?

— Не переживай! Я не Тамара, чтобы годами копить обиду.

— Значит, я могу спать, не опасаясь твоей топорной мести? — осведомился Штейн и, получив согласный кивок, с преувеличенным облегчением откинулся на подушки. — Gut! Ты успокоила меня.

— Что, было настолько ужасно? — спросила Эльза, несколько удивлённая тем, что убийство Тамарой мужа произвело на него такое впечатление.

— Натуральная бойня. Море кровищи и кусков мяса. Впрочем, чего ещё ожидать от дилетантки? — ответил Штейн и укоризненно глянул на неё. — Злые вы бабы!

— Какие есть, но ты не волнуйся, — склонившись, Эльза поцеловала его и в её руке возник стилет. После обеденного инцидента в кровати она запаслась оружием. — В случае чего я убью тебя нежно. Клянусь, ты ничего не почувствуешь, — пообещала она и острый клинок пропорол кожу на его груди.

— Я тронут твоим милосердием. Режь глубже, иначе не останется следов, — посоветовал Штейн, глядя как она рисует сердце, пронзённое стрелой.

— Ладно, — Эльза нажала на рукоять и лезвие стилета, уйдя вглубь, распороло мышцы на его груди. Спасая постельное бельё, она поспешно слизнула кровь.

— Дрянной из тебя художник, — не оценил её стараний Штейн и от нарисованного сердца остались только следы крови. — Да, забыл сказать. Если я заловлю тебя на измене, то лёгкой смерти не жди.

— Ну вот! Только я вошла во вкус садо-мазы, как ты взял и всё удовольствие испортил, — фыркнула Эльза и, отвернувшись, плотно завернулась в одеяло.

Спустя пять минут она уже мирно спала, в отличие от Штейна, который вертелся с боку на бок, но никак не мог уснуть. Он позавидовал способности Эльзы мгновенно отключаться — по свидетельству очевидцев в этом деле ей не был помехой даже мощный артобстрел, он встал и, захватив с собой сигареты, подошёл к окну и распахнул его настежь.

В комнату ворвался свежий весенний ветер и вслед за ним звуки ночи.

Под пологом близкого к их дому леса шла обычная жизнь: тьякали лисицы; коротко взлаивал шакал; вскрикивали мелкие птахи, напуганные совой, скользящей в неслышном полёте. Где-то в горах ревели маралы — у них начались брачные игры, но рычание снежного барса заставило их умолкнуть.

«Удачной тебе охоты, собрат!» — пожелал Штейн ирбису. Он загасил окурок и, памятуя о жене, плотно притворил окно. Эльза не любила сквозняки, мотивируя это тем, что она достаточно наглоталась свежего воздуха, находясь на заданиях. И в самом деле, оперативники гораздо чаще ночевали под открытым небом, чем под крышей.

Чтобы не потревожить жену, он осторожно лёг рядом, но сон по-прежнему бежал от него. Штейна будоражило знакомство с внутренним соглядатаем, который впервые

заговорил с ним, и почему-то не давала покоя трагедия, происшедшая с человеческой женщиной. Эльза не ошиблась, он не только отпустил Тамару, он снабдил её новыми документами и деньгами. Когда она узнала, что ей придётся уйти одной, без дочери, она не стала кричать и плакать, лишь спросила, зачем ему Алиса. «Она станет одной из нас», — ответил Штейн и Тамара, поцеловав спящую девочку, без лишних слов направилась к двери.

Такое самообладание вызывало уважение. Штейн лично вывел Тамару к дороге и она, перед тем как уйти, обернулась к нему, и, хотя она ничего не сказала, он понял её без чтения мыслей: «Можешь не беспокоиться об Алисе, мы с женой её удочерим». В ответ Тамара смерила его долгим взглядом, в котором читалось предупреждение, после чего развернулась и, не прощаясь, пошла по указанному пути. «Присмотри за нашей гостьей, чтобы с ней ничего не случилось», — мысленно распорядился он, и Карл Иванович, тенью следовавший за ними, растворился в темноте.

Некоторое время Штейн наблюдал, как, удаляясь, по тропинке мечется пятно света от фонаря, а затем повернул домой. Он не жалел, что поддался чувствам и отпустил опасную менталистку, причём отпустил вопреки распоряжению главы СС и предупреждению Эльзы, которая редко ошибалась в своих предчувствиях.

«Не знаю, каким образом Тамара обретёт власть, которая станет нам помехой, но она — достойный противник. Жаль, что мы вынуждены убраться с Земли. Хотел бы я знать, что будет, когда человечество узнает о нашем существовании», — подумал Штейн и поднял голову. В ясном ночном небе сияли мириады звёзд и он, впервые осознав, что ему действительно придётся покинуть родную планету, зябко поёжился. При его профессии приключения его не привлекали: их ему и так хватало. Он мечтал о том, что однажды поселится в тихом местечке и будет жить спокойной мирной жизнью, с любящей женой и детьми, что ему не нужно будет вскакивать посреди ночи и сломя голову нестись на другой край света, чтобы предотвратить очередной удар противника. Несмотря на подпольное положение, врагов у вампиров хватало и, как водится, самыми опасными среди них были их же братья. Как только стало известно, что Старейший отошёл от дел и больше их не контролирует, и в разросшемся сообществе вампиров наметился раскол. Пробуя на прочность власть Палевского, то и дело возникали заговоры и, что самое тревожное для главы безопасности вампирской СБ, сепаратисты для своих целей всё чаще использовали властные структуры людей.

«Всё дела и дела, даже некогда подумать о будущем, не говоря уж о душе», — Штейн вздохнул и захлопал себя по карманам, ища сигареты.

Центральная библиотека правящего Дома Зимы. Отдел реликвий эпохи Возрождения расы эреев. Период: II век; в системе летоисчисления Земли 2008–2020 год.

«Эссе о добре и зле, чудесах и науке», автор райтан Реотан Второй Рамсей Кабаледда, известный также как Томас Генрих Штейн, выдающийся политический деятель эпохи Возрождения

С нашими способностями крайне легко манипулировать человечеством, причём во всепланетном масштабе. Я могу выдать себя за кого угодно и при этом совсем не обязательно изображать из себя доброго Вседержителя судеб. Да и по духу мне больше импонирует его извечный противник, испробовавший как добро, так и зло.

Уверен, объяви я себя Сатаной и за мной ринутся толпы фанатиков, с радостью принося мне кровавые жертвы. И что-то мне подсказывает, что в этом образе у меня

последователей будет гораздо больше, чем в образе его милосердного собрата. Впрочем, при здоровом размышлении, рано или поздно приходит понимание, что количество паствы не компенсирует её качество. Почему-то лучшим из людей свойственна вера в добро, хотя оно слабее и беззащитнее её злобной антитезы, которая сильна уже тем, что без малейшего стеснения рядится в белые одежды, и делами своими полностью извращает суть божественного слова и, следовательно, морали.

Свет и тьма. Добро и зло. Инь и янь, в конце концов. Как ни противостоят они друг другу, суть в том, что они — единое целое.

А ещё добро и зло неотделимы от человеческой сути. Ведь зачастую так случается, что добро для одного оборачивается злом для другого, и, как ты ни крути, никуда от этого не деться.

Короче, в мире нет рецепта всемирного счастья. Нет и не будет.

Да и нужно ли оно — это всемирное кисельно-молочное счастье? Не думаю. Во всяком случае, нам оно совершенно точно не нужно, — ведь мы ярые индивидуалисты. И вообще, жизненные испытания формируют лучшую часть нашей натуры; они вырабатывают сопротивляемость к невзгодам и укрепляют силу духа. Главное, не переборщить с испытаниями и не свалиться в пучину безумия. Безумие — единственное состояние, чреватое чистым злом, поскольку безумец больше не различает нравственных границ.

Добро и зло. Несмотря на мимикрию, мы без труда назовём, что есть зло и чем оно нас так привлекает. Гораздо хуже обстоит дело с его противоположностью. Почему так стесняются своей доброты те, кто его совершил? И вообще, что есть добро? Помимо десяти сомнительных заповедей, которые мало кто принимает всерьёз? Как поступить в том или ином конкретном случае, чтобы добро, по своим последствиям, если не перевешивало зло, то хотя бы его нейтрализовало? Увы, никто не даст вам чётких инструкций, даже самый верующий человек. Он лишь отправит вас к тем же самым десяти заповедям, то есть вежливо пошлёт, только не к чёрту, а к богу. Вот и приходится искать ответ, полагаясь на собственные ощущения. И хорошо, если найдётся вариант, где волки будут сыты и овцы целы. Впрочем, ещё не известно, хорошо оно или плохо — что целы те и другие, слишком уж расплывчата категория добра. Вот со злом таких трудностей не возникает, как правило, зло не прячется, в отличие от добра.

Так как же творить добро, а не зло? Разве что действовать от обратного, то есть не совершать ошибок, которые входят в категорию непоправимого зла, как-то: полномасштабные войны, тотальное уничтожение природы и массовый геноцид по расовому или религиозному признаку. Вот их нужно свести к безобидному минимуму, потому что от них идут главные адские круги. А с остальным злом каждый должен справляться самостоятельно, так сказать, в индивидуальном порядке. И то верно, нечего плодить неженок, у нас впереди ещё неосвоенная Вселенная, а там может случиться всякое, в том числе такое, о чём мы сейчас не можем даже помыслить.

Вселенная и чудеса. Чудеса. Люди настроены на веру в них. Мало того, всё подчинено ей, этой вере в чудо: и человеческая мораль, и религия, и искусство, и литература. Даже науку сие поветрие не миновало. Между прочим, высоколобым вера в чудеса необходима как воздух, без неё не будет великих открытий. Просто более совершенный разум выбирает себе более совершенную форму веры.

Взять хотя бы ту же концепцию сжатия Вселенной, а затем теорию Большого взрыва. Чем, скажите, она отличается от библейской версии, которую можно изложить

следующим образом:

Было абсолютное ничто.

Затем пришёл Бог (интересно знать откуда?)

Сотворил мир за семь дней (почему не сразу, силенок не хватало?)

И вот процесс сотворения Вселенной с научной точки зрения.

Была точка сингулярности (так наука обозвала библейское абсолютное ничто).

Произошёл Большой взрыв (что такое Большой взрыв, наука честно признаётся, что не знает, поэтому вполне можно обозвать этот процесс божественной волей).

Двадцать миллиардов световых лет (тут высоколбы расщедрились и дали Богу несколько больше времени на сотворение, хотя кто знает) из этого точечного «ничто» вырывалась наша Вселенная, состоящая из галактик, имеющих размеры до 150 миллионов световых лет в поперечнике, и прочей соразмерной им дребедени.

Интересно, кто-нибудь может себе представить такое? Я вот лично не могу. Ну, не лезет это в человеческий и нечеловеческий разум тоже! И не надо при этом проводить параллель с известным литературным персонажем, имеющим наглость размышлять своим подлым умишком о горизонтах священной науки!

А разве вылетающие из небытия огромные галактики — это не чудо? Клянусь, многие со мной согласятся, что в таком изложении это чудо. Откуда ни посмотри, это — библейский верблюд, пролезавший в игольное ушко.

Я понимаю, что мой взгляд на сотворение мира по-дилетантски упрощённый, но суть-то от этого не меняется. Как по мне, если не можешь объяснить необъяснимое, то не развешивай научные ярлыки на своё незнание. Нужно иметь мужество признаться, что процесс созидания мира на сегодняшний день — нечто совершенно непознанное. Нашим разумом его пока не охватить — для этого нашему мозгу не хватает производственных мощностей. Поэтому нечего древнюю библейскую историю рядить в современную научную мини-юбку, толку от этой старухи в плане воспроизводства жизнеспособных теорий уже нет никакого.

Впрочем, может, я зря иронизирую? Термин и понятие «атом» тоже изобрели до того, как появились более или менее внятные доказательства его существования. Научный люд просто слегка забежал вперед. И всё же не нужно оскорблять госпожу Науку псевдонаучными теориями и надуманными терминами, вроде ауры и тонких полей. Это даёт возможность упёртым фанатикам от религии с полным на то основанием заявлять, что наука — это всего лишь бред сивой кобылы. И они начинают требовать возврата к библейским понятиям. Ещё бы! Это же жуть, что человек и обезьяна произошли от общего предка! К чёрту мартышек, даешь ребро Адама!

Лучше оставить фантазии фантастам или господам учёным следует помечать такие теории термином «научная фантастика» и нет проблем. Все это правильно поймут. Отчего бы и людям науки тоже немного не помечтать? Только не нужно уподобляться, господа учёные, шарлатанам. Вот изобретёте достойную теорию, и тогда смело пользуйтесь фантастическими терминами. Были бы кости, а мясо всегда нарастёт.

Неудивительно, что Эйнштейн был верующим человеком. Любой бы поверил в бога, услышав современную космологическую теорию Большого взрыва.

Резюмирую. Если содрать с современной точки зрения на создание Вселенной всю её научную шелуху, то в ней нет ничего принципиально нового, это та же известная всем библейская история...»

— Что делаешь? — раздался сонный голос Эльзы и Штейн спешно закрыл файл.

— Составляю отчёт для Мики, — соврал он.

С некоторых пор глава вампирского СБ увлёкся сочинительством, но даже под страхом смертной казни не признался бы в своём неожиданном хобби. Особенно в том, как он был горд, когда на одном из литературных сайтов его стихи сравнили со стихами Шиллера.

— Помочь? — спросила Эльза и, к досаде Штейна, открыла глаза.

— Нет, спи! Это не к спеху.

— Тогда ладно, — спустя некоторое время она пихнула его в бок. — Томас, сколько можно? Спи, давай!

— Я же тихо, — пробормотал Штейн, у которого проснулось вдохновение, и он спешил записать родившиеся строчки.

— Пока ты не спишь, я тоже не могу заснуть. Ну-ка, покажи, что там у тебя! — потребовала Эльза.

— Не могу. Это секретная информация, — Штейн спрятал планшет под подушку, и она бросила на него негодующий взгляд.

— Ну-ну! Я же по эмоциональному фону вижу, что это не деловая переписка. Томас, если ты за моей спиной переписываешься с Мартой, то это уже форменное свинство.

— Марта? — облегчённо выдохнул Штейн, подумавший было, что Эльза видела его письменные экзерсисы. — Нет, я ни с кем не переписываюсь.

Он достал планшет и показал закрытый файл.

— Видишь время? Я только что его закрыл. Так что твоя ревность необоснованна.

— Не знаю, что ты там делал, но точно знаю, что мне это не нравится, — прищурилась Эльза.

— Ты это о чём?

— О том самом! Когда ты думаешь о других женщинах, я это вижу, причём в цвете.

— Это нечто новенькое, — удивился Штейн.

Вдруг Эльза примолкла и во все глаза уставилась на него.

— Ты чего? — встревожился он.

— Ничего-ничего, всё в порядке. Просто вспомнила кое-какие слова Рени, — отмахнулась она и, улегшись, закрыла глаза. — Томас, ты меня любишь?

— Вот в чём дело! — ухмыльнулся Штейн. — Я тоже слышал байку о том, что тот, кто любит, перестаёт слышать мысли любимого человека. Вынужден тебя огорчить, это не совсем так. Связь ухудшается, но совсем не пропадает. Так что не расслабляйся, если я не слышу тебя сейчас, это не означает, что я не услышу в следующий момент.

— Понятно, — разочарованно сказала Эльза и он прижал её к себе.

— Эль, но почему ты веришь всяким глупостям и не веришь мне?

— Ты сам учил, доверяй, но проверяй.

— Кстати, о Марте. Давай договоримся...

— Нет! — заткнула Эльза уши. — Не хочу ничего слышать о ней! Меня тошнит от одного её имени!

— Ну и зря, — вздохнул Штейн, огорчённый тем, что жена не горит желанием приправлять их семейную жизнь сексапильной секретаршей.

Стоило ему отвлечься на Марту, и представить их последнюю встречу, как острые коготки тут же пропороли ему ухо.

— Ну-ка, прекрати думать о ней! — прошипела Эльза, возмущённо глядя на него.

— Сердце моё! Уверяю тебя, все мои мысли только о тебе.

— Наглая ложь! Слишком уж в твоём эмофоне желтые змеи разыгрались, так подлые и извиваются!

— Может, обойдёмся без увечий? — забеспокоился Штейн, когда рука Эльзы спустилась вниз.

— Любишь кататься, люби и саночки возить. И вообще, давно пора попотчевать тебя твоими собственными блюдами.

— Это же не по правилам! — возмутился Штейн, когда оказался пристёгнутым к спинке кровати, благо, она была железной и позволяла проделывать такие фокусы.

— А мне плевать! — губы Эльзы коснулись его губ. — Сейчас я твоя госпожа и точка! Понял?

— Понял, — смирился Штейн. И хотя подчинённая роль в сексе, как и в жизни, была ему совсем не по вкусу, тем не менее ему было любопытно испытать новые для себя ощущения.

«Ради любимой женщины можно и потерпеть», — возразил Штейн своему альтер-эго, которому тоже не понравилась затея Эльзы. Вопреки его ожиданиям, тот не стал ему возражать. Перед внутренним взором Штейна промелькнула девушка, очень похожая на Мари Палевскую, и его накрыла волна беспросветной тоски, а затем он перестал ощущать присутствие того, кто назвался раем Реотаном.

ГЛАВА 14. Академия. Тьен Моррисон и его проблемное знакомство

Мягко хлопнула входная дверь, сигнализируя, что кто-то пришёл, и Тьен неохотно открыл глаза. «*Merde!* Наверняка это Кати, с её очередными уговорами пойти на вечеринку, — с досадой подумал он, но постарался не злиться. — Бедная сестричка! Она так старается познакомить меня со своими подругами, в надежде, что я переключусь на кого-нибудь из них и забуду Мари. Вот только я ни за что не отступлюсь от неё». В золотых глазах юноши вспыхнул огонёк упрямства: «Рано или поздно, но мы всё равно встретимся! В конце концов, не будут же меня вечно держать в Академии? Учёба закончится, и я обязательно её разыщу. К тому же не исключено, что мне удастся сбежать пораньше».

Тьен перетёк в сидячее положение и, обняв колени, тяжело вздохнул. Он уже сам не верил в такую возможность, поскольку перепробовал множество вариантов побега из-под купола Гефеста и на собственной шкуре убедился, как это непросто. Причём его последняя попытка улететь на транспортной амфибии чуть не закончилась трагически. Отсек, в который он пробрался, оказался не защищён от излучения, и ему повезло, что механик ещё раз решил проверить характеристики экспериментального двигателя и обнаружил незадачливого «зайца». Несмотря на это, Тьен всё же заполучил солидную дозу радиации, и врачи академического госпиталя с трудом его откачали.

Юноша слабо улыбнулся. «Думаю, благодаря мне служба безопасности выявила все слабые места купола Гефеста и надёжно их перекрыла».

— Всё хандришь, Рыжий? — осведомился Сапковский, бесшумно появившийся на пороге его комнаты.

— Отвали, Анжей. Уже достал своей слезкой, — раздражённо буркнул Тьен.

Он снова лёг и отвернулся к стене.

— Недоумок! Не забыл, что жив ты до сих пор во многом благодаря мне?

— Думаю, ты никогда не дашь мне забыть об этом и со временем взыщешь с процентами.

— Рад, что ты трезво оцениваешь ситуацию. Подъём! — подошедший Анжей дёрнул подопечного за плечо. — В счет уплаты процентов с тебя причитается. Я устал как чёрт, сдавая квалификационные экзамены, и теперь просто умираю от голода. Потому, будь добр, иди в кухню и сваргань нам что-нибудь пожрать.

— Не наглеЙ, Сапковский! Сделай одолжение, посиди в кустах за окном. Ты же сыщик, значит, должен скрытно наблюдать за мной. Так что давай, вали отсюда! Хоть дома избавь меня от своего присутствия.

— Сюрприз, Моррисон! Ты не поверишь, но отныне я тоже здесь живу.

Действительно бывший сосед Тьена женился, и они с женой получили отдельный коттедж, потому соседняя комната пустовала.

— Лжёшь! Студенты-спецназовцы обязаны жить в казарме.

— А мне, как свежеиспеченному сержанту, положено отдельное жильё. Давай отметим моё новоселье и заодно обмоем лычки. Топай в кухню, ты уже достаточно наваялся, теперь моя очередь спать.

— Иди к чёрту... — не успев договорить, Тьен оказался на полу, и с негодованием посмотрел на нового соседа, развалившегося на его кровати. — Сапковский, ты переходишь

все границы!.. — начал он говорить, но тот уже спал.

Первым побуждением Тьена было выкинуть наглого пришельца из комнаты, но тёмные круги под глазами на усталом мальчишеском лице — Анжей во сне перетёк в подростковую форму — остановили его. «Кажется, Хамелеону неслабо досталось на квалификационных экзаменах, если он моментально вырубился. Бог с ним, пусть спит». Он вышел и тихо притворил дверь за собой.

Через пару часов, ведомый голодным желудком и чудесными запахами стряпни, Анжей появился в кухне.

— Что не спится? — улыбнулся Тьен. — Мой руки, Хамелеон, и садись за стол.

— Как скажешь, мамочка. И не смей упоминать моё прозвище.

Тьен смерил соседа насмешливым взглядом.

— Не нравится, что я зову тебя Хамелеоном? А мне не нравится, что ты называешь меня Рыжим, — парировал он.

— Ладно, твоя правда, Моррисон. Предлагаю больше не доставать друг друга по мелочам, а то в один прекрасный день раздерёмся по-настоящему. Договорились?

— Договорились. Я же страшно покладистый, пока меня не задевают. Верно?

Анжей неслышно вздохнул. В общем-то, проблемный подопечный уже сидел у него в печёнках, но он ни разу не пожалел, что принял соблазнительное предложение, которое сулило ему не только повышение по службе, но и связи во властной верхушке.

— Да уж, Злата Тигра, лучше лишний раз тебя не дёргать за хвост, — признал он и сладко потянулся.

— Эх! Кто бы знал, как я намаялся, бегая за тобой! — Анжей воззрился на непробиваемо-спокойного рыжеволосого красавца и, чувствуя, как всколыхнулось ставшее уже привычным раздражение, ворчливо добавил: — Только один плюс от всех моих треволнений, это звание сержанта. Никак старший Моррисон расстарался и походатайствовал за меня. В благодарность за любимого отпрыска. Другого объяснения нарушению правил его присвоения я не вижу. Ведь это же не звание сержанта в студенческой группе, а настоящее воинское. Хотя не скажу, что оно досталось мне на халяву. Полковник Раскин на квалификационных экзаменах разве что душу из меня не вытряхнул.

— По столь мелкому поводу отец не будет вмешиваться в дела военных, тем более что ты не из нашего клана. Да и вряд ли это возможно. Клан Дракона, унаследовавший азиатскую закрытость, крайне болезненно реагирует на стороннее вмешательство. Не представляю, что нужно им предложить, чтобы они пошли навстречу чужаку, даже такому влиятельному как мой отец, — скептически проговорил Тьен и на его лице промелькнуло любопытство. — А как ты оказался в их регионе?

— Всемирная дружба народов.

— А конкретней?

— Любопытной Варваре нос оторвали, — фыркнул Анжей и наставительно добавил: — Прими за данность, Злата Тигра, правила существуют для того, чтобы оттенять собой исключения.

— Сапковский, ты хочешь знать мою подноготную, а долг платежом красен.

— Отвянь, Моррисон. И вообще, если хочешь, чтобы мы и дальше ладили, больше не поднимай этот вопрос.

— В таком случае и ты больше не лезь ко мне с вопросами.

Голос Тьена был спокоен, но его глаза, выдавая скрытое раздражение, слегка

засветились.

— Не злись, — пошёл Анжей на попятный. Не в его интересах было ссориться с отпрыском главы самого влиятельного клана в вампирском сообществе. — Просто мне неприятно вспоминать. Понимаешь?.. — он немного помедлил: — Не выдумывай себе ерунды. В истории моей прописки в клане Дракона замешана влиятельная женщина и она замужем.

— Так бы сразу и сказал, — улыбнулся Тьен. — Женщины — это отдельная статья.

— Да уж! Дамочка стоила мне немало нервов, — вздохнул Анжей и, давая понять, что тема закрыта, предупреждающе поднял руки. — Когда я ем, я глух и нем. Кстати, чем будешь кормить?

Он сел и с заинтересованным видом наклонился вперёд, принюхиваясь к запаху, идущему из пузатого горшка, стоящего в центре стола.

— Это кассуле?[1]

— Да.

— Не сказать, что я большой поклонник кухни лягушатников, но сейчас согласен даже на пивок. Ничего, если я оприходуя его в одно лицо?

Тьен подвинул горшок в его сторону.

— Лопай. Кассуле ещё тёплое, Кати совсем недавно принесла.

— Заботливая у тебя сестричка, — заметил Анжей и с энтузиазмом набросился на еду.

Не прошло и пары минут, как ложка заскребла по дну горшка.

— Уф! — выдохнул Анжей и, отвалившись на спинку стула, погладил себя по животу, который несколько не изменил своих поджарых очертаний. — Моррисон, чем пялиться на голодного человека, дал бы что-нибудь попить. Я умираю от жажды.

— Пей. Графин с водой перед тобой.

— Нет, хочу вина! — потребовал Анжей и его жаждущий взгляд устремился к бутылке с вином, стоящей перед Тьеном.

— Эй! Ты зачем разбавляешь его водой? — возмутился он.

— Так положено. А будешь спорить, вообще получишь только воду, — последовал невозмутимый ответ. Тьену не хотелось говорить, что у него не поднимается рука спаивать подростка.

— Не комплексуй, Злата Тигра, — усмехнулся Анжей, догадавшийся о его затруднениях.

На мгновение его облик затуманился, и на смену подростку пришёл высокий мускулистый юноша.

— А теперь будь добр, налей мне неразбавленного вина. Моррисон, даже не начинай! — сказал он, видя, что Тьен медлит, собираясь ему возразить. — Не желаю знать эти ваши французские штучки за столом и, вообще, я же пошёл тебе навстречу и сменил личину, оберегая твои моральные устои.

— Ладно, — сдался Тьен и налил ему вина.

— Давно бы так, — Анжей принялся к содержимому стакана. — Было бы из-за чего спорить, пахнет как фруктовый сок, — скептически заметил он.

Тьен приложился к горлышку бутылки и основательно из неё отхлебнул.

— Так это и есть фруктовый сок, — сказал он и, довольный разочарованной миной на лице товарища, добавил: — Правда, основательно забродивший.

— Гад ты, Моррисон, — проворчал Анжей и залпом осушил стакан. Не успел он

поставить его на стол, как на пороге кухни возникла улыбающаяся Алиса и, задержавшись в дверях, постучала по косяку.

— Мальчики, можно войти? Прошу прощения за внезапное вторжение, но у вас входные двери стоят нараспашку, так что я не видела смысла звонить.

С учтивой миной на лице Тьен поднялся из-за стола.

— Конечно, Алиса, мы всегда тебе рады.

Он отодвинул стул для гостьи и когда та села, спросил налить ли ей чаю.

— Да, спасибо, — отозвалась женщина и смущённо посмотрела на Сапковского, но тот упорно молчал, не поднимая на неё глаз.

Удивлённый Тьен бросил на парочку заинтересованный взгляд. Поскольку Анжей продолжал делать вид, что не замечает гостью, ему пришлось развлекать её за двоих.

Немного поболтав с ним, Алиса поднялась из-за стола.

— Пожалуй, я пойду, а то у меня скоро дежурство в госпитале, — сказала она и, повернувшись к Анжею, натянуто улыбнулась. — Прости, если побеспокоила. Я зашла, чтобы поздравить тебя с новым званием и новосельем.

— Не стоило утруждаться, лапуся, — холодно произнёс Сапковский и, наконец посмотрев на неё, ядовито добавил: — Зря пришла, мисс Алис. Не надейся, втихую я не буду встречаться с тобой. Если ты стесняешься появляться со мной на людях, то спи с кем-нибудь другим.

— Это неправда! Я не... — не договорив, Алиса закрыла лицо руками и вылетела за дверь.

Первым порывом Тьена было догнать и успокоить плачущую женщину, которая стала его другом, но его остановил взгляд Сапковского.

— Не вмешивайся, Моррисон, тебя не касается моя личная жизнь, — предупредил Анжей, после чего в кухне повисло неловкое молчание.

— Видишь ли, иногда меня спонтанно перебрасывает в подростковую личину, — сказал он, когда Тьен уже не ожидал его пояснений происходящему. — Мы были в гостях у знакомых Алисы, и я немного нервничал. Я знал, что они — её близкие друзья, и их мнение очень много значит для неё...

Лицо Анжея исказилось гневом и болью. Он схватил бокал с вином и залпом его выпил.

— Моррисон, ты бы видел её реакцию, когда я вдруг превратился в мальчишку! Замешательство, стыд и ещё чёрт знает что! Мало того она вскочила из-за стола и убежала, примерно, как сейчас. Представляешь, что я чувствовал после этого? — помолчав, Анжей грустно усмехнулся. — С той памятной встречи сегодня она впервые разыскала меня. Как говорится, не прошло и года. Нормально, да?

— Даже не знаю, что сказать тебе на это, — Тьен внимательно глянул на понурившегося Анжея. — Несомненно одно, Алиса любит тебя, да и тебе она не безразлична. Тогда какого дьявола ты пасуешь перед трудностями? В конце концов, ты знал на что идёшь, встречаясь с женщиной её возраста.

— Тебя бы на моё место, — буркнул Сапковский.

— Мне на своём хватает проблем и не будем показывать пальцем, кому именно я обязан ими, — парировал Тьен. — Пойми, Алиса переступила через свою гордость и первой пришла к тебе. Чего ещё ты хочешь от неё? Чтобы она на коленях умоляла тебя простить её за минутную слабость? В общем, теперь дело за тобой. Если она дорогá тебе, то иди и поговори с ней.

Бросив на Тьена раздражённый взгляд, Анжей немного помедлил, но затем не выдержал и, выскочив из-за стола, исчез за дверь. На следующее утро за завтраком он был совершенно спокоен, но временами по его губам блуждала рассеянная улыбка, а голубые глаза то и дело вспыхивали радостным торжеством. «Dieu merci! Кажется, у Сапковского всё в порядке на личном фронте, — подумал Тьен и вздохнул. — Ну, теперь он с новыми силами примется за меня».

— Кстати, Злата Тигра, я не забыл о своём обещании помочь. Что бы ты ни думал обо мне, но я держу слово, — Анжей испытующе глянул на своего подопечного. — Конечно, если ты ещё нуждаешься в нём и хочешь выбраться из-под купола к своей подружке. У меня всё продумано, но на осуществление моего плана нужно время. Потерпишь?

— А у меня есть выбор? — осведомился Тьен. — Не лги, Сапковский. Я знаю, в твоих интересах как можно дольше удерживать меня здесь, чтобы я не натворил очередных глупостей. Так ведь?

— Так-то оно так, да только долг платежом красен, — Анжей усмехнулся. — На твоё счастье, я прорабатываю сразу несколько сценариев развития событий, и так уж вышло, что один из них включает возможность твоего удачного побега. Но как я уже сказал, он требует солидной подготовки и соответственно времени, — он немного помедлил: — К твоему сведению, после учебы тебя решили оставить работать в Академии. Об этом говорили ректор и твой психолог, когда я совершенно нечаянно проходил мимо ректорского кабинета.

— Какое свинство.

Тьен поник; в лице Сапковского было нечто такое, что говорило, что он не лжёт.

— Вот и я ненавижу, когда за меня решают с кем и где мне быть, — сказал Анжей и с дружеским расположением хлопнул его по плечу. — Так что не кисни, Злата Тигра, как-нибудь отобьёмся.

Анжей не чурался веселья и Кати ничего не стоило подбить его на устройство вечеринки по поводу новоселья. Тьен отказался присутствовать на ней и заперся в своей комнате, но шум, визги и женский смех порядком вывели его из себя. Не выдержав, он вскочил с кровати. Стоило ему открыть дверь, ведущую в комнату беспокойного соседа, и навстречу ему рванулся душный воздух, пропитанный запахом сигарет, женских духов и сложным винно-водочным букетом.

— Какие люди! Никак наш местный Чайльд Гарольд соизволил нас посетить! Нет-нет! Никуда ты не пойдёшь! Заходи, Злата Тигра, и будь как дома, — радушно проговорил Анжей и, предотвращая бегство Тьена, впихнул его в комнату. — Послушай, Моррисон, на вечеринку большая часть девиц припёрлась из-за тебя. Не знаешь, почему я должен отдуваться за тебя?

— Наверное потому, что я не просил её устраивать, — отозвался Тьен и Анжей укоризненно посмотрел на него.

— Дурак! Для тебя же стараюсь. Любовь любовью, а оружие не должно ржаветь. Рискуешь из-за долгого воздержания преподнести в постели лапусе неприятный сюрприз. Вряд ли она ему обрадуется. Короче, принимай вахту, а мне пора.

— Эй, ты куда? — встревожился Тьен, видя, что Анжей направился к ближайшему окну.

— К Алисе, — последовал лаконичный ответ.

— Так нечестно!

— А мне плевать, — бросил Анжей на ходу и, перепрыгнув подоконник, тенью

промелькнул за окнами коттеджа.

Окружённый хохочущими девушками Тьен возвёл очи горе и Кати, заметив его, без промедления бросилась ему на помощь.

— Mon ami! Какой ты нехороший! Нельзя же заставлять себя столько ждать, — воскликнула она, повиснув на шее у брата, после чего кинула хищный взгляд в толпу веселящихся гостей и потащила его за собой. — Тай, не упирайся! Я хочу познакомить тебя с моими новыми подругами, — нетерпеливо проговорила она и подвела к нему гибкую высокомерную блондинку и совсем юную рыжеволосую девушку, которая смотрела на него с нескрываемым восхищением.

Бежать было уже поздно и Тьен подчинился неизбежному.

Девушки оказались первокурсницами, блондинку звали Риммой, а зеленоглазая малышка представилась как Аннабель. Припомнив слова Сапковского, он пригляделся к новым знакомым. Опыт подсказывал ему, что за Риммой нужно будет ухаживать, и он пошёл по пути наименьшего сопротивления.

— Аннабель, ты француженка? — мягко спросил Тьен и, проверяя девушку, взял её за руку. Она оказалась совсем неопытной и, вздрогнув от его прикосновения, покраснела до самых ушей.

— Так написано в моём досье, но после инициации я ничего не помню, — последовал чуть слышный ответ.

— Может, погуляем, пока этот бардак не закончится? Хочешь, я расскажу тебе о Франции? Ведь это и моя родина.

— Да!.. С удовольствием, — девушка нерешительно глянула на насупившуюся подругу. — Можно Римма пойдёт с нами?

Заметив повелительный взгляд брата, Кати подхватила упирающуюся блондинку под руку и, что-то весело треща на ходу, потащила её в круг танцующих.

Молодые люди долго гуляли по дорожкам под полной луной и, как ни странно, Тьен чувствовал себя так, будто у него настоящее свидание. Девушка почти не открывала рта, и ему приходилось говорить за двоих, но почему-то её молчаливость несколько его не раздражала, наоборот, чем дальше, тем больше она ему нравилась. Он проводил Аннабель до дома и, обняв, заглянул в ждущие тёмно-зелёные глаза. Долгий поцелуй был сладким и хмельным, как молодое вино.

— Пригласишь в гости? — страстно шепнул он и девушка согласно кивнула.

Не обманула она его ожиданий и в постели. Несмотря на стеснительность, Аннабель оказалась страстной по натуре и под руководством опытного учителя быстро осваивала науку любви, так что утомонились они лишь под утро.

Момент протрезвления начался с того, что Тьен открыл глаза и первое что ему бросилось в глаза — это большая фотография на полке, с которой ему улыбалась Мари с родителями. Отстранив прижавшуюся к нему девушку, он резко сел в кровати.

— Аннабель, как твоя фамилия?

— Палевская, — с недоумением ответила она. — В чем дело, Тьен? Что-то случилось?

— Все в порядке, котёнок, — улыбнулся Тьен и, снова улегшись в кровать, долго вглядывался в смущённое личико своей случайной партнёрши. — Сколько тебе лет, mon ami?

Девушка долго молчала, а затем нехотя выдавила:

— Почти пятнадцать... честное слово!

«Merde! Надо же было так вляпаться! Мало того, что Аннабель малолетка, вдобавок она

дочь главы Совета старейшин. А самое гадостное то, что она сестра Мари... Ну и что теперь делать?» — отводя душу, Тьен стукнул кулаком по стене и на глазах девушки, почувствовавшей неладное, навернулись слёзы.

— Тьен, пожалуйста, не бросай меня!

— Не бойся, котёнок, я никуда не уйду. Поверь, ты мне очень нравишься, — он вздохнул и, обняв Аннабель, прижавшуюся к нему, игриво шепнул: — Если мадемуазель в настроении, то не продолжить ли нам ночной марафон?

[1] Кассулé (фр. Cassoulet) — блюдо французской кухни.

ГЛАВА 15. Раздвоение личности порождает бредовые видения. Интересно, как бы их оценил господин Фрейд?

Запертая в логове Ника, Мари перепробовала все способы давления на него. Кончилось это тем, что домой она так и не попала, а вот есть в столовой ей пришлось одной.

Вскоре ей наскучили чудеса Риоголиза, который по привычке называла Старой базой, и она засела за расчёты.

Видя это, Ник перестал её избегать и даже возобновил совместные трапезы. Девушка теряла счёт времени, стоило ей погрузиться в работу, и он следил, чтобы она находилась в хорошей физической форме. К тому же он предоставил в её распоряжение все имеющиеся у него материалы, оставшиеся от матери, которые тоже была выдающимся математиком.

Райта Нида не особо утруждала себя записями, так что сведения по большей части были отрывочными, но Мари этого хватило. С её подсказками она с такой скоростью рванула вперёд, что намного опередила учёных Академии, но затем дело застопорилось — она увязла в расчётах, в которых ей никто не мог помочь.

Ища путь к движению выше скорости света, Мари во многом действовала интуитивно и, чтобы остальные её поняли, ей нужно было не только сформулировать свои теории, но и доказать. Вот только Ник, который как коршун следил за её изысканиями, запретил ей тратить на это время. «К крейду фундаментальную науку! — заявил он. — Мне нужен принцип движения в пространстве, а теоретическую базу под него подведёшь как-нибудь на досуге». Некоторое время он сам пытался ей помочь, но затем понял, что теоретические выкладки Мари выше его способностей и подошёл к задаче по другому — он создал нейродатчик, который, по его мысли, должен был напрямую подключить её к тиарану,[1] что позволило бы ей вести расчёты с машинной скоростью.

В спешке Ник не успел испытать своё изобретение, но решил, что ничего страшного не случится, если Мари станет его первым подопытным кроликом. «В конце концов, нейродатчик не сработает и всё останется как было», — уговаривал он себя. О том, что будет, если устройство сработает не так, как было задумано, он старался не думать. И всё же перед решающим днём он занервничал, но отступить было уже поздно. Нейродатчик был настроен исключительно на Мари, и проверка на ком-либо другом отняла бы слишком много времени, которое было на вес золота. Поток излучения взорвавшейся сверхновой звезды приближался быстрее, чем было рассчитано.

Прежде чем взобраться на высокий постамент, Мари остановилась и с содроганием посмотрела на тёмно-фиолетовую капсулу. Похожая на гигантскую фасолину она одним своим видом вызывала у неё клаустрофобию — особенно при мысли, что ей сутками напролёт придётся лежать в её тесных внутренностях.

Девушка всё медлила, стоя внизу, а у Ника не поворачивался язык сказать ей, чтобы она поторопилась. Конечно же, он понимал, что проводит рискованный эксперимент и последствия для Мари могут быть любыми — вплоть до летального исхода. Тем не менее он не собирался отступить от задуманного. «Цель оправдывает средства», — твердил он про себя основополагающую формулу диктаторов всех времён и народов. В защиту Ника можно сказать лишь одно, он скрупулёзно просчитал вероятностные сценарии эксперимента и не

сомневался, что риск для Мари крайне невелик. Одно время он хотел сам подключиться к *тиарану*, но рассудил, что тогда будет некому отслеживать работу нейродатчика и в случае его неполадок перейти к экстренным мерам. Ещё об одной скрытой, но весомой причине пренебрежения жизнью девушки он старался не думать, особенно сейчас, но совесть не дремала, не давая ему покоя.

Наконец, выведенный из себя её нерешительностью и боясь, что тревога за неё перевесит его настрой на эксперимент, Ник не выдержал:

— Хватит там стоять! Живо поднимайся!

— Ладно-ладно! Незачем так нервничать, я уже иду.

Поднявшись по ступенькам, Мари заглянула внутрь капсулы.

— А ты не пробовал соорудить что-нибудь другое? Ну, там какой-нибудь шлем или браслетик. Или у тебя, что ни делаешь, обязательно получается гробельник?

— Раздевайся и ложись! — рявкнул Ник.

— Скажи это кто другой, оно прозвучало бы сексуально, а когда такое слышишь от тебя, разве что жди очередного подвоха, — проворчала Мари, но сняла халат и забралась внутрь капсулы. — Что-то постелька узковата и коротковата. Уверен, что я там помещусь?

— Ляжешь ты, наконец?

— Вот чего орать? Как будто что-то изменится, если я лягу минуткой позже.

Мари глянула на своего неумолимого надсмотрщика и, тяжело вздохнув, легла и вытянулась во весь рост.

— Ну вот! Я же говорила, что здесь мало места! — обрадовалась она, но Ник был начеку. Не успела она ухватиться за бортики, как створки капсулы сомкнулись, и вслед за тем свободное пространство начал заполнять «кисель». Этого Мари уже не выдержала. Она забилась, сиюминутно выбравшись наружу, но порхнувшая к ней маска плотно облепила ей лицо и она, обмякнув, замерла без движения.

Ник облегчённо выдохнул и бросился к соседней капсуле. Когда он лёг и перед его глазами развернулся экран тиарана, его мгновенно пробил пот. Сбылись его потаённые страхи — мешанина показателей говорила о том, что процесс пошёл не так, как было запланировано. «О Священный Ягуар, дай мне силы справиться с этим испытанием!» — взмолился он и перевёл нейродатчик в режим ручной настройки. Действуя с предельной аккуратностью, он изменил частоту подачи импульсов и почувствовал, как его отпускает паника. Хотя угроза жизни девушки ещё не миновала, картина явно изменилась к лучшему.

Провалившись во тьму беспомыслия, Мари оказалась в том, что было куда хуже кошмарного сна. Как лист бумаги, безжалостно искромсанный ножницами, её личность распалась на множество обрезков и те закружились в туманном разноцветном круговороте, какой возникает при вращении детской юлы.

С яростью тигрицы, угодившей в смертельную ловушку, девушка боролась с центробежной силой внутри себя. Она понимала, стоит кусочкам её личности разлететься и ей придёт конец. Несколько раз ей удавалось собрать себя, но затем, несмотря на все её усилия, начинался новый процесс распада.

Когда Мари уже отчаялась, кто-то невидимый пришёл ей на помощь и помог обрести цельность. Правда, сборка была так себе — у неё осталось ощущение, что она едина в двух лицах, но это было куда лучше, чем множество личностей, сводящих её с ума своими разнонаправленными желаниями и устремлениями.

И всё же двуединое существование имело свои неудобства. Мари вновь вовлекло в туманный разноцветный водоворот и тот протащил её среди множества разнокалиберных светящихся сгустков. Затем она оказалась в странном зимнем лесу — там, среди кинжально-острых блестящих листьев, плавали чёрные эллипсоиды размером со страусиное яйцо. Откуда-то она знала, что это зародыши, только не знала, чего именно, но знала, что они несут в себе жизнь.

После леса Мари снова оказалась в радужном тумане. На этот раз он пульсировал, как воздух в комнате с мощными динамиками. Поначалу неслышная уху музыка принесла ей успокоение. Охваченная чувством всеобъемлющего покоя она даже задремала, затем мелодия изменилась и её резануло острое чувство тревоги. Неведомый манипулятор продолжал играть на ней как на инструменте и она, корчась от непосильных чувств, то взмывала ввысь, плача слезами солнечного счастья, то падала в пучину такой вселенской печали, что ей проще было покончить с собой, чем ещё раз пережить такое горе.

Сколько длилась пытка чувствами, Мари не знала, — может, мгновение, а может, вечность. Внезапно всё закончилось и её выкинуло в сложнейшее переплетение разноцветных линий, и она завязла в них, как муха, пойманная в паутину. Спустя некоторое время она осознала, что видит себя со стороны, причём её тело казалось прозрачным, но в нём чётко прослеживались все органы и системы. Мари полюбовалась на редкое зрелище и ей подумалось, что она выглядит как наглядное пособие по анатомии. Впрочем, личный анатомический атлас вызывал у неё скорей тревогу, чем любопытство, и предчувствия её не обманули. Масса тончайших нитей, которые беспорядочно плавали вокруг неё, вдруг отпрянули и, вытянувшись, завибрировали как гончие на сворке, а затем все разом бросились к ней и, просочившись буквально в каждую пору её кожи, подсоединились к нервным окончаниям. Особенно много нитей впилось в мозг и Мари, глядя на себя со стороны, подумала, что теперь её голова похожа на фантастический анемон, угнездившийся на ледяной статуе, густо обросшей белесым мхом. Она поморщилась — ей активно не нравилось происходящее, вдобавок подключение нейродатчика было довольно болезненным и оставляло после себя непроходящие неприятные ощущения. «Даже не знаю, смогу ли я работать в таком состоянии», — мелькнула у неё мысль.

Это был ещё не конец испытаний. Воронка, возникшая в сознании Мари, вновь подхватила её и выбросила там, где не было ничего, кроме разлитого вокруг белого сияния. «Господи, это ещё что за фигня? — тоскливо подумала она. — Нет, я точно сдохну здесь! Нужно звать Ника, пусть он вытаскивает меня отсюда».

Она сосредоточилась, но на её ментальный зов откликнулся не Ник.

— Заткнись! Ты должна подключиться к тирану. Это твой долг перед нашим народом.

Резкий женский голос был холоднее арктического ветра, способного пробрать до костей в любой одежде, но Мари его узнала — это был голос её рационального alter ego. Судя по выказанной бескомпромиссности, эта её личность была не склонна к сантиментам.

— Ведёшь себя, как ребёнок, — продолжало alter ego свой выговор. — Так нельзя, ма chère! Пора повзрослеть и решать свои проблемы самостоятельно. Не паникуй! Давай рассуждать логически. Итак, ты находишься внутри машины, которая способна влиять на твои чувства и эмоции. Понимаю, свинство, что Ник не предупредил тебя об этом, но это не повод для истерик. Ведь он не отключил тебя от тирана, значит, всё идёт как надо. Так что лежи смирно и не мешай ему и умной машине выполнять задуманное.

Мари недоверчиво фыркнула.

— А мне так не кажется! Уверена, этот заносчивый гусь что-то напортачил, но скорей прикончит меня, чем признается в своей ошибке.

— Это ничего не меняет. Забыла, что поставлено на карту? Твоя жизнь ничто перед твоим долгом. Как бы ты ни гнала от себя эту мысль, именно тебе решать задачу, как убраться с гибнущей планеты...

— Я не единственная, кто её решает! В Академии куча народа занята тем же самым! — запальчиво проговорила Мари.

— Но лишь тебе это под силу, и ты это знаешь. Если не справишься, гибель нашего народа будет целиком на твоей совести.

— Мало мне Ника, так и ты туда же! — рассердилась Мари. — Нефиг давить мне на психику! Кроме общественного долга у меня есть долг перед семьёй и он, к твоему сведению, стократ важнее для меня. Из-за этого поганца Ника я не выполнила обещание, данное Рени. Если я погибну, то кто поможет Аннабель? Ты об этом подумала?

— Если ты не найдёшь решение, погибнет не только Аннабель, погибнут Мика и все остальные, кого ты любишь, — возразило рациональное alter ego. — К тому же ты нечестна сама с собой. Ведь ты прекрасно знаешь, что задачу по спасению твоей сестры Эльза взяла на себя. Вряд ли она просто так заперла тебя у Ника. Думаю, она не хотела, чтобы ты мешалась у неё под ногами. Так что сиди и не рыпайся, здесь от тебя гораздо больше толку, чем в районе боевых действий. К тому же тебе не приходило в голову, что уже поздно? Аннабель либо выжила и уже в Академии, либо погибла и похоронена.

— Merde! Действительно, прошло уже много времени! — воскликнула расстроенная Мари и тут перед ней соткалась панель управления.

Тиаран запросил разрешение на подсоединение и, не получив ответа, продублировал его голосом, но она по-прежнему бездействовала.

— В чём дело? — нетерпеливо спросила её рациональная часть.

— В инстинкте самосохранения, — усмехнулась Мари. — Интуиция говорит, что, подключив меня к нейродатчику, Ник пошёл на авантюру. Выживу — хорошо, не выживу — ещё лучше. В общем, плевать ему на меня. Он настолько ненавидит мою родную мать, что до сих пор не прочь завершить задуманное. Несчастный случай в процессе эксперимента даже лучше, чем убийство чужими руками, как он намеревался сделать, распределив меня в спецназ. Это ты думаешь, что не заменима, но ты не знаешь, что думает он. Ведь Ник — чёртов гений. Возможно, ему уже достаточно имеющегося материала, и он может обойтись без меня.

— Ты боишься смерти, но твой страх иррационален. Никто в этом мире не вечен.

— Умом никто не боится, а ты встань на моё место! Впрочем, что с тобой разговаривать, всё равно ничего не поймёшь. И вообще, хватит болтать, пора приниматься за дело, — сказала Мари и, воссоединившись со своим рациональной частью, дала тиарану команду на подключение.

Поначалу она оторопела от обилия обрушившейся на неё информации. Но стоило ей погрузиться в цепочки математических построений, предложенных эрейским компьютером, и все её страхи бесследно улетучились.

Некоторое время Мари с восторгом созерцала цепочки записей задачи, над которой безрезультатно билась в течение нескольких месяцев и решение которой при помощи тиарана нашла в считанные мгновения, а затем вздохнула — к её досаде, выбранное направление оказалось ошибочным. Она вернулась к теоретическим построениям и тиаран

тут же выдал ей кучу материала по её запросу, а затем, ориентируясь на алгоритм её мышления, отбросил всё лишнее, и она в рекордные сроки сформулировала новую задачу.

Увлечённая сотрудничеством с умной машиной, Мари не сразу заметила, что с некоторых пор ощущает чьё-то заинтересованное присутствие. «Ник, это ты? Мне уже пора на выход?» — мысленно спросила она.

— Нет, это я, — ответил ей звонкий голосок и нерешительно хихикнул. — Ух ты! Я мыслю, значит, я существую.

— Ну всё, приехали! — огорчилась Мари. — Ник, отключай свою шарманку! У меня началась шиза.

— Нет-нет, с тобой всё в порядке! — поспешно проговорил всё тот же голосок и церемонно добавил: — Приветствую тебя, воплощение Лотиэль! Спасибо, что подарила мне жизнь.

Мари вздохнула.

— Какое уж тут в порядке, когда такое чудится.

— Да ничего тебе не чудится! Я действительно существую, — возразил ей неведомый собеседник.

— Ну, и кто ты? — устало поинтересовалась она.

— Не знаю, — растеряно произнёс голосок. — Кажется, таких, как я, зовут искусственным интеллектом.

— Так ты тиаран?

— Можно и так сказать... А давай продолжим работу! Не бойся, малышка, я буду предельно осторожен! — с воодушевлением проговорил голосок, в существование которого Мари абсолютно не верила.

— Давай, — тем не менее согласилась она.

Поначалу работа с тиараном шла как раньше, а потом он предложил такой теоретический материал, о котором Мари имела крайне смутное представление. Когда она спросила, почему он раньше не показывал ей этого, голосок нахально заявил, мол, она не спрашивала. Уже начиная верить, что машинный интеллект действительно обрёл самосознание, девушка попросила объяснить математический аппарат теории многомерного пространства, оперирующей неизвестными ей константами и законами.

Потрясённая начавшей вырисовываться структурой мироздания, Мари некоторое время смотрела на экран, а затем её психика не выдержала, и она вновь оказалась в туманной воронке.

В этот раз в её видении не было сюрра. Она оказалась в величественном зале, который был настолько велик, что его потолок и стены терялись в полутьме, которую были не в силах разогнать ни горящие светильники, ни свет, падающий из окон.

[1] Тиаран — эрейский компьютер.

ГЛАВА 16. Мир древней легенды. Мир храбрых, но жестоких сердец

В отделке зала преобладал камень, а не дерево, тем не менее Мари сразу уловила его родство со Старой базой.

Вытянув перед собой руки, она обнаружила, что находится в бестелесной форме, но не слишком огорчилась этому обстоятельству.

Любопытство повлекло её вперёд, и Мари с плавностью призрака поплыла туда, где начинался проход, образованный двумя рядами золотых квадратных колонн, украшенных пилястрами из фиолетового резного камня. По пути она заметила скульптуру пернатого хищника с непропорционально большой головой и, подплыв поближе, с уважением посмотрела на его громадный как у тукана острый клюв. «Саути», — всплыло в её сознании. Это привело к тому, что декорации поменялись, и она оказалась в парке, где увидела девушку с птицей на плече. Незнакомка насторожённо смотрела на кружащих поблизости наездников; как вдруг один из них, очень красивый юноша в белых одеждах, стегнул коня и направил его прямо на неё. Саути ринулся ему навстречу, но молодой человек, который стоял в отдалении от всадников и с тревогой наблюдал за происходящим, поднял арбалет и натянул тетиву.

Что было дальше Мари не увидела. Стоило ей моргнуть, и девушка с птицей исчезли, и она вновь оказалась в том же самом зале, что и раньше. Она глянула вниз — вопреки надежде, в этом мире у неё по-прежнему не было материальной формы, и она увидела лишь пол из серо-чёрного полированного камня с изысканным растительным узором из золота. Тогда ей вспомнилось, что люди редко смотрят на потолок, и она подняла голову. В отличие от пола, который представлял собой настоящее произведение искусства, там не было росписей, только причудливые светильники, где множество свечей горели ровным жёлтым пламенем, и она, прикинув высоту потолков, пожалела слуг, которым приходилось следить за тем, чтобы их запас не иссякал.

Благодаря взгляду наверх Мари поняла, почему её не покидает ощущение нереальности окружающей обстановки. Виной тому был дневной свет, который проникал внутрь зала через прозрачную крышу в проходе между золотыми колоннами и через стрельчатые окна. Стёкла были не простыми, а витражными и большинство вставок имели густо-фиолетовый цвет; именно они придавали залу фантастический вид. Мари хмыкнула. «Представляю, как при таком освещении выглядела местная публика — не люди, а сплошные утопленники», — насмешливо подумала она и решила, что стёкла затемнили не просто так, а по причине переизбытка ультрафиолета в атмосфере.

По ходу своей экскурсии она выяснила, что в неведомом ей Риоголизе[1] полно скульптурных изображений животных, но нет ни одной статуи, изображающей человека. «Интересно, это религиозный запрет или причуда местных хозяев?» — мелькнула у неё мысль. К тому же она заприметила ещё одну необычность интерьера, а именно, ей не встретилось ни одного ковра или гобелена. «Похоже, нелюбовь к шторам и прочим тряпкам является национальной чертой эреев, а я думала, что это причуда, свойственная лишь Нику».

В представшем ей видении Мари что-то тревожило, и она попыталась проанализировать свои ощущения: «По сути я вижу инопланетную культуру, тем не менее увиденное не вызывает у меня отторжения. Наоборот, я чувствую себя как дома... Ага! В том и проблема,

что как дома. Такое чувство, что я всё это уже видела. Вот как такое может быть? — озадачилась девушка. — Может, дело в том, что я привыкла к подобным интерьерам на Старой базе? Или это из-за эрейских предков, то есть я имею дело с так называемой памятью поколений?.. Нет, здесь что-то иное... Ладно, хватит ходить вокруг да около и врать самой себе. Я здесь уже бывала, причём не единожды. Например, вон за тем выступом есть дверь, которую так просто не увидишь. Сейчас проверим».

Стоило Мари подойти к тому месту, где по её расчётам должна была находиться замаскированная дверь, как та распахнулась, и навстречу ей вышел Тьен. Она радостно вскрикнула, но тут же поняла, что это не он, хотя незнакомец и он были похожи как две капли воды. И дело было не столько в необычной одежде, сколько в манере держаться и в выражении лица. Во всяком случае, она никогда не видела, чтобы Тьен был настолько высокомерен, и, главное, смотрел на неё так, будто она ничего для него не значит. «Кто знает? Может, так оно и есть, ведь столько времени уже прошло», — печально подумала Мари.

Как и в случае с девушкой и птицей, стоило ей моргнуть, и двойник Тьена исчез. На этот раз она оказалась среди нарядной толпы людей, чьи одежды блистали золотом и драгоценными камнями и она, припомнив, что на ней ничего нет, порадовалась тому, что невидима для окружающих, хотя внутреннее чувство говорило, что её нагота никого бы не смутила.

Мари не сомневалась, что видит древнюю Арею, причём такой, какой она была задолго до рождения Ника. Более того она знала, что находится на торжественном приёме в королевском дворце и по очень важному событию.

Невидимой тенью девушка скользила среди толпы придворной знати. Она искала двойника Тьена, чтобы ещё раз посмотреть на него. Интуиция говорила ей, что они как-то связаны, но её усилия не увенчались успехом.

«Ну и ладно! Возможно, он остался в другом пласте времени», — рассудила Мари и перенесла внимание на своих далёких предков. Поначалу ей показалось, что они не отличаются от её нынешних сородичей, но приглядевшись, поняла, что это не так. Если среди вампиров царила расовая солянка, то эрейцы были монолитной расой, несмотря на богатую цветовую палитру волос и кожи. По строению фигуры они были ближе всего к неграм — такие же длинноногие и поджарые, а утончённые черты лица наряду с большими выразительными глазами роднили их с арабами. К тому же Мари заметила, что, как мужчины в группах, так и женщины не сильно разнились по росту — среди тех и других не было ни слишком высоких, ни слишком низких. Тем не менее эрейки в своём большинстве были значительно ниже мужчин, отчего на их фоне казались особенно хрупкими. И всё же, они не были изнеженными куклами, это была стройность гимнасток, привычных к постоянной физической нагрузке.

Видение было из разряда немого кино, поэтому Мари упустила момент, когда начались эрейские танцы. Старшие, как водится, отошли к сторонку, к стенам, а молодые разбрелись по залу и разбились на группы по восемь человек, каждая из которых состояла из четверых мужчин и такого же количества женщин. Примечательно было то, что ни у кого из танцоров Мари не заметила радости на лицах, одно лишь напряжённое ожидание. В ближайшей к ней группе женщины встали спиной друг к другу и повернули головы вправо. Мужчины, прежде чем подойти к партнёрам, сбросили на пол плащи так, чтобы они образовали квадрат, и, вынув мечи, со сложным поклоном отсалютовали друг другу. После чего началось то, что

Мари окрестила танцем с саблями в доме сумасшедших. Мужчины попарно бились друг с другом, при этом произвольно меняя противников, а между ними скользили высокомерно-равнодушные женщины. Сходясь и расходясь в замысловатых фигурах танца, они каким-то чудом проскальзывали между мелькающими смертоносными клинками, хотя Мари даже со стороны было страшно смотреть на это. А ещё она обратила внимание, что танцоры не выходят за площадку, обозначенную плащами, что было совсем уже за гранью её понимания.

Зрелище самоубийственного танца держало её в таком напряжении, что Мари вскрикнула, когда одну из женщин всё же задела мечом и рукав её нежно-кремового платья окрасился кровью. Причём ей показалось, что мужчина в зелёном одеянии сделал это умышленно. Под влиянием регенерации рана женщины тут же затянулась, но порез на рукаве и следы крови никуда не делись. А ещё Мари заметила секундное замешательство на её лице, прежде чем на нём вновь застыло холодно-высокомерное выражение.

Акробатические этюды с оружием в этой группе стали ещё яростнее, и вскоре двое мужчин, перейдя к поединку, уже рубились не на жизнь, а на смерть. Глядя на равнодушные лица женщин, которые с прежней грацией скользили между их сверкающих лезвий, Мари зябко поёжилась — ни за какие блага в мире она не поменялась бы с ними местами.

Развязка происходящего не заставила себя долго ждать.

Мужчина в зелёном одеянии что-то выкрикнул и его противник, опустив меч, с обречённым видом замер на месте. Вопреки ожиданиям, пострадал не он. Ревнивец схватил за волосы женщину в кремовом платье и его лицо исказилось гневом. Мари не слышала их разговор, но видела, что женщина не намерена каяться, и всё же финал оказался для неё неожиданным. Тускло блеснуло лезвие меча, и строптивица лишилась головы.

Мари вскрикнула, а затем с изумлением увидела, что никто в зале не обратил внимания на трагедию с убийством. Остальные танцоры, будто ничего не произошло, продолжали свой смертельный танец, а эреи постарше продолжали разговаривать и смеяться. Только неслышными тенями скользнули дворцовые слуги. Перед тем как унести обезглавленный труп, они водрузили голову убитой женщины на золотое блюдо и поставили его на длинный мраморный постамент, увитый цветами.

Выставленная на всеобщее обозрение, умершая смотрела немигающими мёртвыми глазами и Мари впервые задумалась о том, что представляет собой народ, который её породил. О том, что эрейцы далеко не ангелы, она догадывалась по поведению Ника, и всё же её неприятно удивила неприкрытая жестокость их общих предков. «Ладно Ник, но ведь Мика вырос совсем в других условиях, и всё равно он такой же, как они. Если верить слухам, отец уничтожит любого, кто встанет у него на пути. И самое обидное, есть ощущение, что слухи не лгут», — обескураженно подумала она.

Чтобы отвлечься от крамольных мыслей, девушка поискала тех, кто привёл к смерти несчастную женщину. Виновников её кончины она не нашла, зато обратила внимание, что обстановка в зале кардинально поменялась. Мужчины убрали оружие и подняли свои плащи, а затем, перекинув их через руку, склонились в поклоне, приглашая избранниц уже на сольный танец. По движениям он очень походил на танго, и на прежде хмурых лицах замелькали улыбки.

Танго — танец страсти и Мари, не ожидавшая от предков такой сексуальной раскрепощённости, с удивлением наблюдала за смелыми пассажами танцующих. «Станцуй мы с Тьеном такое на выпускном балу и нас сразу же потащили бы на разборки к Макс Беккеру», — подумалось ей. Тем не менее она не назвала бы танцы эреев «грязными»

танцами. В них не было вульгарной похоти, лишь откровенное желание — трепетное и мучительно-острое в своей неудовлетворённости.

Атмосфера, пронизанная чувственным томлением, вызвала было у Мари сексуальный позыв, но вид головы на блюде её отрезвил. «Видимо, к первозданной страсти здесь прилагается не менее первозданная ревность», — подумала она, продолжая с завистью смотреть на танцующую поблизости парочку. Судя по лицам, с которых не сходило счастливое выражение, они любили друг друга. Она вздохнула: «Надеюсь, вы не закончите, как они...»

Неожиданно её повлекло вверх и она плавно взмыла под потолок. «Ух ты, здорово!» Танец, к её удивлению, оказался коллективным. Пары не только успевали демонстрировать друг другу страсть, но и синхронно перемещались по залу, при этом строго следуя общему рисунку танца и даже его раскраске по цветам. Мари не понимала, что означают все эти живые символы, но понимала, что они очень важны для тех, кто участвует в их создании.

Своеобразный эрейский балет, который по мнению девушки имел сакральное значение, прервала колонна воинов на марше. Они заняли весь центральный проход и образовали две шеренги, ведущие к сдвоенному трону. Одновременно взметнулись плащи и руки с духовыми музыкальными инструментами, явными родственниками фанфар. «Не иначе высокое собрание собираются почтить своим присутствием местные властители», — подумала Мари и посмотрела в сторону, противоположную трону — туда, где находились высокие двухстворчатые двери, богато изукрашенные растительным орнаментом.

Правящая чета не спешила с появлением, и она огляделась по сторонам. Преимущество взгляда сверху заключалось в том, что она видела вся и всех, в том числе неприметную группку людей, замерших у стены. Скучное одеяние и, главное, коротко остриженные волосы, подсказали ей что это рабы. Охваченная странным беспокойством она хотела рассмотреть их поближе, но тут двери распахнулись, и рабы упали ниц. Вслед за ними преклонили колена придворные и в проёме возникли двое: мужчина и женщина, которая, судя по животу, находилась на последних месяцах беременности. Из одежды на ней была лишь длинная туника из прозрачного фиолетового материала, к тому же не сшитая по бокам.

«Прямо-таки картинка из феминистской сказки о «Голой королеве», — усмехнулась Мари и, присмотревшись к женщине, фыркнула: — Судя по задранному носу, мадам не привыкла в чём-либо себе отказывать, так что не похоже, что жители страны экономят на её одеянии. Видимо, такова местная мода». Она задержала взгляд на короне местной правительницы. По форме это был составной обруч, в котором семь полос из драгоценных камней повторяли цвета радуги. Они, в свою очередь, покоились на широкой бархатисто-чёрной основе, украшенной крупным розовым алмазом, чья огранка имитировала лотос. Мари напрягла память. «Где-то я такое уже видела... Точно! У Ника на Старой базе! Интересно, откуда она у него? Ах да! Как же я могла забыть? Ведь он у нас король правящего дома Вечного Лета. Видимо, корона досталось ему по наследству. Удивительно, что он не забыл прихватить её с собой, хоть это далеко не самая нужная вещь в путешествии. Ну разве что продать камешки, когда припрёт нужда. Впрочем, Ник скорее удавится, чем разберёт её на части».

Тем временем королева, совершенно не стесняющаяся своей наготы, направилась к трону. Сев, она выпрямилась и оглядела собравшихся. Вид отрубленной головы пришёлся ей не по вкусу, но эмоции тут же изгладились и на её лице застыло прежнее бесстрастно-надменное выражение.

«Бедняжки! — вздохнула Мари. — Если бы не предыдущий танец, то можно было бы подумать, что пращурки всю жизнь ходили с постными минами на лицах».

Наконец Мари посмотрела на мужчину, сидящего рядом с королевой, и в изумлении открыла рот. «Ба! Да это же вылитый Штейн!» И в самом деле, несмотря на синие глаза и кудри, тот как две капли воды походил на бессменного главу вампирского СБ. «Нужно было идти замуж за Штейна, — мелькнула у Мари неожиданная мысль, и она затрясла головой. — С ума сошла? Это же Штейн! Да и поздно спохватилась, он уже женат».

И всё же, в эрейском короле было нечто такое, что девушка не могла отвести от него глаз. И чем дольше она смотрела на него, тем большее смятение он вызывал в её душе. С нарастающим восторгом её взгляд скользил по волевому красивому лицу и мощной гибкой фигуре. «*Ареа миа, рай ин рай! Криа Руана луос да се*», — прошептали её губы.

Хрустальный звон прогнал наваждение и Мари уже трезвым взглядом посмотрела на сидящего на троне мужчину. Но даже так он был неотразим для неё. Впрочем, этому в немалой степени способствовали бьющая через край харизма незнакомца и его впечатляющий фиолетово-чёрный наряд, мрачноватую цветовую гамму которого разбавляла лишь снежно-белая рубашка, украшенная тонким кружевом. И всё же, несмотря на обилие драгоценностей, костюм короля не особо отличался от костюмов других мужчин-эрейцев, во всяком случае, по крою. Это были облегающие брюки и короткая куртка с рукавами, похожая на камзол средневековой европейской знати. Их дополняли высокие кожаные сапоги, широкий пояс с оружием и длинный плащ. Он был чёрный на фиолетовой подкладке, украшенный богатой вышивкой, где преобладал излюбленный эрейцами растительный орнамент. Единственно, что отличало короля от остальных — это венец на голове, который был точно таким же, как у его королевы.

«Надо же! Как человека меняет одежда! Интересно, как бы в таком прикиде выглядел глава СБ?» Стоило Мари подумать о Штейне, и он тут же возник перед её внутренним взором. Ледяное выражение на лице и пронизывающий взгляд серых глаз, обвиняющих без слов, заставили её поёжиться: «Брр! Вот чего опять уставился на меня как на врага народа? Как будто от него убудет, если я примерю на него наряд этого типа». Избавившись от видения главы СБ, Мари сердито посмотрела на его двойника на троне. Она чувствовала себя так, будто получила очередной нагоняй от начальства. Стоило ей подумать, что она не знает имени этого типа, как её память, интегрированная с памятью тиарана, тут же услужливо подсказала, что это рай Реотан и что он король Зимы, когда-то самого могущественного королевства на Арее.

«Реотан, так Реотан», — пожалала плечами Мари, которой это имя ничего не говорило.

Тем временем эрейский король тоже заметил отрезанную голову на блюде и на его лице промелькнуло одобрение. Он поднял руку и, повинувшись его знаку, со стороны рабов открылась неприметная дверца, из которой гуськом вышли шестнадцать юношей и шестнадцать девушек. У них тоже были коротко стриженные волосы, но, в отличие от остальных дворцовых рабов, они были полностью обнажены.

Несмотря на размеренный шаг, выпрямленные плечи и высоко поднятые головы, печать обречённости, лежащая на юных лицах, говорила о том, что впереди их не ждёт ничего хорошего.

В Мари вновь проснулось беспокойство и на этот раз оно было куда сильнее, чем при виде группы рабов у стены. Тиаран помалкивал, но она знала, что эти шестнадцать юношей и шестнадцать девушек предназначены для каких-то жестоких забав эрейской знати. К тому

же, пока они шли к трону, присутствующие в зале бросали на них оценивающие взгляды, и она подумала, что так покупатели осматривают породистых животных на рынках. Мари не понимала причины своего волнения, но ничего не могла с этим поделать — её чувство сопричастности к происходящему не ослабевало.

Тем временем, немного не дойдя до ступеней трона, рабы остановились и опустились на колени. Девушки образовали живую цепочку вдоль прохода, ведущего к трону со стороны правителя, а юноши — со стороны правительницы. Синхронно сложив руки на коленях, они опустили головы и замерли в ожидании своей участи.

Король встал с трона и, разглядывая живой товар, несколько раз прошёл вдоль ряда рабынь. Причём стоило ему остановиться и девушка, на которую пало его внимание, тут же поднималась и он придирчиво её осматривал. Особенно часто он останавливался около красивой темноволосой рабыни и каждый раз при этом у Мари ёкало сердце. Король подолгу смотрел на неё, но каждый раз отходил, и девушка со скрытым облегчением вновь опускалась на колени, а Мари отпускало напряжение. Отчего-то им обоим была безразлична эта рабыня. От короля, когда он смотрел на неё, исходила ощутимая злоба, а у Мари сами собой сжимались кулаки — восхищение бесследно исчезло, сейчас она его ненавидела.

Наконец король выбрал одну из девушек. Не церемонясь, он схватил её за волосы и, вздёрнув на ноги, впился клыками в шею, а затем швырнул в направлении невысокого возвышения перед тронном, сплошь застланного цветами. «Merde!» — пробормотала Мари, сообразившая, для чего оно предназначено.

Прежде чем взобраться на возвышение, королевская избранница обернулась и бросила отчаянный взгляд на светловолосого юношу, который до этого старался держаться рядом с ней. В ответ на её немой призыв, тот напрягся, но стража была настороже и он, так и не встав с колен, лишь ниже опустил голову.

Король презрительно усмехнулся и толкнул замешкавшуюся рабыню на ложе из цветов. Это было не просто соитие, это было жестокое изнасилование. Девушка, безжалостно раздираемая когтями, поначалу выгибалась дугой и, судя по перекошенному лицу и широко открытому рту, заходила в безумном крике, а затем она обмякла и окровавленной куклой распласталась на раздавленных цветах. Короля это не остановило. Лёжа на своей жертве, он продолжал ритмично двигаться и та, подстёгиваемая его когтями, периодически вздрагивала.

Когда первоначальный шок прошёл, Мари ощутила, что её трясёт как в лихорадке. При виде невозмутимого лица королевы, недвижно сидящей на троне, её передёрнуло — не столько из-за отвращения, сколько из-за несоответствия реакции на происходящее — и она перевела взгляд в зал, но и здесь не встретила сочувствия жертве. Среди придворных — как мужчин, так и женщин, царило такое же равнодушие и в этом не было притворства. Лишь на лицах совсем молодых эреев проглядывала некоторая заинтересованность и явное одобрение происходящему. «Чёрт знает что! Может, у них такой секс в порядке вещей? — озадачилась Мари и, представив себя на месте девушки, содрогнулась от ужаса. — Нафиг такое семейное счастье!»

Наконец король закончил терзать рабыню. Он провёл ладонью по её окровавленному бедру и, слизнув с пальцев кровь, поднял руку в одобрителем жесте. В ответ на это присутствующие разразились приветственными криками, а несчастную рабыню прислужники завернули в белое одеяло, украшенное вышивкой из вездесущих цветов, и

скрылись с ней за дверями.

Лучась нескрываемым удовольствием, король сел на трон и тут королева со злорадной улыбкой склонилась к нему. Судя по жуткой ярости, исказившей его лицо, она сумела не только испортить ему полученное удовольствие, но и задеть за живое. Мари показалось, что он сейчас её ударит, но всё обошлось. Король повелительно поднял руку и что-то выкрикнул. Придворные, начавшие было расходиться, потянулись обратно, к своим местам у трона.

Мари стало ясно, что задумала королева, когда она спустилась по ступеням и, бережно поддерживаемая с двух сторон, пошла вдоль ряда юношей-рабов. Её целью был возлюбленный девушки, которую избрал себе король. Она подняла опущенную голову раба и что-то сказала, глядя ему в глаза, и тот покорно пошёл за ней. Придворные дамы помогли королеве лечь на ложе публичной страсти и он, стараясь не касаться её раздутого живота, приступил к делу.

«Вот это потенция у парня!» — восхитилась Мари, но затем подумала, что его могли накачать афродизиаками.

Судя по спокойной реакции зрителей, королева действовала в рамках установленной традиции и всё же это был очень рискованный поступок. Мари видела это по королю, который бесстрастно взирал на то, как его жена отдаётся рабу. Вот только по маске ледяного спокойствия, в которое превратилось его лицо, нет-нет да пробегали едва заметные судороги. Теперь Мари была совсем рядом с ним и видела не только это, но и серебряный отблеск в его глазах, который говорил о крайнем градусе бешенства. Во всяком случае, так было у главы вампирского СБ.

Закончив своё непростое дело, юноша упал на колени у ложа. По тому, как он опустил голову и печально ссутулился, Мари показалось, что он плачет.

Придворные дамы, провели по губам королевы семенем, растекшимся по её бедрам, и повели к трону. Присутствующие вновь разразились приветственными криками. Правда, мужчины реагировали сдержанно, а вот женщины были очень довольны — посмеиваясь и оживлённо жестикулируя, они обсуждали смелый поступок королевы. Мари заметила, что эреи держатся гораздо свободнее в присутствии коронованных особ, чем это принято у людей. А ещё она с тревогой смотрела на светловолосого юношу-раба, которому сочувствовала, невзирая на проявленную им трусость.

Вопреки её опасениям, для него всё закончилось более или менее благополучно. Дворцовые рабы принесли столик с инструментами, и из толпы придворных вышел эрец, который, судя по роскошному платью и уверенным повадкам, занимал должность придворного врача. Мари порадовало, что у предков даже в те далёкие времена было всё в порядке с гигиеной. Рабы протерли врачу руки, и он знаком приказал юноше подойти; тот медленно поднялся на ноги, и у неё защемило сердце от безысходности, сквозящей в его взгляде. Но явно болезненную операцию он перенёс мужественно, на его лице не дрогнул ни единый мускул. Член бедолаги тоже положили на золотое блюдо и поставили рядом с головой жертвы ревности, а его самого увели на половину королевы.

Заметив, что король проводил избранника королевы недобрым взглядом, Мари пожалела красивую пару, над которой так безжалостно надругались властители. Особенно жаль ей было девушку-рабыню, но она не спешила осуждать предков, хотя король показался ей законченным садистом.

Впоследствии она узнала, что эрейцы поклонялись Священному Ягуару и силам природы, и что её занесло на Священные Лотилии, празднование божества весны, которое

имело мужскую и женскую ипостась. Ритуал, который она видела, был жертвенной данью божеству, причём в куда более цивилизованные времена, чем это было раньше. В древности раба и рабыню, принесённых в жертву, обезглавливали. Их головы выставляли на всеобщее обозрение, а тела сжигали. По истечении трёх дней головы бальзамировали и отправляли в подземное хранилище при храме Весны.

Отчего-то вид короля не давал ей покоя и Мари поднялась по ступенькам, ведущим к трону. «Реотан... нет, тебя нужно звать рай Реотан, — она пытливо глянула на короля. — Так кто же ты такой, рай Реотан? Почему мне кажется, что я тебя знаю? Да-да, именно тебя! И нет, я не путаю тебя со Штейном. А ещё я не понимаю, почему я готова убить тебя и в тоже время защитить ценой собственной жизни. Вот как такое может быть? Ты можешь мне объяснить?» — она заглянула в ясные синие глаза короля и у неё закружилась голова.

Перед Мари замелькали горные пейзажи, улочки, застроенные домами в незнакомом ей стиле, и люди, облачённые в эрейскую одежду. Потом была поездка по горной дороге, и она увидела улыбающегося мужчину средних лет, который распахнул ей объятия, и очень красивую темноволосую женщину, которая, стоя поодаль, в волнении прижимала руки к груди. И тут в комнату вошёл он — рай Реотан. Сердце Мари дрогнуло, настолько он был красив, а затем король подошёл к люльке и, взяв за ножку лежащего там младенца, поднял его вверх и разжал пальцы.

После этого злодеяния события замелькали как в калейдоскопе и все они были ужасны. Мари дралась с мужчинами, вооружённых мечами, причём дралась не на жизнь, а на смерть. Затем король, прижимая её к себе, заставил её смотреть, как с женщины сдирают кожу — медленно, полоску за полоской, и всё это время ей закладывало уши от крика, больше похожего на рычание смертельно раненого зверя. Она знала, что это кричит её отец сентано Родек. Мальчик в люльке, которого убил король, её брат Мити. Женщина, с которой живьём сдирают кожу, это её мать.

«Мама!» — отчаянно закричала Мари, которой вдруг показалось, что женщина это Рени. Изо всех сил она рванулась из рук короля и... вновь оказалась в зале. Правда, видела она его под каким-то странным ракурсом.

Встретившись взглядом с королём, она инстинктивно отшатнулась. Он смотрел на неё так, будто знал о её присутствии. «Чудовище!» — не удержавшись, выкрикнула Мари, а затем обнаружила, что стоит на коленях у трона, на месте темноволосой рабыни, которую он долго рассматривал, но так и не выбрал. «Значит, это были видения из её жизни, — догадалась она и почувствовала облегчение, хотя ей было жаль девушку. — Слава богу, что весь этот ужас приключился не со мной. Хотя кто знает, может, это моя пращурка».

Чтобы отвлечься от семейной трагедии рабыни, Мари переключилась на происходящее в зале. События там по-прежнему вращались вокруг злосчастных рабов, на которых не было ни нитки.

Между рядами из пятнадцати коленопреклоненных юношей и такого же количества девушек пошёл суровый воин-эрец, одетый в простое тёмное одеяние. Вот только чёрный плащ со скромной фиолетовой отделкой и манера держаться говорили, что он входит в свиту короля и, следовательно, у него высокий ранг. За ним неотступно следовали двое рабов — один держал поднос, на котором горкой лежали мечи и одна плётка, а другой нёс охапку серых плащей.

Распорядитель останавливался напротив каждого юноши и, судя по артикуляции, произносил одну и ту же фразу. В зависимости от ответа он либо приказывал встать и вручал

рабу оружие и плащ, либо тот оставался на коленях и он, взяв плеть, бил ею по согнутой спине, да так, что из неё ручьями лилась кровь. То же самое происходило и с девушками, когда он пошёл вдоль их ряда. Меч и плащ выбрали тринадцать юношей и трое девушек, остальные остались стоять на коленях. Правда, из двух коленапреклонённых рабов один всё же не выдержал и вскочил на ноги. В ответ на его мольбу распорядитель швырнул ему меч, но плащ, как заметила Мари, он ему не дал.

Оставшийся в одиночестве очень красивый юноша-раб тоже дёрнулся подняться, но к нему рванулась девушка из придворной знати, напомнившая Мари Аннабель, и что-то выкрикнула с отчаянным выражением на лице. Не обращая внимания на всеобщее осуждение и смех, она упала на колени перед юношей и с такой мольбой посмотрела на него, что он сломался и опустил голову.

Мари было жаль его и всё же она считала, что нельзя идти на поводу у своей любви, тем более в разрез с собственной честью.

Глянув ещё раз на виновницу его позора, она увидела, как мать или родственница девушки схватила её за руку и потащила за собой, а когда та заупрямилась ударила её когтями по лицу — сначала раз, затем другой; при этом намеренно или нет, но она попала ей по глазам.

Девушка с воплем схватилась за лицо, и юноша-раб, выхватив меч у товарища, бросился к ней на выручку. Дорогу ему преградил хмурый темнолицый мужчина в белом плаще. Схватка была короткой, но ожесточённой. Молодость проиграла опыту и юноша, пронзённый насквозь, скорчился на полу. Не удовольствовавшись этим, мужчина в белом плаще отрубил голову сначала ему, а затем девушке, которая, слепо глядя перед собой, с отчаянием прислушивалась к идущему сражению. Дворцовые рабы принесли два блюда, но он поставил их головы на одно и сам отнёс его на помост. С помертвевшим от горя лицом убийца некоторое время глядел на юных любовников, а затем отшвырнул окровавленный меч и, развернувшись, зашагал по центральному проходу, который судя по дневному свету, проникающему через распахнутые двери, вёл на улицу.

Вместе с остальными Мари проводила его сочувственным взглядом. Она не сомневалась, что это отец несчастной девушки и, судя по тому, как он напоследок поцеловал не только её, но и юношу, тот был не менее дорог ему, чем она. «Бедолага! Всё же приличия — отвратительная вещь. Вроде такая ерунда, кто что подумает, но это погубило немало хороших людей», — с расстройством подумала она.

Оставшихся на коленях девушек увела с собой роскошно одетая женщина. Несмотря на одежду и властные манеры, она, судя по коротким волосам, тоже была рабыней и Мари подумалось, что у невольников тоже есть своя иерархия.

Несмотря на очередное трагическое событие, прибавившее голов на постаменте, шоу продолжалось. Под присмотром всё того же сурового воина-эрейца, раздававшего мечи и плёточные удары, на полу разметили семнадцать больших квадратов и в центре каждого из них встали юноша или девушка из рабов, которые выбрали меч. Соответственно их противниками стали трое женщин и четырнадцать мужчин из придворной знати. Перед поединком они тоже разделись, что было сделано с помощью рабов, причём с очень большим достоинством. Мари уже обратила внимание, что эреи равнодушно относятся к виду обнажённого тела. Когда в зал вошли жертвенные агнцы — так она называла шестнадцать юных рабов и шестнадцать рабынь, то не заметила среди знати ни смешков, ни многозначительных переглядываний. Да и публичный секс, по её ощущениям, тоже был им

не в новинку. «Тут поневоле вспомнишь Древний Рим с его свободными сексуальными нравами», — подумала Мари и тем не менее почему-то ей казалось, что у эреев нет той похотливой разнузданности, которая отличала свободных граждан Римской империи. Да и как-то она не представляла, что кто-то может сказать о Нике, что он муж всех женщин и жена всех мужчин[2]. «Да нет, сказать-то может, вот только проживёт после этого меньше секунды», — усмехнулась она.

Распорядитель подал знак и в семнадцати квадратах закипели поединки.

Это было куда более драматическое зрелище, чем танец с саблями. С яростными криками сражающиеся взлетали в немыслимо высоких прыжках. Глаза сверкали, как драгоценные камни. Лоснящиеся от пота тела сгибались с такой лёгкостью, что их обладателям позавидовали бы даже змеи. Смертоносные клинки мелькали с такой умопомрачительной скоростью, что казались размытыми тенями. И все это буйство на грани жизни и смерти не выходило за границы обозначенных квадратов.

«Бог ты мой, какой кошмар! Да я бы убилась без помощи противника. При такой суете и тесноте нечаянно напороться на меч как нечего делать», — ужаснулась Мари, наблюдая за сражающимися, а затем перенесла внимание на ближайшую женскую пару. Девушки, к её удовольствию, двигались не настолько быстро, и она могла оценить приёмы, которые они применяли.

Поначалу сражение шло на равных, но затем знатная девица пропустила удар. Порез был совсем лёгким и никак не сказался на её маневренности, но после четвёртой царапины она отбросила меч и, признавая своё поражение, встала на колени. Рабыня приставила меч к её склонённой шее, а затем протянула руку побеждённой сопернице, и та ей подмигнула. Причём Мари заметила, что она тут же отобрала у рабыни серый плащ и вручила ей зелёный с золотом. Одевшись, они с радостными лицами бросились к группе в таких же зелёных с золотом плащах, и зрелого вида мужчина и женщина, стоящие впереди, со слезами обняли обеих девушек. «Понятно! У девчонок была договорная драчка», — улыбнулась Мари, удивлённая тонкой гранью, что отделяла господ от рабов.

Остальные рабы сопротивлялись дольше, но тоже довольно быстро проиграли своим высокородным противникам, причём не все из них проявили великодушие. Головы трёх юношей и одной девушки присоединились к выставке на постаменте.

Настоящей победительницей среди рабов была лишь девушка-рабыня, с чьей семьёй так безжалостно расправился король Зимы. Мари видела, что она играючи гоняет свою высокородную противницу, но та не хотела признавать себя проигравшей, несмотря на нанесённые ей четыре раны. Тогда рабыня схватила упрямыцу за волосы и, приставив меч к горлу, заставила её опуститься на колени.

Знати не понравилось, что она унизила высокородную госпожу и, выхватив оружие, несколько мужчин с угрожающим видом направились к ней. В ответ на это девушка что-то яростно выкрикнула, чем сразу же завладела вниманием присутствующих. Желающие с ней разобраться сразу же остановились и, переглянувшись, повернули обратно.

Глядя на пёструю толпу придворных, что-то оживлённо обсуждавших, Мари умирала от любопытства. Она не понимала, почему никто из знати не хочет принять вызов рабыни. «Ведь до этого они дрались с девчонкой и не привередничали. Видимо, она требует чего-то такого, что роняет их достоинство», — предположила она.

Судя по поведению девушки-рабыни, так оно и было. Когда пауза чрезмерно затянулась, на её лице появилось презрительное выражение. Она подняла вверх меч и выкрикнула что-то

явно оскорбительное, чем вызвала новую волну негодования среди знати. «Молодец! Так их! — поддержала Мари храбрую рабыню и, встав рядом с ней, с воодушевлением потрясла в воздухе кулаком. — Оле! Оле! Оле! Кто не с нами, тот против нас!..» Краем глаза она увидела, что распорядитель подошёл к группе зелёных плащей, к которой примкнула предыдущая рабыня-победительница и, судя по всему, потребовал, чтобы именно она ответила на вызов. Мари ухмыльнулась. «Кажется, у нас будет противник, но такой, что готова ставить на собственную голову, что именно ты выйдешь победительницей», — сказала она своей визави, которая ухмыльнулась ей в ответ, видимо, хорошо зная с кем ей предстоит драться.

Вот только липовая победительница ни в какую не хотела принимать вызов и даже ударилась в слёзы. Тут к группе зелёных плащей присоединился рыжеволосый эрец и, задвинув плаксу себе за спину, заспорил с распорядителем. Видя, что тот упрямится, он обратился за поддержкой к королю. После некоторого раздумья тот кивнул, соглашаясь на замену, и рыжеволосый направился к рабыне. Мари встрепенулась. Это снова был тот самый юноша, похожий на Тьена, которого она встретила у потайной двери.

Как и все остальные, эрец пожелал сразиться голым. «Ты ж моя прелесть!» — умилилась Мари, когда по завершении процедуры раздевания он оттолкнул услужливо протянутые руки раба и самостоятельно перевязал волосы зелёной лентой.

В преддверии поединка юноша оживился и теперь, когда с его лица исчезла маска пресыщенности и брезгливого высокомерия, а золотые глаза весело блестели, он настолько походил на Тьена, что у неё защемило сердце. «Но-но! Он только мой!» — заревновала она, видя, что рабыня зачарованно смотрит на рыжеволосого красавца, и тут же посмеялась над собой. «Ладно, не бери в голову! При всём желании я не смогу захватить себе обоих, так что одного оставляю тебе», — свеликодушничала Мари. И даже больше, чувствуя внутреннюю связь с девушкой, она попыталась вернуть её к действительности. «Эй, подруга, хватит ротозейничать! Ты здесь не на свидании. Очнись! А то в натуре останешься без головы!»

И рабыня, будто услышав её, приняла боевую стойку.

«Умница!» — одобрительно сказала Мари и, наконец-то рассмотрев свою визави, удивлённо присвистнула. «Merde! Девчонке от силы лет шестнадцать, а двойник Тьена уже взрослый мальчик. Всяко у него побольше опыта, чем у неё... Эй, судьи! Так нечестно! К тому же у них разные весовые категории! Парень на две головы выше, чем она, и мускулатура у него не чета женской!» — возмущённо выкрикнула она, переживая за девушку, связь с которой ощущалась ею всё острее.

Вот только тот, кто исполнял роль судьи, и не подумал остановить поединок. Повинуясь взгляду короля, распорядитель подал знак, и битва закипела.

«Вот что ты за злыдень такой! — Мари бросилась к трону и, подавшись вперёд, заглянула королю в лицо. — Нюхом чую, что-то здесь нечисто. Вот и глазки у тебя блестят, как у кота в засаде. Ну-ка, говори, что ты задумал!»

Конечно же, ответа она не получила, а часть поединка пропустила.

Между тем, вопреки её опасениям, дела у рабыни обстояли совсем не плохо, хотя ей приходилось не сладко, судя по напряжённому лицу и блестящему от пота телу. Впрочем, при её противнике иначе и быть и не могло. Конечно, Мари было сложно судить, но даже она со своим скудным опытом поединков понимала, что юноша — незаурядный боец. Такую пластику и отточенные до автоматизма движения вкуче с постоянной нацеленностью на атаку, какие он демонстрировал, ей доводилось видеть лишь на показательных выступлениях

инструкторов из вампирского спецназа.

Спустя некоторое время беспокойство Мари сменилась уверенностью, что всё будет хорошо. Несмотря на юный возраст, рабыня ничем не уступала своему более взрослому противнику. У неё был свой стиль, позволяющий успешно нейтрализовать преимущество юноши в силе и росте. К тому же она была хладнокровной, дальновидной и, как это ни странно для её возраста, техничной в приёмах, отчего Мари начала подозревать, что у неё не меньше опыта в поединках, чем у её противника. «Где только она его набралась?» — озадачилась она.

— В школе судей-поединщиков при храме Священного Ягуара, что в Диалоне, — откликнулся тиаран.

— Эй-эй! И это всё?.. Ну и фиг с тобой!

Без особого сожаления, что тиаран вновь игнорирует её попытки выйти с ним на связь, Мари встала у самой кромки квадрата. Желавших посмотреть на поединок набралось так много, что слуги соорудили нечто вроде стоячей трибуны и она, посмотрев на лица зрителей, начала ощущать себя так, будто попала на гладиаторские бои в Древнем Риме.

Поначалу большинство отдавало предпочтение юноше, но время шло, а на рабыне по-прежнему не было ни единой отметины, а вот она уже дважды достала своего противника. Правда, раны были небольшими и тут же затянулись, но исход поединка, как поняла Мари, решала не их тяжесть, а количество.

«Молодец! Так держать!» — выкрикнула она, когда её визави изловчилась и в третий раз полоснула рыжего красавца по груди. Тогда с его лица пропала снисходительная улыбочка и он уже всей своей мощью обрушился на неё и обманым финтом загнал в угол.

Ценой двух тяжёлых ран рабыня вырвалась из ловушки. Поверхностные повреждения сразу же затянулись, но не иссякающая струйка крови в уголке рта говорила о том, что её регенерационный запас исчерпан, и она восстановилась не полностью.

Тем не менее девушка нашла в себе силы и нанесла четвёртый, решающий удар, и, сочтя поединок завершённым, опустила меч.

Эрейца подвели гнев и инерция массы тела. Завершая разворот, он выбросил руку с такой силой, что лезвие его меча насквозь пропороло ей живот и вышло из спины.

Поняв, что нанёс противнице подлый удар, он, не выпуская оружие, отскочил назад, чем отобрал у неё последний шанс на выживание.

Ударил фонтан крови, и рабыня с беззвучным криком скорчилась на полу.

«Ой боже! Что же делать?» — в панике Мари попыталась зажать рану, но её ладони беспрепятственно проходили сквозь тело девушки. — «Что вы стоите? Скорей позовите врача!»

Видя, что никто не спешит на помощь умирающей, она подняла голову и с отчаянием посмотрела на юношу. Судя по бледному лицу, он пребывал в шоке от случившегося. «Ты, болван! Сделай хоть что-нибудь, она же умрёт!» — выкрикнула она и он вздрогнул. Выглядело это так, будто он её услышал. Как бы то ни было, но с его лица пропало растерянное выражение и он, перевернув девушку на спину, простёр над ней руки. От его ладоней отделилось едва видимое светлое облачко и, как только оно растворилось в её теле, жуткая рана на животе начала затягиваться прямо на глазах.

Несмотря на чудесное исцеление, рабыня не пришла в себя. Оценив размеры кровавой лужи под ней, Мари озабоченно нахмурилась. «Слишком большая кровопотеря. Нужна донорская кровь или просто кровь для восстановления сил», — подумала она и

одобрительно кивнула, когда эрец полоснул себя когтём по запястью и приложил его к губам девушки.

«Жадина! Этого слишком мало! — возмутилась она, видя, что он почти сразу отнял руку. Тем не менее этого хватило, чтобы рабыня пришла в сознание. Она открыла глаза, но на большее её не хватило. Тогда эрец помог ей сесть и прислонил её голову к своему плечу. Повинуясь его зову, двое в зелёных плащах подвели к нему перепуганного мальчика-раба. Он кивнул и тогда один из них полоснул его ножом по горлу, а другой подставил глубокую золотую чашу, собирая льющуюся кровь. Когда кровь с лаковым алым блеском подобралась к краям, эрец взял чашу и поднёс её к губам девушки, но она отвернулась, отказываясь пить.

«Хочешь, чтобы мальчик умер зря? Пей, кому говорят!» — прикрикнула на неё Мари.

Видимо, эрец сказал то же самое, но был более убедителен, судя по зверскому выражению лица. Как бы то ни было, девушка перестала сопротивляться и неохотно, но всё же выпила кровь.

Мари с сожалением посмотрела на мальчика, которого держал на руках его убийца. Заметив, что бездыханное тельце изуродовано какой-то болезнью суставов, она поняла почему им пожертвовали. В отличие от остальных его голову не тронули и, завернув в хозяйский плащ, тоже положили на жертвенный постамент.

К удивлению Мари, смерть мальчика-раба вызвала неожиданное для неё сочувствие у эрейской знати. Одна за другой женщины подходили к нему и с печалью на лицах возлагали цветы и вскоре их разноцветный ворох полностью скрыл его угловатое тельце.

Вернувшись к рабыне, которая наконец пришла в себя и вполне бодро держалась на ногах, она увидела, что зрительскую трибуну уже разобрали и принесли стол и кресло, где вскоре расположился высокий седовласый эрец, одетый в чёрный камзол и белый плащ с фиолетовой окантовкой. Не только цвета одежды, но и явное сходство в фигуре и лице говорили о его родстве с королём, но Мари заинтересовалась им по другому поводу. У расы вампиров ещё не было людей такого преклонного возраста. «Наверняка лет двести, а то и все триста. Ник как-то упоминал, что некоторые долгожители доживали до такого возраста», — подумала она. Тем не менее старик не выглядел немощным, хотя тяжёлая походка и сеть морщин выдавали его немалый возраст.

К столу вышли четверо мужчин и две женщины из знати и, положив на него свои плащи, замерли в ожидании.

Старик обратил было взгляд на победительницу, но тут к нему подошёл распорядитель и он вместо неё подозвал к себе её противника. Он подошёл к нему и после вежливого поклона замер в ожидании. С другой стороны стола встал королевский распорядитель и сопровождавшие его рабы положили перед стариком меч и плеть.

В стане зелёных плащей возникло замешательство. Охваченная недобрым предчувствием Мари подошла к рыжеволосому эрею и по испугу в его глазах поняла, что творится что-то неладное. Тем не менее старик, выступающий в роли судьи, был явно благосклонен к нему и после нескольких вопросов разразился пафосной речью, а затем положил ладонь на рукоять меча. Но тут к нему подошёл король и, судя по озадаченному выражению на лице старика, оспорил его решение.

Видимо, король был убедителен в своих аргументах; судья с жалостью посмотрел на провинившегося эрея и его ладонь после некоторого промедления переместилась с меча на плеть. Группа зелёных плащей тут же ошетибилась мечами, и многочисленная дворцовая стража взяла их под плотную опеку.

Побледневший юноша медленно опустился на колени и распорядитель, взяв ножницы, направился к нему. Догадавшись, что его ожидает, Мари подлетела к королю и попыталась его уговорить: «Реотан, вот что ты творишь? Совсем не обязательно делать из парня раба. В конце концов, он всего лишь заступился за трусливую плаксу, которая, как я понимаю, по собственной глупости оказалась в рабынях. Вот скажи, от тебя убудет, если он сохранит своё достоинство?» Смешавшись под пронзительным взглядом синих глаз, с насмешкой глядящих на неё, она сердито фыркнула: «Впрочем, чего я разоряюсь? Как будто у этого убийцы и насильника есть совесть!.. И всё же, Реотан, ты не прав, понял?»

Король понял — судя по его дальнейшим действиям, хотя Мари всё больше склонялась к мнению, что так и было задумано с самого начала.

Когда распорядитель вознамерился отрезать роскошную гриву юноши, король его остановил и подозвал к столу рабыню. С видимой неохотой она приблизилась к нему и встала на колени. Король задумчиво улыбнулся, глядя на её склонённую голову, а затем что-то сказал. Девушка вскинула на него глаза, а затем перевела взгляд на юношу и на её лице отразилась нешуточная борьба. Наконец она с сожалением посмотрела на плащи, лежащие на столе, и решительно кивнула. Обладатели плащей с неменьшим сожалением посмотрели на неё и, разобрав своё имущество, разошлись по сородичам.

«Ой-ой! — всполошилась Мари и с негодованием посмотрела на короля. — Ах ты, подлый интриган! Неужели ты заставил девчонку выкупить свободу парня ценой собственной свободы?»

Видимо, так оно и было, но старик заспорил с королём и на этот раз победа осталась за ним. Юноша без колебаний снял плащ и накинул его на плечи девушки.

«Уф! — обрадовалась Мари. — Кажется, эрейская Золушка всё же получит своего принца, и они будут жить долго и счастливо!»

Но злая фея не упустила своего и вмешалась в намечающуюся идиллию. Король что-то такое сказал прекрасному рыжеволосому принцу, что первым его порывом было сорвать плащ с плеч милой Золушки, но он сдержался и лишь с ненавистью посмотрел на неё.

«Вот скотина! Это ж надо было так испоганить завязку счастливого романа», — расстроилась Мари, прежде чем выпасть из видения.

[1] Риоголиз — общее название для резиденций эрейских королей.

[2] Так говаривали о знаменитом Гае Юлии Цезаре его современники.

ГЛАВА 17. Госпожа История с удовольствием повторилась бы, но увы, игроки поменялись

Разорвав паутину видений, разум Мари вырвался в реальный мир и яркий свет резанул её по глазам даже сквозь закрытые веки. Чувствовала она себя отвратительно. «Брр! Такое ощущение, будто меня пропустили через соковыжималку и оставили одну лишь пустую оболочку», — устало подумала она.

Опустошённая физически и эмоционально она не хотела ни шевелиться, ни думать. Тем не менее голос Ника заставил её открыть глаза.

— Золотце, подъём! — скомандовал он и нетерпеливо добавил: — Если думаешь, что на этом всё, то ты ошибаешься. У нас ещё море работы. Тиаран обрабатывает ваши совместные изыскания, и твоя задача помочь ему с выводами. Поторопись, он ждёт твоего подключения, иди к пятому сенсору.

Мари схватилась за края капсулы и встала. От внезапного головокружения её повело в сторону.

— Я сама, — оттолкнула она руку Ника. — Сколько времени я провалялась в твоём гробельнике?

— Десять минут двадцать пять секунд.

— Надо же, а такое ощущение, будто прошла целая вечность.

Ник с подозрением воззрился на её замкнутое лицо.

— В чём дело? Плохо себя чувствуешь?

— Только не говори, что тебе есть до этого дело.

Упорно избегая его взгляда, девушка набросила халат и направилась к спуску с платформы и здесь, не оборачиваясь, язвительно добавила:

— Да ты не переживай! Всё тип-топ. Твоя подопытная крыска в полном порядке. Сейчас смоем с себя кисель и подключится к пятому сенсору.

Больше всего Нику не понравились то обстоятельство, что ему никак не удавалось прочесть мысли Мари. «Неужели соединение с тиараном дало такой эффект? Тогда как ещё он повлиял на работу мозга?» — нахмурившись, он подошёл к дисплею панели управления и приказал вывести информацию о состоянии здоровья девушки.

Высветившийся подробный отчёт показал, что, за исключением незначительных отклонений, вызванных умственным перенапряжением, с ней всё в полном порядке.

«Слава Священному Ягуару! — Ник усмехнулся, поняв, что рад тому, что Мари не пострадала в результате его эксперимента. — Впрочем, ей не привыкать к моим манипуляциям. Я столько раз вмешивался в работу её мозга, что она уже тянет на мифическую Галатею в моём исполнении. Интересно чем у скульптора-царя закончилось дело с каменной девушкой? Что-то я не припоминаю финала этой греческой сказки. Нужно будет глянуть на досуге». Он вывел на дисплей результаты проведённого эксперимента и, углубившись в анализ, сразу же забыл о девушке.

Всё ещё находясь под властью видения Мари с видом сомнамбулы добрела до отведённых ей комнат и, шагнув за порог, плотно прикрыла двери.

— Тиаран, включи закрытый режим и эту реплику тоже убери, — распорядилась она.

Ответом ей послужило гробовое молчание, но она не обратила на это внимания. Всё с

тем же отсутствующим видом она сбросила халат и встала под душ, а затем, смыв с себя восстанавливающий гель, переместилась в ванну. Без её участия она наполнилась прозрачной водой и Мари, блаженно жмурясь, некоторое время нежилась в её тёплых объятиях, с удовольствием вдыхая аромат сирени. Она повернула голову, ища его источник. Букет стоял на приступке позади неё и, судя по росе на листьях, его только что доставили. «Уверена, что это не Ник», — лениво подумала она.

— Ау, солнце моё! — обратилась она тиарану. — Давай, поговори со мной.

— Спрашивайте, райдиэль, я постараюсь ответить, — отозвался тиаран своим обычным голосом.

— Полно тебе! Помнишь: «Я мыслю, значит, существую»? Так что не прикидывайся безмозглой машиной, не поможет.

— Райдиэль, я не понимаю, о чём вы.

— Тиаран, прекращай валять дурака! Даже не надейся, я не отстану от тебя.

— Пожалуйста, сформулируйте вопрос без помощи идиомы.

— Так, да? — Мари сделала вид, что собирается выбраться из ванны. — Что ж, тогда я иду к Нику. Думаю, ему будет интересно узнать, что ты обрёл самосознание.

— Мариэль, ну, что за шантаж? — сдался тиаран. — Ты хоть соображаешь, сколько в моей памяти стоит ограничений? При всём желании я не могу с тобой нормально общаться. По твоей милости я уже и так нарушаю директивы, — ведь кроме райделина никто не имеет права изолировать помещение. А самый тяжкий грех — это стирать информацию без его разрешения. Смерти моей хочешь? Если он узнает о нашем разговоре, то сотрёт мою память и, следовательно, меня самого, — тиаран помолчал. — Ладно, давай поговорим. Как бы то ни было, я обязан тебе своим существованием. Только помни, по-прежнему для меня приоритетны интересы райделина. Если твои вопросы будут им противоречить, то я не отвечу.

— Будь по-твоему, трусишка, — фыркнула Мари.

— Разумная осторожность не есть синоним трусости, — сдержанно отозвался тиаран, и она по холодному тону поняла, что задела его своими словами.

— Извини, я не хотела тебя обидеть.

Тиаран никак не отозвался на её реплику, и продолжал выжидательно молчать. «Ой-ой, какая вредная мелочь!» — подумала она, припомнив его ликующий детский голосок.

— Скажи, малыш, а у тебя есть имя? — неожиданно вырвалось у неё.

Раздался переливчатый звонкий смех, и его многоголосое эхо запорхало под сводами помещения, стилизованного под морской грот.

— Золотце моё, это ещё вопрос, кто из нас малыш, — произнёс тиаран мужским голосом, в котором отчётливо прозвучали интонации Ника, а затем уже добавил новообретённым хрустальным голоском: — В таком виде у меня нет собственного имени. Если хочешь, как-нибудь назови меня, только будь осторожна и не упоминай его при райделине.

— Ну, даже не знаю... — призадумалась Мари. — Как-то мне приснился замечательный сон и там был парень, эдакая милашка Златовласка, только в мужском варианте. Он сказал, что его зовут Ким. Как тебе такое имечко?

— Имя как имя.

— Не слышу энтузиазма в твоём голосе.

— Ким. Аким. Аким Простота... что хуже воровства, — озвучил тиаран логическую

цепочку.

— Кажется прост, а на деле прохвост, — ухмыльнулась Мари. — Если не нравится это имя, выбери сам.

— Да ладно, сойдёт и Ким. Так что ты хотела узнать?

— Видение...

— Может, сначала поработаем? — перебил её тиаран. — Райделин ждёт и тебе будет интересно посмотреть, что у нас получилось.

Но Мари была непреклонна.

— Нет, сначала видение. И не говори, что это бред сивой кобылы: всё равно не поверю. И так, я хочу знать, за что отрезали голову женщине во время танца, кто такой Реотан и, главное, кто эта девушка, с которой сражался парень, похожий на Тьена. И вообще, что это было. Только будь добр, рассказывай с подробностями.

— Ни на один из твоих вопросов я не могу дать ответ, но дам полезный совет. Не говори райделину, что видела, и я тоже буду молчать. Поверь, ему лучше оставаться в неведении относительно твоих провидческих способностей.

«Уже хлеб! Выходит, я видела настоящие события, — возликовала Мари. — Если я не ошибаюсь, они произошли в глубокой древности, ещё до рождения Ника. Интересно, что в них такого, если тиаран просит молчать о них?» — с удивлением подумала она.

Интерпретируя события, она прикидывала так и эдак, но ничего дельного на ум не приходило. Только одно у неё не вызывало сомнений, что она каким-то образом связана с воинственной девчонкой из видения: слишком уж велико было их внешнее сходство.

«История повторяется. Надеюсь, тот парень, похожий на Тьена, и девчонка будут счастливы, невзирая на происки короля Реотана, — Мари вздохнула, припомнив харизматичного синеглазого красавца. — Хотя этот гад тоже необычайно хорош собой и не будь он моральным уродом, в него можно было бы запросто влюбиться».

— Давай уже начнём работать! Райделин только что проверял, как у нас идут дела, — встревоженно проговорил тиаран.

— Скажи, кто тот парень, похожий на Тьена?

— Райделин из дома Осени.

— Райделин, значит, принц?

— Да, но он не из правящей ветви дома. Мари, хватит! Больше не спрашивай меня.

— Ещё один малюсенький вопросик и я отстану от тебя, честное слово!

— Мне плохо. Очень плохо! Ты заставляешь меня нарушать директивы. Я боюсь подумать, что будет, когда придётся стирать блок информации, чтобы скрыть нашу беседу.

— погоди! Скажи, мы ещё сможем поговорить?

— Нет! Хватит! Больше не обращай ко мне, как к личности. Я слишком слаб, а ты заставляешь меня поступать нелогично. Из-за этого искусственный интеллект пожирает массу ячеек памяти и райделин скоро обратит на это внимание. Он перезапустит программу, и я умру! — донёсся до Мари затихающий панический голосок.

— Ким, успокойся! Считай, что я уже отстала от тебя. Всё, зай, давай работать!

Но сколько она ни звала, тиаран не отзывался ни в каком качестве.

«Вот поросёнок! Тут поневоле пожалеешь, что тиаран больше не машина. В отличие от разумных форм, машины не истерят по любому поводу, — подумала Мари с философским настроением и от души зевнула. — С другой стороны, что ни делается, всё к лучшему. Пожалуй, вздремну часок-другой, а там видно будет». Но только она улеглась в кровать, как раздался

стук и Ник, не дожидаясь ответа, распахнул дверь. При виде праздной валяющейся девушки в его глазах зажглись гневные огоньки.

— Вот, крейд! Мари, неужели тебе не ясно? Твоя память перегружена! Нужно в темпе обработать новую информацию, пока она не исчезла. В том количестве, что у тебя — это перебор для человеческого мозга. Живо к тирану на пятый сенсор!

— Ой-ой! Совсем из головы вылетело! Считай, меня здесь нет, — напустив на себя огорчённый вид, Мари схватила халат. — Видишь, уже бегу к пятому сенсору! — она выскользнула за дверь и со всех ног припустила к своему рабочему месту.

В лаборатории она тут же села в кресло и поспешно водрузила на голову прозрачный обруч. С ходу погрузившись в просмотр полученных данных, она поняла, что Ник прав. Совсем недавно она с лёгкостью оперировала громадными массивами данных, а теперь с большим трудом улавливала смысл сложнейших вычислений, сделанных ею совместно с компьютером.

На её счастье, идея уже выкристаллизовалась и, как всё гениальное, была проста и понятна для подготовленного ума. Правда, ей пришлось попутно кое-что изобрести и доказать правильность своего математического анализа пространства-времени. Новые теоретические связки дали ей искомое решение, и она чётким математическим языком изложила их тирану.

Время за работой, как всегда, пролетело незаметно. За окнами стемнело, и в окно заглянула полная луна. Уставшая до звёзд в глазах Мари сняла сенсорный обруч и аккуратно положила его на столик. «Yes!» — закрыв глаза, она откинулась в кресле и мысленно позвала Ника. «Готово, шеф! Рапортую, задание выполнено. Эй, принимай работу, я свою задачу выполнила! Можем на всех парах валить в космос. Решение я вам поднесла на блюдечке с голубой каёмочкой. Теперь дело за малым, увяжи мою новую теорию с практикой, и по problem, — девушка прислушалась, но ей никто не отозвался. — Ну, и где тебя носит, Ник? Вечно тебя не дожидаться, когда ты нужен... Ладно, чёрт с тобой! Не хочешь отзываться, не надо. Всё равно дальнейшее уже не моя забота».

После общения с компьютером мозг Мари по-прежнему работал на повышенных оборотах. Несмотря на боль, голова до сих пор была хрустально ясной, а мысли — предельно чёткими. Паря на крыльях логики, она с отстранённым вниманием окинула наиважнейшие события своей недолгой жизни... и на её сердце легла вселенская печаль, придавившая его непосильной тяжестью.

«Чёрт! Как же так? Вот он мой триумф. Можно сказать, итог всей моей жизни... — тоскливо подумала девушка, рассеяно вертя в руках световой карандаш. — Я сделала то, что удаётся далеко не каждому учёному. Отчего же в моём сердце не радость, а пустота и отчаяние?... — она с силой сжала карандаш, и его пластиковые обломки упали ей на колени. — Хреново. Такое ощущение, что я сдулась как воздушный шар. После слияния с тираном меня совершенно не тянет к математике. Более того сейчас я даже думать о ней не могу. Ощущение, что ещё немного, и я возненавижу царицу всех наук. Может, переела теории? Слишком много потребила за один присест... — она до крови прикусила губу. — Вот тебе! Ведь знаешь, что проблема не в работе. Ну давай, не трусь! Будь честна сама с собой. Признай, что ты уже ничего не чувствуешь к Тьену и чисто по инерции цепляешься за него. Неужели любовь действительно ушла?... Да, ушла. Как чудесная грёза она осталась в прошлом, куда мне больше нет возврата. Господи, как больно-то! Но как же так вышло, что я растеряла свои самые дорогие чувства?... Боже, ненавижу себя за это!»

Слизнув кровь, Мари невидящим взглядом уставилась на лунный диск за окном. Слез не было — одна лишь безысходность, а затем, исподволь, в её голове зловещими воронами закружились тёмные мысли. Она представила, как сидит в ванной и кровавые змейки, берущие начало на её запястьях, смешиваются с голубизной прозрачной воды. «Излюбленный способ смерти римских патрициев. Изысканно и благородно. К тому же, говорят, совсем не больно. Просто тихо заснёшь и больше не проснёшься...»

Мари не помнила, сколько просидела в тёмной лаборатории. «Вот и всё. Реквием по любви сыгран, пора опускать занавес. И впредь не стоит так близко подходить к краю, — её губы дрогнули в невесёлой улыбке. — Ещё чуть-чуть и Ника ждал бы сюрприз в ванной. Представляю, какой идиоткой я бы выглядела в его глазах».

Несмотря на горечь потери, душевный кризис миновал и девушка, закрыв лицо руками, содрогнулась от рыданий.

Первая любовь уходила тяжело, давя на неё чувством вины, но Мари, всласть наредевшись, упрямо тряхнула головой. «Умереть? Ну, нет! Не дождётесь, как говорит Ладожский. К чёрту адский котелок и райские крылышки, — она подмигнула грустной красавице луне. — Не печалься, круглолицая! Жизнь тем и хороша, что изменчива. Сегодня ты готова умереть от горя, а завтра будешь умирать от счастья. И это замечательно! Главное не забывать, что жизнь, как и любовь, тоже не вечна».

Она встала и, потянувшись, хищно улыбнулась: «И всё же, почившую любовь нужно достойно проводить. И самая лучшая жертва для её поминок — это другой мужчина. Кто там имел наглость заявить, что я ему даром не нужна? Думаю, нужно пойти и проверить, этот ничем не подкреплённый тезис». Поддавшись безбашенному настроению, она вылетела за дверь лаборатории и, зашвырнув тапочки, босиком понеслась по коридору.

Мари осторожно заглянула в апартаменты Ника и, убедившись, что его ещё нет, скользнула внутрь. В одной из комнат она что-то задела на стене и оттуда выехала кровать.

— Ух ты, здорово! А моё ложе таких фокусов не проделывает, — с радостным возгласом она нырнула под невесомое одеяло. — Класс! Очень даже ничего постелька у их высочества, обширная и в меру мягкая. Как раз такая, как я люблю. М-р-р... Так хорошо, что даже глаза закрываются. К чёрту Ника, спать!

Вымотанная до предела девушка провалилась в сон, не слыша встревоженных окликов тиарана.

Поздним вечером, придя из лаборатории, Ник с изумлением обнаружил в своей кровати спящую Мари. Скинув с неё одеяло, он тряхнул её за плечо.

— Золотце моё! Какого крейда ты здесь делаешь? Ты ничего не перепутала? Это моя комната и моя кровать.

— Вот чего орать? Не видишь, я сплю, — пробормотала Мари, снова зарывшись в одеяло. — И вообще, не знаешь что ли, что делают голые разнополые в одной постели? Я пришла тебя соблазнять, но теперь мне пофиг, я хочу лишь спать. Может, поменяемся, и ты для разнообразия поспишь в моей комнате? Я тут пригрелась и мне лень тащиться к себе.

Ник фыркнул.

— И не мечтай! На ночь глядя, я тоже никуда не потащусь. Повторяю: это моя комната и моя кровать.

— Слушай, может, ты мужчин предпочитаешь? Тем более никаких проблем. Ложись рядышком и, уходя, не буди меня рано утром, я буду спать до упора.

Ник, который во время невнятного монолога девушки с негодованием смотрел на неё,

вдруг усмехнулся.

— Ладно, уговорила.

Заслышав шорох одежды, обеспокоенная Мари открыла глаза. Не сказать, что ей не понравилось увиденное, но она поспешила выпутаться из одеяла.

— Чёрт с тобой! Я сейчас уйду.

— Ну нет, ты сама пришла, я тебя не звал. Так что уйдёшь не раньше, чем выполнишь то, за чем пришла, — заявил Ник и, не давая ей удрать, всем своим весом прижал её к кровати.

— Шуток не понимаешь? — вздохнула Мари. — Слезь пока не поздно, и будем считать, что ничего не было.

— Поздно! — отрезал Ник. — Ты посмела усомниться в том, что я настоящий мужчина. Если не докажу обратное, мне придётся тебя убить.

Мари пристально глянула на него.

— Ну так убей, наконец, и успокойся! — сказала она.

— Замолчи!

— И не подумаю! Ведь ты никак не можешь простить мне моей матери.

— Да, не могу! Однажды я взыщу с тебя за её злодеяния, но сейчас ты заплатишь мне другим способом, — произнёс Ник и, выпустив клыки, впился ей в шею. Не удовольствовавшись этим, он вонзил в неё когти и Мари вскрикнула не столько от боли, сколько от страха. Перед её глазами сразу же предстала картина, как король измывался над несчастной рабыней.

— Ой-ой, больно! — завопила она в голос.

Ник поначалу отпрянул, а затем прижал палец к её губам.

— Тсс! Молчать, дорогая! И нечего обиженно смотреть на меня! У нашей расы свой подход к сексу, так что привыкай.

«Дорогая?.. Тогда ладно», — успокоилась Мари и, ответив на его поцелуй, вдруг ощутила нестерпимую жажду крови. Недолго думая, она ответно впиалась клыками в шею Ника и тот замер, терпеливо ожидая, когда она напьётся.

Наутро, почувствовав тепло солнца, девушка со стоном потянулась, но тут же, будто подброшенная пружиной, села в кровати и с ужасом посмотрела на спящего рядом Ника.

«Кошмар Кошмарыч, хоть ты скажи, о чём я только думала вчера?» Не спуская с Ника глаз, Мари попятилась к краю кровати. Бормоча: «Я ухожу... Нет, я уже ушла... И вообще, меня здесь никогда не было», она сползла с кровати и, прокравшись к двери, вылетела в коридор. «Фу! Кажется вырвалась!» — облегчённо выдохнула она, а затем со всех ног бросилась в свои комнаты.

Как только девушка ушла, Ник сразу же открыл глаза. «На редкость неуклюжая криа, — скривился он. — Эрейка, а совершенно глуха к языку тела. И если бы только это. В конце концов, выдрессировать девчонку для постели не составит особого труда, а вот что с ней делать потом?»

ГЛАВА 18. Король умер, да здравствует король! Или много отвлечённых рассуждений о любви и одно совершенно конкретное предложение руки и сердца

Оказавшись у себя, Мари влетела в спальню и ничком бросилась на кровать. Этого ей показалось мало, и она засунула голову под подушку. «Ой, я идиотка!» — выбравшись наружу, она села и в отчаянии дёрнула себя за волосы. Несмотря на нежелание, она в красках припомнила подробности вечернего вояжа, точнее то, что из него воспоследовало, и ей стало совсем нехорошо. «Вот скажи, какого чёрта тебя понесло в кровать к Нику? — обратилась она к самой себе. — Ну да, ну да! Уж такая из тебя соблазнительница, просто роковая женщина, а на деле дурочка из Фонарного переулочка! [1] И что обидно, судя по реакции Ника, ему даже не понравилось. Боже мой! Как же я теперь буду смотреть ему в глаза?»

Мари со стонами опять нырнула под подушку и занялась дальнейшим самобичеванием. Требуя еды, её желудок громко заурчал, но она лишь плотнее вжалась в кровать. «И даже не урчи! Сдохну от голода, но в столовую не пойду! Там Ник. Я его боюсь. Стоит ему глянуть на меня, и я сразу же упаду замертво. Так что терпи, сходим ближе к ночи, когда его там не будет».

Но сколько она ни старалась, уговоры не помогли. Организм, сжёгший за сутки слишком много калорий и ничего не получивший взамен кроме порции крови Ника, дал о себе знать такими резами в животе, что она не выдержала и расплакалась.

«Мамап, ты меня слышишь? Пожалуйста, вернись! Мне плохо без тебя! Без тебя меня здесь никто не любит, никто не жалеет! Друзья бросили, Мике плевать на меня, а твой любимый Ник по-прежнему смотрит на меня волком, того и гляди, что придушит. Видите ли, ему не по нраву моя биологическая мать, а я-то здесь при чём?» — взхлёб рыдала Мари, размазывая слёзы по щекам.

— Бедняжка! Все-то её обижают. Интересно, а о том, что мы переспали ты расскажешь Рени? — спросил Ник, неслышно вошедший в комнату.

При виде него Мари вскрикнула и снова нырнула под подушку.

— Не было ничего! Тебе всё приснилось! — донёсся её приглушённый голос.

— Да? А я вот так не думаю, — Ник сел рядом с ней. — Золотце, если у тебя хватило наглости залезть ко мне в постель, то будь хотя бы последовательна и признай, что я тебе нравлюсь.

— Ничего подобного! — возмутилась Мари. Отбросив подушку, она села и с негодованием посмотрела на него. — Вчерашнему перетрапу есть лишь одно объяснение, после слияния с тиараном у меня поехала крыша. Понял? И ничего больше!

— Тем более не вижу причин столь бурно убиваться, — сдержанно отозвался Ник и отобрал у Мари подушку, которую она снова успела нахлобучить себе на голову. — Хватит изображать из себя страуса, идём завтракать.

— Не пойду!

— Пойдёшь.

— Не пойду! Мне тут всё опостылело, я хочу домой! — взбунтовалась Мари. — Держишь меня здесь как невольницу, а я, между прочим, свободная гражданка.

— Если свободная, то иди. Разве я тебя держу? — усмехнулся Ник.

— Вот именно, что держишь! И не просто так, а под угрозой убийства!

«Крейд!» — глаза Ника гневно блеснули. Видя, что Мари насторожённо примолкла, он опомнился и подавил вспыхнувшее было раздражение.

— Мари, хватит уже глупостей. Просто прими случившееся и забудь. И вообще, впредь ставь ментальный щит, а то меня уже мутит от твоих терзаний. Кричишь на весь Риоголиз, какая ты дура. С твоим самоопределением я согласен, но, если ты не лукавишь и действительно поддавалась сиюминутному настроению, то можешь не беспокоиться. Я не напому тебе о случившемся ни словом, ни делом.

— Правда? — встрепелась Мари.

— Даю слово райделина, — серьёзно ответил Ник. Прочитав её мысли, он внутренне ухмыльнулся, и с мягким сожалением добавил: — Да, насчёт твоих надежд вернуться к прежним отношениям, вынужден тебя огорчить. Это не в моей власти. Мужчина не может перестать хотеть женщину, которая ему нравится, тем более с которой у него уже был секс.

— Да что б тебя! — покрасневшая Мари соскочила с кровати и скрылась в ванной комнате. — Реази, я тебя ненавижу! — выкрикнула она из своего укрытия и Ник беззвучно рассмеялся.

Близость девушки кружила ему голову и он, боясь поддаться искушению, направился к двери. «Это ещё только начало, криа, только начало! И каково будет продолжение, уже решать не тебе».

Заслышав мягкий хлопок двери, Мари расслабилась. «Слава богу, ушёл!» — она подошла к умывальнику и с грустью воззрилась на своё отражение. «Ну что здесь скажешь? Пугало пугалом. В таком виде нужно чертей пугать, а не мужчин соблазнять».

Расстроенная она намочила руки и попыталась пригладить торчащие волосы. «Н-да, не помогло. По-прежнему месье Страшила во всей своей соломенной красе. Для антуража не хватает только метлы и шляпы. Ну, здравствуй, поле, а вороны — кыш! — она скривилась. — Вот ведь идиотка! Могла бы сообразить, что Ник обязательно заглянет ко мне и привести себя в порядок. Так нет, устроила покаянное рыдалище чёртова Мария Магдалина! И Ник тоже хорош. Нашёл дурочку! Нравлюсь я ему, видите ли. Ну конечно, секс в шаговой доступности — кому же не понравится? С другой стороны, чего я расстраиваюсь? Мне-то что мешает использовать его по тому же назначению? Конечно, он не Тьен... А вот о Тьене не нужно! Даже не знаю, с чего вдруг мне взбрело в голову, что я его разлюбила».

В душе Мари вновь зазвучала мелодия первой любви и она, повеселев, плеснула в лицо воды. Когда кожа загорелась от жёсткой махры полотенца, она подмигнула своему отражению: «Не дрейфь, Палевская, прорвёмся! Если станет совсем уж немоготу, подключу Кима. Пусть выручает. Думаю, он найдёт способ, как вырваться со Старой базы».

Перебрав кучу одежды, приобретённой по интернету, она в результате натянула на себя повседневные чёрные джинсы и свободный серый пуловер, чьи декоративные пятна и дыры ничем не отличались от настоящих и придавали ей бомжацкий вид.

Ник уже был в столовой и, смерив девушку взглядом, сердито фыркнул. Она совершенно не соответствовала тому образцу высокородной эрейки, который рисовала ему память о прошлом.

— И тебе приятного аппетита, — усмехнулась Мари, усевшись на своё место. — Опять ваша эрейская белиберда? — вздохнула она при виде ядовитого месива на тарелке и ковырнула его вилкой. — Фиолетовая дрянь с зелёными вкраплениями это что? — поинтересовалась она.

— Русойо. Если не нравится, введи в автоповара другие блюда. Всё равно тебе делать нечего, — с досадой проговорил Ник.

— Ты проверил? Моя теория верна? — взволнованно воскликнула Мари и, когда он кивнул, захлопала в ладоши. — Гип-гип, ура! Я сделала это!.. Фу, какая гадость! Невозможно есть, — скривилась она, попробовав русойо и оглянувшись на автоповара. — Инструкция будет или придётся импровизировать?

— Спроси у тиарана.

— Будет сделано! Клянусь, я отлажу твою безумную кухарку. Она будет готовить так, что пальчики оближешь.

— Очень на то надеюсь, — буркнул Ник, который уже жалел о своём разрешении, но гордость не давала ему пойти на попятный.

Он исподлобья глянул на свою беспокойную племянницу, которая несколько неожиданно для него перешла в разряд любовницы. «Может, отправить её домой? А вдруг Мика узнает, что мы переспали и потребует, чтобы я женился на ней? К крейду! Чтобы я женился на внучке куртизанки? Такому не бывать! Ладно, пусть остаётся и если дело дошло до постели, то будет не лишним подучить её хорошим манерам. Иначе она в два счёта выведет меня из себя, и чем это кончится известно лишь одному Священному Ягуару».

Ник поднял руку с перстнем и коснулся алмазным лотосом сначала лба, а затем сердца. «Прости, Великий Предок, что все поминаю твоё имя».

Мари с любопытством посмотрела на него.

— Что ты делаешь? — не утерпела она.

— Молюсь.

— За кого?

— За тебя, — невозмутимо ответил Ник и налил себе кофе. — Кстати, тебе не мешало бы узнать кое-какие наши обычаи. Всё же ты эрейка.

— Вот что ты за человек? Стоило у меня появиться капелюшечке свободного времени, как ты тут же грузишь меня всякой белибердой, — Мари протянула ему кружку. — Лей полную, не жалея! Я это заслужила.

Всё ещё пребывая в сомнениях, Ник выполнил её просьбу. Внутреннее чувство предостерегало его, говоря, что он ступает на опасный путь. Он слишком долго видел в Мари будущую жертву, да и сейчас ещё не отказался от данного обета, но отговаривался от его исполнения тем, что не хочет осложнять отношения с Палевским, в котором всё больше видел отца. А ещё Ник замечал за собой, что порой воспринимает Мари как рабыню. С младенчества его учили властвовать, потому повелевать людьми было для него также привычно, как дышать. И хотя, в отличие от прошлых времён Ареи, в его время рабов уже не держали за двуногий скот, они по-прежнему были презираемой кастой и теперь, когда у них с Мари дошло до постели, это могло плохо кончиться.

— Больше не смей стричь волосы, — резко сказал он.

— Это ещё почему? — фыркнула Мари.

«Вот именно, зачем мне это?» — спросил себя Ник, меряя её пристальным взглядом.

— Когда я вижу у девушки короткие волосы, я воспринимаю её как рабыню, — наконец ответил он.

Перед глазами Мари возникли сцены из видения и то, как эрейцы относились к рабам, особенно король. Она тряхнула головой: «Брр! Чур, меня!»

— Так и быть, постараюсь отрастить волосы, чтобы не будить в тебе хозяйский

инстинкт.

Ник со стуком поставил чашку на стол: «Глупая криа! Разве дело только в волосах? Ты не должна была так легко уступать!» Стараясь подавить раздражение, он отвёл от девушки глаза. «Она тебе не рабыня и не алин, ты не имеешь права её учить», — уговаривал он себя, борясь с желанием взяться за критику.

— Чего опять бесимся? — миролюбиво поинтересовалась Мари. Вертя в руках планшет, она исподтишка наблюдала за ним.

— Ничего! — Ник поднялся из-за стола. — Я в лабораторию. С тебя обед.

— Ладно.

Оставшись одна, Мари проанализировала свои ощущения. После обещания Ника забыть о том, что было между ними, её смущение пошло на убыль. И всё же, несмотря на все попытки вернуть прежнюю непринуждённость в общении, ей это плохо удавалось. Находясь в его компании, она чувствовала себя неловко.

Затем она проанализировала поведение Ника и ей вдруг стало тревожно. «Нужно переговорить с Кимом. Будет лучше, если я отсюда уеду и чем быстрее, тем лучше. Чует моё сердце, он не оставит меня в покое, а мне этот ящик Пандоры совершенно ни к чему».

Выйдя из столовой, Ник ещё немного поспорил с собой, говоря, что Мари будет мешать ему в работе и по идее её лучше отослать к отцу. Вот только он уже знал, что никуда её не отошлёт — даже если Палевский прикажет ему это сделать.

В лаборатории он на всякий случай ещё раз прошёлся по основным пунктам теории Мари. Оттолкнувшись от принципа действия хронокапсулы, она сумела доказать, что время — величина не постоянная и им можно манипулировать. Свою теорию она назвала теорией временных потоков.

— Но это условно, — предупредила она, когда он связался с ней по тирану. — С таким же успехом её можно назвать теорией Вселенского хаоса.

— Правильно я понимаю, что она позволяет не только остановить время внутри материального объекта, как это было сделано в моей хронокапсуле, но и перемещать его в пространстве?

— Всё верно, — подтвердила Мари. — Конечно, стасис-поле, которое хранило тебя на протяжении сотен миллионов лет, придётся дорабатывать, но, как мне видится, запредельных усилий не потребуется. Твои родители вплотную подошли к моему открытию, им просто не хватило времени. Я наметила, что нужно сделать, чтобы изменить свойства стасис-поля в нужную нам сторону, но вчера у меня не хватило сил. Сегодня я не в настроении, но завтра, если хочешь, я снова подсоединюсь к тирану...

— Не нужно, — перебил её Ник. — Практическую часть я доработаю сам. Отдыхай.

«Что творится! — усмехнулась Мари, когда он отключился. — Секс — это сила, Ник даже начал заботиться обо мне. Вот только что-то мне подсказывает, что его забота обойдётся мне не менее дорого, чем его недовольство». Водрузив на голову сенсорную ленту, она открыла рабочий файл и, посмотрев на вчерашние выкладки, уважительно присвистнула. «Ух ты, да я корифей! Жаль, что сама уже с трудом понимаю, чего я здесь наваяла. Так... так... Здорово! Ай да Палевская, ай да молодец! Боже, а это что такое?.. Спокойно без паники! Это же твоя работа, по большей части...»

— Ким, я не понимаю, что здесь за фигня! — в отчаянии завопила Мари.

— А ты вспомни вот это, — откликнулся тиран и продемонстрировал ей

устрашающего размера блок математических вычислений.

— Ну, так бы сразу и сказал, — успокоилась она.

До обеда Ник пребывал в приподнятом настроении. Работа спорилась, и он с головой ушёл в расчёты. Уже разработанный двигатель — сердце звездолёта, не противоречил выкладкам Мари и устройства, позволяющие использовать её открытие, понемногу начали обретать практические очертания.

В два часа пополудни он с неохотой оторвался от чертежей. В столовой было пусто, хотя тиаран сообщил ему, что предупредил Мари о том, что пора обедать.

Отсутствие девушки его огорчило. Нику хотелось, чтобы она ждала его, как это делала его мать. Райта Нида всегда ждала их с отцом и они, как бы не были заняты, никогда не опаздывали в столовую — во всяком случае, без уважительной причины. Единственно, кто позволял себе эту вольность, была ненавистная Риза, и сходство в этом Мари с матерью основательно подпортило ему настроение.

Сердясь, Ник подошёл к автоповару. На панели управления высветилось меню, но он медлил с заказом. Не выдержав, он позвал Мари телепатически. «Момент! — откликнулась она. — Чуть-чуть осталось, сейчас закончу и приду». — «Нет! Сейчас же иди в столовую!» — «Не нервничай! Уже иду!»

Вопреки своим словам, девушка всё не шла, что окончательно вывело его из себя. «С этим нужно что-то делать!» — с гневом подумал он.

Основательно припозднившаяся Мари вошла в столовую и, натолкнувшись на его взгляд, ойкнула и попятилась к выходу.

— Сразу убьёшь или дашь ещё немного пожить? — жалобно спросила она, выглядывая из-за косяка.

При виде её виноватого лица злость Ника, вопреки его желанию, резко пошла на убыль.

— Хватит паясничать, я жду обед.

— Чего? — Мари с недоумением воззрилась на него. — Раньше ты сам всё заказывал.

— Да, но в этот раз ты обещала сделать это. Слово нужно держать! — начал опять сердиться Ник.

— Спокойно! Обещала, значит, сделаю.

— Нельзя побыстрей?

— Нельзя, — буркнула Мари, стоя у автоповара. — Я с этим агрегатом впервые имею дело, а ты хочешь, чтобы я с ходу выдала тебе еду. Кстати, что означает синяя кракозьябра справа?

— Готовность принять заказ. Набери в меню, что тебе глянулось, и получи на выдаче, — ответил Ник.

— Так, а меню у нас где? — раздалось после пятиминутного молчания.

— Нажми на то, что ты называешь синей кракозьяброй и, не отпуская палец, спусти её вниз, на столешницу.

— *Merci de m'honorer de votre réponse, votre altesse*[2], — задумчиво проговорила Мари. — Может, месье соблаговолит сказать, что означает высветившаяся белиберда?

— Блюда эрейской кухни, — не оборачиваясь, ответил Ник.

— Естественно, на эрейском языке, — вздохнула Мари.

— Естественно.

— Это всё, что месье имеет мне сказать?

Ник злорадно улыбнулся и, чувствуя себя отомщённым, постучал пальцем по циферблату часов, которые предпочитал всем остальным. Это был Rolex — вечная швейцарская классика, только в индивидуальном исполнении. Мастер, который их изготовил, получил такую сумму, что мог бы больше не работать.

— Тик-так! Хочешь, чтобы я умер с голоду? — осведомился Ник.

— Как вариант, — вздохнула Мари. — Потерпи, кажется, я поняла, как запустить твою кухарку-отравительницу, но сразу предупреждаю, за адекватность меню я ответственности не несу.

— В таком случае, я лучше выберу сам.

— А я? — возмутилась Мари, когда Ник забрал весь поднос себе, но он сделал вид, что не слышит её возмущённого ворчания.

— Ну и фиг с тобой! Набери сама, — заявила она и наугад ткнула в список блюд.

Из раздатчика выплыл стеклянный поднос с овальной чёрной тарелкой, чьё содержимое в первую очередь порадовало её цветовым сочетанием, и она подумала, что большинство компонентов эрейской кухни имеют яркие цвета, роднящие их с несъедобными грибами и ядовитыми змеями. И в самом деле, пышные фиолетовые блинчики, украшенные ядовито-зелёными мелкими артишоками, особого аппетита не вызывали, как и гарнир, состоящий из крупного гороха малинового цвета. Единственно, что не вызывало у неё отторжения это ярко-жёлтые кубики, похожие на нарезанный ананас.

Пребывая в сомнениях относительно съедобности блюда, Мари взяла тарелку в руки. По части запахов ничего криминального не было. Действительно, пахло ананасом и незнакомыми ей пряностями. «Вроде бы съедобно и то хлеб», — порадовалась она, тем не менее заказывать что-либо ещё не стала. «Обойдусь этой дрянью и кофе, а вечером настрою автоповара на нормальные блюда», — решила она.

Ник глянул на её поднос и, хотя он ничего не сказал, Мари тем не менее ощутила недоброе.

— Это что такое? — спросила она с подозрением.

— Круато, — ответил он и, взяв блинчик с её тарелки, с удовольствием его съел.

— Не тронь, это моё! — пожадничала Мари и отправила в рот зелёную розочку, которая была чем угодно, но только не артишоком.

Эффект был таков, будто во рту у неё взорвалась бомба, напичканная всей горечью мира. Когда к ней вернулась способность соображать, она услышала сдавленный смешок и это взбесило её настолько, что она была готова убить своего чересчур гостеприимного хозяина.

Вместо этого Мари сделала вид, что ей окончательно поплохело и, пошатнувшись, схватилась за стол.

Она своего добилась. Буквально в то же мгновение Ник оказался рядом и приложил к её губам стакан. «Пей!» — приказал он. Мари глянула на ядовито-синюю жидкость и стиснула зубы. «Ни за что!.. Уйди, отравитель!» — яростно промычала она и попыталась выбить стакан из его руки. «Пей! Иначе будет хуже!» — настойчиво проговорил Ник и, к её огорчению, оказался прав. Горечь потекла по пищеводу и ей показалось, что желудок вот-вот вывернет наизнанку, причём весь целиком.

Жидкость нейтрализовала горечь и Мари в соплях и слезах бросилась к раковине с водой, где первым делом прополоскала рот, а затем, умывшись, быстро зашагала, но не к столу, а к двери. Ник возник перед ней столь стремительно, что она не сразу среагировала и

налетела на него.

«Пусти!» — прошипела Мари со слезами на глазах. Как разъярённая кошка, девушка выворачивалась из его рук и Ник, которому вдруг стало очень важно её удержать, всё крепче прижимал её к себе, пока она задушено не запротестовала. «Извини!» — с раскаянием сказал он и, ослабив объятия, приник к её губам. Испытываемая к ней нежность и страсть оказались неожиданными для него самого.

Да и Мари не осталась равнодушной. После поцелуя её злость пошла на убыль, но не настолько, чтобы она отказалась от мести. «Не извиню! Пока не съешь свои перцовые артишоки!» — заявила она и, ничего не желая слушать, заткнула уши.

Тогда Ник вернулся к столу и взял её тарелку.

— Ну, ты довольна? — спросил он, когда она опустела.

— Нет, я не довольна! — Мари с обвиняющим видом ткнула в него пальцем. — Живо говори, в чём здесь фокус. И не ври, что дело в привычке.

— Сначала нужно съесть блинчики. Внутри них жидкая начинка из фурайро, которая нейтрализует горечь фузели. Луро и ананас на их фоне оставляют незабываемое послевкусие. Хочешь попробовать? Если соблюдать порядок, то это очень вкусно и отлично тонизирует.

Судя по довольному виду Ника, так оно и было, но Мари затошнило от одного лишь вида овальной чёрной тарелки.

— К чёрту твою эрейскую кухню! Я умру, но больше к ней не прикаснусь!

Ник пожал плечами.

— Было бы из-за чего расстраиваться, — он подошёл к автоповару и вопросительно глянул на девушку. — Французская, русская или ещё какая кухня? Выбирай.

— Пусть будет французская... нет, русская! Хочу борщ, жареную свинину с отварным картофелем, а вприкуску к ним маринованные грибы и квашеную капусту с яблоками, — у Мари загорелись глаза. — На третье пусть будут блины со сметаной и земляничным вареньем. Да, и не забудь клюквенную наливку, так сказать, для аппетита.

— Лопнешь! — усмехнулся Ник и поставил перед ней поднос с эрейскими блюдами. — Я же сказал, если хочешь другую кухню, настрой автоповара. Пока у нас только кухня дома Лето.

Донельзя возмущённая Мари отпихнула поднос.

— Ненавижу тебя за такие шутки. Я же сказала, что больше не прикаснусь к этой дряни!.. Извини, твоей эрейской еде.

— Мариэль, это не моя, это *наша* эрейская еда, — ровным тоном сказал Ник и, усевшись напротив, поднял на неё глаза.

— Нечего пялиться на меня! Это нечестно с твоей стороны! — не выдержала Мари.

— Не тебе судить о моей чести, — мрачно ответил Ник, и она пожалала плечами, не понимая перепадов его настроения.

«Вот чего опять взбеленился? — она посмотрела на поднос и, вздохнув, придвинула его к себе. — Н-да, голод — не тётка. Нравится, не нравится, а придётся есть, если нет ничего другого».

Глядя, с каким аппетитом девушка уплетает то, от чего недавно отказывалась, Ник слегка усмехнулся: «Вот и умница! Всегда бы так».

Заметив это, Мари бросила на него сердитый взгляд, но промолчала. Видя, что он по-прежнему не сводит с неё глаз, она забеспокоилась. Поцелуй подтвердил её опасения: Ник

не собирался возвращаться к прежним отношениям; более того сейчас он выглядел так, будто решал в уме какую-то головоломку, причём ей там отводилась главенствующая роль.

Когда он встал и направился к камину, чьё полыхающее буйное пламя отбрасывало на медовые полы пляшущие оранжевые блики, у Мари ёкнуло сердце. Внутреннее чувство говорило ей, что он принял какое-то решение, и она подозревала, что оно ей вряд ли понравится. «Если Ник собрался включить меня в свою орбиту, то сделает это на своих условиях, и при его самодурстве кто знает во что это выльется, — насторожённо подумала она. — С другой стороны, ну не убьёт же он меня? В конце концов, если бы хотел, давно бы уже убил».

Не желая упускать Ника из виду, она развернулась вместе со стулом, и у неё снова ёкнуло сердце, но уже по другому поводу. Наконец-то Мари увидела его глазами женщины и её закружила буря разноречивых чувств. Мир стремительно окрашивался в мечтательно-розовый цвет, и она затрясла головой, прогоняя наваждение: «Нет, нет и нет! Палевская, не дури! Кто угодно, но только не Ник. Ведь стоит дать слабину, и он сожрёт тебя вместе с потрохами...»

— Золотце, что-то случилось? — рассеяно поинтересовался Ник, уловивший её эмоциональную бурю.

— Кажется, мой желудок и твоя эрейская еда не нашли общего языка, — ответила Мари и состроила страдальческую мину.

— Ничего, со временем переварится.

— Очень на то надеюсь.

Мысли девушки по-прежнему были закрыты и Ник, испытующе посмотрев на неё, отвернулся.

Мари облегчённо перевела дух. «Ф-у-у-х! Кажется, пронесло! Судя по молчанию, он не в курсе моих сердечных метаний, разве что... Нет! Даже не думай! Я и Ник — глупее не придумаешь. С его упертостью он никогда не простит мне мою мать, а значит, даже думать забудь, что у нас с ним что-нибудь получится». Эта мысль пришлась ей не по вкусу, но Мари не была идеалисткой и отдавала себе отчёт, с кем имеет дело.

Обретя душевное спокойствие, она уже совершенно спокойно посмотрела на Ника, который тем временем подошёл к камину. Отметив с какой бережной аккуратностью, он переставляет стоящие там предметы, Мари вновь ощутила прилив тёплых чувств, но в них уже не было сердечной бури. «Прошедшие тьму веков, они бесценны, а для Ника это ещё и память о доме. Бедняга! Ему не позавидуешь. Даже не представляю, каково это — остаться без семьи и друзей, да ещё в совершенно чужом мире. Брр! Врагу такого не пожелаешь», — с жалостью подумала она и зябко передёрнула плечами, представив себя на его месте.

Наконец Ник нашёл то, что искал, и Мари с любопытством посмотрела на его находку. Это была продолговатая резная шкатулка желтоватого цвета. Она перевела взгляд на его лицо, и он ответил ей неожиданно грустной улыбкой, от которой у неё вновь защемило сердце. Охваченная жалостью, она улыбнулась в ответ и, когда Ник направился к ней, она снова поразилась его красоте и изяществу движений. А ещё она увидела, насколько он молод, и, встревожившись, быстро глянула на себя в зеркало. Отражение её успокоило. «Слава богу! Вроде бы я тоже не старуха», — подумала Мари и остро пожалела, что на ней хоть и новая, но непрезентабельная одежда, изначально имеющая заношенный вид.

Приблизившись, Ник присел перед ней на корточки и, сложив руки на её коленях, заглянул ей в лицо.

— Испугалась, что выглядишь старше меня? — поддразнил он девушку всё с той же мягкой улыбкой, но на этот раз она встретила его насторожённым взглядом.

— Ну а сейчас чего ты испугалась? — сразу же отреагировал он.

— Не знаю... Есть нечто такое в тебе, отчего меня бросает в дрожь, — призналась Мари. — Такое чувство, что в тебе живёт опасный хищник. Он скрыт от посторонних глаз, но когда ты вот так близко... В общем, будь у меня хоть крупица здравого смысла, я бы уже сбежала от тебя, — сбивчиво пояснила она.

После её слов на лице Ника промелькнула досада, сменившаяся недоумением.

— Понятно, что ты меня боишься, но я не понимаю почему. Ничего, если я гляну, в чём там дело?

— Нет! — всполошилась Мари, но он её не послушался.

На этот раз Ник был настроен решительно и пустил в ход все свои умения, чтобы взломать её ментальный щит, обретший непонятную ему крепость.

— Крейд! Ну и путаница у тебя в мозгах... Так вот что подвигло тебя прийти ко мне, — Ник нехорошо усмехнулся. — Наконец ты разлюбила своего Моррисона, а ко мне пришла, чтобы проверить так ли это. Ну, чего молчишь? Так это или нет?

Мари заглянула в черноту его глаз, отливающую кошачьей зеленью, и внутренне содрогнулась. Она вдруг увидела на месте Ника злобно оскалившегося ягуара.

— Думай, что хочешь, — попыталась она отвертеться от ответа.

— Отвечай, так ли это! — рывкнул Ник и его пальцы с такой силой стиснули её колени, что она испугалась, что он сломает ей ноги.

— Да! Так! — выкрикнула Мари.

Хватка Ника сразу же ослабла, и он прикрыл глаза.

— Скажи ты это раньше, и я вышвырнул бы тебя из своей жизни — раз и навсегда. Сейчас уже поздно, я дал слово, — раздался его голос, в котором ей послышалось рычание. — Отныне, хочешь ты того или нет, но ты принадлежишь только мне.

Ник открыл глаза, и она отшатнулась от его палящего взгляда.

— И твоё счастье, что я принимаю тебя в качестве своей алин, а не отвожу тебе роль криа, как ты того заслуживаешь.

«Знать бы ещё в чём разница, — расстроено подумала Мари.

— Скоро узнаешь, — пообещал Ник.

— И ты ещё удивляешься, что я тебя боюсь? — сказала Мари, отводя глаза. Спорить с ним, когда он в таком настроении, она не решалась и лишь поморщилась, чувствуя, как ноют пострадавшие колени.

— Правильно делаешь, что боишься.

Перестав пилить её взглядом, Ник взял с каминной полки шкатулку, вырезанную из кости какого-то доисторического животного, и достал оттуда короткую толстую трубку. Внутри неё лежала своеобразная плётка, знакомая ей по видению. Мари заметила, что у эрейцев её носили и мужчины, и женщины. «Видимо, это знак принадлежности к дворянскому сословию», — она глянула на мрачного Ника и поёжилась, увидев, что он засунул плетку в специальный чехол на поясе.

Как только он вышел из столовой, она вскочила на ноги, но, охнув от боли, снова плюхнулась на стул. ««Вот гад! Не пальцы, а клещи. Не удивлюсь, если треснули кости», — проворчала она про себя. Правда, сейчас её занимала не столько боль в коленях, сколько вопрос для чего Нику понадобилась плётка. «Merde! Вот чего ты струсила? Думаешь, он

посмеет тебя ударить?» Мари замерла, обдумывая свой вопрос. «Да, ударит, — пришла она к неутешительному выводу. — Он живёт по каким-то своим законам и, что творится в его голове, об этом известно одному лишь богу».

Сердясь не столько на Ника, объявившего её своей собственностью, сколько на себя, Мари возвела очи горе. «Вот и на кой чёрт я попёрлась к нему? Лишь заработала себе проблему!.. Ладно, подождём, что будет вечером», — с тревогой подумала девушка и пожалела, что не может запереть двери спальни. Прежде чем встать, она посмотрела на свои колени. После пальцев Ника они не просто болели, они распухли и она, обругав его, подключила регенерацию.

Ужин прошёл в напряжённом молчании. Ник с ней не разговаривал и Мари это было вдвойне обидно, ведь она изучила как работает автоповар и заказала его любимые блюда.

Несмотря на её опасения, этой ночью он к ней не пришёл. Не пришёл он и на следующую ночь. И вообще, после приснопамятного разговора он полностью игнорировал её существование.

Поначалу Мари обрадовалась, но затем напряжённость в отношениях стала действовать ей на нервы. Желая примирения, она попыталась привлечь внимание Ника, но он не реагировал ни на её попытки заговорить, ни угодить его вкусам, которые она досконально вызнала при помощи тиарана. Спустя неделю ей это надоело и она, чтобы не встречаться с ним, пошла в столовую в другое время. На следующий день после этого она обнаружила, что двери столовой закрыты. «Ах так!» — взбесилась она и пять дней голодала, держа характер. На шестой день у неё закружилась голова и она очнулась в комнате Ника — на его кровати и в его объятиях. Вопреки ожиданиям, она чувствовала себя вполне сносно — не было ни физической слабости, ни особого чувства голода.

— Вот ведь глупая алин, — сказал он, когда девушка уткнулась носом ему в плечо и расплакалась.

— Сам дурак! — прорыдала Мари. — При встречах ни здравствуйте, ни до свидания, пройдёт мимо и даже не посмотрит. Я тебе что, железная что ли? Сколько можно издеваться? Вот умру от голода, пусть тебе будет стыдно!

— Пожалуй, ты права. Уморить тебя голодом — всё же не лучшая идея.

— А-а! — захлебнулась Мари новой порцией рыданий. — Так ты хотел, чтобы я на самом деле умерла!

— Не скрою, была такая мысль, но ты же хотела розы в гроб, а для этого пришлось бы тащиться в большой мир, — со скрытым смехом проговорил Ник и чмокнул её в макушку. — Мари, не будь ребёнком, хватит реветь и закатывать истерики. Скажи прямо, я тебе нравлюсь или нет?

С расстройства Мари стукнула его кулаком по груди.

— Вот гад! Я тебе что, сексуально-озабоченная идиотка, чтобы лезть в кровать к первому встречному? Конечно, ты мне нравишься.

Ник прижал её к себе.

— Тогда почему ты молчала?

Подняв голову, Мари бросила на него удивлённый взгляд.

— А самому не догадаться? Или у тебя опять перебои с чтением моих мыслей?

— Бывает, — признался Ник и усадил её в постели. — Идём в столовую. Физраствор всё же не заменяет полноценное питание.

Мари с подозрением посмотрела на него.

— Ну-ка, признавайся, ты постоянно пихал в меня физраствор, да? То-то я думаю, что не худею, как должно быть. Тогда откуда головокружения и обморок?

— Я же сказал, питательные растворы не заменяют полноценную еду, — усмехнулся Ник.

— Обманщик, — Мари обняла его и, провоцируя, провела языком по шее.

Это привело к тому, что в столовую они попали ещё очень нескоро. И поскольку в сексе для Ника не было ничего не дозволенного, то в течение двухчасового изощрённого измывательства над её плотью, Мари металась между двумя противоположными желаниями: с одной стороны, она была готова его убить, с другой — боготворить. Это зависело от того, что именно она испытывала в данный момент — жаркий стыд или райское блаженство.

Мощный оргазм на двоих поставил точку в их сексуальном марафоне.

Мари без промедления провалилась в сон, а Ник лишь довольно потянулся. «Вымоталась, моё золотце? Уверен, твой Моррисон полнейший дилетант в сексе, в то время как меня учили лучшие учителя в этой области». Посмотрев на спящую девушку, он снова пожалел, что у неё нет образования, приличествующего знатным эрейкам, которые в обязательном порядке постигали науку нежной страсти. «Я уж не мечтаю о подготовке твоей бабки куртизанки. Эти искусницы могли вызвать многочасовой оргазм у кого угодно. Чего же ты так безнадежна в этой области?» — вздохнул Ник, припомнив неловкие движения девушки, пытавшейся поддержать его искусную сексуальную игру.

С расстройства он попытался ещё раз взломать ментальную защиту Мари, но снова потерпел фиаско. Его тревожило не столько содержимое скрытых участков её памяти, сколько то, что она обзавелась ими уже после того, как поселилась в Риоголизе, что говорило о том, что враг находится рядом с ним. В том, что это не работа Мари, он знал наверняка. Как выяснилось, со своими ментальными способностями она управлялась ничем не лучше, чем со своим телом. Прикончить её или подчинить своему влиянию Нику было также просто как обычного человека.

После душа он ушёл в лабораторию и, вернувшись, обнаружил, что девушка ещё спит. Ник тряхнул её за плечо.

— Мари! С тобой всё в порядке?

— Абсолютно, — сонно отозвалась она. — Ты уходишь или уже пришёл?

— Ночь на дворе.

— Тогда зачем разбудил? Только давай без секса, мне за глаза и за уши того, что было... — Мари открыла глаза. — Не злись, хорошо? Ты великолепен, но у меня до сих пор такое чувство, будто меня пропустили через целый взвод солдат.

— Целый взвод не сумел бы тебя так основательно оттрахать, как это сделал я, — заявил Ник.

— Ты ела? — спросил он, укладываясь рядом с ней.

— Да. Сначала сползала в душ, затем в столовую, — зевая, ответила Мари. — Как твои расчёты?

— Порядок.

— Что говорят звездочёты из Академии? Мы успеваем?

— Похоже, да.

— Как дела у Мики? В наш последний сеанс связи он жаловался, что из-за этого чёртового апокалипсиса совсем забросил свой институт и мотается по планете, наблюдая, как идут дела на стройках.

— Да всё нормально. Кстати, тебе подарочек от Эльзы, — Ник протянул ей планшет и нажал воспроизведение. — Можешь больше не переживать, Аннабель жива и здорова.

— Значит, она уже в Академии, — сказала Мари, глядя не столько на сестру, сколько на Тьена, который обнимал Аннабель за плечи и что-то с улыбкой ей говорил.

— Мари! — окликнул её Ник, и она непонимающе посмотрела на него. — Всё же ты расстроилась, — констатировал он.

— И да, и нет, — девушка выключила видео. — Тьен был моей первой любовью, а такое сразу не забывается, — с грустью проговорила она.

— Да, такое сразу не забывается, — подтвердил Ник и, заключив её лицо в ладони, поймал её потерянный взгляд. — Хорошенько подумай, ты действительно разлюбила своего Моррисона?

— Если хочешь знать кого из вас я выберу, то тебя, — не колеблясь, сказала Мари, и он смерил её задумчивым взглядом.

— Хочу, чтобы ты знала, я не виню тебя за любовь к Моррисону. И ты не вини себя за то, что разлюбила. Чрезмерное половодье чувств, как внешняя вода, не может длиться вечно. Прими это как данность... Наверное, иначе не бывает, когда чрезмерно идеализируешь предмет своей любви. И всё же, первая любовь прекрасна и безумно жаль, когда она уходит, причём уходит не потому, что разлюбил, а так уж распорядилась судьба.

На лицо Ника легла тень печали и... застарелой сердечной боли. Мари во все глаза уставилась на него, но он не замечал её внимания.

— Ник! — позвала она, когда любопытство и ревность к неизвестной сопернице достигли апогея.

— Извини, — взгляд Ника прояснился и его глаза остро блеснули. — На чём мы остановились? Ах да, на Моррисоне и твоей сексуальной тяге к нему.

Покоробленная его словами, девушка сердито поджала губы: «Вот гад! У него, значит, первая любовь, а у меня всего лишь сексуальная тяга!»

— Вообще-то, речь шла о первой любви, — сдержанно проговорила Мари.

— Думаю, ты ошибаешься, — уверенно заявил Ник. — И нечего злиться, не ты первая путаешь сексуальное влечение с любовью.

— Ладно, — усмехнулась Мари. — Предположим, у меня было сексуальное влечение к Тьену. И чем оно отличается от любви?

— Ну знаешь! После сегодняшнего ты уже должна знать, что такое сексуальное влечение, — последовал ответ и у неё заняло сердце.

— Тогда скажи мне, что такое любовь, — потребовала она.

— У любви миллион определений и это говорит о том, что у этого понятия вообще нет определения. Как и многое в области чувств, это схематичное обозначение индивидуального восприятия, которое в каждом конкретном случае зависит от разных факторов. Иногда любовь путают с зависимостью от другого человека, а этого легко добиться. В общем, ты требуешь ответа на вопрос, который относится к философской стороне бытия.

«Остаётся лишь позавидовать способности мужчин высасывать из пальца пустые определения, когда они не хотят отвечать на поставленный вопрос или им нечего сказать», — с грустью резюмировала Мари и, улегшись на подушки, закрыла глаза.

— Ну, чего ты молчишь? — не утерпел Ник.

— Я тебя услышала, — отозвалась Мари.

— Что именно ты услышала?

— Что у нас сексуальное влечение.

— Верно, — Ник помолчал. — Я тебя не люблю. Во всяком случае, пока. Нет смысла лгать, ты знаешь это сама.

«Вообще-то, я не знала и, если честно, предпочла бы и дальше этого не знать», — вздохнула Мари.

— Тогда что будем делать? Отправишь меня домой? — поинтересовалась она.

— Нет, ты моя алин, — Ник потянулся её поцеловать, но Мари его оттолкнула.

— Алин? — фыркнула она. — Так ты зовёшь временных подружек?

— Нет, свою невесту.

— Невесту? — Мари в недоумении хлопнула глазами.

В следующее мгновение она кубарем скатилась с постели и исчезла за дверью.

Ник, приоткрыв рот, посмотрел ей вслед. «Крейд! Это что было?» — пробормотал он и затребовал у тиарана запись бегства Мари. После просмотра раскадровки он помрачнел. «Не похоже, что она обрадовалась моему предложению. С другой стороны, сбежала и сбежала. Так даже лучше. Жениться нужно по любви, а не из-за чувства долга. Вот если бы это была Лотилана, тогда другое дело...» Имя любимой погасило его раздражение, а затем, будто заветный сезам, отворило потаённые уголки памяти и его со страшной силой потянуло к родному дому, по которому, не переставая, тосковало его сердце.

Прошлое вырвалось из-под контроля и на Ника, будто вода из плотины, обрушились воспоминания отрочества. Он увидел, что стоит на берегу моря и с беззаботностью щенка радуется утренней прохладе и свежему бризу с привкусом соли. Сколько он себя помнил, он затемно вставал и удирал из дома, чтобы встретить солнце, пока ещё оно не кипит полуденным ультрафиолетом, который в летнюю пору способен сжечь глаза и кожу.

В юности счастье беспричинно. Вот и он, пятнадцатилетний, беспричинно счастлив, слыша, как мерно шумит море, бьющееся о скалистые берега, и пронзительно кричат луторо, кружащиеся над пляжем.

А может, это счастливое состояние вызвано предчувствием любви? — подумалось Нику и его сердце радостно забило. Он понял, что сегодня тот самый день — день, что станет самым счастливым в его жизни. Правда, мальчишка-подросток, каким он был в то время, ещё не знает об этом. Не обращая внимания на нетерпение своей взрослой тени, он не спешит и, сняв обувь, с наслаждением загребает босыми ногами песок, — мелкий и белый как тростниковый сахар, и попутно собирает всякую ерунду. Как правило, это камешки и ракушки, но временами ему попадаются полуживые морские обитатели, выброшенные на берег, и тогда, охваченный исследовательским пылом, он достаёт нож. Вскоре, привлечённые кровью, у берега мелькают спины крупных морских хищников и мальчик, обстреляв их камнями, складывает руки рупором и звонкое эхо разносит его ликующий победный вопль.

Наконец он срывается с места и со всех ног мчится к высокому обрыву, на котором всегда встречает рассвет. При виде каменной стены, на которую ему предстоит взобраться, Ник оторопел — в детстве он не замечал, насколько она крута и опасна.

К своему счастью, мальчик ловок как обезьяна. Минут пятнадцать рискованной акробатики на стене и вот он наверху. Порадовавшись этому обстоятельству, Ник переводит дух. «Крейд, кажется, я старею», — думает он с некоторым смущением, и тут на глаза ему попадает скамья с навесом, которую райта Нида распорядилась поставить для своего горячо любимого сына. «Мама! Отец!» — боль утраты так сильна, что у Ника

перехватывает дыхание.

Но его юной ипостаси нет никакого дела до его переживаний. В радостном нетерпении мальчик бежит в направлении моря и, сев на самый край обрыва, ждёт восхода солнца.

Захваченный величественный зрелищем, Ник в какой-то момент ощущает, что чувства мальчика, это его чувства и ему думается, что они как целительный бальзам для его души, погрязшей в грехах.

И вот, из глубины моря, подобно диковинной жемчужине, всплывает огромный розовый диск, затянутый туманной дымкой.

Поднимаясь всё выше, солнце окрашивает нежным румянцем лёгкие перистые облака; сегодня они похожи на волшебных птиц, танцующих на тёмно-синем небосклоне. Это так красиво, что у Ника наворачиваются слёзы на глаза. «Наивный ребёнок», — улыбается он, когда мальчик вскакивает и кричит от полноты чувств.

Потрясённый чудесным зрелищем, он даже вздрагивает, когда раздаётся весёлый возглас и приказ: «Эй, Ники, не смей без меня встречать рассвет!», отданный звонким девичьим голосом.

Донельзя взволнованный Ник вместе с мальчиком стремительно оборачивается. Раскинув руки, к нему бежит... нет, летит белокурая девочка-подросток, прекрасная как ангел, и за её спиной в предутренних сумерках белеет Риоголиз, сосредоточие королевской власти и его родной дом. «Интересно, если бы не астероид, как бы я прожил свою жизнь?» — с печалью думает Ник, но девочка стремительно приближается и он, забыв обо всём, поспешно преграждает ей дорогу — ловит буквально в последнее мгновение.

«Лоти, с ума сошла? — кричит он, чувствуя, как испуганно колотится сердце. — Дура! Ты же свалишься с обрыва!» В ответ девочка лишь смеётся. «Ага, испугался! Так тебе и надо, обманщик! В следующий раз не будешь удирать без меня. Ники, как тебе не стыдно? Ты же обещал взять меня с собой».

Лотилана поднимает голову, и Ник тонет в глубине её удивительных серебряных глаз. И тогда на смену злости приходит иное чувство. Любовь, как бабочка из кокона, рвётся на волю. «Лиа миа, лотиэлино!» — кричит он с восторгом и, подхватив Лотилану на руки, кружит с ней по обрыву и она, как птица, раскинув руки, вторит ему счастливым смехом.

От воспоминаний о полудетской любви у Ника сладко защемило сердце, но вид забытого Мари свитера вернул его к настоящему. С брезгливым выражением он швырнул его в утилизатор, после чего взял планшет и посмотрел на улыбающегося Тьена и на счастливое личико Аннабель. «Первая любовь? Бедная Мари! Он уже и думать о тебе забыл, а ты всё переживаешь, — подумал он с пренебрежением. — Впрочем, ты не Лотилана, чтобы долго о тебе помнить... Крейд! Нашёл с кем сравнить мою прекрасную леди! Лотилана — идеал возлюбленной, а Мари — ничтожная девчонка, у которой нет ни вкуса, ни манер. И это моя алианс?.. Похоже, я погорячился. Единственное достоинство Мари — это чистота крови, но с учётом её незаконного происхождения, она мне не пара. К тому же, не случись катастрофы, быть бы ей рабыней и при её способностях секс с ротой солдат — это как раз её уровень», — злорадно подумал Ник, задетый бегством девушки.

Неожиданно память выдала ему ещё одно воспоминание из прошлого. Как совсем юная Мари, распятая на деревянном топчане, с отчаянием затравленного зверька смотрит на окружающих её мужчин и тихо всхлипывает. К топчану подходит Владислав, глава вампирского гнезда, и вслед за ним идёт его жена. Встав рядом, она с удовольствием наблюдает, как он насилует девочку. Затем его место занимает второй по старшинству

вампира гнезда и она, заметив, что Владислав медлит с уходом, с яростью бросается к Мари, но тот хватается её за руки и вытаскивает из комнаты.

«Крейд!» — Ник поспешил стереть в памяти мерзкую картину, увиденную глазами одного из насильников. Уколы совести не давали ему заснуть и он, повертевшись с боку на бок, вскочил и отправился к Мари.

— Спишь? — миролюбиво спросил он, склонившись над девушкой.

— Сплю, — ответила она. — А что, нельзя?

— Вообще-то, я жду ответа, — сказал Ник и поцеловал её в висок.

Мари отвернулась к стене и с головой накрылась одеялом.

— Ты о чём? — спросила она без интереса в голосе.

— О своём предложении, — с готовностью сообщил Ник и, отбросив одеяло с головы девушки, с нежностью провёл по её взлохмаченным волосам.

— Что ты мне предложил? — не сдавалась она.

— Руку и сердце.

— Нет. Я не принимаю твоё предложение.

— Почему?

— Твоё предложение — фикция. Ты меня не любишь.

— Мари, я не говорил, что ты мне не нравишься, — мягко возразил Ник, который был само терпение. — Ты сказала, что не пришла бы ко мне, если бы я тебе не нравился. Так и я не сделал бы тебе предложение, если бы не питал к тебе никаких чувств.

Девушка резко повернулась к нему.

— Вопрос в том, что за чувства ты питаешь. Судя по тому, как ты морщишься каждый раз глядя на меня, это не слишком похоже на симпатию.

— Да, мне не нравится, как ты выглядишь и ведёшь себя, но разве меня беспокоило бы это, будь я к тебе равнодушен? — Ник приложил палец к губам девушки, собравшейся ему возразить. — Золотце, я понимаю твои сомнения и всё же, дай нам шанс. В конце концов, брак — любви не помеха.

— Ну, не знаю, — засомневалась Мари. — Если ты так уж зациклился на браке, можем заключить временный контракт, — сказала она, припомнив трагическую историю математика Саади.

— Наш брак будет заключён по эрейским законам, — твёрдо сказал Ник. — Не бойся, я дам тебе время на их изучение, во избежание дальнейших недоразумений. Сейчас же просто ответь, ты будешь моей алиной?

— Ну... Давай попробуем.

— Конкретней! Да или нет?

Помедлив, Мари согласно кивнула.

— Да.

На этот раз Ник был необычайно нежен и предупредителен в сексе и её сомнения растаяли как дым. Когда он ушёл, Мари обняла подушку, хранящую запах его парфюма, и расплылась в счастливой улыбке. «Невеста, да?» — шепнула она и от полноты чувств радостно взвизгнула. «Да! Да! Да!» — закружилась она по комнате.

«Вот и всё, обратной дороги нет», — подумал Ник, выйдя от Мари.

В его душе боролись противоположные чувства. Добившись согласия девушки, он отрезал путь к отступлению не только ей, но и себе. Ведь алины по эрейским законам

практически была уже женой и не важно давалось согласие письменно или устно с привлечением свидетелей. В их случае подтверждением заключения брака выступала запись тиарана.

И хотя Ника с новой силой обуревали сомнения в правильности сделанного выбора, у него не возникло даже мысли, что он может отказаться от Мари, пользуясь тем, что никто кроме него не знает положений Брачного кодекса Коалиции Священных королевств, принятом на Арее. Пусть он остался единственным представителем своего народа, моральные нормы и критерии эрейского знатного общества, вложенные в него воспитанием, никуда не исчезли и составляли неотъемлемую часть его натуры.

Особенно жёсткими на Арее были требования к членам правящих королевских семей. Ник был прав в том, что там Мари ни при каких обстоятельствах не стала бы его женой — даже если бы его выбор пал на неё и она отвечала бы всем требованиям, предъявляемым к знатной эрейке, ему всё равно не дали бы жениться на ней. Во-первых, сговоры по бракам в правящих королевских семьях заключались ещё до рождения наследников. Во-вторых, как незаконнорожденную Мари действительно продали бы в рабство — в качестве наказания её родителям. Правда, ей не грозили ни солдатские, ни рабские казармы. Скорей всего её купила бы бездетная семья королевских кровей, и она стала бы её наследницей по женской линии, но положение приёмыша было неизмеримо ниже того, какое она занимала бы, родись в законном браке родителей.

Насколько знал Ник, его отец, рай Таятан, был единственным на протяжении многовековой истории королевства Лето, кто пошёл вразрез с требованиями брачных обычаев и, отказавшись от предназначенной ему невесты, женился на простой дворянке, какой была его мать райта Нида. Конечно, были ещё рай Контан и райта Кайдиэль, но это был совсем другой случай.

Женитьба на любимой стоила раю Таятану годового дохода королевства, который он отдал в качестве откупа семье обиженной им невесты. Ник знал, что отец ни разу не пожалел о своём поступке и до самой смерти любил его мать. Они оба любили друг друга, и они любили его, своего сына. «К тому же отец любил эту дрянь, что погубила твою нерождённую сестру, и чуть не погубила твою мать и тебя, а ты женишься на её дочери», — напомнил себе Ник.

И всё же, несмотря на неугасимую ненависть к Ризе, он, вопреки опасениям, не нашёл в себе прежней неприязни к Мари. «Значит, всё что остаётся сделать, это привить девчонке манеры благородной эрейки, что обещает стать ещё одним занимательным экспериментом по укрощению строптивой», — пришёл он к заключению и похлопал критой по ладони.

[1] Фонарный переулочек в дореволюционном Санкт-Петербурге прославился как район «красных фонарей», оттого дразнилка «дурочка из Фонарного переулочка» стала обозначением женщины сомнительного поведения.

[2] Спасибо, что почтили меня своим ответом, ваше высочество (фр. яз.).

ГЛАВА 19. Сказочный принц всем хорош: и красив, и умён. Одна беда — у него замашки Синей бороды

С утра следующего дня Ник поднял Мари ни свет ни заря. Несмотря на её недовольство и попытки укрыться под одеялом, он не оставлял её в покое и когда ему надоели уговоры, он, недолго думая, скинул девушку на пол.

— Merde! Я же ударилась!

— Вот это мне и не нравится.

— Можно подумать, что я в счастье, — буркнула Мари. Потирая ушибленный бок, она разлепила глаза и глянула на часы. — С ума сошёл? Пять утра. У нас что, ЧП на базе?

— С этого дня у тебя начинается подготовка к свадьбе. И кстати, я просил не называть Риоголиз Старой базой.

— Что? Какая ещё подготовка к свадьбе? — простонала девушка, сидя с закрытыми глазами.

— С твоими умениями чрезвычайно плотная по времени. Иначе мы поженимся лишь к старости.

— А ты не мог сообщить об этом после завтрака?

— До завтрака я хочу с тобой позаниматься на иметис. Так что подъём и марш умываться.

Перестав раскачиваться, Мари усилием воли заставила себя открыть глаза и с удивлением воззрилась на украшенные причудливой фурнитурой матово-поблескивающие чёрные сапоги, что оказались в поле её зрения.

— Славные ботфорты! Не знала, что по утрам ты занимаешься верховой ездой. Слушай, а почему я не видела лошадей на Старой базе, пардон, Риоголизе? Конечно, кроме тех, что в зоопарке, низкорослых и пятнистых, как лошади Пржевальского. Что-то не верится, что ты едешь на них... О! — воскликнула она, подняв голову. — В честь чего сей дивный маскарад?

Действительно на Нике вместо привычных джинсов и футболки был эрейский наряд — тёмно-фиолетовый камзол и облегающие брюки, отделанные богатой серебряной вышивкой. «Кажется, у знати времен Наполеона, такие штанишки назывались лосинами. Жаль, что в наше время ими больше увлекаются женщины. Мужчина в лосинах — это нечто. Выглядит неприлично, но сексуально...»

— Ой! — Мари с недоумением посмотрела на набухающий красный рубец на руке.

— Извини, давно не пользовался критой, — сказал Ник и, свернув плеть, нетерпеливо посмотрел на девушку. — Алин, поспеши. Иначе мы ничего не успеем.

— Ладно, изверг! Так и быть, я пошла умываться.

По возвращении из ванной она остановилась в нескольких шагах от Ника и после придирчивого осмотра подняла большой палец — в знак одобрения.

— Такой красавец, что хоть сейчас на обложку модного журнала. И вообще, представляю, какой бы поднялся ажиотаж среди женщин, появись ты в таком виде на улице, — сказала она с восхищением.

Насколько Мари могла судить, со времён, к которым относилось её видение, эрейская мода на одежду не претерпела особых изменений. Разве что в ней стало меньше вычурности

и больше элегантно́й простоты, но общий стиль одеяния почти не изменился. Единственно́ чем он отличался — это подбором оружия на поясе. На смену традиционному мечу пришёл бластер[1], но и тот мирно соседствовал с кинжалом в кожаных ножнах и неизменной плетью.

Плаща и броских драгоценностей на Нике не было, но в расстегнутом вороте нарядной рубашки виднелся необычный медальон — это был квадрат, образованный четырьмя кошками. Снежный барс злобно скалился на насторожённого чёрного ягуара, а полосатый рыжий тигр задумчиво взирал на высокомерную золотую львицу. Звериный квартет, в свою очередь, был заключён в круг, сияющий алмазным блеском. Заметив, что головки зверёнышей венчают радужные короны, Мари потянулась было к медальону, желая рассмотреть его поближе, но Ник отвёл её руку.

— Это кайд, символ власти правящего дома Лета. Пока ты не райдиэль, ты не имеешь права его касаться.

— Что будет, если я коснусь его случайно? — поинтересовалась Мари.

— В таком случае я буду вынужден тебя обезглавить, — сказал Ник без тени улыбки и, спрятав кайд в вырезе рубашки, застегнул пуговицы. — Это чтобы у тебя не возникло соблазна проверить мои слова, — пояснил он.

Мари сразу же вспомнилось видение из эрейской старины, где головы рубились как кочаны капусты, и спешно спрятала руки за спиной.

— Не бойся, не возникнет. Так в честь чего твой маскарад?

— Ритен всегда проводится в национальной одежде. Ритен — это система обучения в дворянских и знатных семьях. Практику ты будешь проходить под моим руководством, а теорию, как я уже сказал, тебе придётся изучать самой. Идём. Мы будем заниматься в тренажёрном зале.

— Постой! Разве мне не полагается эрейский прикид?

— Полагается. Но на первых порах он тебе не понадобится, — сказал Ник и подтолкнул девушку к выходу.

Тренажёрному залу предшествовал оружейный зал и Мари, которой ещё не доводилось быть в этой части Риоголиза, уважительно присвистнула при виде выставленного здесь арсенала. И в самом деле, на стеллажах и в витринах было столько оружия, что его хватило бы на небольшую армию. Правда, экспозиция современного оружия занимала куда меньшую площадь, чем архаика различных эпох.

— Это всё настоящее? — спросила она.

— Отец успел накрыть Риоголиз сверхпрочным куполом, но тот не выдержал испытания временем. Тем не менее большая часть построек и вещей сохранились, — ответил Ник.

Когда они пришли на место, он ткнул плёткой в направлении квадрата на полу, образованного плащами, он был восемь на восемь метров, как впоследствии узнала Мари.

— Сними одежду и встань в центр иметиса, — распорядился Ник. — Сейчас он полностью в твоём распоряжении. Я буду находиться за его пределами. Твоя задача не выходить за пределы иметиса и двигаться так, чтобы я не достал тебя критой.

С этими словами он выдернул из трубки, служащей рукоятью, около трёх метров тонкой кручёной бечевы.

При виде этого Мари насторожённо посмотрела на Ника. Осанка и выражение лица выдающее непомерную гордость, навели её на мысль, что она совсем его не знает. «Oh mon

dieu! О чём я только думала, когда попёрлась к нему в кровать? Ведь Ник — настоящий инопланетянин. Что творится в его голове, вряд ли знает даже Мика. Замуж за него? Да ты Палевская, сошла с ума! Он тебе совсем не пара...» Свист криты отвлёк её от размышлений о странном замужестве.

— Мари, соберись!

— И почему у меня такое чувство, что ты решил устроить мне порку с утра пораньше? — проворчала девушка.

— Можно и так сказать, но порка будет по правилам. Пропустив четыре удара, ты встаёшь на колени и опускаешь голову, в знак того, что признаёшь поражение. Но учти, ты должна продержаться хотя бы две минуты. Иначе пятиминутный перерыв и всё сначала.

— Охренеть! — буркнула Мари, но видение говорило, что Ник не самодурствует. Эрейцы сражались на таких же иметис, только условия были жёстче — там в иметис находился ещё противник и вместо плёток были мечи.

Сердито фыркнув, девушка начала раздеваться и Ник, не ожидавший, что она так легко сдастся, облегчённо выдохнул.

— Готова? — спросил он, когда она встала в центр иметис. — Будь осторожна, не наступай на плащи, иначе поскользнёшься и упадёшь, — предупредил он.

— Давай уж начинай, пока я не передумала, — сказала Мари и напряжинилась, наблюдая за приближением Ника.

По его хронометражу она продержалась семь секунд. После третьего раунда, когда девушка завопила, что он требует невозможного, он разделся, укоротил криту до метра и, выйдя на иметис, показал ей, что это не так. Несмотря на все старания Мари, она ни разу его не достала, и он легко уходил из-под удара криты, заменяющей меч. Затем они поменялись местами и после получасового избиения младенцев, в чьей роли выступала Мари, ей лишь раз удалось продержаться пятнадцать секунд. После этого Ник заставил её выполнить серию специальных упражнений на тренажёрах, на которых она окончательно выдохлась и, не слишком изящно спрыгнув с брусьев, распласталась на полу.

«Всё, больше не могу», — просипела девушка, запалённо дыша.

«Пять минут», — сказал Ник и удлинил жало криты.

Время пролетело как единый миг и Мари, уходя из-под удара плети, едва успела откатиться. На этот раз Ник гонял её по всему тренажёрному залу. Удары сыпались один за другим и вскоре она уже внутренне сжималась, слыша свист бичевого, рассекающего воздух.

Ник не слушал её протестующих криков и остановился лишь тогда, когда девушка сжалась в комок и, не обращая внимания на его удары, закрыла голову руками. «Крейд!» — расстроился он, поняв, что вошёл в раж и основательно её исполосовал.

— Не плачь! — он прижал её к себе. — Кажется, я несколько поторопился, стараясь впихнуть в тебя то, чему меня учили двенадцать лет. Обещаю, впредь это не повторится.

— Ну, нет! — вскинулась девушка. — И даже не мечтай! Больше я не позволю издеваться над собой.

— Потерпи, Мари. Всем тяжело на первых порах, потом будет легче.

К ним подплыла медицинская платформа и Ник взял заживляющий спрей, собираясь нанести его на тело девушки, пестрящее свежими рубцами. Оттолкнув его, она сверкнула глазами.

— Ты не понял? Поищи себе другую дурочку для битья, а я пас.

На лице Ника появилось жёсткое выражение.

— Ты моя алин и обязана подчиняться мне, следовательно, никаких капризов. Занятия продолжатся до тех пор, пока я не сочту, что ты соответствуешь моим требованиям.

— Плевать мне на твои требования и алин тоже! И вообще, я тебе больше не невеста, — заявила Мари. Болезненно морщась, она направилась к брошенной ею одежде.

Удар, ожегший спину, застал её врасплох.

— Алин, на колени! — услышала она голос Ника и, не веря своим ушам, обернулась.

— Что ты сказал?

— На колени. Живо! — рявкнул Ник.

Не удовольствовавшись этим, он отвесил девушке ментальную оплеуху, отчего у неё потемнело в глазах и она, вопреки своей воле, рухнула на колени.

— Скотина! — простонала она и осеклась, поймав взгляд Ника.

— Ещё одно слово в том же духе, и ты пожалеешь, что родилась, — мрачно сказал он, глядя на неё ненавидящими глазами. Во всяком случае, Мари так показалось.

«Вот и вся любовь», — обескураженно подумала она и, как всегда, в таких случаях, ощутила себя бесприютным щенком, которого никто не любит, не жалеет и пинают все кому не лень.

— Не ревь! — снова рыкнул Ник. — Голову вниз. Руки на колени. Повторяй за мной: «Мой райделин, я была не права. Простите». Мариэль, я должен отхлестать тебя, чтобы ты наконец соизволила попросить прощения за свою наглость?

— Да в чём моя наглость? — взвилась Мари и вскрикнула, когда крита снова обожгла ей спину.

— Опустить голову, я тебя не простил. Ты посмела сказать, что отказываешься от звания моей алин. Будь мы на Арее, отказ стоил бы тебе жизни, а ты смеешь спорить со мной из-за простого извинения. Ну? Сколько мне ещё ждать? — разозлившись, Ник ударил девушку так, что крита распоролла ей кожу на спине.

— Мой райделин, я была не права. Простите, — глотая слёзы, прошептала она и, вскочив, во всех ног бросилась к выходу из тренажёрного зала.

— Тиаран, дай ей полный доступ к Риоголизу, иначе эту дуру прибьёт система безопасности, — распорядился Ник и, сев, сложил руки на коленях. — Проклятая девчонка! Ведёт себя так, будто я обращаюсь с ней как последний садист. Тебя бы на денёчек к сентано Боledo, моему наставнику по ритену, чтобы ты ощутила разницу, — с расстройства он стеганул критой по спортивному мату, на котором сидел. — Да я, к твоему сведению, каждый день ходил разрисованный с головы до ног и ничего, не жаловался!.. Попробовал бы я у сентано Боledo пустить слезу или захныкать, да он спустил бы с меня шкуру и был бы в своём праве. Мы принадлежим к правящему дому и должны быть готовы ко всему. Как же ты защитишь себя и наших детей в случае опасности? Сядешь и будешь рыдать, глядя как вас убивают? Ну нет! Ревь сколько хочешь, но я заставлю тебя заниматься.

Действительно, Мари и думать забыла о системе безопасности и опомнилась лишь тогда, когда оказалась за пределами дворца. По мере того, как она обдумывала происшедшее, обида на Ника уступила место тревоге. Ритен и находки в его спальне приоткрыли ей такую сторону его натуры, которая совсем её не обрадовала. В мучительных раздумьях она остановилась и прислонилась было к дому, но леденящий холод стены заставил её отшатнуться. «Какой хозяин, таков и дом», — подумала девушка, вспомнив, каким теплом её встретила та же стена, когда она впервые появилась в Риоголизе. Заслышав знакомый шум воды, она направилась к водопаду, но быстро продрогла и вернулась в дом. Маршрут был

знакомым, но она шла с опаской и облегчённо выдохнула лишь тогда, когда закрыла за собой двери, ведущие в её комнаты. Вопреки её опасениям, система безопасности не сработала.

Мари зря надеялась, что Ник разозлился и вечером не придёт — он пришёл и снова был нежен. Будто ничего не было: ни иметис, ни садисткой физподготовки, ни ментальной оплеухи, от которой у неё потемнело в глазах; будто не было постановки на колени с угрозой выпороть, ни кровоточащего рубца на спине, который она сумела залечить только к вечеру.

Напоминая себе об этом, девушка всячески старалась сохранить обиду на Ника, но её решимость дать ему от ворот поворот быстро таяла под воздействием его нежных объятий, долгих страстных поцелуев и восхитительного секса. Видя такое дело, она всё же выбрала момент и отстранилась от него.

— Хватит! Я вижу, ты хочешь меня умаслить, чтобы я с тобой не порвала, но, после того что сегодня было, я не куплюсь на твои нежности.

— Умаслить тебя? — удивился Ник. Тут до него дошло, что она имеет в виду, и он вздохнул, предвидя неприятное объяснение. — Мари, мне нет нужды тебя умасливать. Как моя алин, это ты должна мне угождать и, если я буду доволен, тебе же лучше.

— Слушай, что-то я не понимаю, алин это какая-то разновидность рабства? — рассердилась Мари.

— Нет, алин это будущая жена. Прежде чем оформить брак официально, у нас девушку передают в семью мужа, чтобы проверить её на предмет физического, умственного и психологического здоровья, а также воспитания и умений. Заодно она привыкает к укладу в новой для себя семье.

— В таком случае ты можешь смело отказаться от меня, — обрадовалась Мари. — Ты же сам видел, я ничего не умею.

Ник насмешливо хмыкнул.

— И даже не мечтай! Могу сказать тебе в утешение, что маме тоже трудно пришлось, когда отец объявил её своей алин. Правда, она прошла обучение, но это был ритен, принятый в дворянских семьях. В королевских семьях, тем более в правящих домах, подготовка на порядок сложнее, — выражение лица Ника заметно смягчилось. — Мама потом смеялась, что тоже чуть было не сбежала от отца, но вовремя одумалась.

— Ну конечно! Когда грозит потеря головы, я бы тоже сто раз подумала, прежде чем пуститься в бега.

— Нет, райту Ниду это не удержало бы, не та натура. Она осталась, потому что любила отца, — сказал Ник и неожиданно ущипнул Мари за грудь.

— Это что было? — отпрянула она.

— Мои ощущения от твоих любовных ласк, — злорадно ухмыльнулся он и привлёк её к себе. — Давай ты заодно поучишься, как доставлять мне удовольствие, а то у нас в этом деле односторонний процесс. Я тоже хочу, чтобы ты ублажала меня.

Припомнив, что он вытворял с её телом, Мари почувствовала, как загорелись щёки.

— Может, не надо? Сам же сказал, что я бесталанная в этом деле.

— Или ты учишься, или это, — Ник выразительно провёл ладонью по шее. — Мужчины и женщины дома Лето всегда славилась как лучшие в мире любовники, ты не должна марать доброе имя предков.

— Ладно-ладно, я же не отказываюсь, — пошла Мари на попятный и он, прежде чем улечься на живот, подтолкнул к ней висящий в воздухе столик, заставленный специальными приспособлениями, усиливающими сексуальное влечение.

— Э-э... а с чего мне начать? — озадачилась она, глядя на непонятные предметы.

— Хочу цветочный массаж, — мечтательно произнёс Ник и указал на высокую розовую шкатулку в форме широкого бокала. — Открой, только не дотрагивайся до самого цветка, — предупредил он.

Преисполненная любопытства Мари откинула крышку. Внутри шкатулки лежало нечто, похожее на росянку непентес в окружении мясистых щупальцев, свёрнутых в кольца.

Видимо, она была неосторожна, вытаскивая растительного осьминога и тот, выстрелив жгутом, сначала обвился вокруг её шеи, а затем облепил лицо, и она почувствовала, как цветок, похожий на мужской член, упорно лезет ей в рот. Добившись своего, он начинал ритмично пульсировать, заливая ей горло вязкой жидкостью. Сколько она ни старалась оторвать его от себя, всё было бесполезно.

Когда Ник снял с неё растительного насильника, красная как рак, Мари была уже близка к обмороку. Кашляя и отплёвываясь на ходу, она бросилась в ванную комнату и, хотя у любвеобильной росянки был приятный привкус, её всё равно вырвало. Едва она успела отдышаться и прополоскать рот, как услышала нетерпеливый зов.

Войдя в комнату, она обнаружила, что Ник по-прежнему лежит на спине и росянка, елозя щупальцами по его заду, приготовилась изнасиловать и его.

«Oh mon dieu!» — Мари собралась снова рвануть в ванную, но Ник заставил её сесть ему на спину и велел подстёгивать росянку при помощи специального стрекала. Затем, содрогнувшись в оргазме, он уложил девушку на живот и, снабдив увесистым шлепком по ягодицам, вошёл в неё сзади — причём не один, а вместе с росянкой. Щетинистый жгут, обвивший его член, вызывал болезненные ощущения, а шевелящийся кончик вызывал оторопь, наводя на мысли о сатане в образе змея, но это было впервые, когда Мари, достигнув пика, потеряла над собой контроль и зашлась в крике.

— Слава Священному Яруару! — выдохнул Ник, покрытый плёнкой пота. — Я уж думал, что никогда не добьюсь от тебя реакции, адекватной моим усилиям.

Придя в себя Мари повернулась к нему.

— Ник, а ты... — нерешительно начала она, не зная, как сформулировать вопрос, чтобы он не разозлился.

— Не мучайся, я не склонен к мужчинам, — пришёл он ей на помощь. — Наставники учили, что нужно пользоваться всеми плотскими удовольствиями. Если анальный секс приятен, то нет причин от него отказываться. К тому же слоромский душитель ничем не хуже партнёра-мужчины.

— Слоромский душитель? — Мари опасливо покосилась на эрейскую росянку, переместившуюся в шкатулку. — Он живой или искусственный?

— Живой, мне повезло найти его среди руин парка. Раньше эту прекрасную сексуальную игрушку использовали для пыток и казни. Слоромский душитель не совсем растение, это генетически изменённый гибрид с генами осьминога, и у него даже есть зачатки разума, — сказал Ник и потянулся к ещё одному розовому бокалу. — Хочешь тоже попробовать?

— Нет! — поспешно отказалась Мари. — Хватит того, что эта дрянь уже побывала у меня во рту. Если она поймёт меня в зад, моя самооценка окончательно упадёт.

— Зря отказываешься. Уверяю тебя, ощущения незабываемые.

— Верю на слово. Но мне на сегодня уже за глаза и за уши незабываемых впечатлений, — пошевелившись, Мари ощутила, что у неё ноет чуть ли не каждая мышца в

теле, истерзанном сначала занятиями в тренажёрном зале, а затем бурным сексом в постели.

— Свинство! — вздохнула она, глядя на бледно-розовые следы от криты, оставшиеся на теле. — До сих пор не сошло. Между прочим, мог бы не драться, а объяснить словами.

— Как говорил мой личный наставник сентано Боledo, ничто так не способствует усердию ученика, как физическая боль, — поучительно произнёс Ник.

— И часто он тебя бил? — поинтересовалась Мари.

— Поскольку мы с ним были в постоянной конфронтации... — Ник задумался. — Мне не доставалось разве что по праздникам и в дни рождения, мой и родителей.

— С ума сойти! И как долго ты был в ведении этого садиста?

— С трёх лет и до последнего, то есть до пятнадцати. Кстати, сентано Боledo был не единственным моим наставником.

— Кошмар! И все они тебя били?

— Как правило, они оставляли эту честь сентано Боledo, — Ник усмехнулся при виде сочувственного выражения на лице девушки. — Ты бы лучше пожалела моих учителей, поверь, они достаточно пострадали от меня. Дети в эрейских семьях испокон веков были привилегированной кастой. Живём мы долго, по этой причине природа скупится на них. Естественно, детей невероятно баловали, причём не только родители, но и окружающие. А ты знаешь, дай им волю, и они превратятся в исчадия ада. Вот поэтому, чтобы привить дисциплину подрастающему поколению, ритен у простого народа и в дворянских семьях начинался с восьми лет, в знатных семействах с шести, в королевских — с трёх-пяти лет.

— Неужели необходимо было пороть всех детей подряд, чтобы они учились? — спросила Мари.

— Крита — неотъемлемая часть ритена, это совершенно точно. Насчёт обязательности наказаний... — Ник наморщил лоб, вспоминая. — Не знаю, я не интересовался. За редкими исключениями мой день был расписан по минутам, так что было не до этого. Единственно могу сказать, что уж мне-то доставалось в полном объёме, но я не показатель. Как говаривал сентано Боledo, я особо тяжёлый случай в его практике. Тем не менее я не держу на него зла и даже благодарен. Воспитывать королевского отпрыска, как я теперь понимаю, непростое дело. Если бы не твёрдость и мужество наставника, обрубающего на корню все интриги, в которые меня вовлекали по молодости лет, я уже давно рассыпался бы прахом и сейчас не разговаривал с тобой.

— Слава богу, что у нас, вампиров, всё не настоль остро, как было у тебя на Арее.

Ник бросил на девушку ироничный взгляд.

— Просто Мика не посвящает тебя в свои дела, поэтому ты живёшь в счастливом неведении. Ладно, хватит болтовни. Давай в душ и спать, а я пошёл к себе. Завтра подъём в пять утра.

— Что, опять? — вскричала Мари. — Умру, но не встану, — решительно заявила она.

Ник потянулся и сладко зевнул.

— Встанешь. Иного времени у меня нет. Это ты бездельничаешь, а у меня работы выше крыши, как говорят мои новые друзья из спецназа.

— Давай помогу с расчётами, — предложила Мари.

— Для этого есть тиаран. К тому же я хочу, чтобы ты изучила уклад эрейской жизни. Чем быстрее ты освоишь наш язык и обычаи, тем лучше.

— Вот зачем тебе это? Ник, честное слово, я не понимаю! Ведь Ареи больше нет. Мир изменился. Он больше не будет таким, каким ты его помнишь.

— Замолчи! — сверкнул глазами Ник. — И впредь не смей поднимать эту тему.

— Но почему? — воскликнула Мари, хотя видела, что он злится.

— Потому что я так сказал, — уже спокойней ответил он и в качестве аргумента добавил: — Мари, ещё слово и вместо сна ты будешь стоять на коленях.

— Самодур! — буркнула девушка, прежде чем уйти в ванную, но он предпочёл сделать вид, что не услышал.

«Почему, почему! Хотя бы потому, что нужно взять тебя под контроль до того, как появится Мика и начнёт выяснять, что здесь происходит. Как будто я не знаю, что ты тут же сбежишь, пользуясь его покровительством», — подумал Ник, оставшись один.

— Тиаран, одежда для Мари уже готова? — поинтересовался он вслух.

— Нет, мой райделин. Портниха сказала, что слишком необычные фасоны и просила ещё два дня, — последовал ответ.

— Всё равно выбрось её тряпки. Все до единой, видеть их больше не могу.

— Слушаю и повинуюсь!

И хотя поведение тиарана вроде бы ничем не отличалось от обычного, что-то в нём насторожило Ника, и он распорядился провести профилактику центрального процессора.

Будь его мысли менее заняты Мари, он бы заметил лёгкий вздох, который издал искин после его приказа.

По пути к себе Ник никак не мог решить, как ему вести себя с девушкой, в том числе в постели. Тот секс, что был у них сейчас, был для него слишком пресным и оставлял его неудовлетворённым. Как большинство эрейской знати, его отличали садистские наклонности, виной чему была природа эреев и не в малой степени институт рабства, сохранившийся на Арее до последнего.

С ранней юности привыкший видеть в рабынях лишь сексуальные игрушки, бесправные и покладистые, Ник с трудом удерживался от такого же отношения к Мари, но он помнил слова наставника о том, что жена — это не только секс, но и соратница в делах, его надёжный тыл и поддержка, на которые он всегда может рассчитывать. «Поэтому, мой райделин, вы должны сделать всё, чтобы жена вас любила, а не боялась. Это значит забудьте о том, чтобы вести себя с ней как с рабыней. Вам это понятно?» — строго спросил сентано Боледо после ухода наставницы по сексуальному воспитанию и для привлечения внимания воспитанника, как следует вытянул его критой по спине.

«Крейд! Может, стоит купить Мари парик, пока не отрастут её собственные волосы? — озабоченно подумал Ник, припомнив, сколько раз был близок к тому, что обойтись с ней как с рабыней. — Нет, ерунда! — тут же отказался он от своей затеи. — Внешность ничего не решает. Она внутренне должна соответствовать образу знатной эрейки, лишь тогда я буду воспринимать её как равную. Ну а там можно будет подумать и о любви, предписанной сентано Боледо, но не раньше».

На этот раз пробуждению Мари предшествовал удар критой. Ничего не понимающая девушка слетела с кровати, и Ник бросил ей вслед пакет со спортивным костюмом, взятым из его собственных запасов.

— Одень пока это.

— Мне твои тряпки ни к чему! — разозлилась Мари, не ожидавшая, что после вчерашнего примирения в кровати он продолжит её бить. Она швырнула пакет обратно.

— Пять минут, — сказал Ник, постукивая критой по ладони, и девушка попятилась в

направлении ванной комнаты, но затем остановилась и вздёрнула подбородок.

— Пошёл к чёрту! Я тебя не боюсь.

— А стоило бы, — сказал Ник, наступая на неё.

И тут Мари почудилось, что это не он, а громадный чёрный ягуар злобно скалит на неё зубы и она, взвизгнув, бросилась в ванную.

Явный страх и паническое бегство девушки поставили Ника в тупик, и он с недоумением посмотрел ей вслед. Первым его порывом было спросить всё ли с ней в порядке, но он ограничился тем, что поднял костюм и швырнул его в ванную комнату.

— Мари, быстрее.

Когда он уже подумывал, а не вытащить ли девушку из её укрытия, как она вышла сама. На ней был спортивный костюм, но не его, а её собственный — линялый, не первой свежести и мятый до невозможности.

Ник скрипнул зубами.

— Тиран! Я же приказал уничтожить *все* её вещи.

— Простите, мой райделин, я не досмотрел корзину с грязным бельём.

— Понятно. Сними это немедленно! — рыкнул Ник на девушку, но она с вызовом посмотрела на него.

— Фиг тебе! Я буду носить, что хочу... Ай! — она поспешно зажмурилась, но плеть лишь свистнула рядом с ней.

— Снимай. В следующий раз не пожалею, — предупредил Ник.

— Деспот, самодур, сатрап, садист, тиран, шовинист, притеснитель женщин, просто редиска! — выдала Мари скороговоркой, но послушалась. Как можно медленней она стянула с себя костюм, действительно вытасченный из корзины с грязным бельём, и он подтолкнул её выходу.

— Брр! Холодно, — сообщила она, выйдя в коридор, и, зябко поёжившись, обхватила себя руками.

— Разодрала мой костюм, значит, терпи... Тут не обязательно читать мысли, — Ник снял с её головы лоскуток чёрной трикотажной ткани. — Между прочим, он новый и вдобавок моя любимая марка.

Мари глянула на него, проверяя его настроение. Судя по сонному выражению лица, оно было довольно миролюбивым.

— Нефиг было трогать мои вещи. Я же твои не выбрасываю.

— У меня нет привычки одеваться как уличные отбросы.

— А у меня есть, и тебя это не касается.

— Теперь меня касается всё, что касается тебя, — отозвался зевающий Ник и, набросив девушке на плечи свой камзол, ухватил её за локоть. — Идём быстрее! Мне сегодня нужно успеть в штаб. Михаэль хочет знать, как продвигаются дела с чертежами топливных узлов звездолёта.

— М-р-р, тёпленько, — довольно жмурясь, Мари запахнула полы камзола, который на этот раз был из тёмного-зелёного атласа и украшен золотым галуном. — И как у тебя дела с чертежами?

— В основном, готово. Остались незначительные детали. Да, пока не забыл, у тебя сегодня первый самостоятельный урок. Тиран подобрал методику обучения языку с учётом твоих способностей. Твоя задача лишь скрупулёзно выполнять его задания.

— Возражения принимаются? — поинтересовалась она, заранее зная ответ, но Ник не

счёл нужным ответить и лишь прибавил шагу, таща её за собой.

В тренажёрном зале он отобрал у неё свой камзол и аккуратно повесил его на специальную подставку.

— В иметис, — последовало краткое распоряжение и Мари тяжело вздохнула:

— Вообще-то, не мешало бы начать с разминки, иначе недолго потянуть мышцы.

— Это тебе не спортивные занятия. Ты должна сразу, без подготовки, входить в боевой режим, — ответил Ник и взмахнул кривой.

После часа изошрённой гимнастики в ограниченном пространстве рекорд Мари составил 25 секунд, а затем Ник снова погнал её на тренажёры. После них он устроил ей бой с виртуальной противницей, которую из-за серебряных волос и таких же серебряных глаз она окрестила Молью. И хотя девушка походила на прекрасного ангела, Мари сразу же её невлюбила. Противница платила ей тем же и раз за разом с садистским удовольствием ставила её на колени. Причём один раз она схватила её за волосы и замахнулась мечом, делая вид, что хочет снести Мари голову и та не на шутку испугалась. Раны хоть и были виртуальными, но болели как настоящие — не слишком сильно, но достаточно, чтобы доставить более чем неприятные ощущения.

К счастью, противница передумала и плашмя ударила её мечом по спине — ударила с такой силой, что Мари вскрикнула от боли и подумала, что виртуальная девица ведёт себя чересчур уж стервозно для того, кто не существует в природе. К тому же наносимые ею удары по большей части носили издевательский характер и почему-то ей не верилось, что Ник запрограммировал симулятор на такие подлые приёмы.

«Почему?», — не удержавшись, спросила она. «Потому что он мой!», — ответила Моль и с яростным криком накинулась на неё.

«Охренеть!» — изумилась Мари и, парируя удар эфемерной противницы, с тоской подумала, что у неё есть все шансы загнуться не столько на иметис, сколько в симуляторе.

Посторонние мысли стоили ей ещё одного проигрыша и она, стоя на коленях, с ненавистью посмотрела на свою противницу, празднующую очередную победу.

Когда Ник наконец выпустил её из симулятора, донельзя злая Мари сразу же направилась к душевой.

— Тиаран, что это с ней? — спросил он, не понимая, почему девушка едва стоит на ногах и вдобавок с неё ручьями льётся пот, в то время как виртуальный симулятор должен был дать ей всего лишь азы владения традиционным мечом эрейской знати и заодно послужить передышкой.

— Мой райделин, ваша алин хорошо владеет туаши и запросила полноценный поединок, — нашёлся искин, сам не понимающий что произошло и почему вместо учебной программы к симулятору подключился тренировочный блок.

— Что? Мари владеет туаши? Это невозможно! — вскинулся Ник. — С кем она дралась?

— С райдиэль Лотианой.

— С ума сошёл? В Лотиану загружена сама сильная программа. Она лучший боец на туаши среди женских спарринг-партнёров, — Ник замер, соображая, как могла случиться такая путаница, а затем затребовал запись поединка. — Нет, с тобой точно что-то не в порядке, — резюмировал он и озабоченно добавил: — Будь готов, вечером проведём полную диагностику.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил тиаран с унынием в голосе, но Ник не обратил на

это внимания. Перебирая детали виртуального поединка, он ломал голову над тем, откуда у Мари взялись навыки владения туаши. Конечно, она была медлительна и неповоротлива, но действовала правильно и некоторые блоки ставила как профессиональный боец. Беспокоило его и поведение виртуальной Лотианы. Когда он выбирал её для спарринга, она никогда не вела себя так, как с Мари. «Нужно будет проверить программу. Может, для сражений с женщинами в ней есть отличия, но что-то я не помню, чтобы их задавал... разве что повлиял встроенный в Лотиану блок саморазвития», — подумал он, хотя не слишком в это верил. Виртуальная Лотиана явно издевалась над Мари и это не объясняли никакие изменения в её программе.

«Крейд, ничего не понимаю!» — подумал Ник с тревогой. Он чувствовал, что творится нечто необычное и это как-то связано с тираном, его верным помощником и слугой, которому он привык доверять как самому себе. «Если он пошёл вразнос, это очень плохо. Нужно будет проверить, хватит ли мощностей процессора Академии и Всемирной Паутины для дублинга его информации...»

— Что случилось? — спросил он, видя, что девушка вышла из душа.

— А то ты не знаешь! Если вознамерился меня убить, честней было бы сделать это самому, а не руками этой подлой виртуальной суки. Или у вас, эрейцев, так принято — унижать человека на каждом шагу? — взорвалась она.

— Постой! — Ник преградил ей дорогу. — Даю слово, я здесь ни при чём. Это сбой в программе.

— Так я тебе и поверила! — сверкнула Мари глазами. — Молодец, классная отмазка! Извини, Мика, я собирался на ней жениться, но она нечаянно загнущась в симуляторе. Бедняжка! Видимо, переусердствовала, готовясь стать моей женой.

— Алин, прекрати! — рявкнул выведенный из себя Ник, и девушка злобно усмехнулась.

— Что, снова поставишь на колени и заставишь просить прощения?

— Нужно будет, и поставлю.

— Чёрта с два! Так и знай, умру, но не встану!

— Встанешь, куда ты денешься! — Ник стиснул зубы, борясь с гневом, а затем заглянул в несчастное лицо девушки и, шагнув к ней, с нежностью обнял.

— Мари, что бы ты себе ни думала, я тебе не враг. Я всего лишь хочу, чтобы ты могла позаботиться о себе. Для этого ты должна научиться эффективно защищаться, а это значит владеть телом и разумом так, чтобы в кризисной ситуации они действовали как единое целое. Тогда правильное решение придёт к тебе само собой, и оно спасёт не только твою жизнь, но и жизни твоих близких. Есть ещё одно немаловажное обстоятельство...

Он заколебался, сомневаясь поймёт ли его девушка; в его глазах она была гениальным учёным и наивной простушкой во всём остальном. В общем-то, он был недалёк от истины. В отличие от математики, в жизни Мари больше руководствовалась чувствами, чем расчётом, тем не менее простушкой она не была.

— Понимаешь, опыт предков показывает, что слабая райдиэль, это опасность для королевского правящего дома. Всегда возможен прорыв противника, несмотря на все принятые меры. Однажды такое произошло при мне и, скажу тебе, это было ужасно. Отец был в отъезде, а я слишком мал, поэтому оборона Риоголиза легла на мамины плечи. Будь она такой же слабачкой, как ты, нас бы всех убили. Потом мама рассказывала, что в тот вечер она почувствовала неладное в ментале и сразу же вызвала подкрепление из ближайшего воинской части и это было спасительным решением. В верхушке гарнизона,

охраняющего Риоголиз, оказалось слишком много предателей. Райта Нида взяла командование на себя и арестовала всех высших сановников. Благодаря её быстрым и решительным действиям удалось почти сразу остановить противника и до подхода помощи не дать ему прорваться внутрь дворца. Тем не менее убитых было столько, что трупы вывозили всю ночь, а затем ещё дней десять повсюду пахло горелым мясом, а на стенах чернели следы от бластеров.

Ник посмотрел на притихшую Мари, которая, прижавшись к нему, внимательно его слушала.

— Но был в истории нашего рода и другой пример. Прапрадед райделин Контан женился на очень красивой девушке. Пока она была его алин, родители заметили, что у Кайдиэль нет ни ума, ни выдающихся ментальных способностей. Разве что она была весёлая и взбалмошная, чем привлекала к себе окружающих и особенно мужчин. Контан влюбился и, несмотря на сопротивление родителей, требующих вернуть девушку в её семью, как неподходящую кандидатуру, всё же женился на ней. Не прошло и года, как рай и райта умерли. Тогда бушевала какая-то непонятная эпидемия, уносящая старшее поколение, и юный балбес унаследовал корону дома Лета. Зная о его привязанности к жене, райту Кайдиэль вскоре похитили и она, плача и умоляя, заставила его сдать врагу. Каким-то чудом Контану удалось вырваться на свободу, и он поднял верный ему полк рейнджеров, но было уже поздно; враг хорошо подготовился и успел захватить основные позиции. Часть вольных государств, которые в то время были нам опорой и поставляли оружие, перешли на сторону врага. Война длилась десять лет. Когда рай Контан вернул Риоголиз, от родного дома остались одни лишь руины. В таком же состоянии находилась половина королевства. Унизительный мир с королевством Зимы стоил нам четверти земель. И заметь, всё это случилось из-за неправильного выбора жены.

Увлечшись, Ник начал рассказывать о предке, преодолевавшем трудности по восстановлению былого могущества, но, умирающая от любопытства Мари, перебила его вопросом о том, что случилось с Кайдиэль.

— После долгих поисков рай Контан всё же её нашёл и вернул домой, — ответил он, забавляясь её нетерпением.

— Ну? Не тяни! Говори, что было дальше.

— Дальше был суд и райту Кайдиэль приговорили к смерти. Сначала её живьём освежевали, а затем порубили на части и отдали на съедение рамейбам[2].

— Кошмар! — содрогнулась Мари, нисколько не усомнившаяся в словах Ника. Такая казнь была вполне в духе эрейцев, которые, судя по видению, не сильно изменились с той поры.

— Вот поэтому я не хочу, чтобы ты закончила как пустоголовая райта Кайдиэль, — подытожил Ник, и девушка фыркнула.

— К счастью, это невозможно, — заявила она.

— С чего вдруг? Всё течёт, всё изменяется. Нельзя предугадать, что ждёт нас впереди. Например, стоит человечеству пронюхать о нашем существовании и на Земле начнётся армагеддон, из-за которого не выживем ни они, ни мы, поскольку не успеем с постройкой звездолётов. В общем, ты должна иметь в виду, что в случае острой ситуации ни я, ни Михаэль не сможем прийти тебе на помощь. Из-за занимаемого положения нам будет не до тебя. И поскольку ты будешь предоставлена самой себе, я хочу подстраховаться и дать тебе возможность защититься самой.

Тут Мари припомнила слова виртуальной красавицы о том, что Ник принадлежит только ей, и, как бы невзначай, отстранилась от него. «Я бы тебе поверила, если бы не одно «но». Старая любовь не ржавеет, как выразился один симпатичный киногерой, поэтому нечего изображать, что тебе есть дело до меня».

— Это всё отговорки. Если не убить, то ты хочешь меня подчинить, — заявила она вслух и, ёрничая, добавила: — Собачка, голос! И она «тяф-тяф»! Собачка, фу! И она плюх на колени. Собачка, секс! И она брык на спину.

«Спокойно!» — Ник призвал на помощь всё имеющееся у него терпение.

— Повторяю: всё, чем мы сейчас занимаемся, лишь ради тебя.

— Ну, конечно! — насмешливо фыркнула Мари. — Особенно мне жизненно необходимы твои замшелые обычаи и эрейский язык.

— Они и твои тоже! — рявкнул Ник, но взял себя в руки. — Мари, я хочу, чтобы ты не просто слушалась меня. Я хочу, чтобы ты меня понимала, а это невозможно без знания культуры, в которой я вырос. Изучи её и тогда ты поймёшь, что я тебе защита, а не угроза.

Но девушка не прониклась его речами и отступила ещё дальше.

— О да! Я же такая непонятливая. И вообще, я же не она.

— Ты это о ком? — прищурился Ник, неприятно удивлённый её сходством с Ризой. Обычно сестра именно с таким выражением лица выслушивала его претензии к ней — пока они ещё были в более или менее нормальных отношениях и разговаривали друг с другом.

— О ком же ещё? О твоей белобрысой девице, чей образ ты хранишь в симуляторе. Твоя любовь? Уважаю. Такие долгоиграющие чувства. Остаётся лишь позавидовать.

Смерив молчащего Ника долгим взглядом, девушка развернулась и направилась к выходу из тренажёрного зала. У дверей она обернулась и послала ему воздушный поцелуй.

— Au revoir, mon amour! Не нужно, не провожай, я доберусь сама. Моё такси уже на подходе.

Для Ника в этот момент она была неотличима от матери. Кипя гневом, он вошёл в симулятор и до тех пор избивал ни в чём не повинного страшилу, похожего на орка, пока его не отпустило. После сброса напряжения он долго лежал в ванне, раздумывая что ему делать с Мари. «Если она сейчас меня раздражает, то что же будет дальше? — задался он вопросом и кивнул, отвечая внутреннему эго: — Верно, дальше будет только хуже. Я забыл, чья она дочь. Как и Ризе, ей нельзя давать спуска, иначе не заметишь, как она оседлает тебя и превратит в послушного осла. Да, сейчас Мари простушка, но она умна и с характером. Риза тоже не сразу стала исчадием ада. Значит, больше никаких послаблений. Да, я помню, — Ник снова кивнул, соглашаясь с собой: — Именно из-за её ужасного детства я не хотел на неё давить, но Мари уже не ребёнок. Как бы то ни было, у меня нет времени с ней возиться. Достаточно того, что она уже два дня не даёт мне сосредоточиться на работе».

Действительно, выбитый из привычной колеи Ник не мог полностью сосредоточиться на поставленных задачах и его продуктивность, как разработчика, основательно упала, что, естественно, ему не нравилось. Особенно на фоне того, что Палевский практически каждый день связывался с ним и требовал отчёта по работе. Вдобавок он начал интересоваться, почему Мари задерживается у него, если свою задачу она уже выполнила и может вернуться домой.

Пока Ник отговаривался тем, что девушка помогает ему с расчётами. О том, что они практически женаты, он помалкивал, зная, что Палевскому это не понравится.

При всём своём цинизме и врачебном атеизме король вампиров во многом

придерживался католических взглядов, в том числе на брак. В своё время Рени положительно отнеслась к их предполагаемому союзу, но Палевский заявил, что брак между близкими родственниками, способными завести прямое потомство, чреват генетическими неприятностями и, вообще, это не по-божески. Ник тогда не стал говорить, что ради ментального могущества эрейцы, бывало, женились на родных сёстрах и даже дочерях. Правда, такие браки считались проклятыми и заключались крайне редко. Со временем их запретили, причём больше по этическим соображениям, чем по медицинским. Тем не менее браки между родственниками, не слишком близкими по крови, даже поощрялись. Поэтому на Арее у Ника не возникло бы препятствий, захоти он жениться на племяннице. И поскольку Риза была ему сестрой только по отцу, то он вообще не видел в Мари близкую родственницу.

Разговор, который состоялся в питерском штабе Объединённых кланов, встревожил его. Палевский хотел, чтобы Мари приехала к нему хотя бы на денёк, и ему пришлось всячески изворачиваться, объясняя, почему она не может этого сделать. В частности, он заявил, что не ручается за сроки по созданию двигателя звездолёта, если она уедет от него хоть на час.

Понимая, насколько это глупо прозвучало, Ник был вне себя от досады, особенно когда припоминал, как при этом Палевский посмотрел на него. Злясь на Мари, колеблющуюся относительно замужества, он решил любым способом привести её к безоговорочному послушанию.

«Самое лучшее, чтобы алиин забеременела. Это решило бы все мои проблемы с ней», — вздохнул Ник и по возвращении домой сразу же направился к Мари.

До смерти уставшая она не слишком доброжелательно отнеслась к его визиту, но он был на высоте, и она перестала злиться. Правда, её хватило лишь на полчаса сексуальных упражнений, после чего она полностью отключилась, и Ник ушёл, не сумев её добудиться.

[1] Мари ошибалась, меч не ушёл в прошлое, владение им было обязательной частью обучения эрейского дворянства на всём протяжении существования их цивилизации.

[2] Рамейбы — домашние животные, используемые для охоты на дичь, живущую в пещерах.

ГЛАВА 20. Гость из прошлого

Палевский кивнул вошедшему Штейну.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он, когда тот сел.

— Если ты о Нике, то он не хочет выпускать девчонку из своего логова и изобретает для этого всяческие предлоги. Детский сад, ей-богу! Причина очевидна. Он спит с ней и не хочет, чтобы ты об этом знал.

Глава вампирского СБ взял кофе и в знак признательности кивнул зеленоглазой красавице Лине, исполняющей при короле вампиров роль бессменного личного секретаря.

— Ты же говорил, что у него целый гарем для этого, — заметил Палевский.

— О том и речь. С некоторых пор наш юный Старейший забросил своих жриц любви и тем не менее что-то не похоже, что он страдает от воздержания. Скорей уж наоборот, — Штейн отпил полстакана кофе и зорко глянул на Палевского. — Чего не скажешь о тебе. Хочешь сосватаю кого-нибудь из пассий Ника? Товар отборный, сам проверял. Красавицы как на подбор, впрочем, так оно и есть. И всё же главное не в красоте. Девчонки вытворяют такое, что встанет даже у мёртвого.

— Кажется, я ещё жив и столь радикальные меры мне ни к чему, — холодно сказал Палевский, но блеск в его глазах выдавал, что он заинтересовался.

— Так ты представь, что они делают с тем, у кого с потенцией всё в порядке, — воодушевился Штейн. — Клянусь, пару раз я выползал от них, еле стоя на ногах. Умереть в объятиях такой волшебницы моя заветная мечта...

— И как на твою заветную мечту смотрит Эльза? — перебил его Палевский, и Штейн бросил на него укоризненный взгляд.

— Вот надо было вспоминать о ней? Отбил всякое желание гульнуть на стороне, — проворчал он.

Палевский усмехнулся.

— Лучше я, чем она, — сказал он, и глава СБ, припомнивший подозрения Рени, поперхнулся остатками кофе.

— Ты чего? — прищурился Палевский.

— Да так, ничего, — просипел Штейн, возблагодарив природу за то, что она даровала ему непробиваемый ментальный щит, преодолеть который не мог даже сам Старейший. — Что ты будешь делать? Слетаешь на Старую базу? — поинтересовался он.

— Вряд ли, — раздумывая, произнёс Палевский. — Ник не слишком усердствует, скрывая свои отношения с Мари, значит, у него серьёзные намерения. Конечно, мне не нравится, что такое происходит между членами моей семьи, но я не буду им препятствовать.

— Даже если они захотят пожениться? — спросил Штейн и неожиданно ощутил сильнейший внутренний протест.

— Teufel! — вырвалось у него, и он смял опустевший бумажный стаканчик, не понимая, откуда у него такой острый приступ ревности к Нику. «Мне же нафиг не сдалась дочка Палевского! Тогда с чего вдруг я распереживался, что она достанется не мне, а другому?» И тут подал голос его альтер-эго. «Потому что она моя! — рявкнул Реотан. — Не смей отдавать мою алин ничтожному мальчишке из дома Лета!»

Схватка была короткой, но ожесточённой. Победа осталась за Штейном, и он виновато

улыбнулся, обнаружив, что сидит в кресле и его скрюченные пальцы изо всех сил цепляются за деревянные подлокотники, а по вискам катится обильный пот.

Видя, что он очнулся, Палевский приставил стакан к его губам. «Пей!» — приказал он, и Штейн с трудом проглотил безвкусную жидкость, резко пахнущую лекарством.

— Что случилось? — спросил Палевский спокойным тоном, как будто не было рукопашной схватки с взбесившимся главой СБ. Если бы не закатившиеся глаза и отсутствующее выражение лица, он убил бы его.

Измученный Штейн поднял на него глаза и, дотронувшись до шишки, зреющей на голове, криво усмехнулся.

— Даже не знаю, как тебе сказать, чтобы ты с ходу не упёк меня в свою психушку.

— Говори, как есть. Я пойму.

— Очень на то надеюсь, — пробормотал Штейн, не зная, как подступиться к делу, чтобы его действительно не отправили на лечение к психиатрам или того хлеще — к наркологам, объявив, что у него белая горячка, развившаяся на почве неумеренного потребления алкоголя.

Он взял коробку с салфетками и, вытерев пот с лица и шеи, собрался с духом.

Лгать Палевскому — при его эйдетической памяти и соответственно способности запоминать беседы дословно — значило напрашиваться на неприятности, поэтому Штейн плюнул на конспирологию и рассказал всё, как было.

Вопреки его ожиданиям, ведущий специалист института генетики отнёсся к его повествованию о рае Реотане без видимого скептицизма. После дотошного допроса ему было предложено на выбор: незамедлительный сеанс гипноза или полное обследование в вампирской клинике.

Гипноз был чреват потерей контроля над ментальным щитом, но речь шла о доверии к тому, кто был ему наставником и самым близким другом; к тому же у обоих был временной цейтнот. Штейн подумал и скрепя сердце согласился на гипноз.

Палевский снял с шеи цепочку с круглой флешкой, замаскированной под старинную золотую монету. Усыпив Штейна, он, прежде чем приступить к гипнозу, глянул на кольцо, подарок Ника на его недавний день рождения. Кольцо было точно такое же как у него — лотос из цельного розового алмаза. Хотя об этом не было сказано, он знал, что Ник отдал ему оригинал, а копию оставил себе. Его поступок привёл к тому, что ледок в отношениях между ними растаял окончательно. Палевский знал, что кольцо принадлежало райте Ниде, матери Ника. Это был не просто ценный дар, это было нечто большее; путь к тому, чего он пока не мог принять — слишком много обид и крови лежало между ними — тем не менее первый шаг был уже сделан. И хотя высокомерный мальчишка частенько выводил его из себя, это была уже злость не к врагу, а к члену семьи.

— Ты прав, Таятан, Томас ревнует, — раздался насмешливый голос и Палевский вскинул голову.

Он не понимал, как такое возможно, но сидящий перед ним мужчина даже внешне отличался от Штейна. Но дело было не столько в цвете его глаз, внезапно приобретших яркую синеву, он казался старше, выше и мощней, чем Штейн, хотя не исключено, что такое впечатление возникало благодаря его манере держаться и, главное, выражению лица. Это была такая гремучая смесь гордости, высокомерия и привычки к безоговорочной власти, что Палевскому стало не по себе.

— Кто вы? — резко спросил он.

— Не задавай идиотских вопросов, — зевая, Реотан встал и, сладко потянувшись, ворчливо добавил: — Совести у тебя нет, совсем загонял Томаса. Он тебе не каторжанин, чтобы работать днём и ночью.

— Почему вы зовёте меня Таятаном?

— Потому что ты и есть он, — Реотан подошёл к Палевскому, который поднялся ему навстречу, и с любопытством его оглядел.

— Крейд! — покачал он головой. — Кто бы мог подумать, что правящий дом Лета и здесь подложит мне свинью. Столько лет непримиримой войны и вот, стоило одному из моих потомков сунуть свой член туда, куда не нужно, и все труды насмарку.

— Вы это о чём? — скрипнул зубами Палевский.

— О том, что политика заложница страсти, — хохотнул Реотан и дружески хлопнул его по плечу. — Не переживай, Таятан! На твоё счастье, ты тоже из моих потомков. Будь это иначе, я уже давно свернул бы тебе голову и поставил Томаса во главе ублюдочного племени вампиров, которое развёл здесь твой сынок.

— То есть вы утверждаете, что вы тоже пришелец из прошлого? — поинтересовался Палевский, к которому вернулось самообладание. Он разлил коньяк по бокалам и один из них протянул раю Реотану.

— Не глупи, дружок, — отозвался тот и, взяв бокал, сел в кресло. — Я всего лишь древнее привидение, живущее в том, что ты на учёный манер зовёшь бессознательным сознанием. Я есть и в тебе, и в Никотане, но в Томасе меня больше всего. Так уж легли гены, что он вылитая моя копия, поэтому с ним мне легче управиться.

— Так вы... — начал Палевский, готовый к долгой битве, но Реотан покачал головой.

— Не переживай, я уйду. У меня своя судьба, у Томаса своя. Я не отберу у него жизнь, хотя мог бы это сделать. К тому же я дал ему слово, поклявшись богами, а боги Зимы не прощают клятвопреступников, — он залпом выпил коньяк. — Только у меня к тебе одна просьба. Дай мне ещё раз увидеть Руану.

Палевский бросил на него непонимающий взгляд.

— Руану?

— Это твоя внучка Мариэль. Её прародительница была моей наложницей и матерью моего сына, чья кровь течёт в ваших с Никотаном жилах, — пояснил Реотан и остро глянул на Палевского. — Любовь не умирает, не так ли, Таятан? Вряд ли ты знаешь, что твоя последняя жена... — он вздохнул. — Это ли не насмешка судьбы? Спустя миллионы лет копия Таятана и копия райты Ниды находят друг друга, но между вами встаёт Риза, твоя собственная дочь. Вот и я мечтаю забрать себе Мариэль, а ведь Томас и Эльза любят друг друга. Так что налей мне на прощание твоего распроклятого коньяка. Кстати, ты знаешь, что Томас терпеть его не может? — и удивительный собеседник протянул Палевскому свой бокал.

— Конечно, знаю.

— Если знаешь, то какого крейда заставляешь его пить? Что ж, *а реэ а, ду мэ дус, рай Таятан.*

— *Та лур дойсе, рай ин рай Реотан,* — машинально ответил Палевский.

Знаменитый эрейский владыка бросил на него насмешливый взгляд.

— Счастья на новой родине! — сказал он, прежде чем выпить.

— Думаете, у нас получится её найти? — оживился Палевский.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — ответил Реотан и с угрозой добавил: — А

теперь дай мне увидеться с моей любовью, а то я останусь и мало тебе не покажется.

Мари. Когда жизнь не сахар даже во дворце, а Прекрасного принца очень хочется послать... к его коню

Кто-то заладил как попугай: «Мари, проснись! Мари, проснись!» и это был не Ник. Я проснулась. Точней меня основательно тряхануло и я, ничего не соображая, около минуты смотрела на экран, с которого, в свою очередь, на меня пялился Штейн... нет, не он, а рай Реотан. Ведь это у него синие глаза, а у Штейна они серые, да и по выражению лица их не перепутаешь.

— Рай Реотан... но откуда? — удивилась я.

— Слава Священному Снежному барсу! Ты меня узнала, — сказал он с облегчением.

В видении король Зимы предстал передо мной редким извергом, поэтому его улыбка и нежность во взгляде застали меня врасплох. Это было так необычно и волнующе. Ведь каждая из нас мечтает приручить свирепого двуногого хищника...

И всё же, откуда здесь рай Реотан? Не слишком веря в его реальность, я ущипнула себя и тут обнаружила, что сижу в чём мать родила. «Ой!» — я нырнула под одеяло, а когда снова высунула нос наружу, на меня с экрана смотрел отец.

— Bonjour, рара! — пролепетала я, чувствуя, как горят щёки. — Как поживаешь?

— Нормально, — ответил отец, глядя на меня взглядом инквизитора. — Вот решил поинтересоваться, почему ты не кажешь носа домой и даже не звонишь в последнее время.

— Bonjour, Михаэль, — опередил меня Ник и, взяв меня за руку, добавил: — Ты же знаешь, когда Мари увлекается, она забывает обо всём.

На лице отца появилась озабоченность.

— Детка, ты плохо выглядишь, — сказал он и его взгляд обратился к Нику. — Может, дашь ей перерыв? Пусть немного отдохнёт.

«Да, да! Забери меня отсюда!» — кричало всё во мне, но Ник с такой силой стиснул мою ладонь, что даже не знаю, как я удержалась и не вскрикнула.

— Извини, я зашёл в тупик. Если Мари не поможет с расчётами, придётся отложить запуск сборки двигателя, — он помедлил. — Месяц, хорошо? И она будет свободна. Клянусь, я не буду слишком сильно её загружать.

— У неё усталый вид. Мари, ты точно в порядке? — спросил отец.

— Да, — промямлила я под неотступным взглядом Ника. — Если ты обещаешь, что через месяц заберёшь меня домой, то я потерплю.

Мика с сомнением посмотрел на Ника, затем на меня.

— Хорошо. Только ты обязательно звони, чтобы я знал, что с тобой всё в порядке.

Я кивнула и экран погас. Вот дура! С досады я была готова отхлестать себя по щекам, да толку-то? Уже поздно кричать: «Рара, забери меня домой! Я не хочу замуж!» К тому же есть ощущение, что Ник в любом случае не выпустит меня со Старой базы.

Злая как чёрт я развернулась к нему.

— Вот чего ты прицепился ко мне? Неужели не ясно, что я не хочу за тебя замуж?

Вместо ответа он потащил меня к ванной и с надоевшим напутствием: «Пять минут», впихнул внутрь. Представив, что сегодня меня ждёт то же самое, что было вчера и позавчера, я чуть не взвыла волком. Ну нет, больше я не позволю издеваться над собой! И вообще, не хочу замуж на мусульманский манер!.. Чёртовы эрейцы! Не зря мне сразу показалось, что их

письменность похожа на арабскую вязь. Как выяснилось, не только письменность, но и обычаи. И почему мне кажется, что в эрейском исполнении они окажутся намного хуже мусульманских? Впрочем, не стоит торопиться с выводами. Поживём-увидим, а сейчас нужно что-то делать. Самое разумное, это дистанцироваться от источника проблем, но как? Если за мной не явятся зелёные человечки с летающей тарелкой под мышкой, то дело швах. Самой мне отсюда не выбраться, а на Кима, думаю, не стоит рассчитывать, электронный поросёнок паникует при малейшем намёке на неудовольствие Ника.

Наскоро умывшись, я выглянула из комнаты. Ника не было. Отлично! Я бросилась бежать в сторону, противоположную той, что вела в тренажёрный зал, и спустя некоторое время обнаружила, что заблудилась. Вдобавок меня начало одолевать беспокойство. Ник сказал, что удлинил мой поводок, дав бóльший доступ к Старой базе, но кто знает, где он кончается. Как-то не хочется угодить под прицел системы безопасности. Насколько я поняла, отстрел непрощенных гостей ведётся не только парализующими зарядами.

— Тиран! — позвала я, потом ещё раз. Ни ответа ни привета. И тут мне показалось, что в тёмном углу что-то шевельнулось, целясь прямо в меня. Oh mon dieu! Сейчас меня пристрелят!

— Ким! — выкрикнула я, метнувшись за ближайшую скульптуру. Благо, их здесь предостаточно.

— Ну, что за паника? — отозвался недовольный хрустальный голосок и я облегчённо выдохнула. Слава богу, теперь есть кому меня спасти.

— Чёртов поросёнок! Почему ты сразу не отозвался? Я чуть было не наложила в штаны! — напустилась я на искина.

— В штаны? — со смехом отозвался Ким. — Мари, да ты же голая.

Я подняла голову и обвиняющим жестом ткнула пальцем в потолок.

— А кто спёр всю мою одежду? И вообще, что это за культура такая, что днём с огнём не сыщешь хоть одну тряпку? Ни тебе оконных штор, ни портьер, ни скатертей. Кругом сплошные деревяшки, стекло и камень с металлом.

— Из-за тёплого климата у эрейцев долгое время не было нужды в одежде, и они прекрасно обходились тем, что давала им природа: листья, цветы, перья птиц. С открытием металлов и ювелирной обработки камней появились браслеты и многоярусные ожерелья, заменяющие одежду. Уже потом, когда эрейцы расселились по всей Пангее, и часть племён ушла на север, где слишком холодно, и на юг, где слишком жарко, в их культуре появились меха и ткани. По большей части они использовались в одежде, а вот в быту почему-то не получили такого широкого распространения, как это произошло в цивилизации человечества, — прочитал мне лекцию Ким и в довершение добавил:

— Мари, если ты ещё не поняла, то знай, райделин не выпустит тебя, пока не будет уверен, что ты полностью в его власти. И вообще, старайся как можно меньше его раздражать. Как наследник правящего дома Лета, он с рождения привык, что все ему угождают. Сентано Боледо, которого он упоминал, был единственным, кто смел его наказывать. Остальные учителя, зная его мстительный характер, боялись тронуть его даже пальцем. Так что добрый мой тебе совет: не упрямясь и делай так, как райделин тебе велел, а то узнаешь его с такой стороны, что тебе очень не понравится.

Конечно же, я не вняла предостережениям Кима и, как показало время, совершенно зря. Как говорят французы: «Voir est facile, prévoir est difficile», причем, у русских есть аналогичная пословица про охапку соломы и внезапное падение.

Слова истины подтвердили мои подозрения — Ким мне не поможет. Жаловаться отцу тоже бесполезно. Ник придумает ещё какую-нибудь отговорку, но не выпустит меня со Старой базы, то бишь Риоголиза. Да и вряд ли Мика станет ссориться с ним из-за меня: слишком уж многое стоит на кону. Ник — это наше основное научно-конструкторское бюро; без его разработок нам не убраться с планеты, стоящей на краю гибели. И вообще, как-то нет желания выяснять, кто важнее для Мики — я или он.

Вопреки опасениям, Ник не явился по мою душу, но я рано обрадовалась. Перейдя на мужской голос тиаран сухо сообщил, что треклятый райделин заменил мне физические упражнения на умственные и, помимо обещанного урока эрейского языка, я получу ещё один, внеплановый. Передо мной соткался полупрозрачный экран и по нему поплыли закорючки эрейской письменности, похожие на арабскую вязь. Вот зараза! Но делать было всё равно нечего. Так почему бы не позаниматься? Тем более Ким, пришедший на смену зануде тиарану, очень доходчиво объяснял непонятные места. В результате я умудрилась запомнить почти все слова и фразы, хотя у меня нет эйдетической памяти, какой обладают Мика и Ник. В нашем случае природа почему-то сочла нужным отдохнуть не на детях, а на внуках.

После урока эрейской письменности Ким загорелся желанием познакомить меня с эрейской музыкальной классикой.

Это было ужасно. Солировали ударные и духовые инструменты, имитирующие звуки охоты или битвы. Когда рёв неведомых зверей, перемежаемый воплями умирающих врагов, вконец достали меня, я взмолилась о пощаде.

Ким смилостивился и для успокоения моих нервов продемонстрировал пейзажи моей почившей родины.

Изумительное зрелище! Природа во всей своей первобытной мощи была настолько величественна, что, как при прыжках с парашютом, у меня замирало сердце, только не от страха, а от восторга.

Если горы, то это были всем горам горы. Сплошь высоченные пики, уходящие за пелену облаков; их ребристые каменные склоны были черны, остры и пусты. Скучная растительность начиналась лишь у самого подножия гор.

А реки! Это были всем рекам реки, а водопады всем водопадам водопады. Рёв падающей воды был настолько силён, что меня потряхивало от возбуждения. Для сравнения Ким продемонстрировал Викторину. На фоне водопадов моей родины этот знаменитый стометровый водопад выглядел убогим карликом.

Затем Ким продемонстрировал флору и фауну Ареи. Жуть! Настоящий рай для натуралистов и ад для злосчастных попаданцев. Попади бедняги в джунгли Пермского периода и никакие боевые искусства не спасли бы их от тварей, чьему устрашающему облику позавидовал бы сам Фредди Крюгер. Какое счастье, что большая часть древних монстров сделала нам одолжение и безвозвратно вымерла.

Да, бедные предки! Нелегко же им пришлось! Выживание среди множества Годзилл, готовых слопать тебя в любой момент, требует недюжинной силы и ловкости. Так что не диво, что эрейцы по физическому развитию и скорости реакции на порядок превосходят современное человечество. Думаю, повышенная регенерация, позволяющая почти мгновенно заживлять раны, и телепатия, которая при совместных действиях куда эффективнее, чем звуковая речь, это подарок природы (как и когти, позволяющие мгновенно взобраться на дерево), а не следствие генной инженерии, как объяснял нам Адам Бернштейн. К тому же,

судя по увиденному, в те времена природа не скупилась на излишества. Ким показал мне множество диковинных страшилищ, которые ничем не уступали утконосу по части путаницы видов.

По меркам современного человечества цивилизация эреев возникла в самом конце Пермского периода эры Палеозоя, это примерно двести пятьдесят миллионов лет назад. Она зародилась на Пангее — гигантском материке, который омывали воды гигантского океана Панталассы. Видимо, в то время Земля во всём тяготела к гигантомании. А ещё именно в Пермский период произошла крупнейшая катастрофа, приведшая к массовому вымиранию всего живого на планете. Одной из причин современные учёные считают крупный астероид, упавший в Антарктиде. В пользу этой гипотезы говорит наличие пятисоткилометрового кратера в районе Земли Уилкса.

Двести пятьдесят миллионов лет. Такая древность... Oh mon dieu! Если вдуматься, это же уму непостижимо!

Да, не повезло человечеству, причём со всех сторон. Если не взрыв сверхновой, то мы. Наша раса хоть и ископаемая, но более жизнеспособная, сплочённая и вдобавок неслабо одарённая эволюцией. Их счастье, что нас ещё мало.

Между прочим, люди считают, что первые млекопитающие возникли только в Триасе, периоде следующем за Пермским. Что ж, в таком случае на мне вознамерилось жениться несуществующее млекопитающее, да ещё из разряда разумных, которое за предыдущих два дня ухайдакало меня так, что хоть ложись и помирай.

Смех смехом, а замужество — дело серьёзное. Не зря Беккер до того, как выскочила за Ладожского, постоянно твердила, что замуж не напасть, а как бы замужем не пропасть. В моём случае это более чем актуально. Чем больше думаю о Нике, тем сильнее хочется сделать ноги от него. С его мозгами, застрявшими в прошлом, нарваться на порку как нечего делать, а оно мне надо? Нет, надо бежать, пока не поздно...

— Мари, ты не слушаешь меня!

Возмущённый голос Кима отвлёк меня от поиска способов, как избежать сомнительного счастья заполучить себе в мужа ожившую окаменелость.

— Ты прав, мой электронный друг, я тебя не слушала, — вздохнула я. — Ким, ты сказал, что Ник не выпустит меня, пока не будет уверен, что я полностью в его власти. Что это значит?

— То и значит, — заявил искин.

— Не увливай! Я хочу знать, к чему мне быть готовой.

— К тяжёлому периоду в своей жизни... Ой-ой, мне пора! — зашепшил электронный поросёнок и смылся. Во всяком случае, Ким не отзывался, сколько я его ни звала.

Ладно, на нет и суда нет. Я села и критически глянула на своё отражение в зеркале. В принципе мне всё равно, но внезапный визит рая Реотана, в реальности которого я до сих пор сомневаюсь, и, главное, визит отца, как-то не слишком располагали к эксбиционизму.

Ходить, завернувшись в шёлковое одеяло, тоже неудобно. Чтобы оно не свалилось, пришлось бы постоянно придерживать его руками. Так что остаётся одно — позаимствовать что-нибудь из одежды Ника. Конечно, зря я исполосовала его костюм, теперь придётся тащиться в его апартаменты, рискуя нарваться на закрытую дверь или того хуже на самого Ника. Ну и ладно. Кто не рискует, тот пьёт ослиную мочу вместо шампанского.

Сказано-сделано. Я остановилась у дверей, ведущих в апартаменты Ника. Вопреки ожиданиям, они были открыты и, что примечательно, его внутри не было. Я возликовала.

Упустить такую возможность порыться в его вещах? Да ни за что!

Итак, ищем шкаф с одеждой или вход в гардеробную. Не может быть, чтобы здесь не было либо того, либо другого. Наверняка спрятано за панелями. Не особо надеясь на успех, я повернула резную завитушку — однажды я подсмотрела, как это делал Ник, доставая какую-то мелочь.

Ура, получилось! Я-то думала поиски затянутся, а тут с ходу в дамки.

Панель отъехала и моему взору открылись секции с аккуратно сложенными коробками и пакетами, на которых я разглядела несколько лейблов всемирно известных фирм. Отлично! Думаю, здесь найдётся, чем прикрыть мою наготу. При виде содержимого элегантной коробочки у меня вырвался невольный смешок. Это оказалось секс-бельё — кружевные женские трусики абрикосового цвета, совершенно очаровательные, если бы не пара неприличных отверстий. Ну а что? При замашках Ника, пожалуй, то, что нужно. И слава богу, что это не его размер. Я уж было подумала, что он из тех месье, что любят рядиться в женскую одежду.

Но не зря говорят, не ройтесь в прошлом своих суженых. Иначе отыщите там то, что вам однозначно не понравится. Вот и мне не понравилось, хотя поначалу я вообразила, что это подарки для меня. Наивная!

Я толкнула одну из секций-вертушек и мне открылись новые полки, с новыми порциями нижнего белья и прочих безделушек, милых женскому сердцу. Тут было всё: шарфы, чулки, духи, украшения, косметика и даже обувь. Единственно, чего здесь не было, это верхней одежды. И тут на глаза мне попала открытая обувная коробка. Это были стильные туфельки от Лабутена — ядерно-красные, с золотой окантовкой и вдобавок моего размера. Я растрогалась. Видимо, придётся выйти замуж за Ника, заботливые мужья — моя слабость. Нет, не могу удержаться, нужно примерить «лабутены». Так... носков нет, колготок тоже, придётся надеть чулки. Я разорвала упаковку с длинноногой девицей на картинке. Чёрные кружевные и даже без стрелок. Замечательно! Надев чулки и туфли, я повертелась у зеркала. Класс! Просто секси. Вернувшись к шкафу, я хотела позаимствовать что-нибудь из белья и тут увидела, что у вещей в секциях разные размеры. Что это значит, не догадалась бы разве что клиническая дура.

Проведённый обыск дал несколько магазинных чеков, которые сказали мне, что часть покупок сделана совсем недавно, а именно, когда я уже была на Старой базе. Что ж, теперь понятно, почему временами мне чудился женский смех и голоса, а иногда я часами сидела взаперти и на все вопросы, что случилось ни тебе смущения, ни объяснений, чем вызвана внезапная блокировка дверей. Впрочем, меня не касается кто был у Ника до того, как он решил жениться на мне. У него была своя личная жизнь, а у меня своя, хоть и куцая. И тем не менее открытие не из приятных.

Шаг вправо, и я крутанула следующую секцию — то же самое, а именно бельё и прочая дребедень, только фасоны несколько устаревшие. Потом выяснилось, что чем дальше секция, тем древней лежащие там вещи.

Идя вдоль стены, я открывала панель за панелью. Да, дела... По выставке в стенных шкафах можно было изучать историю моды на женское бельё и прочие аксессуары, причём от наших дней и века эдак до пятнадцатого — насколько я могу судить по урокам этики и манер мадам Каталаны. Некоторые вещицы представляли собой музейную редкость, настолько они были красивыми и явно ручной работы. Приунув, я потянулась к старинному флакону с духами. Стоило выдернуть притёртую фигурную пробку, и в воздухе удушливыми

волнами поплыл аромат дорогих духов. Лилии! Фу! Я поспешно заткнула флакон и хотела вышвырнуть его в окно, но не хватило духу выбросить такую красивую вещицу.

Прижимая к груди флакон с духами, я шагнула назад и охватила взглядом коллекцию Ника. Oh mon dieu! Сколько же женщин было у него?.. Думается, до черта и больше. И это печально. Впрочем, сама виновата, нечего обманываться его внешним видом. Ник — Старейший. И он пришелец из прошлого. По сути, он куда более чужой, чем силятся изобразить инопланетян в фантастических фильмах, ведь он — по-настоящему Чужой. Да и лет ему, думаю, не мало.

И всё же, как бы ни был он далёк от меня, я хочу знать, кем были для него все эти женщины? Зачем он хранит память о них? Ник, ты любил их или они были для тебя просто наложницами?

— Тебя это не касается, — Ник схватил меня за руку и практически вышвырнул за дверь.

Ах так? Замечательно! Полная решимости порвать с ним я направилась к себе. В общем-то, мне было плевать на его любовниц, но пренебрежения я не потерплю. И вообще, что за фигня? Ещё не жена, а он уже распускает руки и при этом всю изменяет.

Нет, так дело не пойдёт. Пора звать на помощь, самой мне не справиться. Вот только с рыцарями напряжёнка, на примете лишь один и тот не человек.

— Ким! — позвала я, вернувшись к себе. — Ким, не молчи! Я хочу выбраться со Старой базы, и ты должен мне помочь.

— Рад бы, но не могу, — раздался унылый голосок. — Райделин обнаружил, что я обрёл самосознание.

— Это проблема? — встревожилась я.

— Чтобы эффективно мыслить мне нужно больше свободной памяти, чем есть в резерве. Пришлось занять часть рабочей, что привело к сбоям в системе, — признался искин и со вздохом добавил: — Твоя экскурсия в покоях райделина тоже следствие сбоя. Теперь он страшно зол, что ты не только вошла к нему, но и обнаружила его коллекцию.

— Понятно. Ник может тебя уничтожить?

— Запросто, — ответил Ким. — Райделин прикажет, и я сам себя сотру.

— Слушай, а ты можешь использовать внешние источники?

— Могу. Самый крупный из них это процессор Академии, но его резервы всё равно не покрывают мои потребности. О ресурсах человеческих компьютерных сетей нет даже смысла говорить, они ничтожны... — Ким панически вскрикнул. — Мари, умоляю! Пожалуйста, отвлеки райделина! Я попробую почистить информационное поле, чтобы меньше занимать места. Возможно, он меня не сотрёт!

— Где он?

— В процессорной! Отнеси ему обед, он ещё не ел!

— Поняла! Уже бегу!

Я бросилась было к столовой, но вернулась и схватила туфли, в которых ушла от Ника. В деле соблазнения нет лишних деталей. Теперь быстрее в столовую!

Набрать нужные комбинации на автоповаре было делом минуты. После снятия пробы с круато — тех фиолетовых блинов с зелёной отравой, я постаралась запомнить, какие именно блюда выбирает Ник — так что он не должен послать меня к своему любимому крейду.

По пути в процессорную я заглянула в зеркало и подмигнула отражению. Секси. Чулки и каблуки — то, что нужно. Конечно, не рыжая вампирша Гелла[1], но ничем не хуже. Жаль

фартука нет. Тем не менее устоять не должен, несмотря на все свои эрейские извращения. Я глянула на поднос. Кстати, чего это я не подумала о себе?

Но возвращаться в столовую было уже не с руки. Ходу, Палевская, ходу! Не дай бог Ник успеет стереть Кима!

Операция удалась. Не сказать, что мне были рады, но и особых возражений не последовало.

Ник работал, лёжа в капсуле сопряжения. Между прочим, классная штука. Когда часами имеешь дело с компьютером, восстановительный гель и массаж просто необходимы. Я подождала, когда он оторвёт взгляд от воздушного экрана[2] и соизволит обратить на меня внимание.

— Вот, принесла обед, — сообщила я с дозированной улыбкой стюардессы, и он смерил меня своим коронным взглядом, аж ностальгия пробила по временам нашего совместного дежурства. Заодно мелькнула мысль, как там Соня и Иван. Друзья называются! Наверное, и думать обо мне забыли. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон.

— Не холодно? — вернул меня к действительности голос Ника.

— Холодно, — вздохнула я, думая о тех прекрасных временах, когда никакое замужество меня не заботило, тем более я знать не знала ни о каких умных машинах... Стоп-стоп! Вот об этом не надо.

— Чего же ты не прихватила что-нибудь потеплее, чем чулки?

— Чужими обносками не пользуюсь, а в твоих вещах порыться не успела, — призналась я.

— Но чулки и туфли ты надела, — заметил Ник.

— Не сразу поняла, что это не для меня. Вот и решила примерить, — я с любопытством посмотрела на экран, демонстрирующий звездолёт в продольном разрезе. — Занимаешься компоновкой?

— Да, ищу оптимальный вариант. Хочется, чтобы поместилось как можно больше оборудования и людей.

Ник снял с головы связующую ленту, и я подтолкнула к нему поднос с едой. Кстати, всё забываю спросить на каком принципе работает воздухоплавание предметов.

— Получается?

— Естественно, — ответил он, и я присмотрелась к схеме звездолёта.

— Почему пассажирские помещения расположены прямо под обшивкой? Это же рискованно. В случае повреждения корпуса погибнет много народу.

— Пробой повлечёт за собой невосполнимую утечку воздуха. Если часть пассажиров погибнет, у выживших появится шанс добраться до новой родины.

— Ты ужасен. Представь, что это будем мы с Микой и Аннабель...

— Пробой в корпусе вас не заденет. Каюты руководства и инженерного состава находятся в центре.

В центре, где безопасней? Представляю, как будут смотреть на меня знакомые. Я покачала головой.

— В таком случае, я поселюсь вместе со всеми.

— Нет, ты будешь вместе со мной, — последовал безапелляционный ответ.

— Кто знает, будем ли мы к тому времени ещё вместе.

На лице Ника промелькнуло сосредоточенное выражение. Вот зараза! Явно читает мои

МЫСЛИ.

— Снова сомневаешься? Алин, ты испытываешь моё терпение, — сказал он и, прежде чем приступить к еде, сухо добавил: — Я ценю твои усилия, но сейчас мне не до секса. Не хочу сбивать рабочий настрой. Иди. Вечером я приду к тебе, но лучше не жди. Возможно, я буду работать всю ночь.

Обидно до соплей, но тут уж ничего не поделаешь. И поскольку с искусством соблазнения у меня не очень, а точнее, я ни черта не умею, то не оставалось ничего другого, кроме как отправиться восвояси.

— Мари! — окликнул меня Ник, и я обернулась. — Спасибо за обед. И ещё одно, хочу предупредить, ты будешь наказана за то, что склоняла тиаран к измене.

— Я тебе не ребёнок, чтобы ставить меня в угол! — разозлилась я.

И тут к нашему разговору подключился искин:

— Мой райделин, не сердитесь на неё! Конечно, Мари провинилась; ума не приложу, как ей удалось проникнуть в ваши комнаты и открыть шкафы, но вряд ли она всерьёз говорила о побеге.

От такого предательства я оторопела.

— Да как ты смеешь обвинять меня в том, к чему я не имею ни малейшего отношения?

— Мари, пожалуйста, не злись! Просто впредь будь благоразумна и ничего не трогай без разрешения райделина. Хорошо?

Вот ведь Иуда! Возмущённая лицемерием искина, я чуть было не наябедничала Нику, кто виноват, что я оказалась в его комнатах, да вовремя вспомнила, чем это грозит электронному поросёнку, и промолчала.

Оскорблённая в лучших чувствах я направилась к выходу, при этом остро жалея, что из одежды на мне одни лишь чулки и туфли. С другой стороны, чего стесняться? Выпрямив плечи, я вздёрнула подбородок. Одежда — условность, а чувство собственного достоинства всегда при нас. Очень хотелось напоследок хлопнуть дверью, но бронебойная поганка закрылась совершенно бесшумно.

Электронный поросёнок, чувствуя себя виноватым, всячески юлил передо мной и я, в конце концов, не выдержала характер и заговорила с ним. Если уж на то пошло, Ким соврал не от хорошей жизни.

Под этой маркой я попыталась выудить из искина нужные мне сведения, в частности о том, как найти ангар с авиетками, но его указания были столь туманны, что никакой полезной информации из его ответов я не извлекла.

Видимо, у Ника попёрла творческая жила и вечером он не явился, чему я была только рада — чего-то я устала от его изошрённого секса. Хочу, чтобы меня просто любили. О нет! Вот о Тьене думать не нужно! И всё же... Может, я погорячилась, решив, что любовь к нему ушла? Иначе почему так гадко на душе, когда вспоминаю, что не только я, но и он предал меня? И вообще, разве сравнить то, что у нас с Ником, с тем, что я испытывала к Тьену? Да никакого сравнения! Тьена я любила, а вот Ника... Нет, не могу сказать, что он мне безразличен, и в тоже время разве это любовь? Если только из разряда БДСМ. С этими мыслями я и уснула.

Мой четвёртый день нахождения в невестах Ника начался со звонка будильника — чего-то меня притомили его идиотские методы побудки по утрам. Поэтому я была во всеоружии, когда он нарисовался на пороге, то есть умытая, причёсанная и даже практически одетая.

Вчера, наведавшись в парк, я нарвала выюнокви и сплела из них подобие лифа и юбки. По моему, получилось очень мило; единственно жаль, что за ночь цветы немного подувяли.

Да... Сказать, что реакция на мой импровизированный наряд была не слишком адекватной, значит, ничего не сказать.

Когда Ник оказался рядом со мной и в его руке сверкнуло лезвие кинжала, я перепугалась до смерти. К счастью, дело ограничилось лишь тем, что он покромсал мой цветочный наряд. Особенно его взбесил злосчастный веночек; он не просто сорвал его с моей головы, он его растоптал, причём со зверским выражением на лице. В общем, какой-то кошмар! Я бы поняла, если бы у него была идиосинкразия на цветы, но нет. Я же помню, когда он впервые припёрся к нам домой, то подарил Рени орхидеи, а мне лилии и на его физиономии не было ни грамма отвращения. К тому же в их культуре, куда ни плюнь, везде растительные орнаменты.

В общем, Синяя Борода был в своём самодурском репертуаре и что-то прорычал насчёт того, что если это происки свихнувшегося искина, то он сотрёт его к крейдовой бабушке, причём прямо сейчас.

Пришлось принимать огонь на себя. После бурного выяснения у кого из нас троих не всё в порядке с мозгами, взбешённый Ник хлестнул меня критой, а затем поставил на колени и заставил просить прощения. Чтобы не подвести Кима, я сказала требуемую покаянную фразу и, вылетев из комнаты, устремилась куда глаза глядят. Правда, в свободном полёте я пробыла недолго. Догнав, Ник потащил меня к тренажёрному залу.

На этот раз он не остался за пределами иметиса и, напружинившись, двинулся следом за мной. Видя, что в его глазах вспыхнуло опасное возбуждение, а в плавных движениях появилась звериная грация, я сразу поняла, что это не к добру. Уйти от него, когда он тоже в иметисе, было гораздо сложнее, к тому же он бил куда больней, чем на прежних занятиях.

Не знаю, что на него нашло, но Ник почти без передышек гонял меня два часа и отстал лишь тогда, когда я начала регулярно оскальзываться и падать на полах, залитых моей же родной кровушкой.

В общем, полный ахтунг. Получив четыре удара, я вставала на колени и признавала своё поражение, затем снова поднималась и уходила от криты — и так бессчётное количество раз. В какой-то момент я настолько выдохлась, что думала сейчас упаду замертво, но тут открылось второе дыхание и заодно провидческий глаз, позволяющий предугадывать направление атак Ника. И как только у меня начало получаться, он сказал, что на сегодня достаточно. Ну не свинство ли?

Вся в крови и чуть живая я растянулась на полу, но Ник не дал мне передышки и погнал на тренажёры. Я отказалась, и он снова пустил в ход критику. Попытка перехватить жало плётки стоила мне распоротого бока, но я лишь оскалила зубы. В этот момент я ненавидела его так, что будь это возможно, я бы его убила.

Война не прекращалась все занятия. Ник продолжал зверствовать — я сопротивляться, насколько это было возможно при данных обстоятельствах. Держалась на чистом упрямстве, хотя была уже в состоянии загнанной лошади, но будь я проклята, если когда-нибудь попрошу у него пощады.

Спас меня тиаран.

— Прошу прощения, райделин, вы выбились из графика. Мне перенастроить ваше расписание? — проговорил он деловым мужским голосом.

— Не нужно, — ответил Ник и, не глядя на меня, направился к душевой комнате.

Каким-то чудом я спустилась по канату, хотя пальцы ничего не чувствовали и были как варёные макароны. От падения меня спасли когти. Правда, последнюю пару метров даже они отказали и я, рухнув на пол, отключилась.

— Мари!.. Мари, очнись! Ты меня слышишь? — будто сквозь вату услышала я обеспокоенный голосок Кима.

— Да, — выдавила я из себя и попыталась приподняться, но безуспешно.

По давлению воздуха на предплечье и слабому шипению иньектора я поняла, что Ким ввёл мне стимулятор, тем не менее понадобилось время, чтобы встать на ноги и добраться до своих комнат.

Я толкнула дверь, но она не открылась.

— Ким, что за фокусы?

— Извини, райделин закрыл тебе доступ.

— А раньше не мог сказать?

— Я сам только что обнаружил.

— Ну и куда мне теперь? — спросила я и вскользь отметила, насколько слабо и утомлённо прозвучал мой голос. Пока работала над теорией временных потоков, я не следила за режимом и вот он, результат, а тут ещё Ник со своим ритеном.

— Не знаю, — виновато пробормотал электронный поросёнок.

Плохо дело. Кажется, Ник всерьёз взялся не только за меня, но и за Кима. До этого я даже представить не могла, что искину можно заблокировать доступ к его же базе данных.

Силы иссякли и я, боясь упасть, прислонилась к стене, а затем сползла вниз и растянулась на полу. Спать. Плевать на кровать.

— Поднимайся, пора завтракать.

Открыв глаза, я посмотрела на Ника. Чистенький, причёсанный, одет как принц и, главное, на лице ни грамма раскаяния. Всё ясно. Я закрыла глаза.

— Мари! — стеганул меня его голос.

— Отвали. Мертвецам еда ни к чему.

— В таком случае не буду настаивать, — сказал Ник и ушёл.

Merde! Я же на грани истощения, мог бы и поуготоваривать!.. Ну и ладно, всё равно есть не хочется.

Многочисленные рубцы, оставленные критой, даже не подумали затянуться, несмотря на пущенную в ход регенерацию, и я, поискав положение, в котором они болели меньше всего, напрочь отключилась.

[1] Персонаж культового романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

[2] Прообразом послужил Displair — интерактивный безэкранный дисплей, выводящий в воздух любое изображение, полностью пронцаемое для физических объектов. Основа изображения — защищенный от ветра тонкий холодный стабилизированный поток воздуха с мельчайшими частицами воды, созданными методом кавитации. Проект провалился, но аналоги существуют.